

ДАЛЬНИЙ[®] ВОСТОК

2022

Российский
литературный
журнал

16+

январь **1** февраль

**Фрагменты из спектаклей Белого театра
в постановке Ольги КУЗЬМИНОЙ**

Андрей Трумба в спектакле «Гамлет, Лир, Макбет и шум дождя». Фото Эдуарда Литовченко

Алиса Бирулина и Ольга Кузьмина в спектакле «Гёте, Штейн, Rammstein». Фото Андрея Трумбы

Публикацию Р. Романова о Белом театре читайте на с. 170

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Российский
литературно-художественный
журнал

Издается с октября 1933 года

2022

январь

1

февраль —

Учредитель

Краевое государственное бюджетное научное
учреждение культуры «Дальневосточная
государственная научная библиотека»

Главный редактор

Александра НИКОЛАШИНА

Редакционная коллегия:

С. И. Вахрин	(г. Елизово, Камчатский край),
Т. И. Гладких	(Хабаровск),
Е. М. Крадожён-Мазурова	(Хабаровск),
В. Г. Мехтиев	(Хабаровск),
А. В. Николашина	(Хабаровск),
М. И. Семченко	(Хабаровск),
В. В. Сукачёв	(Анапа),
Н. А. Тарасов	(Южно-Сахалинск),
П. Н. Толстогузов	(Биробиджан),
Г. П. Якунина	(Владивосток).

Издатель

КГБНУК ДВГНБ, Редакционно-издательский
центр «Дальний Восток»

ХАБАРОВСК
2022

Содержание

ПРОЗА

Лариса РАТИЧ. Между прошлым и прошлым, <i>повесть</i>	3
Артём ПОПОВ. Три рассказа	32
Виктория МУХОПАД. Дом без надежд, <i>рассказ, дебют</i>	49
Инна ЧАСЕВИЧ. Рассказы	60
Дмитрий ВИНОГРАДОВ. Зой, <i>актуальный детектив</i>	85

ПОЭЗИЯ

Александр КУЛИКОВ. Отжимки	21
Александр КОСТЕРЕВ. «В параллельных мирах»	44
Дмитрий БЛИЗНЮК. «Дикий виноградник»	56
Юрий КРАВЦОВ. Ключевая вода	77
Лора КАТАЕВА. Почерк	150

ОКНО В ПРИРОДУ

Евгений МОСОЛОВ. Жуткое место	154
--	-----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ЗОЛОТУХИН, Екатерина КОНДРАТЬЕВА. Год катастрофы амурских лососей	159
Татьяна ТРОЦЕНКО. Аян-путь, <i>о литературном фестивале «Писатели родного края», эссе</i>	167

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Роман РОМАНОВ. Белый театр: история выживания искусства в провинции	170
Светлана ФУРСОВА. Пушкинский бал	210

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Константин ГАПОНЕНКО. Шторм	214
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Татьяна ГЛАДКИХ. В согласии с сердцем, <i>к 160-летию М. В. Нестерова и 130-летию К. Г. Паустовского</i>	230
---	-----

АВТОРЫ НОМЕРА	234
----------------------------	-----

ИТОГИ ГОДА	239
-------------------------	-----

Лариса РАТИЧ

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ПРОШЛЫМ

Повесть

Мою первую жену звали Светлана, вторую величают точно так же. Знаете, что самое интересное? Мои жены — это двоюродные сестры, в прошлом — нежные подруги, любившие похвастаться дуэтом про «говорят, что женской дружбы не бывает». Да и не бывает, однозначно! И мужская-то дружба — на самом деле и не дружба вовсе, а что-то другое; у каждого — свое. Что же про бабулю «не разлей вода» воздух сотрясать? Этого природа вообще не задумывала.

Свою первую жену я называл «Света-котлета», вторую кличу «Света-ракета». По-домашнему. Шучу, значит.

А они обе, не сговариваясь, изобрели для меня постоянное — «Карлуша». А как по-другому, ну не карлик же!! Я Карл Карлович, вот такое карканье; спасибо маме. Видите ли, в честь своего любимого обозвала меня так же. Карл у Клары украл кораллы.

В школе меня вообще Буратино дразнили, потому что я однажды ляпнул, что у меня папа — Карло. Да у любого язык закрутит, если отец — Карл Орестович!!! Я ведь, честно говоря, долго думал, что он — Карло Рестович...

А этот «Рестович» — такой неповторимый! — сделал меня да и смылся в свою Германию и адреса не оставил. Мама всю жизнь твердила, что «с ним что-то случилось, не иначе». Ах-ох!!! Потому что якобы не мог он так поступить. Блажен, кто верует!

Одна всю жизнь прокуковала, все ждала. Кого, смешно же!!! Так и умерла, не дождавшись; так и не очнулась от «большой любви». А вот я — уже в пять лет понял, что Карлуша пропал навсегда.

Проще надо на людей смотреть, жизнь есть жизнь. Ну, отдыхал молодой интурист в нашей широкой стране; хорошо провел время с наивной лимитчицей, недели три-четыре. Кажется, это была служебная командировка; а мама перепутала с медовым месяцем... Отдохнул товарищ — и большой привет!

А в результате родился я, обреченный бесконечно слушать, какой замечательный у меня был папаша, господин Альтман. У немцев вроде отчество не признают? Но какая разница: да здравствует Карл Орестович, раз уж мама так уперлась. Но все же меня записала на свою фамилию — Нестеренко. Вот так смешно! Как, например, Ромео Иванов.

Я много зарабатываю, обожаю хорошо жить. О, нет-нет, не всякое такое «я люблю тебя, жизнь»! Я — другое: люблю жить в полную силу, то есть получать удовольствие от самого процесса. Очень ценю спокойствие. Поэтому «как я счастлив, что нет мне покоя» — из того же старинного шлягера — не про меня. Песенка-то плакатная, пропагандистская, для дураков. Я же хочу, чтобы мне всегда было легко и удобно. Предпочитаю не нервничать, не суетиться и не распыляться по пустякам. А это нетрудно: делай всегда только так, как лучше для тебя.

Но это к слову.

Я симпатичный, подтянутый. Никто и не скажет, что мне за сорок. Уверен, что и дальше буду такой же молодец. Агитировать не стану про не пить — не курить — со спортом дружить; это все ерунда. Сам я не придерживался и не собираюсь. Повторяю главный секрет: живи в свое удовольствие, и только в свое. Если оно совпадает с чьим-то, то это не моя заслуга. И ни при чем тут любовь! — принципиально не приемлю это слово, туманное и обтекаемое.

Есть же более точные (а, главное, честные!) определения: интерес, тяга... Или, на худой конец, инстинкт или страсть! Вот это и есть самое верное, хоть и быстро проходит: такой себе скоростной адреналин. И все!!! Других видов «любви» не бывает. Например, родительская «любовь» — это простой страх остаться без потомства. Что, неправда?!

По профессии я адвокат. От клиентов нет отбоя! Я нашел свою нишу, плотно ее занял и не собираюсь никому уступать. Защищаю тех, кто хорошенько платит, и всегда работаю с гарантией. Имею отличную память, железную хватку и достаточную профессиональную наглость, помогающую чувствовать себя правым, злым и сильным. К тому же теперь, спустя годы, завел собственную адвокатскую контору и свой штат, поэтому «пашу» уже не так много, как поначалу. А имею — значительно больше! И мне завидуют, знаю. И пусть. Это доставляет еще и моральное удовлетворение. Вот это и есть «я люблю тебя, жизнь».

В личном — тоже полное равновесие. Не важно, что у меня второй брак; никаких стрессов нет и не было. Вот вкратце: первая Светка — это дочка нашего ректора той самой «альма матер», которую я окончил в свое время. Она не была моей однокурсницей, вообще — училась не в папином вузе. Просто я ее вычислил. Познакомился через ребят, которые ее знали; закрутил роман с конкретной целью: жениться. Твердо и без недомолвок.

И женился! Это вообще как два пальца. Кто смел, тот и съел: только полный кретин не может увлечь девушку, пока она свободна от других симпатий.

Женился я быстренько; папа-ректор помог хорошо распределиться, никуда не уезжая из родного города. Да не просто помог, а сразу — под надежное крыло, ведь старт в любом деле — считай, краеугольный камень любой жизненной тропы.

Я оперился, набрался опыта. Так пробежало почти семь лет. Жили мы обычно. Правда, Светка иногда пыталась на меня «наехать», что, мол, я невнимательный и эгоист.

Ну, это наглость. Достаток есть? — есть. И рот закрой.

Были у меня и связи на стороне. А как без этого, если ты нормальный и молодой? Детей я не хотел, не хочу и не захочу: сначала, значит, расти их, трясись; потом — чем старше, тем проблемней. Кто же не знает? И неизвестно еще, с чем к концу жизни окажешься. Не секрет, что иные граждане предпочли бы остаться бездетными, чем получить от своих вырождаков то, что получили. И не спорьте, даже слушать не хочу! Я в своей адвокатской практике навидался.

Куда уж лучше — иметь не детей, а приличный капитал. И тогда эта самая старость ничем особенным не грозит. Все можно купить, вплоть до отличной сиделки из лучшей клиники.

Ну вот, прожил я со Светкой «номер один» эти семь лет, а потом папа-ректор взял и умер. А теща заболела серьезно.

Светка давай хлопотать, возить, обследовать. Причем как с ума сошла: деньги пачками улетали. Так толку-то мало! Теща слегла навсегда. А доколе это продлится — кто же ее знает. Оно мне надо?! Свою маму я только-только похоронил, да она и не лежала вот так, никого не мучила, умерла по-тихому.

Вот теща, значит, слегла, и наша квартира (кстати, огромная; хоть конем скачи!) тут же прочно пропахла то ли мочой, то ли непонятно чем, до ужаса отвратным. Я хотел было пристроить ее в хорошее место — пусть там и досмотрят! — но Светка уперлась как скала. До истерики.

Ну и до свидания, нашла идиота. Пусть одна и нюхает.

Я сразу съехал оттуда в мамину квартирку (вот как кстати умерла, ничего не скажешь!..), подал на развод и на раздел «совместно нажитого имущества», и пришлось Светке разменивать ректоровы хоромы и отдавать мне все, что суд назначил. Уж я ли не в курсе, как все грамотно повернуть? Все лазейки наизусть знаю.

Так что я от развода только выиграл. А довольно скоро — ирония судьбы! — взял на работу в свою контору Светку номер два. Причем она сама мне позвонила: спросить, нет ли хорошего местечка «по-родственному». А мне как раз надо было найти замену одному помощнику, неожиданно сменившему город проживания: личное что-то.

Вот тогда-то Светка номер два как раз и объявилась, как чуяла. Да она головастая, сообщает на лету, только вот на старом месте с кем-то не сработалась. А что я — «бывший» ее сестрички-подруженьки, так и что? Дружба дружбой, а табачок, как известно, врозь.

Взял я ее, конечно. И не пожалел: кадр ценный. Я решил, что можно и жениться. Она хваткая, умная, внешне — очень ничего, как я и предпочитаю: высокая, фигуристая. И главное, мы с ней сразу совпали в жизненных оценках. И я наконец-то понял, почему Светка-первая часто говорила, что мы с ее сестрой — два сапога пара; ведь, мол, оба циники, хоть и родные ей люди.

Поженились мы, и мои Светки сразу же люто возненавидели друг друга. Надо сказать, что Светка-два оказалась намного лучше первой: несравнимо более самостоятельная, а не размазня под папиным прикрытием. Даже новые теща с тестем ее немного побаивались, кажется.

Я стал первым официальным мужем их доченьки, потому что до меня Светка почему-то раскидывала воздыхателей направо-налево, никто не удержался и до ЗАГСа не дошел. А уже и годочки поджимали; становилось неприлично числиться незамужней.

Так я ей, оказывается, всегда нравился. А не отбивала у Светки-первой только потому, что якобы порядочная. Да ладно, будем считать, что так.

Светку-два я тоже урезонил быстро (не ожидала, видно!), как только она попыталась изобразить из себя главу семьи. Ей тут же пришлось понять, что мы — хорошая преуспевающая пара, делаем общее дело; и это все, от чего надо оттапливаться, строя наши отношения. Ну, если хочет нормальной семейной жизни.

И как я сказал — так и пошло. Иначе не ужились бы.

— Где ты таких козлов находишь, Света?! Вечно как вяпаешься!..

— Не преувеличивай. Этот — не такой уж и козел по сравнению с другими. Хотя не лишен, конечно, тех же козлиных примет.

— И чем же он тогда лучше? Шило на мыло.

— Брось, Ирка, не завидуй. У этого денег — хоть отбавляй. И еще немало зарабатывает, у него на это «пунктик». А я помогу правильно потратить; чем не счастье?

Далее шел «смайлик». На эту (конечно, взбесившую меня!) переписку своей второй жены я наткнулся совершенно случайно. Не имею привычки подглядывать, подслушивать, хотя и грехом не считаю; но тут — просто само вышло. А, значит, неспроста!

Был выходной, мы мирно сидели дома, каждый — за своим компьютером; и тут Светке позвонили, она и зависла. Любит перемыть косточки всем знакомым по случаю; было бы с кем потрепаться. Звонила Марго, самая большая сплетница в мире; и, конечно, менее часа Светке на нее было не потратить.

Жена, не прерывая интересное общение, ускакала на кухню сделать себе заодно кофейку, чтобы удовольствие было полным. А тут я подошел взять бумагу у нее на столе, скользнул взглядом по экрану — и на первой же строчке присел: ничего себе!.. Подвигал курсор, прочел и выше. Ух!!! Я, значит, дойная корова. Точнее, бык. И, может, уже с рогами?..

Первым желанием было, конечно, немедленно поставить нахалку на место. Но пока Светка увлеченно беседовала за стенкой, прихлебывая кофе, я взял себя в руки и решил: подожду. Но какая стерва, а?!.. Ведь мне-то вешает лапшу про чувства! Деньги, значит, — мой самый интересный штрих?!.. Ах, ты...

Ничего, ничего. Сделаю вид, что и не подходил даже. Бумагу — быстро на место! Но теперь я буду следить за всей ее перепиской. Благо, у аккуратной супружницы — все по полочкам: вот они, пароли доступа, записаны в тетрадошке. Я мгновенно их переписал и похвалил себя. Отныне я буду знать все, а не жалкие полразговора.

Через полчаса Светка наболталась, а я окончательно успокоился, и она вообще ничего не заметила. Уселась и продолжила как ни в чем не бывало. Отлично!

...Рано утром, около пяти часов (Светку в это время мог разбудить только атомный взрыв), я быстро зашел в Интернет и пролистал все. Эх, жаль!.. Чисто! И вчерашней переписки — нет и следа. Наверное, всегда удаляет?

Ничего! Я все равно придумал, хоть и сушил голову целый день. Решение нарыл я гениальное, даже засмеялся от удовольствия! Пришлось, правда, хорошо заплатить, но зато я теперь буду получать на свою почту копии всех ее переписок за день! — это я нашел одного сообразительного парнишку в компьютерном клубе, дал ему Светкины пароли и посадил на постоянный «оклад». И все, большой привет! Остальное — дело техники, в которой юноша понимал не хуже, чем я в своем адвокатском деле.

Прокол может быть только в том случае, если Светка поменяет пароли. А с чего их менять? Умный я, вот что. Эх, жаль, что телефонные разговоры так не проследишь!

Внешне — между нами ничего не изменилось. И я был даже рад, что подсмотрел. Воистину говорят, что настоящее значение события не всегда понятно сразу: ты думаешь, что это минус, а это плюс. Да еще какой!

Правда, в ее переписке почти не было ничего интересного, чепуха и шелуха; но сам факт, что все знаю, доставлял немалое удовольствие. Смотрел на Светку и думал: ты, милая, как на рентгене предо мною. Точно как амеба под микроскопом, и я, тихо наслаждаясь, наблюдаю все твои простейшие деления.

Спросите, а зачем мне тогда вообще жена? — а для статуса! Женатому адвокату доверяют значительно больше. Да и удобнее быть женатым, сами понимаете. Жена — универсальное приспособление: это и стационарный секс, и бытовые мелочи. Это такая прислуга со штампом в паспорте.

Если Светка время от времени писала подругам, что она меня «слепила из того, что было», то и я мог сказать то же самое.

Жена — это вывеска мужа, и мне пришлось в нее немало вложить. У меня бывали и деловые выезды, и встречи; а Светка (я ее сделал теперь своим доверенным лицом) часто сопровождала меня. И тут «работало» все, что я проплатил: новая улыбка от лучшего стоматолога (ох и дорого!!!); золото в ушах и на руках; хороший деловой прикид; стильная прическа, макияж...

Вот отдельную машину — личную, ее заветную мечту — приобретать не стал, это перебор. Ведь по делам нашей конторы мы ездим вместе, а если ей самой куда-то быстро надо, то существует такси. Мы ж не нищие!

И хотя она пыталась поколебать меня слезами (даже, разозлившись, кричала, что тогда сама, раз я такой скупердай, накопит на «тачку»), я не отошел от первоначального решения.

И надо еще сказать, что я не отбрасывал мысль и о разводе, мало ли! А как тогда будем имущество делить, если машина — «подарок»? Я до копейки прикинул, как будет, случись нам разойтись: уйдет Светка, солнцем палимая, с чем пришла, и только. Ну, разве что заберет свои тряпки, да еще — зубы. Не вынимать же! Ни чашки больше не получит.

Она об этом не догадывается, да и зачем. Если и вправду дойдет до развода — сама увидит. И колечки оставит, и браслетик; и пусть двигает к маме-папе. Какую взял, такую и вернул; ничего лишнего.

...Недавно я увидел по ТВ сюжетец — пальчики оближешь! Для сентиментальных баб — подарок на полгода, чтобы слюни со слезами смешивать.

Суть: жена самого маршала Маннергейма, чтобы он понял наконец, какое сокровище ему досталось, в один прекрасный момент взяла и подалась в действующую армию! Побывала там, погеройствовала; восхитила всем этим вновь восплававшего страстью супруга, но положение так и не спасла. Коварный любимый опять забросил ее ради других дам...

Ох, роман!

Светка сидела рядом, тоже смотрела. Я хохотал, а она молчала, ни слова. А потом, когда пошли титры, вдруг вижу: носом зашмыгала.

— О! А что так? Птичку жалко? — съязвил я, а она взорвалась:

— Козлы вы все! Козлы, козлы, козлы вонючие!!!!!!

(Ой, знаю. Читал!)

А Светка разозлилась не на шутку:

— Что ты скалишься, ну вот что????? Весело тебе, да?! Весело?! Женщине в принципе — любой женщине! — ничего не надо, кроме любви!!!! Люби ее, она солнце с неба для тебя снимет и на тарелочке подаст!!!! Козлы, козлы бесчувственные!!!

Короче, одно только на уме: «любовь» и «козлы».

— Хватит, надоело! — скривился я. — Сама-то любить умеешь, праведница? Тебе только деньги мои надо. Думаешь, не знаю?

(Ого! Аккуратнее! Чуть не проболтался!)

— Знаю, дорогуша, по глазам вижу. Меня — вот лично меня, а не дензнаки! — ты и в упор не видишь. Так что не лучше ль на себя, кума, оборотиться? Прежде чем кумушек считать-трудиться?!

— Что в тебе страшно, Карл, — вдруг медленно сказала она, — так это то, что ты вообще не ведаешь сомнений. А кто не сомневается, тот мертвец.

И все. И пошла в ванную. Сейчас выйдет вся такая заткнувшаяся (минимум до утра); мордой — в стенку, и спать. Наказала меня, значит.

Напугала ежика голым задом! Хороших снов.

Через неделю меня ждал большой сюрприз. Хотя мы вроде бы помирились, общались мирно, и Светка уже допустила меня «к телу», в этот вечер лицо у нее было чужое и значительное, новое какое-то, пока не изученное. Хотя все виды ее мимики я раскусил давно.

Она сегодня не была в офисе, сказала, больная, и я разрешил отдохнуть. Мнечто ее больничный ни к чему, сам же хозяин, поэтому лишней возни с докторами мы с ней не заводили.

Вечером я прибыл домой усталый, вымотанный как никогда. Дело попало, непростое, пришлось напрячься. Потребовалось максимально включить личные связи, встретиться кое с кем с глазу на глаз; где поднажать, где попросить. Тут помощникам поручать — напрасно.

Но оно того стоило, конечно. Гонорар запредельный; мне такие деньги доставались за пять-шесть дел, а тут — сразу. Зато и вложиться требовалось всеми силами и нервами, до предела.

Приехал, значит, я домой в тот вечер измотанный, даже охрипший (провел четыре встречи!!!), а тут — женушка с лицом Джоконды, отравившейся слабительным.

Спасибо хоть, что не с порога начала, а сначала подала ужин. Я немного передохнул; отпустило.

...И вот он, сюрприз. Киндер-сюрприз, гори оно все! Мол, беременная!! Тычет мне под нос две полоски; объясняет, что это. А то я не знаю вроде!

— И что? Проблемы?!! — взорвался я. — Зачем вообще мне это сообщать?! Сходила, сделала, полежала — и все! Потом выводы правильные извлекла про действенные противозачаточные средства. Учить, что ли, тебя надо? Ликбез устроить? Самое время после такого дня, ничего не скажешь!

— И других вариантов, я так поняла, ты вообще не рассматриваешь? — глухо спросила Светка.

— Каких других?!! Я тебе раз и навсегда все давно объяснил!

— Но это же убийство, ты пойми! — она глядела смиренно, почти умоляюще. (Может, шантажирует?.. Просто денег хочет? А откуда тогда две полоски?..)

— Чего ты добиваешься? — зло выкрикнул я. — Честно и прямо! Ну?!

— Честно и прямо — хочу родить, — потупилась она. — Мне ведь лет уже... Нового шанса не будет, чувствую. Не хочу одна жить...

— Так... Значит, со мной — это одна? Здорово. Распрекрасно просто. Я уже вроде табурета?!

— Нет-нет, — виновато зачастила она. — Понимаешь, я вдруг подумала. Что если... если... Если сделать то самое, это будет тяжкий грех. Раньше я не понимала, вообще не задумывалась, а сегодня вдруг поняла...

— Ну и что, раньше не делала, ты хочешь сказать? Вот только не лепи из меня школьника.

— Делала, не отказываюсь. Но давно, и один раз, и с тех пор была уверена, что неспособна, и вдруг такое!.. Пойми же, ну пойми! Не могу я пойти на аборт, не посылай меня под нож!!

— Вот тебе и здасьте! — скривился я. — Слова-то какие нашла. Назови еще меня садистом! Хватит ломать комедию на пустом месте. Поняла? Если хочешь оставить ребенка — так это без меня. Уходи к родителям и твори, что душа пожелает. Алименты платить не буду. Не жди и не добивайся. Пока не знаю, как, но я принципиально найду ходы, переплачу кому надо сто раз, и мне помогут; но тебе — ни копейки не дам!!!! Ты хорошо поняла?!!

— Да уж, — она надула губы, собралась реветь.

Плевать, пусть хоть зальется. Ишь, давить на меня вздумала!

— Правильно Света говорила... — прошептала она.

О, интересно. Послушаем.

— Правильно сестра говорила, что ты не человек, а станок для печатания денег.

Ух, наглая. Обе наглые!

— А ты, значит, белая и пушистая, причем регулярно летаешь?!

Но она уже развернулась спиной и выходила из кухни, но по дороге обронила, как припечатала:

— И духовной инфляции тебе не избежать...

— Ой-ой, как страшно!

Я догнал ее, резко развернул — а не надо такие коленца выкидывать! Отлично знает, как меня бесит эта ее привычка сказать гадость и уходить!!! — и отвесил ей хорошую оплеуху. Она так и влипла в стену, а я проорал прямо в ее бесстыжие глаза:

— Запомни! Мне! Диктовать! Нельзя! Нель-зя!!! Ни-ког-да!!! Я сказал — а ты слышала!!! Поступишь по-своему — ты тоже слышала, как будет!!! Так что иди, посиди, подумай хорошенько своими тупыми мозгами и больше меня не дергай!!!

...Я вернулся в кухню и проторчал там до глубокой ночи. Выпил от злости немало, но даже не запьянел, а только сильнее разъярился. Потом резко захотел спать, добрал до кровати и свалился кулем. Успел только заметить, что Светки в спальне нет. Видно, убралась в зал, на диван. Правильно, глаза б мои ее не видели. Хотя бы сегодня!

Светка эту тему больше не поднимала. Когда и что она проделала — я не спрашивал. По моим наблюдениям, поступила умно. Денег на аборт не просила, так у нее же и свои средства есть. Уж на это дело хватит, я прекрасно знаю цены. Мои «левые» подруги иногда говорили про свои «залеты», и я им не отказывал, давал сумму. Я мужик или кто?!! Умею отвечать за свои действия. Поэтому и считают порядочным.

Я загрузил Светку работой в конторе, даже пообещал «премиальные» за старание. Она и впряглась, даже вроде обрадовалась.

А потом еще и сказала, что я, в общем-то, прав: какие из нас родители? Дескать, и кому все это надо вообще?.. Ну, наконец-то дошло. Заодно и урок хороший получила.

Тут опять подоспело прибыльное дело, было над чем подумать. Я особенно любил, если работа возникала творческая, если нужны были приличные усилия, чтобы исхитриться и запустить процесс по нужному руслу, пусть и не... — как бы это точнее сказать, — не очень законному. Но тем интереснее! Любой каприз — за ваши деньги. И чем труднее, тем дороже. Деньги не пахнут. И чем их больше, тем вернее они не пахнут.

Мои цели однозначно оправдывали средства, к тому же вера в свою ловкую и хитрую силу — ощущение непередаваемое.

А это новое дело было о наследстве, что я особенно предпочитаю. Ведь тут ходов и вариантов — как в многоэтажном лабиринте; и столько же выходов, сколько тупиков. Найти надо самое лучшее для клиента решение, самое выгодное положение. А у меня — говорю объективно — гениальность, а не просто талант. Судя по очередям ко мне и результатам — я верно себя оцениваю.

И это подвалившее дело должно было в итоге привести к тому, чтобы истец получил полдома и смог его продать. Получил бы как наследство после умершего отца, все логично. Загвоздка заключалась в мамаше заявителя, которая, тоже вполне законно, после смерти супруга стала единовластной хозяйкой этого самого дома. А взрослый сын, давным-давно живущий отдельно, мог наследовать только после нее, так выходило по завещанию.

Но сын ждать не хотел. Мало ли что там по завещанию! Можно понять? — еще бы. Молодой ведь, планов громадье.

Я ему сразу объяснил, что в самом лучшем случае он сможет выгрызть себе только половину дома. И это я смогу проверить. Но сына такое не устраивало, он хотел весь дом, и за это готов был пободаться.

Ну что ж, мамаша пожилая и на подъем тяжелая; можно просто состряпать нужные бумаги да и подсунуть ей в удобный момент. Она же не ждет никакого подвоха, это в данном случае — только плюс. Ни сном, ни духом, так сказать. Вот умер муж; она погоревала да и стала доживать себе тихо в родной хате. Все, мол, своим чередом. Сыну так и говорила:

— Алешенька, как меня схоронишь — все твое будет. Недолго уже, чувствую.

Но сынку не терпелось, видно. Что там у них не клеилось — не мое дело, я особо вникать не стал, но сын решил отжать домик прямо сейчас.

И я рассудил здраво: буду «доить» клиента до последнего. Выгорит — хорошо; а не выгорит — так мне за долгие хлопоты все равно полагается огромный куш. Тут можно тянуть и тянуть, деньги-то по договору будут течь непрерывной струйкой в мой карман: за каждый ход, за каждую бумажку, за любой совет. И большой привет.

Взялся я как следует, старушка сопротивлялась вяло, однако от обиды решила все-таки не сдаваться; наняла и себе адвоката. Я его как раз неплохо знал, мы встретились и обсудили ситуацию. И, конечно, договорились: он раскручивает мамашу, я — сыночка (до тех пор, пока у них хватит сил и средств). И будем друг друга держать в курсе, ведь обоим выгодно.

Так делают гораздо чаще, чем вы думаете. Ну а кто виноват?! Пусть сами за свою глупость платят, а нашему брату-адвокату — все на пользу и на хлеб с маслом.

...Закрутилось, понеслось. Бабке и надо было всего-то перетерпеть четыре заседания, и дело в шляпе. Выходило все-таки по ее! Нервы, конечно, поистрепала бы, не без этого. Но дело обычное!

Конечно, ничего этого я сынку разжевывать не стал: я работаю — он надеется; я напрягаюсь — он платит. И больше ничего. Все согласно договору. Я как престижный бренд, беру строго по чину.

Но, видно, сынок был по жизни везучий. То ли его кто надоумил, то ли сам дошел, но решил он родительницу психологически задавить. Авось поможет! Тоже тактика, а как же. Начал он прямо с первого заседания: отвечая на вопросы судьи, ответчицу упорно матерью не называл, а только по имени-отчеству: Любовь Михайловна. Так мало этого, он и к ней самой точно так же адресовался. И на «вы».

Что с бабкой сделалось, не описать! Я сразу оценил, каков сукин сын. Ловок, психолог! Мамаша тут же скисла, глаза на мокром месте, руки трясутся:

— Алешенька!.. — залепетала. — Какая я тебе Любовь Михайловна, я же тебя родила, сыночек... За что гнобишь, куда тебе дом?.. Ну, продашь, а я как же буду, подумай?.. Где?..

А он и бровью не ведет, молодец. Вежливо так, настойчиво, с железными аргументами: «Вы, Любовь Михайловна!»

«Вы» — и точка.

Короче, на третьем заседании бабка не выдержала: схватила рукой за грудь, судорожно смяла кофтенку, охнула: «Сыно...» — и рухнула. Обширный инфаркт; похороны-поминки.

Сыну достался весь дом, мне — гонорар. Тут случай дело выиграл, а не я. Но уговор дороже денег, не так ли?

После такого удачного дела решил я устроить себе отпуск, давно не отдыхал. Светке объявил, она обрадовалась, засуетилась, начала хлопотать насчет путевок.

Ну и хорошо. А то мне и самому была неприятна наша ссора, когда я дал ей пощечину. Ведь все никак не сглаживалось. Нехорошо, что ни говори. Можно было и не бить! Словами надо обходиться, я же профи.

Кстати, я уже тогда отказался от услуг того шустрика, который следил за перепиской жены. Ничего особенного там и не было, а деньги я платил. Значит, лишнее. Но что-то все-таки помучивало; какой-то подвох ждал впереди, я нутром чуял. И, как всегда, не ошибся.

Когда уже с поездкой все решилось, вещи были собраны, дела распределены и вообще все-все-все подогнано и приглажено в виду интересного отдыха, мне позвонила «бывшая».

— Что, миленький, тебя можно поздравить с прибавлением?

Вот так с налету: ни привет, ни хорошая погода. Мы с ней со времени развода вообще не общались, а тут — «нашлась». Неспроста!

— С каким прибавлением? Что, головой ударилась?

— С каким?! Не знаешь?! Ой, не могу!.. С наследником тебя! Светка-то беременная, пятый месяц. Ну, что молчишь?

Я в ярости бросил трубку. Что такое, откуда?! Но ведь зачем ей врать?.. Радостная такая звонила, в голосе — тонна яда!

Еле я дождался благоверную. Она, как назло, по магазинам заваялась! Но как только пришла — я сразу в лоб:

— Ты что, аборт так и не сделала?! В глаза смотри!!!

Светка побелела, задышала часто: откуда знаю?..

— Говори, а то придушу!!!

...Вот оно как! Нет, не сделала, а теперь сроки вышли. Все, влип.

Ну, нет. Это она влипла!

Я абсолютно спокойно — сам удивился! — велел ей уматывать. Только быстро, иначе я за себя не отвечаю! Голову оторву. И плевать, что посадят!

Она испугалась, кинулась метать вещички в чемодан со скоростью рыбы на нересте. Пока она бегала по квартире, я позвонил туроператору и отменил одного туриста, то есть супругу. Бывшую уже. Вернусь — оформлю развод на три щелчка.

На другое утро я уже летел в заветный отпуск один, довольный и свободный. Светку с ее «плодом любви» я вычеркнул из своей жизни сразу, без сомнений и терзаний. Никто, кроме нее, не виноват, так что все претензии — к себе. Точка.

Отдых задался сразу: уютная и очень приличная гостиница, интересная программа на все дни; покладистая горничная, которая мне вообще ничего не стоила. Так, сущую мелочь.

Я с ней и не разговаривал, хватило нескольких жестов и лишнего доллара на туалетном столике, и дело в шляпе. Хороша мулаточка, вкусная.

В общем, рассказывать особенно нечего. Время пролетело незаметно, что и является признаком полного душевного покоя. Я воспринял это как некий момент перехода в новое качество жизни, которую собирался любить и дальше, но уже опять свободный.

Вернулся, значит, я домой, а Светки — как и не было никогда, и это правильно. Зачем еще лишние выяснения, ничего другого я бы ей уже не сказал. Пока отдыхал, укрепился в своем решении окончательно, и полное отсутствие Светкиных следов воспринял как отличный знак. Все-таки, как ни говори, такие разговоры — это гарантированная порча нервов. Я же не железный, в самом деле!

Я не хотел Светку больше видеть (мысль о том, что она беременна, вызывала брезгливость), поэтому поручил заняться моим разводом по доверенности одному из коллег. Светка, на удивление, никаких возражений не выдвигала, не звонила, ничего не требовала, и все прошло гладко: вот оно, свидетельство о разводе.

Интересно, что теперь? Если запишет меня отцом, то по закону будет права. Но я не стал заранее волноваться, а жил как жил. Время покажет! Я почему-то чувствовал, что как-то решится, не затронув меня.

И вот скажите, что не бывает ясновидения! Мне потом передали, что Светка разродилась неудачно, чудом осталась жива, но ребенка спасти не удалось. Вроде мальчик был. А, впрочем, не важно.

Ну и все. Пусть устраивается моя бывшая, как хочет: потеряла мужа, и что? Что кому доказала, с чем осталась?! Вот это ей заметка на всю оставшуюся жизнь.

У меня же как раз просто повалило одно выгодное дело за другим; успевай только поворачиваться. В конторе на место Светки быстро нашел отличную помощницу, амбициозную и хваткую. С этой Евгенией мы прекрасно сработались и легко ладили.

Она настолько понравилась мне деловыми качествами, что я взял к себе и ее мужа (редкого подкаблучника!), посадил его разгребать бумажки за очень умеренную плату. По Сеньке и шапка, сами понимаете. Но Евгения была очень благодарна и обещала «не забыть добро». Она так впряглась в работу, что я просто ахнул: да это просто клад, а не помощница! Конечно, я тут же увеличил ей зарплату.

И, что самое ценное, с появлением Евгении я разгрузился окончательно. Конечно, не устранился совсем, но оставил себе только то, что доставляло истинное творческое наслаждение, ведь я же высокий профессионал! И без ежедневной порции адреналина себя не мыслю.

Про Светку-номер два время от времени доходили слухи: она с кем-то сошлась. На здоровье. Мне ведь повезло, что я так легко отделался. Сколько хлопот она мне обеспечила бы в случае, если бы младенец выжил! Конечно, я бы отбился, это без вариантов; но побегать пришлось бы. А лишние баталии не нужны никому.

Почему возникла в моей жизни Наташа, я и сам не понял. Именно возникла, по-другому и не скажешь. Я даже подумал тогда, что нет на свете ничего случайного, настолько все это вытекало из моего прошлого.

Было так: однажды моя новая помощница Евгения подошла с просьбой. Я сначала подумал, что снова хочет кого-то из родных пристроить. Благо, с муженьком-то получилось. И когда она начала со слов:

— Моя родственница... Ничего такого, седьмая вода на киселе... — я ментально подумал, что могу взять новое протезе уборщицей, но не более. Ведь других вакансий нет.

Но Евгения просила не это:

— Моя троюродная сестра хотела бы узнать, как лучше поступить.

Она кратко обрисовала ситуацию: сын этой сестры Натальи, четырнадцати лет, по просьбе учительницы помогал в школе разобраться со старыми окнами. То ли раму раскручивал, то ли окно открыть пытался, не суть. Дело было на весенних каникулах, и его классная дама решила немного навести порядок. По своей инициативе, конечно. И, видно, подзабыла, что детей нельзя привлекать в таких случаях. Но ведь понять ее можно: эти детки в таком возрасте «лбы» уже приличные; почему бы не напрячь немного? Нас в свое время прекрасно привлекали к труду, и ничего. Вот и сын этой Натальи — наверняка «деточка» будь здоров!

Но случилось несчастье: стекло, в котором была трещина, при сотрясении раскололось, сдвинулось, и — ужас! — верхняя его часть, как нож гильотины, обрушилась на плечо мальчишки, очень серьезно его поранив.

Ну, ясно! — крик, кровь, истерики, скорая. Сделали мальчишке срочную операцию. Между прочим, не бесплатную, но удачно. Так вот, Наталья хотела узнать, можно ли вернуть деньги за операцию. Если да, то как?

Ха! Не только возможно, но вообще не составит труда. И деньги вернуть, и посадить учительницу вместе с директором. Запросто, если грамотно взяться.

Выяснилось, что Наталья — рохля, даже заявление ни на кого писать не стала. Мол, несчастный случай. Ну, бывают же простак, поразительно! Так я Евгении и сказал. Но добавил зачем-то:

— Пусть она придет сюда. Объясню и помогу.

Евгения посмотрела на меня вопрошающими глазами, и я пообещал, опять же весьма неожиданно для самого себя:

— Бесплатно, в качестве шефской помощи в честь нашей с вами дружбы.

...Наталья явилась на следующее утро. Как я уже говорил, возникла. И я прилип к стулу. Красавица? — не знаю. Вот не знаю, хоть стреляйте. Но глаз оторвать я не мог. Передо мной стояла не молоденькая «модель» — ноги от ушей и прочие приятности — а женщина средних лет, невысокая, очень хрупкая, просто фарфоровая. Беленькая, похожая на лилию. Только как будто слегка поникшая от долгого стояния в несвежей воде. Прозрачные озерные глаза, густой румянец смущения до самой шеи, и голос — редкого тембра и удивительной красоты; неожиданно низковатый, бархатный, богатый такими интонациями, что... Короче, мне чуть худо не стало. Я даже подумал, что бывает все-таки на свете любовь с первого взгляда, но тут же одернул себя: чушь. Перегрелся, что ли?..

Я усадил ее. Выслушал, вникая в каждое слово. Она хотела только одного: материальной помощи от школы.

Я же развернул перед ней широкий план вполне законной мести: с шумными посадками, со скандалом, и отсюда — с очень хорошими деньгами. Сто раз можно вернуть все, что потратила.

Но она охнула и отшатнулась:

— Что вы, Карл Карлович! Мне такого не надо; как жить потом с этим, что вы?!
Вот тебе и на. А что тогда?

А она продолжала:

— Поймите, ведь у той женщины тоже дети!!! Она же не нарочно, как же можно... Это же несчастный случай!!! А я ее — в тюрьму, да еще и платить мне столько из своего кармана! Где, где она возьмет?! Что вы!!!

Пришлось ей даже водички налить, уговаривая, что можно и по-другому... Такого «клиента» я видел первый раз в жизни, клянусь. Психушка, наверное, по ней плачет.

В конце концов она просто начисто отказалась от каких бы то ни было действий, потому что, видите ли, «пострадают хорошие люди». Ну, невероятно! Так и ушла, вытирая слезы и приговаривая:

— Ведь все обошлось, Бог спас... Так зачем же?..

Выпроводил я ее и задумался.

Очень, очень мне захотелось ей угодить. И не поверите, засвербило доказать ей, что я тоже — мужик что надо, из «хороших людей». Что я, черт возьми, благородный!

Я завелся, все хорошенько выяснил и передал ей через Евгению, что нашел выход, при котором никто не пострадает. Попросил, чтоб Наталья пришла снова. Я и вправду нашел, не вру.

Мы вместе с Натальей составили бумагу, по которой выходило, что мальчик сам полез, никто не просил; что он вообще случайно пришел в этот день в школу. А стекло упало, когда учительница вышла. Он, мол, начал зачем-то сам открывать. И прочее такое. К этому приложили документы из больницы: стоимость лекарств, самой операции и т. д. Подытожили сумму нужной компенсации, добавили пару убедительных фраз о нелегком материальном положении семьи. И все это — в отдел образования.

И еще одно сделал, о чем, конечно, не сказал Наталье: подсуетился дополнительно через «своих», нашел прямой ход к большому начальству в этой системе. Бумага пошла, и результат не заставил себя ждать. Наталью вызвали получить деньги, все до копейки. Всего-то две недели и прошло.

Она ко мне прибежала радостная, глаза сияют, чуть не целует (а я б не возражал!):

— Карл Карлович, дорогой!!! Вы лучше всех!

Что и требовалось доказать.

Через три дня позвонил ей с приглашением:

— Наташа, давайте отметим! Я закажу столик, не отказывайтесь. Мне это дело подарило очень полезные связи, так что это вам спасибо, а не мне.

Психолог, да? Кто откажет? И она согласилась, конечно. Но смущенно спросила:

— А можно, я... Я приду с сыном? Он тоже хочет вас поблагодарить.

Да ладно, для первого раза это даже лучше. Я великодушно предложил взять и мужа, ведь праздник-то семейный! Я пошутил, а она обрадовалась:

— Ну, это вообще здорово!

Вот бред. Но сказал «а», говори и «б».

— Да-да, все приходите!

Идиллия, застрелиться можно.

Но пришла она только с сыном. Торопливо пояснила:

— Извините, Карл Карлович... Муж у меня... как бы точнее сказать... некомпанейский. Я не стала уговаривать, раз уж так не хочет.

Надо же, а мужичок-то непростой. Или чересчур гордый, или глупец. Я такую женщину ни за что б одну не отпустил. Ну да ладно, мне же лучше. О чем бы я тут с ним беседовал?

А мальчишка (его звали Никита) мне ничуть не помешал. Он был весь в своих мыслях, просто сидел и вежливо угощался. Я, конечно, спросил, как здоровье. Он радостно объявил, что все позади, почти нет проблем. И, к моему полному удовольствию, минут через двадцать Никита попросился уйти. Наталья отпустила: ясно, с друзьями ему интереснее.

И наконец-то мы остались вдвоем, чего я, собственно, и добивался. Наталья немного выпила, расслабилась. Вино оказало благотворное действие, сняв так не идущую ей зажатость, виноватость.

Есть люди, которые всегда чувствуют себя виноватыми. Как правило, такое поведение — результат длительного психологического давления, и я прекрасно понял, что давил на Наталью именно муж. Да она и сама, осмелев от вина, об этом сказала. Видно, поняла мой к ней интерес (а какая женщина не почувствует?); да и накопилось, наверное, в душе немало.

Если вкратце, то супруг Натальи был, как он сам настаивал, «мужик на все сто». Со всеми вытекающими; то есть в худшем смысле слова. Он четко делил все дела на мужские и бабские и ехал только по этим рельсам.

То есть, например, вопрос с операцией сына — это женское дело: все эти больницы, школы... И встречи с адвокатом — очевидно, тоже. Да, твердолобый дядя. И точно дурак. Я прекрасно понял его логику, но мне она подходила: упускать Наталью я не собирался. С каждым днем думал о ней все больше и больше. Можно сказать, что не было теперь минуты, когда б я о ней не думал.

Перед глазами все время стоял ее худенький профиль, губы, плечи... Чем, чем она меня взяла?! Ведь ни разу в жизни мне не понравилась женщина такого типа! Чертовщина какая-то. Но стоп, аккуратно! Тут с наскака не выйдет. Я понимал, что передо мной так называемая порядочная женщина. Без кавычек.

То, что она не любит своего благоверного, просматривалось как на ладони. Некого там любить и не за что. За три часа ресторанного общения я понял все, что хотел. Можно сказать, профессионально исследовал «клиента». Слушая ее, я чувствовал — как бы поточнее выразиться — что я ей тоже не пара, увы. Что я циник и прагматик; умник, все-таки не понявший в жизни чего-то главного. И радовался, что она-то как раз этого и не видит, а, наоборот, рассматривает меня с самой лучшей стороны.

А ведь если бы она ни приглянулась мне, то не помог бы за «спасибо». Да, выслушал бы, раз уж обещал, дал совет на три копейки и выставил бы вежливо. И тут же забыл! А она-то решила, что я такой распрекрасный...

И — верьте или не верьте! — ни за что не хотелось мне, чтоб она поняла наоборот. Я должен был остаться иллюстрацией первого впечатления! Но это надо или ломать себя, или играть, третьего не дано.

Я подумал: пока я по ней сохну, можно и подыграть. Ну, не навеки же прикипел! Вот добьюсь своего — и все пройдет, вернется в норму. Нижняя чакра уравновесит верхнюю, примерно так.

И мы начали перезваниваться. То есть, звонил, конечно, я. Все время интересовался, как Никита; спрашивал, нет ли трудностей. То есть строил из себя такого ответственного адвоката, который думает про клиента и после окончания дела. Она это так и принимала. Хотя, я уверен, не исключала и мой чисто мужской интерес.

Как-то в одном разговоре я аккуратно выяснил, не ревнует ли муж к моим звонкам. Она ответила, что, во-первых, он никогда не интересуется, кто ей звонит, а, во-вторых, он якобы неревнивый.

Да бросьте, ревнивый наверняка. Просто Наталья настолько не вызывает подозрений, что... У нее же на лице все написано. Вот теперь я понял, почему он так легко отпустил ее в ресторан: гарантией была она сама. Да, крепкий орешек, такие женщины мне не попадались вообще, но тем интереснее.

Наши беседы становились все более непринужденными, даже с философским уклоном. С ней было интересно поговорить, что нечасто бывает, когда «дружишь» с такими намерениями, как у меня. Мне стало интереснее жить. То есть не то чтобы до этого я жил неинтересно, но Наталья привнесла в мою жизнь совершенно новый, незнакомый привкус. Я не знаю, как до конца обозначить словами, ведь слово «любовь» меня по-прежнему не вдохновляло. Нет ее, нет. Ну и нечего дергаться.

Что у меня к Наталье? — страсть, обычная страсть. Правда, очень сильная, это есть. И такого у меня никогда не было. Но потому, что и сама Наталья — исключение, а не правило.

Расставив таким образом для себя все точки над «і», я сразу успокоился и взял себя в руки. Ведь что теперь мне нужно? — достичь цели, без этого никак. Да я просто уважать себя перестану! Захотел — добейся, на том стою.

Я потихоньку подбирался к тому, чтобы опять пригласить Наталью куда-нибудь поужинать, и на этот раз чтобы понимала, что мой интерес больше не адвокатский. Думаю, она этого подсознательно ждала, но боялась себя. Ведь я ей нравился, но она, видно, запретила себе эту мысль. Какие у нее представления о любви, я, конечно, не знал, но кое-что начал понимать. Ну, например, она однажды обронила:

— Настоящий мужчина — не тот, кому женщина не указ, а тот, у кого она никогда не плачет.

И надо быть полным идиотом, чтобы в этом не прочесть всю повесть ее семейных отношений! Вывод сам напрашивается. Тем лучше: отбить женщину с такой историей — проще пареной репы. Но только надо очень аккуратно; тут не только каждое слово, но и каждая пауза в зачет.

Итак, в семье Наташи — с ее стороны — было отношение ровного стола. Так примерно я для себя определил. То есть она была хорошая жена и рачительная хозяйка, но только потому, что так надо. А раз надо — то соблюдается точно, как прописано, как принято. Но на этом — все.

Можно наверняка сказать, что Наташа давно решила для себя, что «внутренняя» ее жизнь — это только личное, тайное. От нее требовалось лишь внешнее, и тут она была отличница. Видно, на том и остановилась. А чего стоило, например, вот это ее откровение:

— Счастье — это свобода любить и свобода ненавидеть.

А?! Умеющий слушать да услышит!

Она призналась мне, что постоянно, как бы со стороны, рассматривает свою жизнь. Вот так сидит и рассматривает, как книжку с картинками, оживляя в памяти запахи, звуки, эмоции: те, что были, а теперь лежат в старой шкатулке прошлого. Можно сказать, что Наташа в настоящем времени как бы и не жила.

И мы все-таки стали близки. Это мне стоило почти года усилий, но я своего добился. И — сам над собой смеялся, честно! — понял, что не могу без нее. И, возможно, никогда не смогу. Вот не просто так — довел до постели и доволен, нет! Я все-таки, как ни странно, полюбил?..

И был счастлив. До неприличия, до истерики! Я просто по-другому стал дышать. И получилось это взаимно, иначе у меня ничего бы не вышло.

Но с этим надо было что-то делать. Ее муж не знал и не догадывался, но надо было решать, а не просто потихоньку встречаться. Мы теперь хотели быть вместе. И не важно, как дальше сложится. Ведь если с ней — это и есть сама жизнь! Вот в какой переплет я попал, а радовался, как несмышлениш.

Я очень осторожно (а с ней иначе было нельзя) стал вести разговоры-намеки, как трудно жить, скрывая что-то. Дескать, хочется нормальной свободы поступков, а не бесконечной оглядки.

Она сразу — я видел! — обрадовалась:

— Правильно, Карл. Если бы ты не заговорил наконец про это, мы бы не смогли дальше быть вместе. Сил нет врать, до того тошно...

...И все как-то сразу вдруг решилось: не успел я и глазом моргнуть, как моя квартира снова стала семейным гнездышком. Она переехала ко мне, забрав Никиту. Конечно, пережила неприятную сцену, когда мужу сказала. Ведь произошло самое неожиданное: этот пень вдруг вспылал нежными чувствами, плакал, клялся... Наташа не стала мне подробно рассказывать, но несложно было понять и так. Лучше бы проклинал.

Да придурился он, что тут гадать! Зная Наташу, он отлично сообразил, что такая тактика — самая верная. Если б у нас не зашло так далеко, то мог бы, пожалуй, и вернуть. Наверное, ноги ей целовал.

Но сына почему-то отпустил без эмоций, даже не поговорил с ним. Не спросил пацана ни о чем! Хочет ли тот к новому папе или нет... Что это?! Дешевый спектакль разыграл, а Наташа — дней десять ходила как в тумане. Я боялся, что заболит. Вот уж вместе мы, живем-поживаем, а она как приговоренная... Однако постепенно начала успокаиваться.

Но с официальным разводом дело застряло прочно: бывший умолял этого не делать, был согласен на все. Мол, живи с кем хочешь, но только не разводишься. И было очевидно, что тогда впереди — развод через суд. А пока муж все оттягивал, так как верил, что Наташа «натешится и вернется».

...А я не знал, нужен ли мне ее официальный развод. Дело разве в этом?! Она со мной, остальное — детали. Но вот Наташа в принципе не выносила, если было что-то «неправильно». Никита — тот на удивление быстро прижился; да и то: папаша ему даже не звонил. Я не удержался, спросил: что, батя такой равнодушный? Сын же все-таки.

— А он ему не родной, — буднично ответила Наташа.

Я даже присел! Вот это тихий омут...

— Как так?!

— Да вот так. Он меня уже с ребенком взял.

— Ты что же, была до него замужем?

— Нет.

И Наташа объяснила:

— Понимаешь, Никита — сын моей младшей сестры. Ну, как говорят, ветром надуло... Однако ей не повезло не только с этим, она умерла при родах. Ну и все. А, кроме меня, у новорожденного никого не было, наши родители давно умерли. Могла ли я допустить, чтобы мальчика в детдом забрали?

Теперь хотя бы ясно. Впрочем, это и к лучшему.

— Ну ладно, — сказал я. — А муж твой, если тебя с Никитой взял, любит его, наверное?

— Не знаю, — задумчиво ответила Наташа. — Он к нему всегда ровно относился.

— А Никита? Папой звал?

— Да, — кивнула Наташа. — Мы мама-папа. Но мальчик всегда знал правду, мы так решили. Потому что потом всегда найдутся доброжелатели...

— И что же, по большой любви, значит, поженились? — съязвил я, почему-то разозлившись.

— Нет, не думаю, — не обиделась она. — Правда, он за мной немного поухаживал, но, в общем, все было неромантично. У нас с сестрой имелась лишь комнатка в коммуналке, крохотная. И соседи-скандалисты! Мы там с рождения жили, вроде и привыкли, но... Пока родители были с нами, имелась защита, что ли. А как сами остались, тут и началось; а потом — Никитка. Крошечный, кричит все время... Я же — после похорон сестры... Вспомнить страшно. Вот тут Коля и появился, когда я с малышом гуляла: помог коляску в подъезд занести, там ступеньки. Слово за слово, познакомились. Я ему взяла да и рассказала, как и что. Видно, уж очень устала чего-то. Вот он и начал заходить, предлагал помощь, потом позвал замуж — я и пошла. Ничего интересного.

— А комната? — не унимался я.

— Продала, куда ж ее... Тем же соседям и продала, они спали и видели! Да и то, их же пятеро во второй комнате. Тут взвоешь!

Поговорили, в общем.

...Месяца через два Наташа меня спросила:

— Карл, а ты почему про развод больше не спрашиваешь? Что, совсем не интересует?

К тому времени мы уже, как говорят, притерлись, и я был доволен и спокоен. Трудился с интересом и большой отдачей, денежные дела так и плыли сами ко мне в руки. Наталья по-прежнему работала в своей аптеке, Никита — ездил все в ту же школу, не захотел переходить поближе. Идиллия, да и только. Так мне казалось. А развод?.. Да меня и так все устраивало, зачем брать в голову лишнее.

Ясно, что упрямый Николай по-хорошему развод не даст. Конечно, можно обойтись и без его согласия, но это — немалая возня. Может, сам передумает, наконец? Лучше всего было подождать, не тратя напрасно нервы. Наташа молчала на этот счет; так мне-то чего суетиться?!

И вот теперь — спросила... Ну, раз так, — давай обсудим! И я откровенно сказал, что думал:

— Слушай, ну не хочет он по-хорошему, так и плевать. Живем и живем; не в бумажке же дело. Главное, что вместе.

— Но ведь... — она растерянно теребила край скатерти. — Ведь мы же хотели... настоящую семью. Или я не так поняла?..

Вот, приехали. Баба есть баба. И что надо? Живут у меня, как сыр в масле катаются. Я в ней души не чаю. Что еще не так?!!

— Наташа! — повел я решительно. — Давай, в самом деле, окончательно решим. Нам же с тобой, в принципе, так даже лучше и максимально выгодно! Не хочет твой благоверный — и не надо, прекрасно! Сама посуди: если с ним что-нибудь случится, то ты — законная наследница квартиры и всего остального, что в ней есть. Законная!! Улавливаешь? Это я тебе говорю как адвокат. Будешь в порядке! А разводная — ты никто и звать никак. Ведь его квартира была приватизирована до тебя, поняла? До вашей женитьбы.

...Она смотрела на меня так, как если я был не я, а скажем, дракон, изрыгающий пламя.

— А почему, Карл, — спросила она дрожащим голосом, — с ним должно что-то случиться? Да и вообще, мне и в голову не приходило...

Тут я взбеленился:

— Ну, что вообще?!! Да хватит, наконец, жить в выдуманном мире! Жизнь — она намного проще, чем ты воображаешь, уж я-то точно знаю!!!

— И предлагаешь поверить тебе на слово, как хорошему специалисту? — перебила она, странно блестя глазами.

— Да, и это тоже!!! Что не так? Бумажки с печатью не хватает тебе, я так понимаю?! И вообще, я смотрю, ты что-то не собираешься хотя бы имущество с ним поделить для начала, такая вся потусторонняя и отрешенная! Знаешь, всему есть предел; мы живем вместе, но я же не благотворительная организация!!!

...Зачем я это орал, вот не знаю... А она выслушала и вообще ничего не сказала.

А дело, наверное, было в том, что Наташа с Никитой стали меня раздражать. И я уже невольно думал: все-таки хорошо, что мы не в официальном браке. Любовь-то, может, и есть, но наверняка не бывает, чтоб она не кончалась. Наташа по-прежнему меня волновала, но... Мне, честно говоря, гораздо легче и проще было со своими Светками. С ними я оставался какой есть, а с Наташей все время приходилось сверяться, так ли я говорю, да в каких выражениях, да не веду ли я себя недостойно. И прочая чепуха!

Так ведь я, значит, опять оказался абсолютно прав: то, что меня «накрыло», — это просто страсть. Да, сильная. И да, раньше такого никогда не было. Ну и что? Что?!! Мало ли как в жизни случается. Я заметил, что начал буквально вслушиваться в каждое ее слово. И всякий раз невольно отмечал: она не от мира сего. Что есть, то есть. И Никита такой же, один в один. Хотя я с ним практически не разговаривал (а зачем?), но понял прекрасно, что никаких отличий. Он тоже как глянет, так сразу неуютно становится. Неприятно, что говорить. Однажды ни с того ни с сего он спросил меня:

— Скажите, а вы маму на самом деле любите?

Я прямо оторопел. Во-первых, не его, сопляка, дело. А, во-вторых, я вообще не собирался ему это объяснять. Даже Наташа никогда не спрашивала. Или спрашивала?.. Не помню.

И я ответил, что ТАКОЕ сразу видно, а спрашивать — лишнее, чего зря языком молоть.

— Человек должен знать, что его любят. Знать, а не догадываться! — строго заключил Никита.

Смотрите-ка, он еще меня поучать взялся?! Я отшутился, хотя внутри все заклокотало. Что за намеки?! Такие личности, как он и Наташа, ничего просто так не произносят. И это тоже бесит, бесит, бесит!!!

Вот и тот мутный разговор, когда я вопил про ее наследство, тоже словесного продолжения не имел, но он стал началом конца. А я ведь почти сразу пожалел о своих словах, но что толку? А может, и хорошо?.. Рано или поздно, а прорвалось бы, раз уж я начал ловить себя на таких мыслях. И чего тянуть, какой смысл? Ведь по-старому уже все равно не будет.

Я угадал: по-прежнему уже не могло быть однозначно. Наташа — в своей отрешенной манере — через два дня, помыв посуду после ужина, сказала почти спокойно:

— Карл, спасибо за приют и заботу, а теперь мы с Никитой уезжаем.

Я, признаться, ждал чего-то подобного, но так буднично, почти без эмоций... Да и куда? Неужели Николай все-таки дождался?

— А!! — вспыхнул я. — К папе Коле, да?!

— Нет, — она медленно вытирала руки. — Николай — это прошлое.

— И я прошлое? — передернуло меня.

— Да. И ты. Я сейчас между прошлым и прошлым, и это надо менять. Хотя бы ради сына: ему нужно настоящее и будущее.

— Слушай! — возмутился я. — Но ты можешь хотя бы уходить как-то более естественно, что ли?! Что ты строишь из себя Деву Марию во плоти? Самой-то хоть не противно? Ты же обычная! Была бы красавица неземная, так хоть понять можно эти выверты... Ну, зацепила меня, ну, было у нас нечто! Так теперь-то что?! Что ты с подиума никак не сойдешь?! Чего ты виноватого из меня лепишь, чуть ли не подлеца?! Дескать, ты уходишь в никуда, а я... В степь, что ли, собралась?

Все это я орал ей в затылок, потому что она, почти не обращая внимания (но волновалась, я же чувствовал!) быстро собирала вещи. Ей помогал Никита. Тоже без единого звука. Ну, семейка!..

Как пришли — так и ушли: два чемодана и сумка. Лишь в коридоре на столике остались ключи.

Что теперь сказать, не знаю. Прошло уже три года, а я до сих пор не могу точно обозначить словами: а что это было? И, главное, зачем?!

Куда они уехали, я не знаю. Один раз только Евгения обмолвилась, что, мол, «Наташка, дура набитая, начала новую жизнь». А я ничего не спросил, и правильно: дела давно минувших дней.

Я вернулся на круги своя и опять чувствую себя прекрасно. Я преуспевающий и востребованный. Мне нравится ощущение собственной силы, и женщины у меня есть. А как же! Но страсть больше не случается, да и не хочу ни за что. Такой глупости больше не допущу.

Насчет новой женитьбы — мысли посещают, но с чисто деловой точки зрения. В общем, живу опять только по своим правилам, и отлично. Никто мне не указ, тем более какая-то женщина.

И знаю главное, что надо запомнить каждому мужику. Это простая аксиома: ни одной бабе нельзя говорить, что она не красавица, будь это хоть трижды правда.

Александр КУЛИКОВ

ОТЗИМКИ

Я осень опишу

Я осень опишу на все лады.
Вот первый лад. Созревшие плоды:
антоновка, грушовка, бычье сердце,
в косицу заплетенный синий лук,
подвешенный, как водится, за крюк
над бязевым мешком с картошкой в сенцах.

Вот лад второй. На клумбе под окном,
как будто в магазине под стеклом,
майоры, флоксы, хризантемы, астры
да бархатцы — на разный вкус и цвет
набор брабантских кружевных манжет,
что продаются только за пиастры.

А третий лад — дорога через лес,
где голубеют витражи небес,
где пламенеет клен неопалимый,
где золотые купола берез
вдруг почему-то трогают до слез,
где черный ворон вьется над калиной.

И, наконец, четвертый, главный лад.
Летящих листьев бесконечный ряд.
Осиновый, березовый, кленовый,
они летят, над ними небосвод,
их не печалит собственный исход,
они уже не ведают иного.

Угол Светланской и Пушкинской

Осень. Сентябрь. Выходной. Моросит.
В бусах оградная рейка.
На лютеранской кирхе висит
знамя Четвертого рейха.

А на Светланской разруха, разброд.
Спешно меняют брусчатку.
Ямы вокруг, словно был артналет
иль заложили взрывчатку.

Чадом узбекский пропах ресторан,
мятным кальяном — веранда.
В кирхе гнусаво вздыхает орган:
«Где ты, Ландовская Ванда?»

«Где ты, Mein Herz Иоганн Себастьян?
Мне б твою новую фугу!
Музыка нынче — пустой барабан
под фуа-гра или фугу».

Нынче музЫка в подполье ушла.
Пышных балов фаворитка,
в тесный наушник забилаь она,
точно в ракушку улитка.

Там ей и место, там ей и срок
на́ люди не появляться.
Нынче отбойный в чести молоток
с дьявольским смехом Паяца.

Первое стихотворение в духе Пессоа

О, как мне хочется порой
быть неприступною горой
и возвышаться на пути
у тех, кто хочет вверх идти,
ступать с уступа на уступ,
вонзая острый ледоруб
в застывший насмерть черный лед
в надежде, что вот-вот блеснет
сквозь тучи неприступный пик,
и быть готовым через миг
за это голову сложить.
Наверно, так и надо жить.

Второе стихотворение в духе Пессоа

Отчего ж я так тоскую?
Будто в душный летний зной
пью соленую морскую
вместо сладкой ключевой.
Пью да пью тоску и горе
вместо горького вина,
словно Ксанф, который море
должен выпить все до дна.

Пью да пью, как будто слово
было на моих губах.
Пью до дна, а море снова
плещет в тех же берегах.

Третье стихотворение в духе Пессоа

Во тьме лежат поля моей печали.
Здесь прежде липы кронами качали,
и птицы пели в молодой листве,
и трели их звенели в синеве.
Теперь здесь ночь. Луны зрачок туманный
горит во тьме фонариком карманным
у призрака печального в руках.
Ни лип, ни крон, ни птиц, ни звонких трелей.
И ангелы куда-то улетели.
И ни души. Ни здесь, ни в облаках.
Лишь призрак — порождение метели
с мерцающим фонариком в руках.

Сон

Вот такой вот сон,
хочешь верь,
хочешь не верь.
Чисто поле.
В чистом поле
стоит дверь.

Впереди поле,
по бокам поле,
позади поле тож.
Кто сюда ее поставил?
И зачем?
Хрен поймешь.

Может, дом хотели построить,
а хватило только на дверь?
Вот и мается, одинокая,
здесь теперь.

Ветерок подует,
жалобно дверь заскрипит,
словно пес бездомный
на пороге ее скулит.

Словно поле,
таясь за дверью,
глядит сквозь щель,
как взлететь пытается
к облакам коростель.

Ну а вдруг за дверью той
временной портал,
о котором ты
столько раз мечтал?

Коридор длиннющий,
прямоком ведущий туда,
где и сам ты молод,
и любимая молода.

На приступочке вы сидите,
глядите вдаль.
На тебе ветровка.
На ней цыганская шаль.

Поднимается солнце.
Да и вам пора.
Впереди чисто поле.
Ни кола. Ни двора.

Отзимки

Любе

«Отзимки» — бабушкино слово.
Последний, может быть, мороз,
и то без треска, не всерьез,
так, повторение былого,
где вьется снежная полова,
где маневровый паровоз,
свистящий тонко, по-пацански,
в депо, как в Трою конь троянский,
заводится по вечерам,
где мы шагаем по путям,
до остановки путь срезая
(и вот уже с дуги трамвая
слетает первая звезда)...
Вернуться бы теперь туда,
где бьет копытом маневровый,
где вьется снежная полова.
«Отзимки» — бабушкино слово.
Тот снег растаял без следа.

Бабушка варит варенье

Бабушка варит варенье
на кухоньке нашей тесной.
А я верчусь под ногами,
а мне смотреть интересно,
как оно пузырится,
ликует, взалхлеб смеется.
Я представляю, что это
поверхность кипящего Солнца.

И выются вокруг него мухи,
как юркие звездолеты,
а сесть на поверхность боятся.
Что они, идиоты?

А бабушка не боится
ни жара, ни брызг ворчливых,
снимает с Солнца шумовкой
магму неторопливо.

И вот остывает на блюде
ажурная пряная пенка,
чуть розоватая, словно
сбитая в кровь коленка.

За что мне такое счастье,
причем совершенно даром,
питаться, как бог Олимпа,
клубничных полян нектаром?

Летят самолеты

Летят самолеты, плывут корабли,
бегут кто куда поезда,
затянута рельсами тело земли,
стоят на часах города.
И ходит по комнате, как часовой,
забывший покой человек.
Он век доживает непонятый свой.
За окнами падает снег.

Снежинки летят, и навстречу плывут
большие дома-крейсера,
и к ним два лохматых барбоса бегут
вприпрыжку, как два школяра.
И громкий счастливый залиvistый лай
выносит за скобки двора,
как рада Елена, что жив Менелай,
хотя и подходит пора.

Пора собираться в последний поход,
но только уже без друзей.
Пустой, словно конь у троянских ворот,
стоит чемодан у дверей.
И падает снег, и не видно земли,
не видно, зачем и куда
летят самолеты, плывут корабли,
по рельсам бегут поезда.

Кузнец

Сначала он ковал награды
для множества достойных лиц,
потом фигурные ограды
мемориалов и гробниц.
Теперь кует одни решетки,
по ГОСТу, просто, без затей.
Стал грубым, пристрастился к водке,
собак не любит и детей.

Объятый лютою тоскою,
выходит вечером во двор
и на луну над мастерскою
глядит, как на монету вор.

Какой беспечный подмастерье,
лентяй, оболтус и дурак
в такой изысканной манере
сковал ее за просто так?
Он сам таким же был когда-то...
А, может, не был никогда.
Таланта прежнего утрата
теперь уже и не беда.

Сковал он брошку в виде розы
вчера зачем-то для жены
и подарил. Она же в слезы:
супруг, должно быть, вы пьяны.
Ну как узнает старый герцог,
что нарушается закон,
клещами вырвать ваше сердце
немедленно прикажет он.

Ах, полно, милая, Бог с вами,
печально он вздохнул в ответ,
не вырвать даже и клещами
того, чего давно уж нет.

На пароме

Они стояли на пароме,
о чем-то споря, как всегда.
Касаясь неба, в полудреме
качалась медленно вода.

Был вечен мир и так же вечен
возникший между ними спор,
зачем живем на этом свете,
того не зная до сих пор.

И чем другие нам дороже,
их благо, судьбы, жизни их,
когда порой спасти не можем
своих, единственных, родных.

Как после жить нам, бесполезным,
не видя цели впереди.
Как, заглянув в чужую бездну,
набраться сил к своей идти.

Пастернаку

1

Поселку, чтобы стать деревней,
недоставало той весны,
где Федр Петрович* водит гребнем
по непрочесам целины.

Где тут же крутятся вороны,
как на подхвате в мастерской.
Где леса палевые кроны
еще не тронуты листвой.

Где солнце глянет из-за тучи,
как из-за шторки пассажир,
которому уже наскучил
по струнке вытянутый мир.

И хочется сойти, ей-богу,
на полустанке и пойти
своею собственной дорогой
хотя бы так — в конце пути.

* Федор Петрович — шутовское народное прозвище довоенного трактора «Фордзон-Путиловец» («ФП»).

2

Всю ночь искал, куда пристать, мятежный лес.
Скрипели мачты и поскрипывали снасти,
и кто-то смелый по бизани в бездну лез,
и этот кто-то молод был, красив и счастлив.

Сосновым кузовом качаясь на ветру,
охвачен дрожью от бушприта и до шканцев,
лес, где пристать ему, искал всю ночь, к утру
забыв об участии «Летучего голландца».

Как хорошо быть лесом и шуметь листвою,
а не лохмотьями обвисшей парусины
и наслаждаться пеньем птиц и синевой
и на трухлявом пне вознёю муравьиной.

Снуют туда-сюда. На рухнувшем стволе,
на рыжем спиле неподбранного кряжа.
Как на разбившемся о скалы корабле
в живых оставшиеся члены экипажа.

3

Там дождь, а в комнате смеются,
и разговор нетороплив,
и чашки цокают о блюдца,
когда их ставят, чай допив.

Там ветки хлещут с разворота
по тесу вымокших оград
и ветер ухает фэготом,
а в доме тихо, в доме спят.

Ах, если б все на свете грозы,
невзгоды, хлопоты, дела
переживались под наркозом!
Какой бы страшной жизнь была.

Заснешь — Элизиум приснится,
жизнь без тревог, жизнь без забот.
Проснешься — скрипнет половица —
и сердце в пятки упадет.

4

Все реки текут, а особенно эта,
невзрачная гостя болотистых чаш, —
ей надо пробиться к простору и свету,
где небо повсюду и ветер звенящ.

Ей надо пробиться к зеленой осоке,
к скрипучим мосткам в три-четыре доски,
с которых полощут белье, босоноги,
а в ночь на Ивана пускают венки.

К малиновым бакенам на керосине,
к песчаному берегу полукольцом,
к упругому хлопанью крыльев гусыни,
к веселый возне загорелых мальцов.

К тесовой церквушке, стоящей на горке,
заросшей репейником и лебедой,
к тому, кто стрелою летит на моторке
туда, где сливается небо с водой.

5

Ты вернулся домой, Лемюэль, ты вернулся домой.
В Ноттингемшире осень, и Шервудский лес — золотой.
Словно Робин решил все богатства раздать беднякам.
Лемюэль, милый брат, что ж печалиться по пустякам?

Что заброшено поле, стоит в запустении сад —
даже гуси, и те, Бальнибарби покинуть спешат.
Что болотною тиной затянут нечищенный пруд,
что гуингнмов на бойню восставшие еху ведут.

Что дурак торжествует, храбер, кровожаден и рьян.
Что у каждого чмо нож мясницкий топырит карман.
Что печально струльдбруги глядят каравану вослед —
им, бессмертным, от жизни ненужной спасения нет.

Лемюэль, надо ж было такого свалить дурака —
народиться на свет, превратившись потом в старика.
Хорошо самураям в далеком японском краю.
Сел на пятки, взял меч, кимоно распахнул — и адыю.

6

Чуть свет на ранних поездах
из Переделкина — в столицу.
И паровоз на всех парах
сквозь тьму, и снег, и звезды мчится.

И вот уж новая толпа
бурлит на площади вокзала.
А у него своя тропа —
редакции газет, журналов.

Заметив школьную тетрадь,
ему филфака выпускница

начнет нотации читать:
«Не грех у классиков учиться».

«Я и учусь», — вздохнув, кивнет
в предчувствии иных нотаций,
когда и жизнь окончит ход,
а травля будет продолжаться.

7

Давненько поэтов не судят
за то, что поэты они.
Шутя не ломают им судеб,
не ставят на них западни.

Не травят, как зверя в загоне,
отрезав к спасенью пути,
в азарте безумной погони
не видя, что все позади.

А после легко, без оглядки
«толкают» прощальную речь
про то, что «был век его краткий»,
про то, что «могли бы сберечь».

И далее — все по уставу
на многие лета вперед,
когда за посмертную славу
подонки его попрекнет.

8

Неужели побеждает злоба?
И в церквушке сельской до зари
успевают в круг сойтись у гроба
вурдалаки, нежить, упыри?

И пока не пропоют вторые
и не скрипнет первая кровать,
успевает на подмогу Вя
Панночка воскресшая позвать?

Он приходит, не такой, как раньше
(лик железный, веки до земли).
У него теперь и внешность наша,
и усищи, словно у Дали.

Как по моде ставший святотатцем,
покоритель хейтерских сердец,
он в Хому не станет тыкать пальцем,
а поманит: «Подь сюды, подлец».

9

Как прежде шарики из ваты,
макая в сахарный сироп,
на елку вешали ребята,
пока не скажет взрослый: «Стоп»,

такой сегодня крупный валит
снежок, зачеркивая сад,
как будто, взяв малярный валик,
Том Сойер белит все подряд.

Как будто первый слой левкаса
кладет на доску Феофан,
вчерне всего иконостаса
в уме набрасывая план:

там будут лики деисуса,
картины скорби и любви,
и все страдания Иисуса,
и все страдания твои.

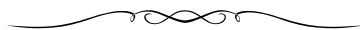
Невероятный снегопад

Ах, как он падал, как он падал,
невероятный снегопад,
как будто с неба шли парадом
шеренги ангельских солдат.

Как будто ангельские души
из круговерти звездных войн
на Землю вывел верный Тушин,
не Бог, не царь и не герой.

И знал же точно, что недолог —
день или два — их будет век
на скатах крыш, на лапах елок,
на склонах возле черных рек.

И в то же время знал, конечно,
как людям снег необходим,
когда летит из тьмы крошечной
и будто нимб стоит над ним.

Артём ПОПОВ

ТРИ РАССКАЗА

КАК ВАНЯ РУССКИЙ В ЛЕС ЗА БАРАНОМ ВОДИЛ

Этот отпуск начался раньше, чем хотелось: опять пришлось подстраиваться на работе под других. Значит, и уехать из деревни придется раньше, не дождавшись настоящей грибной поры.

Вот что по-настоящему люблю — тихую охоту. Та, где стреляют на поражение, не для меня, рыбалку тоже не переносу из-за разорванных крючком губ и последних конвульсий еще недавно красиво блестящей в воде рыбешки.

Начало августа — только самый первый слой грибов. Обычно собирал в сентябре, когда схлынут такие же, как я, черти-отпускники. Еще белые грибы пойдут после первых заморозков — корзина тогда вытягивает руки. В первых грибах тоже есть свои прелести: их мало, настоящая охота получается.

Накануне прошел беззвучный и теплый грибной дождик. Приехал к бору, чуть рассвело, а у въезда уже стояли машины, как в городе на парковке. Не люблю людей в лесу встречать! «Ишь, чего захотел», — сказала бы тетка. Все, не только я, соскучились по свежей грибовнице. Тетка, правда, грибы почему-то зовет «губами». Ничего похожего, кроме буквы «г», не нахожу.

Дождик, однако, не сделал своего дела — сухо в лесу. Надел кроссовки, а можно было смело в домашних тапочках ходить по белому мху. Слышно, как он ломко, словно снег, хрустит под ногами. Иду неторопко. Голова в первые минуты немного кружится, но, кажется, глаза видят зорче — все от кислорода соснового бора, лес просветляет.

Нужно всматриваться перед собой, далеко лучше не заглядывать — так грибов не заметишь. И вот среди седого мха вижу коричневую шляпку. Ай да чудо! Сколько грибов видел, тысячи, наверное, но каждый раз удивляюсь. Оставляю на грибнице побольше ножи, заботливо прикрываю мхом. Рассматриваю: без червоточинки. Точно за ночь родился. Кружу по полянке: обычно белые грибы компаниями растут. Но этот боровик оказался одиночкой. Час в лесу и всего один белый гриб — плохо, конечно.

Натыкаюсь на банки, пакеты. Становится противно от этих находок, они кажутся такими нелепыми здесь, на белом мху, словно на Луне.

Да, одного красавца явно на грибовницу не хватит — беру в корзинку несколько крепких моховиков.

Встречаю на выходе из леса дедка, сидящего на валежине. Старик с длинными седыми волосами, нос крупный — сам как гриб-боровик.

— Ну что, как улов? — спрашивает.

А мне толком нечего и ответить.

— Людей больше, чем грибов.

— Что верно, то верно. Рановато еще. Разве что на Шее пособираешь, места там такие грибные, — советует старик.

Шеей почему-то называют дальнюю деревню. Правда, в сельсоветовских магазинах она проходит как Рябиновый Лог, но это красивое наименование не в ходу у местных. Может, просто длинное. Рябины у речки там, правда, росли.

Дома уже сосед, увидев мой смешной урожай, улыбнулся во весь белозубый рот:

— Зачем пердунов-то набрал?

— Никакие это не пердуны, — обиделся. — Это моховики.

— У нас их пердунами зовут. Выбрось, не позорься.

М-да. Точно, придется ехать на Шею, к нашему дальнему родственнику Ване Русскому. Он любит лес, и лес отвечает ему тем же. Дядька должен сводить на грибные места, а то отпуск закончится, а грибовницы не отведаешь.

Ехать до Ваниной деревни надо километров тридцать. Раньше этот путь растягивался на весь день — после дождя вместо дороги образовывалось красное глиняное месиво, канав не было, застревали даже гусеничные трактора. А сейчас — сухая, отсыпанная крупным песком дорога. Земляк на исходе советской власти встал во главе района и сделал дорогу домой. Лети на легковой хоть под сто километров. Только лететь скоро станет не к кому — доживает свой век деревенька.

Шея стоит у леса, точнее, лес за последние годы подступил к деревне. Не журчала бы рядом речка Тонковка — вовсе деревеньку в крепкое кольцо взяли бы ивняк да сосняк. Две улочки на Шее были выстроены крестом. Может, поэтому пожаров деревня не знала.

За домом дядька не смотрит с тех пор, как похоронил свою Надюшу. Она его еще выгоняла из леса да заставляла что-то по хозяйству делать. Ваня держал козу Машку, скорее, по привычке. Сам доил, сам косил траву. Дом начал было перекрывать зеленой черепицей, но так дальше одной стороны и не осилил. Денег, видать, не хватило. Или желания. Вторая часть дома была закрыта черными, почти гнилыми досками. «И как он тут зимовать собирается?» — думал, подъезжая к дому. Да, старая изба — на тысячу, а вид вокруг открывается на миллион: только зеленый окомое впереди, а под носом — журчащая речушка.

— Ну, встречай гостей! — крикнул дядьке.

Я точно не знал, сколько Ване было лет, на пенсии он или еще нет. Крепкий, кряжистый, в синем комбинезоне, дядя Ваня на огороде выдергивал лук. Косы сплетенных головок уже сохли на солнечной стороне дома.

Дядька, похоже, не особо обрадовался гостю.

— Здорово! — не сразу подал черную ручищу. Сколько себя помню, руки у него были всегда черные. Сначала, когда дядька работал трактористом на «Беларусе», всегда в масле-мазуте, а сейчас живет лесом — грибами. От них руки тоже черные.

— Вот, приехал... — начал разговор.

— Проходи, чиво стоять.

В доме все по-прежнему, только куревом сильно пахло. Раньше тетка Надя запрещала курить в избе, а сейчас Ваня дымил за столом, и даже на полу у незастеленной кровати стояла консервная банка, полная окурков.

— Пожарю тебе сейчас лисичек, пальчики съешь, — дядька пошел за дощатую перегородку, где была электроплитка.

Уже на столе, покрытом старой клеенкой, нарезал мелко зеленого лука, только что с грядки, отломил кусище хлеба. От предвкушения у меня свело зубы, рот наполнился слюной.

— Чего, лисички уже пошли? — пора нащупывать почву — достал из рюкзака бутылку. — Вот, «Первый номер» называется.

Дядька сразу же дернул маленький стаканчик. Пил как воду, не морщился.

— Ничего лучше «Пшеничной» не придумали за столько лет, — занюхал черным хлебом, лук обмакнул в соль и смачно зажевал. — Если бы не повырубали зимой, столько бы лисичек набрал сейгод. Все мои леса изгвоздали, сволочи.

Дядька сказал, конечно, круче, матом.

— Как тетка Натаха? — спросил Ваня после второй стопки.

— Так ведь умерла весной тетя Наташа. А ты не знал? — я был крайне удивлен. Я знал, что у них в молодости что-то клеилось, но так и не срослось. — Все хотела с тобой перед смертью повидаться, но из дома последние месяцы уже не выходила.

— А-а... Не знал, никто не сообщил. Ну, не чокаясь. Хорошая была тетка...

Помолчали. Коза заблелла около огорода.

— Я те щас! — дядя Ваня снова непечатно выругался. — Да, хорошая была Наташа, только правильная шибко. А ведь меня в пионеры из-за нее не приняли. Рассказала директору, что я лягушек каждый день казню. Во дела! Из-за ее длинного языка меня в школе Цыганом дразнили. Чернявым потому что был.

— А когда ты Русским-то стал? — не удержался, спросил. Знаю, что на прозвище он давно не обижается. К тому же дядька, кажется, после второго стаканчика смягчился.

— Не сказывала, что ли, тетка? Один раз так достали парни, что пришлось выдернуть толстенную жердину из огорода да по спине пройти. «Да русский я, русский!» Один потом в больнице месяц лежал, теперь голова на бок всегда повернута... Запомнили меня. Давай наливай!

— Дядь Вань, а вот ты знаешь, для чего люди чокаются?

— Ну, откуда? Это ты ученый.

— Это я прочитал у кого-то, что при выпивке обостряются все органы: осязание, обоняние, вкус, за исключением слуха. И вот, чтобы удовлетворить слух, чокаются.

— Толково вроде. Давай погремим тогда.

Дядя Ваня, кажется, был уже готов.

— А белый-то гриб на Шее есть? — приступил к делу, за которым, собственно, приехал.

— Да белый — это х... — дядя Ваня радостно матюгнулся. — Вот в прошлом году мы барана нашли, это да!

Не понял, что за баран, может, дядя перебрал лишку.

— Че, не слыхал? А еще ученый! Это такой гриб чуть не метр в обхват. Щупальцы у него, как у кальмара. Лесным кальмаром еще называют. Вкусный и полезный. Соусы из него разные делают. Эти... как его... жульены. Головную боль еще снимает. Там есть какое-то вещество, из которого таблетки «Миг» делают. Ну, слышал рекламу? Быстро проходит головушка! Светка рассказывала.

Светка — единственная дочка Вани и Нади, моя ровесница. Работает в райцентре бухгалтером. Подумал, что дядя Ваня и вправду байки травит. Какие бараны? Галлюциногенные? Но тут дядька поведал историю, как его Светка приезжает с сумкой-холодильником из города и продает эти бараны скупщику в Москву. При чем берут только свежие.

— Вот, значит, в Москве на Тверском бульваре французский ресторан берет моих баранов за большие бабки. Забыл, как ресторан называется. «Николай», кажется. Нет, «Николя»! Бывал там?

Такие подробности походили на правду.

— Я тоже не бывал. Да и в областной центр не выбирался уж лет десять, — дядька давно подпирал голову. Пора было идти укладываться спать.

— Ну что, покажешь завтра своего барана?

— Покажу... Давай я тебе на повити постелю — свой будуар будет. «А в ресторане, а в ресторане...», — дядька затынул дурацкую песню.

Ушел на сеновал, где было выгорожено от комаров старыми простынями спальное место. «Будуар, е-мое...» — вспомнил дядьку, помешавшегося со своими баранами на всем французском. Свежая трава из наматрасника колола в спину похлеще аппликатора Кузнецова, но я провалился в сон. Снились барашки, но только настоящие. В детстве в нашей деревне их держали в каждом дворе. «Маси, маси!» — кричали вечером хозяйки, и бараны шли к своему хлеву. А говорят — глупые...

Проснулся от сильного скрипа, потом вдалеке что-то ухнуло. Дядька сидел на крыльце, точил ножи. Над Шеей собиралась гроза, ветер рвал на теплице пленку, по небу словно кто-то катил бочку.

— Что стряслось? Что за шум?

— Крыша у дома Аркаши упала. Уж сколько пустует — лет двадцать, как померли они с Марьей — в один год ушли друг за другом... Ну что, пошлепали за бараном?

Голова раскалывалась то ли от вчерашнего «Первого номера», то ли от приближения грозы: низкие фиолетовые тучи чуть не касались старых дощатых крыш.

— Может, после обеда пойдем? Дождь вроде собирается, — пытался отсрочить поход в лес.

— Не сахарный, не размокнешь, — отрезал дядька.

Путь предстоял немаленький. Дядька вчера говорил, что за баранами надо идти к Упирево, заброшенной деревеньке километрах в десяти от Шеи. Дядька уже собирал в корзину яйца, молоко, печенюги — перекусить в лесу. Кроссовки мои забраковал: «Ноги сразу намочишь». Нашел мне свои старые сапоги на два размера меньше, чем я носил.

Не сразу понял, что это будет ад. Через километр, как отошли от деревни, почувствовал, что пальцы немеют, пытался поджимать их.

— В армии, наверное, не служил. Ну, почернеет ноготь, отнимут палец, и что с того? — непонятно было, дядька шутит или говорит всерьез.

Он шел впереди семимильными шагами, я еле-еле поспевал. Сначала грунтовка была на две колеи, когда-то по ней ездили тракторы. Потом вторая колея потерялась в траве, и дорога превратилась в тропку. Странно, но грозившиеся тучи так и не выдали ни одной капли.

— Дядя Ваня, а раньше-то эти бараны росли? Чего-то я не помню.

— Росли. Только их никто не собирал, пинали ногой. Коровы, правда, трескали хорошо. А помнишь, нашу корову Розку ты «Рожей» называл? Выйдешь на крыльцо вечером и кричишь что есть мочи: «Рожа! Рожа!». «З», значит, не получалось у тебя.

А я и забыл, что эту букву в детстве не умел выговаривать.

— Вообще этот гриб в Красную книгу занесен. Светке перекупщик сказывал, — продолжал болтать дядя Ваня.

— Так мы на преступление идем? — я пытался шутить, хотя пальцев на ногах уже не ощущал.

— Какое преступление? А не преступление, когда совхоз закрыли, мне старый «Беларус» дали. Только геморрой заработал. Потом в агрофирме на коммерсов пахал, и та лавочка накрылась. Без пенсии живу. Как эта... Агафья, на подножном корме, — дядька продолжил сложносочиненным матом.

Я молчал: что сказать? Правда...

Уже давно должна была показаться деревня Упирево. Лес становился все мрачнее.

— Дядя Ваня, смотри, какие ельники!

— Не люблю ель, сила в ней темная. Давит она сосну. Дерево-паразит.

— А какие еще деревья не любишь?

— Осину. Нервная она быстро. Листочки трепещут, и эта нервозность мне передается.

— Ну, ты даешь, дядь Вань! Никогда бы не подумал, что ты из-за листочков нервничать будешь.

Молча прошагали еще минут десять.

— Долго еще идти? — не выдержал.

— Че как маленький? Знал бы — не взял.

Кажется, мы зашли так далеко, куда не совали свой нос люди и звери. Вот на тонкой паутинке висит сосновая иголка. Кусочек коры прилег отдохнуть на лапу ели, украсив ее, словно чудная новогодняя игрушка.

Присели на гигантский камень, поросший мхом. Как он тут оказался? С ледникового периода, что ли? Подумал: камни, наверное, не стареют или виду не показывают. Достали нехитрый перекус из корзины, которая по пути уже наполнилась красноголовиками.

— В позапрошлом году один москвич сам пошел баранов искать. Как я его отговаривал: «Не ходи один, заплутаешь. У нас тут такие дикие леса». А он отвечает так с гонором: «У меня компас с собой». Ну и чиво? Искали с собаками, вертолет нанимали на неделю... Я только год спустя нашел. Сидит вот тоже у камня, прислонился к сосне. Я снял с него компас — позарился. Грех, конечно, у мертвяков брать. Надюша тогда сказала: «Не бери этот компас с собой в лес, несчастливый он». Так он в комодке где-то и валяется. А я наш лес и без компаса знаю, даже и ночью по звездам выйду, ежели чиво.

У меня при слове «камень», кажется, волосы на голове зашевелились.

— Дядь Вань, а ну его, этого барана! На грибовницу насобирали, да еще на зиму насушу. Не надо никакого барана, — к тому же пальцев ног я давно не чувствовал.

— Ну, как знаешь. Может, сейгод неурожай на этот гриб. Не каждый год родится. Знаешь поговорку: много грибов — много гробов? Вот...

Мы нахватили на обратном пути лисичек: их легко собирать. Дорога домой показалась короче. Когда приехал в свою деревню, заметил, что каким-то чудом сосновая шишка прилепилась к резиновому колесу машины. Может, хотела, чтобы я взял ее с собой, на память о походе в деревню с мрачным названием Упирево? Сосед потом рассказал:

— Что ты! Ванька Русский свои грибные места никому не выдаст. Он этими грибами живет.

Потом уже догадался, что и сапоги на два размера меньше дядька, может, нарочно подсунул, чтобы мы не дошли до его баранов. А ногти на пальцах оставались черными еще несколько месяцев.

Под Новый год в почтовом ящике обнаружил извещение о бандероли. Кто это подарок решил сделать? На коробке увидел корявые, скачущие буквы: «Рябиновый Лог, Иван Васильевич Мезенцев». Блин! Дядя Ваня. В посылке оказалась укутанная в старые тряпки банка, на крышке — белый пластырь с надписью «баран» и указан этот год. «Надо дядьке позвонить, поблагодарить!» Его номера в телефоне не нашел, узнал у Светки. Набрал. «Абонент временно недоступен». Как ненавижу этот голос! Почему-то подумал: наверное, нечто ужасное произошло именно в этот день, когда получил несчастных барашков, которые в банке действительно выглядели как вареные кальмары. В воображении рисовались картины одна страшнее другой: дядька рано закрыл печь, тепло он любит, а сейчас морозы... Угорел!

Или другое: заснул, окурок упал на одеяло, задымилось... Вспомнил его дурацкую присловицу «Много грибов — много гробов». На часах уже полночь, но я снова и снова нервно тыкаю пальцем в телефон.

— Какой лешак спать не дает?! — услышал привычный мат в хрипящей трубке. Ругайся, ругайся, дядя Ваня. Вот приеду летом — пойдем за бараном...

МЕДВЕЖИЙ ДОМ

Это была одна из тех станций, где стоянка поезда всего две минуты: только бы успеть сойти. Ну вот, сумки на перроне. Кажется, ничего в вагоне не забыли. Татьяна Петровна, закрыв глаза, первые секунды наслаждалась ядреным запахом крапивы и надрывным треском кузнечиков: «Господи, как хорошо-то!»

— Мать, пошли быстрее, на автобус опоздаем, — сын Лешка, широкоплечий двадцатилетний парень, вернул в действительность.

Мать... А ведь так в его возрасте она называла свою маму. Сейчас ей это обращение показалось грубоватым. Татьяне Петровне скоро стукнет полтинник, но ей не хотелось и думать про этот юбилей. Если раньше она по одному выдергивала седые волосы, то теперь приходилось часто красить в светлые тона, чтобы не было так заметно. Фигура с возрастом стала мешковатой, она была чем-то похожей на медведицу. Неуклюжее медвежье просматривалось и в походке сына, он явно косолапил.

От железнодорожной станции надо еще пилить на автобусе до районного центра, потом на перекладных до деревни, где она не была лет десять и куда сейчас с сыном направлялась. А может, дольше не видела родину? Не вспомнить уже точно.

Лешка нацепил наушники, автобус с охающими бабушками тронулся.

Да, лет десять-пятнадцать не была в своей Осиевке. Как взяли с мужем дачный участок в пригороде — так больше и не ездили: сначала строили дом, потом теплицу завели. Третий год на новой высокой должности Татьяна Петровна оставалась почти без отпуска: только неделю начальник давал на отдых — за это время не обернуться до Осиевки. Хотелось еще погреть косточки на море, а не добираться с нервами двое суток до деревни без удобств.

Татьяна Петровна чаще других коллег открывала дверь в кабинет мэра города, но что дала ей эта работа? Только болячки на нервной почве да развод с мужем: с утра до ночи пропадала на работе и получила... Ушел супруг некрасиво. Беда не ходит одна: скоро умерла мама.

Сейчас она никак не хотела вспоминать последние годы, глядя на веселые домики вдоль дороги. Такие раньше были и в их деревеньке. Стоит ли сейчас родной дом? Или упал?

Быстро добрались до городка, устроились в полупустую гостиницу «Постоялец». Сын отправился на прогулку, а Татьяна Петровна первым делом решила сходить на старое кладбище к тете Глаше, сестре матери. Они обе чувствовали свою вину перед теткой. Мать в свой последний год вымаливала прощение перед Богом за предательство сестры. Стоило только вспомнить тетю Глашу, глаза у Татьяны Петровны начинали слезиться.

Они отказались от нее. Сдали в дом престарелых. Не смогли дальше ухаживать, не хватило сил. Лешка тогда был маленьким, лет пяти. Тетю Глашу разбил инсульт,

после которого по квартире она еще передвигалась с тросточкой, но говорить не могла. Все дни лежала, непонятно — спала или нет. Часто приезжала деревенская родня навесить тетю Глашу, но она никого не узнавала. Все ее любили, иначе и быть не могло. Своих детей у тети Глаши не было, поэтому нерастраченное тепло и нежность отдавала племянникам.

До вынужденного переезда всю жизнь тетя Глаша прожила в Осиевке, здесь хотела и умереть. Последние годы оставалась в деревне совсем одна.

Как-то раз тетя Глаша упросила приехать в гости, на клубнику. Наклоняться она уже не могла: отечные ноги были как колодки, голова кружилась от высокого давления. Вырвались в деревню с мамой и мужем (сына тогда еще не было), а она сидит на кривом крылечке. Все грядки заросли высокой травой.

— Где клубника-то? Одна трава, — хотели уже заругаться на тетку. Столько километров проехали и зря?

— Ягода любит поклон. Вы раздвиньте траву-то, — глаза ее смеялись.

Клубника на грядках оказалась с маленькое яблочко и чистая — можно смело в рот.

В следующее лето Татьяна не смогла выбраться за клубникой в Осиевку, а мама приболела. Вскоре от тети Глаши пришла посылка с деревенского адреса: в ней лежали пакеты с ягодами, пересыпанные песком. Надо же, и не протекли. Открыла — и как запахло Осиевкой, детством! Татьяна увидела сорные зеленые травинки в ягодах и разрыдалась: так стало жалко старенькую тетю Глашу, представила, как она с давлением собирала для них эти ягоды, а сейчас сидит, наверное, на своем крылечке...

— С ума сошла, из-за травы заревела? — засмеялся муж.

— Ты ничего не понимаешь! — ей стало обидно за родную тетю.

Муж действительно ее никогда не понимал. Этот смех оказался первым звончком: трещинка появилась в их семейной чаше.

Тетя Глаша быстро сдала, как только перевезли ее к себе из деревни, где она уже не могла оставаться одна, носить воду, топить печь. Вскоре и случился инсульт... Мама, тетя Глаша, муж, маленький Лешка — все жили тогда в однушке. Это стало испытанием для их молодой семьи. Долго не решались на дом престарелых. Татьяна Петровна до сих пор в деталях помнит тот день, когда увозили старушку, завернутую в клетчатое зеленое одеяло.

Тетя Глаша умерла в этом интернате через три недели, в ночь под Рождество. Они не узнали ее, когда приехали на похороны: вместо родной тети лежала незнакомая высохшая старуха. Гроб стоял в неотапливаемой холодной часовне, мокрые волосы покойной не высушили, и они замерзли...

Только транквилизаторы помогли продержаться эти черные дни. Никогда, никогда она не простит себя. Пока живет — будет помнить.

Старое городское кладбище — настоящий сосновый бор. Татьяна Петровна легко нашла могилку тети Глаши недалеко от центральной аллеи. Никто, видно, все эти годы не навещал ее: старые сучья, сосновые иголки толстым слоем покрыли могилу. Искusstvenные цветы выгорели от солнца, истрепались ветром. Перекошенную дверку оградки Татьяна Петровна еле открыла и тут же упала на колени. От тети ее отделяли два метра холодной земли. Татьяна Петровна лежала, пока не согрела старые иголки. Кожа от соленых слез на лице натянулась.

Откуда-то появилась сила. Татьяна Петровна, не боясь запачкаться, голыми руками убрала все старые цветы, ветки, паутину на оградке, сгнившую деревянную скамейку. Сходила через дорогу в магазин за серебрянкой и вначале выкрасила крест. Потом накупила цветов (пластмассовых, самых дорогих и долговечных) и

устилали ими весь холмик. Получилось как яркая клумба, на могилке в пасмурный день стало даже светлее. Показалось, что тетя Глаша улыбнулась на фотографии.

Городской автобус высадил у отворотки. До Осиевки оставалось еще двадцать километров. Да, сколько раньше здесь коковали, дожидаясь машины или трактора. Когда-то на перекрестке стояли бетонные фигуры двух лосей в натуральную величину. Одного зверя сейчас не было, у второго обломили рог и на нем висели разные цветные тряпочки. «Наверное, свадебные кортежи здесь останавливаются. Тоже новая традиция», — решила Татьяна Петровна.

Сын, как всегда, копошился в телефоне. «Пока Интернет ловит, пусть пользуется».

Машин не было уже два часа. И вот появилась грузо-пассажирская с оранжевой мигалкой. «Наверное, служебная», — не успела подумать, как ее остановить, машина сама притормозила. В кабине сидели два симпатичных молодых парня в спецодежде.

— Вам далеко? — открыл дверцу водитель.

— В Осиевку.

— Там никто не живет давно. Найдете ли дорогу? Ладно, до Починка подбросим, у нас там ремонт на подстанции.

— Ой, спасибо! Дальше мы сами как-нибудь.

Дорога грунтовая, после дождя в колдобинах, но на мощной машине домчались быстро. Татьяна Петровна стала искать кошелек, чтобы отблагодарить ребят.

— Не надо ничего. По пути ведь, — водитель даже обиделся.

— Как зовут-то вас?

— Денис. Денис, — почти одновременно ответили парни.

— Обоих, что ли, звать Денисами? — улыбнулась Татьяна Петровна. — И как вас различают друзья?

— Дэн один и Дэн два, — широко улыбнулись в ответ.

— Дай вам Бог здоровья!

Мало сейчас таких ребят, чтобы сами остановились и денег не взяли. Стало теплее на душе, появилась уверенность, что все будет хорошо, она обязательно попадет в родную деревеньку.

До Осиевки оставалось семь километров. У заброшенной деревни с удивлением они увидели крутой коттедж с огромными окнами. Рядом стояла рубленая баня.

— Ого! Мать, вот нам бы такой домик с баней в аренду взять, — предложил Лешка. Сын этим новоделом явно заинтересовался, а так всю дорогу из города сопровождал как телохранитель молча, слушая какую-то музыку через наушники.

Татьяна Петровна тоже удивилась этим хоромам, а еще больше участку не заросшего сосняком поля, где был посажен овес.

— Раньше здесь было гумно... — вспомнила босоногое детство, тетю Глашу.

— Как ты сказала? Гомно? — загоготал Лешка.

— Гу-мно! Ты и не знаешь, что это такое. Там хлеб молотили... Помнишь хоть, как в последний раз гостили в деревне?

Сын промолчал. Вряд ли помнит, конечно, мал еще был. Ездили втроем: она, муж и сынишка. В Осиевке уже тогда отрубили электричество, они готовили нехитрую еду на улице или в печи, если шел дождь. Но как же тогда было хорошо! Жили словно на необитаемом острове: одни в деревне. Соседские дома еще стояли целыми, поэтому было совсем нестрашно пустой деревни. За продуктами ходили раз в неделю пешком семь километров вдоль полей.

А сейчас с каждым поворотом дорога еле угадывалась. Если еще в самом начале были следы тракторов, пусть и давно засохшие, то потом они пропали. И

лес был какой-то мрачный. Черные елки, волнующиеся каждым листиком осины. Осиевкой деревню назвали не случайно: везде росли осины, великаны и маленькие, совсем прутики.

— Мать, может, вернемся, пока не поздно? — заныл Лешка.

— Ты что? Уже скоро придем. Вот за этим леском Осиевка, кажется.

— Кажется... — передразнил Лешка. — Ты говорила так десять минут назад.

Как он был далек от переживаний матери! А может, это она не понимала сына, его интересов?

Судя по всему, Осиевка должна была уже давно появиться. А вот и просвет. Татьяна Петровна ускорила шаг. Но вместо деревни показалась огромная вырубка. Стало не по себе. Этот новый проселок вел к вырубке. Старую деревенскую дорогу, по которой еще в лаптях ходила ее бабушка, видно, затянуло лесом.

— Может, все-таки вернемся в город, пока не заблудились? — снова попросил сын.

Татьяна Петровна не узнавала этих мест, все казалось чужим. Пошел сильный дождь. И тут она увидела на глиняной дороге когтистые следы и крупный помет. Медвежий! А рядом маленькие коготки. Похоже, это была медведица и с медвежонком.

Что делать? Сказать сыну? Испугается. Ей стало страшно. Она вспомнила коттедж и поле овса. Скорее всего, там останавливались охотники и зверя они специально прикармливали. Похолодела спина. Она боялась смотреть вдаль и по сторонам, стала вслушиваться, но дождь шумел успокаивающе монотонно.

— Мать, смотри, тут мишка навалаял. Ягод объелся! — закричал сын.

Точно, в помете виднелась бордово-красная брусника, еще не переваренная медведем. Татьяна Петровна вспомнила Ваню Кривого из своего деревенского детства: у него было обезображено лицо после встречи с медведем. Но Ваню спасло ружье, а что они могут с Лешкой?

Она стала судорожно вспоминать, как отпугнуть зверя. Нужен металлический звук, чтобы медведь принял его за оружие. Но ничего подобного с собой, как на зло, не оказалось.

— Лешка, врубай свою музыку на полную катушку! — предложила Татьяна Петровна.

— Ага, испугалась! — сыну, кажется, было весело.

«Мы друзья, медуза, медуза», — Лешка включил что-то непонятное. Звучало дико: какая-то «медуза» в этом лесном медвежьем царстве.

Раньше слушали совсем другие песни и другие стихи. Вспомнила свои любимые из юности: «Я ищу человека, синеглазого, среднего роста. Я ищу человека, чтобы было легко с ним и просто. Я ищу человека, чтобы был он такой, как и я...»

Дождь лил как из ведра. Они были мокрые насквозь. Резиновые сапоги, купленные специально для похода, наполнились водой. Татьяна Петровна вылила из них воду: будто литровку носила в сапогах. Она уже устала бояться медведицы и медвежонка. Крупные слезы было трудно отличить от капель дождя.

Сын обнял сзади. «Какой он сильный у меня!»

— Пошли обратно, а то заблудимся и простынем. С медведями шутки плохи, — тяжело было признаваться в провале затеи, но она не увидит родной Осиевки, встречи с которой ждала столько лет.

— Мама, мы обязательно попадем в Осиевку следующим летом! — поцеловав, Лешка задел ее легкой щетиной.

От этого «мама» сердце сжалось. Ничего не нужно, лишь бы сын рядом. Самый лучший сын в мире!

А до деревни оставалось пятьдесят шагов, надо было только повернуть вправо: за мелким осинником скрывались остатки срубов. Крыша на пятистенке тети Глаши давно упала. Потолочная балка смяла бидончик на лавке, в который в последний раз она собирала клубнику. В комнате сквозь сгнившие половицы росла жирная крапива и иван-чай. В летней половине избы вывороченные бревна создали что-то вроде защитного убежища.

Здесь прошлой осенью вместо берлоги решила обосноваться старая медведица. В конце января она родила медвежонка: крохотный шерстяной комочек, еще и слепой и глухой. Сейчас он превратился в крепкого подростка. Это были те самые медведица с медвежонком, что испугали женщину с сыном по дороге в Осиевку. Теперь это был их дом, их деревня.

НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ

Капли холодного сентябрьского дождя настойчиво барабанили по металлическому подоконнику, не давая уснуть. По мокрому асфальту шелестели шины — пластиковое окно не спасало. Ветки тополей от порывов ветра то заслоняли, то открывали уличный фонарь, и белый свет заполнял на время комнату.

В этом городском комфорте возникла дурацкая мысль: интересно, а как там сейчас в Антоновке, глухой вологодской деревушке? Впервые оказался в ней жарким июльским днем, поехал, чтобы набрать воды из ключика. Вот бы очутиться там хоть на минутку! Фонарей в деревне нет, все погружено в беспросветную темноту и оглушительную тишину. Начал вспоминать...

В Антоновку я отправился за водой, о целебных свойствах которой был давно наслышан от многих: мол, лечит все болезни. Ключик еще называли Каменным. Мол, попьешь водички и будешь крепким, как камень.

Доехать до этой деревушки без подробной инструкции невозможно. Какие там указатели! Знакомые нарисовали путь на бумаге. Сначала грунтовая дорога, продавленная лесовозами, затем пришлось ехать полем, заросшим мелким сосняком. Свернул налево, потом еще раз налево...

Добрался. Сколько таких деревень, как Антоновка, я уже видел! Пять домов пригнулись к земле, по крышу заросли репейником и крапивой. Печальное зрелище.

Ручей нашел по характерному звуку. Вода струилась по деревянному желобу, искрилась, как хрусталь на солнце. Зачерпнул ладошкой... Вкусная, сладкая, пил бы да пил, но скулы сводило от холода. Набрал две бутылки по пять литров — хватит. Впрок не запасешься. Умылся.

И все-таки интересно пройти по этой деревушке. Антоновка... Веселое название. Так называется сорт яблони, а здесь одна малина да черные елки подступают к домам.

От ручья нащупал твердую дорогу. Камни были выложены ровно, подобраны один к одному, как городской асфальт. Дорога уходила в лес. Да это чудо еще похлеще ручья! Кто-то проделал титанический труд. Но кто? И когда? Загадка...

Ближайший к источнику дом — единственный с целыми стеклами. Он был сложен из толстенных бревен: трудно представить, что их поднимал человек. Странно, трава у избы как будто примята. Вдруг там кто-то живет? Но деревня считалась нежилой.

Набрался смелости — заглянул через приоткрытые белые шторы. На столе у самого окна — ломоть черного хлеба, граненый стакан в подстаканнике и... надкусанный огурец! Спина похолодела. Кто-то здесь живет! Захотелось поскорее уехать. Так, где же оставил машину? А, вот она... Быстро зашагал от этого дома.

— Парень! — раздался в спину старушечий голос. Обернувшись, увидел на пороге бабу. Вполне себе приличная, одетая в яркую цветастую кофточку, в которой можно и на вечер танцев сходить. Пепельного цвета волосы. Лицо в сетке морщин. Прищуренные глаза.

— Ты к кому приехал? Или за водичкой? — проокала баба.

— Да, за водой на ключик. Уезжаю уже.

— Постой! Милый, довези-ка до остановки старую. Я быстро соберусь, — и, не дожидаясь ответа, ушла в дом.

«Ну вот, не хватало еще странной попутчицы».

Она собиралась долго. Вышла: в одной руке — корзина, полная до краев черники, в другой — пластиковая пятилитровка с водой. Шустро забралась в машину.

— Я думал, что тут никто не живет, — пытался заговорить с бабой. Лицо ее у рта было испачкано малиной, семечки прилипли к верхней губе. Видно, что в зеркало она не смотрелась давно. А зачем? Одна живет.

— Ты меня тоже испугал. Только села отобедать: гляжу, кто-то шастает по деревне и ко мне правит. Пришлось прятаться в кути*. Я три дня как приехала из городской квартиры. Думала, поживу подольше, а как? За зиму украли все металлическое. Даже ведро поганое забрали, чего уж там плитка с кипятильником. Кастрюли тоже своровали, нечем воду погреть и поить сготовить, — баба изливала душу, пока я рулил.

— И как вы жили?

— На воде. Холодной пила. Огуречики, помидорки, хлеб был. Зубов все равно нету.

Жалко стало бабу.

— А кто у вас из булыжников дорогу-то выложил?

— Это монах Антоний, не знаю, в каком веке и дело было. Деревню-то в честь его назвали.

Мне стало любопытно, не поверил старухе.

— А откуда монах в деревне взялся?

— Говорю же, деревни не было. Лес один стоял. Бабушка мне рассказывала, что Антония сюда сослали из Перегудовского монастыря. Согрешил он с молоденькой девушкой...

— Так Перегудово же далеко отсюда, километров тридцать? — вспомнил развалины монастыря — одни стены, заросшие внутри березняком.

— А по прямой — двадцать. Вот наказание Антонию дали — сделать дорогу из камней в монастырь, тогда и искупишь грех. В землянке вначале жил. Воды здесь не было, так ручей сам Боженька ему помог открыть. С тех пор люди отсюда берут воду. Сколько приезжает каждый год! Я в первую дорогу сама шла от остановки десять километров, хоть бы кто посадил. Думаю, помру уж. А выпила воды — и забегала.

Мы ехали по грунтовке, а я представлял себе этого монаха.

— Не раз спасал Антоний нашу семью, — продолжала баба. — Перед Великой Отечественной отцу приснился монах в землянке. Подивились они этому с мамкой и забыли. Началась война. Рассказывал батя потом, как их дивизию в первый месяц

* *Кути* — кухня.

немцы с самолетов закидали бомбами, кровавое месиво одно от людей осталось, где рука валяется, где голова. А отец в землянке схоронился. И надо же: не упала туда ни одна бомба! В пехоте прослужил всю войну. Без ранения!

Когда родителей уже не было, я в деревне одна с детьми какое-то время жила. Снится мне однажды, что монах в избе стоит прямо надо мной. Тут я и подскочила с кровати. Чувствую: угарно в избе. Бросила стул в окно, чтобы воздух зашел, детей подняла. Еще бы немного — и померли все. Сколько таких счастливых избавлений было! Всех уже и не упомнишь.

Приехали в село. Почему-то не хотелось расставаться с пассажиркой. Она торопливо собирала вещи, городской автобус уже стоял на остановке.

— А как он сам-то умер?

— Кто? Антоний? Как, как. На последних метрах булыжники укладывал, уже и монастырь виден был. Упал и умер. Старый ведь, двадцать лет мостил дорогу. И зимой, и летом в длинной до пят черной рясе ходил. А прямой оставался до смерти, не согнули камни! Все потому, что родниковую воду пил. Похоронили Антония у стен монастыря. Могилу сейчас, конечно, никто не покажет. Все порушено и дорогу забросили. По полям новую проложили, длинную...

Бабка уже залезла в автобус. И через открытое стекло поблагодарила меня:

— Спасибо, что подвез, а то не дошла бы. На следующий год приедешь, открою тебе места ягодные. Ты уж наш теперь, антоновский. Ничего не бойся... — почему-то шепотом добавила и перекрестила.

Двери захлопнулись, и автобус помчался по шоссе.

А я даже не догадался спросить, как зовут попутчицу. Потом в селе рассказали, что это последняя жительница Антоновки, бабушка Вивея, и в прошлом году ей исполнилось девяносто лет.

— Чему удивляться? В Антоновке все чуть не до ста лет жили, потому что воду пили железную.

По приезде в город в словаре посмотрел: Вивея — значит крепкая...

Почему вспомнилась Антоновка сейчас, в эту сентябрьскую полночь? Сон никак не шел. Любимая спала рядом, подложив, как ребенок, руки под подушку. Встал, посмотрел во двор и на детских качелях увидел какого-то старика с непокрытой седой головой и в черном длинном балахоне. Я отпрянул от окна, задернул тяжелую штору. Это еще что такое?! Снова выглянул. Никого на детской площадке уже не было, дождь закончился, ветер стих. А сиденье качелей раскачивалось...

Через неделю любимая сделала меня самым счастливым человеком: у нас будет ребенок! Но после обследования врачи отговарили рожать: слишком сложный случай. Я сказал тогда Наташеньке: «Ничего не бойся!» Роды проходили тяжело, но закончилось все благополучно. Да, назвали сына Антошей...

Александр КОСТЕРЕВ

«В параллельных мирах»

Стойкость

Оловянный солдат из призыва обломанной ложки
на бессменном посту охраняет мячи и матрешки,
не пугают бойца вой пластмассовых пуль и картечи,
наша форма крепка, не допустим каверны и течи...
Наша форма крепка, и солдат достается сынишке,
защищают войска мирный отдых потертого мишки,
ни к чему выбирать между танком и старой кобылой:
а солдатик — участник боев, и в живых — подфартило...
Да участник боев, и ему отступать не пристало,
сколько их полегло в искореженных грудах металла?
Не сгорел, не обмяк, не поддался на сладкие речи,
оловянный солдат — он, по сути, такой человеческий...
Не красив, не урод, в трудный час не преклонит колена,
не китайский, а тот (из любимых отцом), довоенный...
Оловянных солдат не упрячешь в обшарпанный ящик...
Дай им, Боже, любви, не игрушечной, а настоящей...

Ёжик

Сколько трагичности в мире: туманы и реки...
Ежики бродят в траве, в городах — человеки,
в тайной надежде отведают душистого чаю,
с другом/подругой вечерние звезды считая...
— Шишел не мышел, — пророчат летучие мыши,
ухает филин, а страхи ночные все ближе...
Слабо фонарик мерцает вдали светлячковый,
отданы: чувства, долги, ожидания, швартовы...
Кто сбережет нас в промозглой ночной канители,
ежиков — стражей тончайших душевных материй?
Кто защитит от простуды, тумана, испуга?
Как хорошо, что мы живы и есть...
Друг у друга...

Ходики

На стене, на гвоздике
жили-были ходики:
жили-были,
жили-были
(точно ходики ходили),
жили-были,
жили-были
(горевали и любили,
проводжали и встречали,
дни недели отмечали).
Досаждали только гири:
так тянули и давили,
возвращая к прошлому —
ничего хорошего...
Как-то лопнула цепочка —
встали ходики, и точка:
неразлучны в мире
ходики и гири...
Вот превратности судьбы...
Жили-были,
жили бы...

Качели

Скрип качелей: — Не мы, не мы...
В опустевшем саду заброшенном...
Так нутно: — Всего хорошего!
Расставание до весны...
Через лужиц зеркальный наст,
звук шагов возвращает в прошлое...
На прощанье: — Всего хорошего!
Ясно слышится: — Бог подаст...
Не ноябрь, а наяд наряд,
с голью гоголь, скрипит качелями
о любви, в которую верили
в сверхпрозрачности ноября...
Сгинь, стыдливая нагота!
Подбираю слова корявые...
А качели губами ржавыми
все скрипели: — Не та, не та...

Дом, который я строил

Дом, который я строил,
был, как водится, мал:
в нем я не был героем,
на Луну не летал,
колдовским баритоном
не тревожил сердец,
не бросал батальоны
под разящий свинец...

Но зато в этом доме,
без дверей и замков,
есть и солнце на склоне,
и погост стариков,
запах хлеба из печки,
нежность близкой руки,
и резное крылечко
на четыре строки.

Оставляем тире...

Время года — зима, на висках серебром иней...
О любви ни полслова — потрачено и забыто...
Выхожу из окна в глубину твоих глаз синих,
а недолгому счастью — приятного аппетита...
Истончились нервишки, не станут крылом плечи,
подсчитаю морщинки на старом чужом теле...
В лепрозорий души заходить с каждым днем легче,
с бестолковым плакатом гордыни: «Ну что, съели?»
Затянуть бы лихую — не радует, не допито,
вспоминая о той (в бликах солнца и конопатой)...
На покрытых пометом и скорбью могильных плитах
оставляем тире. Между первой — последней датой...

Не параллельное

В параллельных мирах мы летим — горделивые птицы,
в параллельных мирах, где не встретиться и не проститься,
в параллельных мирах, постигая вселенский простор...
Параллельность миров разделяют заборы и стены,
сохранив свое «Я», мы возводим преграды из тлена,
ни звонка, ни письма, ни привета, ни взгляда в упор...
Нам дороже Евклид, но правы Лобачевский и Риман,
наше первое: «Ма!» от прощального неотличимо,
мы не ценим счастливых мгновений до крайней поры...
Параллельны миры... Мы как линии в них одиноки,
не транжирьте любовь: быстротечны улыбки и вздохи,
и, пожалуйста, будьте добры, берегите миры!

Помилуй

Помилуй... Бог в улыбке и руке,
а не в иконах в красном уголке,
он, безусловно, прячется повсюду:
помоет губкой грязную посуду,
под вечер шьет и штопает носки,
а что его шаги — они легки,
касания его подобны чуду...
У тихих вод заросшего пруда
желтеет одуванчик придорожный,
он тоже Бог, и жизнь его проста,
а мы с тобой, выдумывая сложность,
ей воздвигаем гордый пьедестал...
А сколько жить — полгода ли, полста?
Под гнетом гирь торопятся часы...
Недолог век у капельки росы,
И по тропинке за крутым холмом
мы к первозданной тишине бредем...
Для грешника такая благодать
со стороны за Богом наблюдать...

Карга

Подожди уходить, не спеши рьяно:
карнавал впереди — надевай маски...
Можешь Еву слепить из ребра? Рано,
потому, что не Бог, лишь гончар-мастер...
Что не глины комок — целый сонм гарпий,
в лучшем случае ведьм, потаскух ночи...
Можешь Еву слепить из ребра? Рано,
то ли ребра не те, то ли дух волчий.
Мелкий дождик косит... За косою — небо,
Не сойдется с кредитом чужой дебет,
тот, кто в прошлом лепил из ребра Еву,
и такую каргу, как она, слепит...
Повраждуем еще, да не быть гневу,
гробовою доскою скрепи трепет...
Даже если не выйдет твоя Ева,
обращайся к Нему, Он еще слепит...

Дворнику

Наш тихий задумчивый дворик
пугает загадочный дворник,
ведь каждое утро неспешно
вдоль дома он катит тележку,
в которую, будто в копилку,
и время кладет, и бутылки...

Неделя идет и другая,
и годы послушно мелькают,
а дворник святой и безгрешный
все катит и катит тележку...

И многих не стало на свете:
и те исчезают, и эти,
а дворник ползет понемножку,
колеса стучат по дорожке...

Средь зодиакального круга
мы вряд ли отыщем друг друга,
мелькают века и планеты,
одно не меняется это:
загадочный дворник неспешно
все катит вдоль дома тележку...

Виктория МУХОПАД

ДОМ БЕЗ НАДЕЖД

Рассказ

*Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же:
имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время.
На все прочее мода: на умы мода,
на знания мода, как на пряжки, на пуговицы.*

Денис Иванович Фонвизин. Недоросль

Если у вас есть мечта, не торопитесь о ней рассказывать. Одно слово, намек, мысль — и непременно зазвенит поток советов. Со всех сторон будут утверждать, что ты не учел то и другое, что эта мечта какая-то не такая и как будто вовсе не твоя. И что вообще мечте лучше оставаться мечтой. Только избавишься от этого звона в голове, глядя — а мечта испарилась.

Сколько себя помню, так все и случалось. Когда я сочинила первый стих, бабушка сказала, что моего таланта достаточно только для частушек. Новых книг мне почти не покупали — всегда можно перечитать старое. Так что я украдкой зачитывалась в книжных магазинах чем придется. Иногда случалось выдернуть какую-нибудь взрослую книгу из бабушкиной библиотеки. Однажды мне попала «Эммануэль». С тех пор меня к шкафу с книгами не подпускали.

Как-то я притащила с улицы рыжего кота с голубым глазом. Да, глаз был всего один. Бабушка, как полагается бабушкам в таких случаях, завопила, что еще котонинвалидов нам в доме не хватало, и что это — ходячая зараза.

— Это не зараза, ба. Это Кутузов, — возразила я. Но спорить с бабушкой — это все равно, что бежать с дубинкой на стаю волков. Разговор был закончен, так и не начавшись.

Я полгода прятала Кутузова в гараже у соседа. Гараж — кладбище вещей. Наверняка там мог затеряться не один кот. Однако вскоре дяде Паше надоело меня прикрывать, и он все-таки уговорил бабушку забрать кота в дом. Через полгода Кутузов сбежал. Бабушка сказала, что он ушел на войну.

Утро мое начиналось всегда одинаково. Бабушка утягивала мои рыжие кудри в косу так, что даже и без того большие голубые глаза мои округлялись. Мне выдавался «белый верх и черный низ» для моей худой сутулой фигуры, постыдный контейнер с кукурузной кашей и двадцать рублей на проезд. В то время как мои сверстницы познавали первые радости дискотек и макияжа, я выглядела оплотом приличия с закушенной от обиды тонкой губой.

А когда мне исполнилось пятнадцать, я решила поступать в литературный институт.

— И куда ты потом пойдешь? — спросила мама. — В районную газету на двенадцать тысяч пахать? Настя! Ну кто тебя возьмет? И так всю жизнь побираться... Творчеством на хлеб не заработаешь!

Недели «семейных советов» без права моего голоса, — и вот мы с мамой и бабушкой стоим на пороге юрфака. Если у вас есть мечта, не торопитесь о ней рассказывать.

Наконец воля моя была окончательно сломлена и, повинаясь судьбе, я порешила во что бы ни стало попасть в Голубой дом. Среди осунувшихся истертых временем высоток в зелени сада пряталось от солнца большое и светлое здание — главное в городе. По вечерам из него выходили хорошо одетые люди с дипломатами в руках. Стоило человеку в беде опуститься на крыльцо голубого дома или встать напротив окон с плакатом волнующего содержания (на котором обычно ничего не видно, пока не подойдешь достаточно близко), к нему тут же подходили высокие статные мужчины, клали руки на плечи, заботливо интересовались, в чем дело, и провожали в здание.

Выходил недавний бунтарь уже просиявшим, непрестанно благодарил благодетелей и «самого» (стало быть, Губернатора). Казалось, Голубой дом — храм благополучия. Конечно, я мечтала работать в Доме, и семья мечтала вместе со мной. Почему-то всем верилось, что это принесет мне счастье. Хоть вслух это никогда не обсуждалось.

На порог Голубого дома я пришла в голубом костюме, на который мама спустила последние деньги. Мы даже бирки от него не отрывали — ну, знаете, «на всякий случай». Похоже, никто в семье особо не верил, что я продержусь больше двух недель. Меня накрасили («а то как моль в обмороке»), туго затянули пучок рыжих волос, выдали «парадную» сумку — фамильную драгоценность. Я приняла эстафету. Я герой семьи: золотая медаль, красный диплом. Я продержусь.

— Что вы закончили? — тихо спросил мужчина в синем костюме. У него были светлые, серые глаза, так что даже мороз пробежал по коже.

— Томский государственный университет, юридический факультет, специализация «государство и право», — отгавторила я.

— Понятно, — проглотил мужчина. И замолчал.

Мы сидели в тишине минуты две. Он смотрел в никуда и явно что-то обдумывал. Может, даже совсем постороннее. Я заскучала и принялась рассматривать книги на его столе, но света в комнате было так мало, что едва можно было различить хоть какие-то буквы. Под ровный шаг часовых стрелок меня наконец зазнобило, так что я даже подумала, не пора ли валить.

Может, это вежливая «молчаливая» просьба? Может, в Голубом доме так принято? Я, например, так долго молчу, только когда бабушка приходит в гости — либо слушаю ее наставления, либо намекаю, что больше нам не о чем говорить.

Пока я обдумывала, как вежливо ретироваться, не «осралив свою семью» (как наверняка запричитала бы мать), мужчина снова заговорил.

— Кто ваши родители?

— У меня... гхм... мама — врач. И бабушка. Она на пенсии. Бабушка с нами живет.

— Понятно.

Он снова замолчал. Как эксплорер, честное слово. Глаза его вновь застекленели, и я приготовилась ждать и мерзнуть.

— Почему вы захотели стать юристом?

— Интересный вопрос, — сказала я. Ответа я не знала. Вот была бы здесь мама или бабушка, они бы сразу начали говорить про мое упрямство, про справедливость и мир во всем мире... Точно! Мир во всем мире!

— Это моя мечта — работать на благо государства и народа, — соврала я.

Если врешь, главное — говорить спокойно. И лучше не шевелить бровями и... глазами. И руками тоже лучше не шевелить. Потому что, как говорит мама, «у Наськи на лице все написано». Мужчина наклонил голову и внимательно посмотрел на меня. Я замерла! Главное не колотиться!

— Что ж, — сказал он. — Очень хорошо. Не знаю, удастся ли вам это воплотить... Но зарплату я вам обещаю не меньше прожиточного минимума.

Вообще-то это обещает наш Трудовой кодекс. Спасибо за щедрость. Вот мама обрадуется!

Тогда я не знала, что этот холодный мужчина — главный в Голубом доме. Золотой таблички во всю дверь я, к стыду своему, не заметила. Зато запомнился большой персидский ковер, в котором с первого шага утонули мои туфли. Он прямо-таки засосал меня в свой мягкий светлый ворс, и всякое передвижение по нему давалось мне с большим усилием.

И часы — часы тоже были удивительные: две золотые стрелки на кухонной тарелке в цветочек. Многим позже я узнала, что стоят они в десять раз больше, чем мы с мамой отложили на черный день. Дизайнерская вещь, все дела...

Так я попала в Голубой дом.

В Голубом доме все друг с другом здороваются по десять раз на день. Если не поздороваться — обязательно расскажут начальнику, оштрафуют и будут напоминать о промахе еще неделю. Я старательно со всеми здоровалась. И кивала: на случай, если не расслышат.

Здесь не курят, не берут трубки и не держат книг. Зато обедать разрешается часто и много. Скажите это среднестатистическому офисному работнику, и он вприпрыжку побежит в Голубой дом. Но я все еще опасалась перекусывать когда вздумается. И лишь через неделю работы пошла в столовую.

Очередь тянулась до самого выхода, и я принялась выбирать. Времени было полно, а вот денег... Моего бюджета в сто рублей хватило на тарелку супа, компот и булочку с повидлом. «Неплохо для начала», — подумала я и двинулась к кассе. Я и не заметила, как впереди меня оказалась высокая статная женщина с полным подносом еды: ростбиф, булочки с маком, бутерброды с икрой, салаты, гарниры... По сравнению с ним мой обед казался, мягко говоря, постным.

— Гхм... Разлешите! Посчитайте нас, Галочка, будьте любезны! — обратилась она к кассирше. — Владимир Александрович, иди сюда! — крикнула тетка двухметровому лысому мужчине с большими часами. Если бы я не знала, как выглядят «ролексы», я сдуру подумала бы, что это они самые и есть. А потом женщина уставилась на меня и с укором протянула:

— Старшим надо уступать!

Я хотела было возразить, что вообще-то абсолютно справедливо отстояла двадцать минут в душной очереди, и никто не вправе бесцеремонно влезать перед моим носом. Но тут все важные пиджаки прошагали вслед за своим генералом в юбке, оставляя меня и мой остывающий обед позади. И я покорно переместилась в «хвост».

Когда я наконец поднесла ко рту ложку супа, то услышала за спиной все тот же противный голос:

— Лучше надо есть! Одним супом сыт не будешь! Холоший работник ест холошо!

С тех пор я не хожу в столовую.

Все причуды и пороки обитателей Дома с легкостью собирались в одном человеке — Нине Трепаловой. Даже имя это в Голубом доме давно стало нарицательным и применялось ко всем без исключения хотя бы по разу в жизни. Нина не приходила на работу раньше десяти утра, никогда не возвращалась с обеда вовремя. Ела чебуреки прямо над документами и никак не могла похудеть. Переодевалась на глазах у коллег-мужчин, ходила с распущенными, нерасчесанными волосами, жаловалась на мужа, на мать и на дочь и постоянно отпрашивалась. Если кто-то косячил на работе, ему говорили: «Ну ты и НИНА!»

Нина была первой, кого я увидела, когда зашла в свой кабинет. Она сидела за столом. На нем синел большой пластиковый таз, полный винограда. А перед монитором стоял ноутбук (да-да!) последней модели, крутивший какой-то попсовый сериал. На полную громкость. Работой здесь даже не пахло. Чего-чего, а увидеть в Голубом доме, полном плотных костюмов, деловых бумаг и жгучих купюр, такой пассаж я никак не ожидала.

— Привет! Проходи! — сказала Нина, сплевывая косточки. — Рассказывай!

— А что рассказывать? — спросила я.

— Как жизнь молодая? Как зовут? Сколько лет? Муж, дети? Чо за костюм?

Я изложила анкетные данные, пояснив, что мужа и детей пока нет, а костюм совсем обыкновенный и почти что даже не мой.

— Ну а это... мужик хотя бы есть? А то вдруг ты забеременеешь — и прыг в декрет?

Я уверила Нину, что у человека в двадцать лет, живущего с бабушкой и мамой, не может быть не то что личной жизни, а даже и личной комнаты. Кажется, ответ ее удовлетворил. Вселенная услышала мои просьбы, и от мерзких расспросов Нину отвлек звонок телефона.

— Юридический отдел, — протянула, растягивая гласные, Нина. — Да. Да. Нет, такую льготу мы не выдаем. Ну и что, что закон? В законе написано, что гражданке Титовой полагается льгота? Ах, не написано? Ну вот и весь ответ! И денег тоже не даем. Да. Вы можете обратиться в суд, но все равно проиграете. Угу. До свидания. — И тишина в трубке сменилась короткими гудками.

— Кто звонил? — спросила я как можно смелее.

— Кто-кто! Граждане в пальто! Каждые пять минут трезвонят, я только ради приличия иногда беру...

— А разве мы не должны их консультировать... ну, как-то помогать, может быть? — возразила я.

— Ой, все уже давно улажено наверху, смысл париться? — буркнула Нина.

— А разве нет таких случаев, когда им действительно что-то причитается? Так ведь нечестно...

— Да даже если и есть, тебе-то что? Все равно не дож-дут-ся! — сказала Нина и достала пакет с беляшами.

В Голубом доме все были уверены, что мнение начальника — это закон. Нет, даже выше закона. «А если несогласная, пережуют и выплюнут, и вылетишь отсюда как старый степлер», — объявила Нина.

Я подумала, ну чем плохо? Ну возомнил себе этот стеклянный перец, что важнее Бога. Пусть так себе и думает. Я-то знаю, как оно на самом деле: надо только говорить одно, а думать-то можно совсем другое. А уйти и с хрустом провалить миссию я еще успею.

Дела в судах Голубой дом и правда лихо выигрывал, несмотря на то что «квартиры не выдавались», «льготы не выделялись», «пенсии не повышались», а «школы не оснащались». Народ таращил глаза, вопил, ругался, но все же понимал свое бессилие. В конце концов, чего удивляться, у нас вся страна такая. Я ведь тоже не купалась в золоте: моя зарплата действительно оказалась небольшой. Но для нашей бедной семьи это было лучше, чем ничего, и я продолжала работать.

Шли недели, месяцы. Со временем мы выкроили мне денег на новую одежду, потому что в голубом доме женщины не ходят каждый день в одном и том же. Скорее даже наоборот. Очевидно, что мой яркий костюм не мог не выдать этот недостаток.

В очередное судебное заседание я отправилась в новом, черном костюме. Гораздо дороже предыдущего. Так что я серьезно переживала, как не поставить на нем затяжку и не замять лацкан под тяжелым зимним пальто. У кабинета судьи я принялась исследовать обновку на предмет потертостей.

Не прошло и минуты, как дверь открылась, из кабинета выглянула девушка:

— На тринадцать сорок проходите. Ваши документы?

В кабинете так пахло кофе, что даже его вкус ощущался во рту. Я присела за стол и начала раскладывать плотные и гладкие бумаги, которые до этого момента прятались в моем увесистом портфеле. Но скрип, грохот, вздохи у порога заставили меня поднять голову.

В зал суда въехала коляска. В ней сидел парень лет пятнадцати. Тело его казалось крепким и здоровым, и только в отсутствующем взгляде можно было заметить искры серьезного заболевания. Хотя по опыту прошлых дел я предположила, что, будучи здоровым, он вырос бы еще больше.

За ним шла сутулая, сухая женщина. От холодного света лампы в кабинете ее волосы казались пепельными. Она трясущимися руками раскрыла уставшую папку и с опытным видом достала из нее все необходимое. Запах валерьянки вытравил всю размеренность жизни, которая еще секунды назад царила в кабинете судьи.

— Слушается дело по исковому заявлению граждан... — начал монотонный голос, — ...об обеспечении лекарством...

Судьи в этом плане настоящие сухари. Они слушают по несколько десятков таких дел за день. Как тут не очерстветь? Но для матери — это решающая битва. Каждый раз. Каждый случай.

Женщина в ту же минуту оправила рукава выцветшей блузки, расправила плечи и словно приготовилась к бою.

— Слушаем вас, истец, — протокольно продолжил судья.

— Ваша честь, — начала женщина. — Мой сын умирает. Ему жизненно необходимо лекарство. — И голос задрожал.

Я расстегнула жакет и откинулась на спинку стула. Если участник процесса начинает речь со слов «ваша честь», это точно надолго. Это я вам как юрист говорю.

— Понимаете, мой сын — это... это все, что у меня осталось. Я образованный человек, я вижу, что происходит. Но кто же еще нам поможет, как не государство? Это ведь наше! Наше отечественное лекарство! Оно стоит больших денег... и...

я... мы продали все что есть, мы до последнего не просили ни копейки помощи. И вот теперь мне говорят, что лечат его как могут. Они говорят, что у него улучшение. Но ведь я мать! Неужели я не вижу, как он мучается! Вы посмотрите!

Женщина трясла документами, справками, выписками, рецептами, в которых черным по белому было написано, что ампул для парня не хватает. Но когда подошла моя очередь выступать, я давно заученными фразами стала говорить о том, что для выздоровления парня делается все возможное. Власть никогда не сдастся. Иначе что это за власть?

Я почувствовала, как два зеленых глаза с морщинками в уголках сверлят меня насквозь. Слезы, упреки, даже ненависть — все это часто приходится выносить обитателям Голубого дома. Обычно иммунитет к народу у новичков вырабатывается месяца за два. Тогда тебя наконец посвящают в официальные обитатели, выдают грамоту и портфель... Меня же корбило постоянно. Каждый случай я переваривала и внутренне страдала от несправедливости. По вечерам бабушка и мама уговаривали потерпеть еще немного. Мол, человек ко всему привыкает, и не такое уж скотское у меня занятие, я же никого не убиваю! Я с надеждой ждала, когда чистый разум пересилит мои переживания.

И вот мой голос зазвучал увереннее, громче, я подняла голову и посмотрела на мать. И ничего не почувствовала. Что-то корбящее, там, между ребер, успокоилось. Уснуло. Или отмерло?

— Что ж, суд удаляется для вынесения решения, — сказал судья и попросил оставить его в кабинете.

Какой-нибудь начинающий писатель обязательно бы отметил, что на этой фразе суд бахнул деревянным молотком по столу. Но я-то человек бывалый, поэтому скажу вам, что молотков в судах нет. Париков тоже. Вдруг вы не знали.

Когда суд озвучил решение, я ликовала! За это дело начальник обещал хорошую премию, а значит, мы с семьей наконец-то поедem к морю! Я помчалась домой полная новых надежд и планов. И еще пакетов со сладостями.

— Бааа? Мам? Я выиграла! — закричала я прямо с порога. — Слышите? Будем чай пить?

Мама вышла из комнаты заплаканной. Глаз она не поднимала, но в ее сгорбленном, усталом силуэте сквозило какое-то горе.

— Что случилось? — спросила я.

— И зачем я тебя отправила в этот сумасшедший дом... — едва протянула мама и разрыдалась. — Какие были надежды! Все обман!

— В новостях видела, что творится? — выглянула из комнаты бабушка. — Паренек тот в коляске помер. Прямо в коридоре суда.

Моя радость угасла. Что-то в груди защипало так сильно, что я насилу стянула шарф и присела на табурет. В тот день я больше не сказала ни слова.

Дни наслаивались один на другой. Я получила премию и долгожданный отпуск. Сил мне с трудом хватало на то, чтобы встать с дивана и умыться, так что море шумело только внутри моей вечно больной головы. И тогда появились они — голоса.

Я лежу в постели. Белой и свежей, как лилии в бабушкином палисаднике после дождя. Под ней стоят рыжие ботинки — такие же, как я когда-то носила в

школе. Да, похоже, это они и есть! Воздух пахнет манной кашей с комочками и немножко хлором. Почти как в детстве. На сливе окна сгрудились воробьи. Если бы не решетка, я бы протянула им в форточку остатки ужина.

— Проснулась? — услышала я знакомый голос. — А я тут караулю тебя уже битый час!

— Нина? Ты?

— Ну а кто еще! Как нервишки? Шалят, гады?

Я огляделась и только сейчас поняла, что нахожусь в больнице: беленые потолки, раковина возле входа, ведро, окошко в двери (для подачи обедов?). Практически одноместная камера. Я пыталась вспомнить хоть что-то, но проваливалась в какое-то облако мыслей. Не помню, как оказалась здесь и откуда брались обеды и ужины. Нина продолжала болтать, словно частый и привычный гость. Хотя видеть ее мне хотелось меньше всего на свете.

— Ой, тебя пока не было, столько всего случилось! Дом наш, — тут Нина прикрыла рот рукой и хихикнула, — перекрасили в желтый! Федералы такую бучу подняли, что все поувольнялись разом. Что теперь с домом будет, и не знаю даже. А шефа в Москву забрали, ты прикинь!

— А ты теперь как? — спросила я.

— Уволилась. Развелась. Переехала. Поступила, — вздохнула Нина.

— Куда? Как?

— Я тут решила, что готовить я люблю больше, чем по судам таскаться. Подала документы в колледж сыроделия. Буду кулинаром. Вот и тебе принесла на пробу расстегаи с повидлом. И тетрадку, ты в прошлый раз просила прикупить.

— Я? В прошлый раз?

— Ну да. Твои-то когда с моря приедут? Я уже все жданки проела, а вина с чурчелой все нет. Сладко им там, наверное... Ну, пока, зубастик!

— Пока... — растерялась я.

В моих руках лежала тетрадь с рыжим котом на обложке. Я открыла ее и притонулась к свежей чистой бумаге. Больше всего на свете я боюсь чистых листов. И голосов в голове. Но пока они говорят со мной, ни один лист не останется пустым.

Дмитрий БЛИЗНЮК

«Дикий виноградник»

нет, он не умер. не выписался.
не спился.
просто уехал в потустороннюю Канаду,
устроился лесником в Огарко.
это неумное дикое желание забыться, измениться,
сбежать и снова найти себя.
одни мускулы и медленная ярость. и хвойные леса.
темно-зеленые иглистые драконы стоят стоймя
со сросшимися — перепонки воздуха — треугольными крыльями.
не пройти, не прорваться.
а по краю развязной от грязи дороги бродят лоси —
чуткие существа цвета грецкого ореха.
губастые, глазастые — безглаголиво, сердито смотрят на него
и идут дальше —
живые пятна роршаха-леса.
а за спиной — ниже, вдоль клинка рассеченной реки —
разматывается присосками утыканная пнями вырубка —
его прожитая жизнь.
все, что осталось от четвертованных дней,
распиленных поперек времени.
свежее белое горло стволов.

а цепная пила, ручная пиранья, поет: эй, подтяни меня,
напой из масленки.
тяжелый физический труд
выгоняет всю трусость и накипь невыработанного таланта
вместе с потом.
он чувствует себя Львом Толстым,
только без написанной войны и мира.
ночью, сломанный бессонницей, как спичка,
он выходит в лунное поле...

смолистый аромат. его можно вымять из воздуха,
как пыльцу пчелиного воска.

и куртка цвета хаки покрылась смолой —
сваленные сосны шепчут шелкопрядами ветвей:
ты такой же, как мы,
тебе некуда больше расти.
тебе не спрятаться за бородой.
вселенная найдет тебя и здесь и спросит:
почему не рос?
взыщет
за каждый бездарно прожитый день и час.
годы-единороги, которые ты застрелил
ради драгоценной кости, прихоти.
она выдавит тебя,
как гюрзу, из грозы —
дергающаяся белая палка-молния,
точно канат в школьном спортзале — давай полезай.
и ты пьешь кофе из термоса и слушаешь, как
черный дрозд в ветвях продирает горло, поет, резко елозит
наканифоленным смычком
по синему пенопласту воздуха.
как же здесь хорошо... и нечто — ребенок-ленивец внутри —
упирается
маленькими ступнями в потолок,
как письмо в бутылке — в горлышко.
но не выдавить эту пробку, эту хвойную тишину.
дальше некуда расти — ты в море застывшего бетона.
а корабль сгнил...
неужели это так?

у входа в женскую душевую

тощая костлявая красавица
с чуть рыбьим лицом — намек на прабабушку-русалку,
прозрачные голубые глаза.
тот случай, когда красота на грани провала,
обаятельного уродства, и в этом вся прелесть женщины —
дикий виноградник на краю пропасти,
корни, пробив грунт, торчат в воздухе, как ястребиные лапы,
и хочется сорвать эти ягоды
между небом и обрывом.
призрак синей лисицы. ягоды, прозрачные от солнца.
и ее прохладные глаза,
как плитка в бассейне у входа в женскую душевую.
смотришь ей в глаза — приложил раскаленный утюг
к зеркалу. вот этот звук.
вот она,
сила странной красоты.
кристаллы лопаются, как капилляры.
и ты
выделяешь наглость, адреналин, гормон
глупости. идешь вперед.

ломишься, как полено в костер Жанны д'Арк,
а потом наступает она — горизонтальная
пропасть женщины — мягкая и болючая.
и поцелуи — как хрящи
русалочьих пальцев,
которые обсасываешь в китайском ресторане —
босиком сидишь на корточках у самой кромки
цунами, остановившегося, как локомотив.

это любовь, детка.
это любовь без любви.
это жуки судьбы проползли
сотни метров по трассе под бешеным ливнем.
и нашли друг друга.

ГОРЯТ ЛОКОНЫ

девочка со взглядом волчицы.
полиэтиленовые сумки в ногах.
замерла, синеглазый взрыв детства,
возле семейной общаги.
толкает взглядом, как палкой: дядя, проходи. взгляд злой
и неземной.
обиженное создание, созвездие — забыли назвать,
позвать на вечеринку знаков зодиака.
цунами в колбе — ее глаза.
уперлась метровыми толщами синих вод
в прочные стеклышки.
но мир не пускает.

обидные прозвища. практически нищета.
тараканы кусают спящих принцесс за ресницы.
мир ей только снится,
проносится восьмипалубным крейсером-кошмаром.
а она — крошка,
колючая крошка с уст иванушки-дурачка. и что же счастье?
заглушка для сознания.
так осу закрывают в пустой бутылочке пепси. счастье...
танец пьяного на корабле
вот-вот выпадет за борт. ничего не вспомнит к утру.
и нет у нее крутого/приличного
мобильника,
чтобы уйти в зазеркалье для дылд,
ко всем этим эльфам, барбям, гаррипоттерам и котам.
детям и взрослым, посаженным на мягкий
ошейник цифры.

она же — полынь, усыпанная клещами.
торчит в ситце и сланцах у всех на виду.

сторожит сумки матери. небо мутное
и широкое, как скатерть, в жирных пятнах облаков,
и вокруг разбросаны
миллиарды мелких камней-людей.
и каждый впивается в спину и лицо
острой отвернутостью.
замарашка. голытьба.
девочка-цунами, однажды ты
вырастешь
из прекрасного утенка в гадкого лебедя,
психанешь и сметешь к чертям
весь этот модный надменный мир.
маленький отверженный дьявол
сидит в надувной лодке и машет веслами.
горят локоны. и я
прячу глаза. обжигаюсь о ярость.
я камень, я камень... не хороший, не плохой —
один из миллиардов чужих миров.
повернут спиной, свернут, как рубероид.
крестьянин
с маской тигра на затылке.

Инна ЧАСЕВИЧ

РАССКАЗЫ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕСА

Он выл. В этом звуке не было ничего человеческого. Он выл, как зверь, загнанный, больной, беспомощный. В этом вое было все: жалоба, мольба, вопль умирающего и просто истерика. Он выл без всякой надежды на спасение, просто оттого, что по-другому уже не мог выразить свои чувства. Человек, живущий на чужом огороде в полусарайке-полутепличке, четко осознал — начинаются настоящие холода, а это значит, что его жизнь заканчивается. Сложная, запутанная, временами никчемная, временами светлая, но все равно — жизнь.

Зима в этом году не торопилась в их края, и он получил временную отсрочку своей участи. Хотя жить в доме со стеклянной крышей и стенами было холодно, но, пока не наступили морозы, — терпимо. Пусть с кашлем, сотрясающим все его существо, пусть вечно дрожащим от холода, но жить...

Жить... А была ли она кому-то, и в первую очередь ему самому, нужна эта жизнь? Пару дней назад он, наверное, сказал бы, что нет. Но, когда смерть замаячила совсем рядом, жить ему нестерпимо захотелось, только как выжить в морозы в стеклянном, выстуженном сарае, он не представлял. Ужас и породил тот самый жуткий вой, от которого вставали дыбом волосы прохожих, чей маршрут лежал мимо садовых участков...

Только, видать, судьба была ему выжить и в этот раз. Один из «добытчиков» металла, промышляющий по заброшенным и сезонно-пустующим дачам, услышав странный звук, пошел прямо на него. Не иначе Ангел-Хранитель Степана сюда его привел.

— Ты чего, мужик? — почти заботливо спросил нежданный гость заросшего бородой, закутанного в старые куртки «хозяина» сарайки со стеклянной крышей.

— Жить охота, а помирать приходится. Холода наступают. Замерзну напрочь, если крысы раньше не сожрут — обнаглели эти твари в последнее время. Видать, от зимы озверели... Живые существа, понимаю. Но не могу больше терпеть, как они по мне ночью бегают, загрызть норовят.

Он помолчал, потом добавил, глядя с надеждой на вошедшего:

— Хоть бы прибил, что ли, кто... Долбанул по башке...

Мужик не отвечал, тогда Степан продолжил, глядя в пустоту, говорить словно самому себе:

— Или из леса забрал... Может, еще поживу, если Господь даст...

— Долбать не буду, не дождешься, я не по этому делу. С Богом своим сам разбирайся. А наводку, куда податься можно, дам. Иди на Щелковскую, это конечная синей ветки. Знаешь?

— Знаю.

— Там волонтеры каждый день с горячими обедами стоят. Старшая у них Юля. Говорят, помогает таким, как ты, баба добрая. Всем — не всем, не знаю. По-любому попробуй. Пошел я. Холодно у тебя, околеть можно. Мне еще «поработать» нынче надо.

«Ангел» в виде спеца по металлолому исчез в снежной дымке, а Степан еле дождался следующего утра. Всю ночь он мерил шагами сарайку, чтобы не заснуть и напроць не замерзнуть. Он добрался до Щелковской как раз в то время, когда сюда приехали волонтеры и подтянулись те, кто рассчитывал получить бесплатную еду. Без труда «вычислив» старшую — немолодую женщину с уставшими серыми глазами, он подошел к ней и начал с места в карьер:

— Помогите с работой. Дома нет, денег нет... Жить хочется... Может, в какой монастырь трудники требуются?

Внимательно глядя на «новенького», зашедшегося в этот момент застарелым кашлем, Юля ответила:

— Попробую. Но ничего не обещаю. Переночевать можете в наших комнатах. Там и душ, и парикмахер...

Через три дня Степан стоял около автобуса, отправлявшегося в один из маленьких, но важных городов центральной России, рядом с которым находился скит известного всему православному миру монастыря. Он рассказывал историю своей жизни и хотя не смотрел на Юлю, но по тихим судорожным вздохам понимал — она плачет. У него не было желания вызвать жалость волонтера, да и вряд ли они еще раз увидятся, просто она спросила, а он почему-то решил вывалить все...

В автобус прошла высокая женщина с сыном-подростком. Степану показалось, что она не обратила никакого внимания на него с Юлей, но когда стал пробираться на свое место, находившееся, как выяснилось, через проход от них, то уловил взгляд соседки в красном пальто.

В нем сквозило недоумение — с каких пор в приличный автобус стали пускать бомжей? Хотя и был Степан выбрит, подстрижен, одет во все чистое и вполне приличное, все равно человека, жившего где попало, было видно издалека. Она не стала выказывать эмоции по поводу такого соседства, вероятно, решив, что вряд ли человека без определенного места жительства запросто пустят в автобус. Может, она вообще о нем не думала, просто Степану так показалось из-за обостренного ощущения неприязненного к себе отношения. Он покосился на соседку — та, закрыв глаза, откинулась на спинку сидения, вероятно, уснув, сын тоже спал, положив голову ей на плечо.

Степан с интересом смотрел в окно. Попутешествовать ему пришлось немало, но в тех краях, куда он сейчас ехал, бывать не приходилось. Поэтому ему все было интересно — городки и поселки, «проезжавшие» мимо, лес, который теперь, когда он сидел сытый и в тепле, вызывал у него восхищение красотой, а не чувство ужаса, голода и одиночества. Правда, страх в нем все равно сидел. Страх перед тем, что ждет впереди...

Во время остановки, когда соседи отправились в придорожное кафе, он вытащил выдавшуюся вилку, оставшуюся от прежней жизни и после долгих сомнений и колебаний все-таки сделал большой глоток. На алкоголь, как ни странно, организм Степана не среагировал, видать, нервы настолько были напряжены, что привычное средство расслабления не подействовало.

Автобус двинулся дальше, соседи, купившие пирожки, разложили на коленях салфетки и принялись за еду, предварительно перекрестив ее и прочитав молитву. Правда, слов он не разобрал, но сосредоточенный и слегка отрешенный вид женщины подтвердил его предположение. Когда пирожки были съедены, соседи

углубились в свои гаджеты: сын достал планшет, а мать — сотовый телефон. Степан подумал, что сейчас самое время заговорить, и обратился к женщине:

— Вы, как я понял, люди верующие.

Женщина отвлеклась от телефона и, вежливо улыбнувшись, ответила:

— Стараемся.

— Вы можете помочь другу? — так же улыбнувшись, спросил Степан.

Соседка в красном пальто слегка смешалась, но через несколько секунд, взяв себя в руки, так же вежливо ответила:

— Если смогу, конечно, помогу.

Степан протянул ей карманный молитвослов, у которого страницы были оторваны от корешка — слишком много ему пришлось «вынести» за время скитаний хозяина, это вообще было чудо, что он сохранился хотя бы в таком виде.

— Вот, почините, пожалуйста, я не знаю, будет ли у меня возможность это сделать самому.

— Конечно, конечно, спасибо, — женщина аккуратно положила молитвослов в дамский рюкзачок, а сын перекрестился и снова уткнулся в планшет, с экрана которого громко вещал герой популярного сериала.

— Сделай тише, ведешь себя безобразно! — одернула женщина сына, но тот, то ли не услышав, то ли сделав вид, что не слышит, продолжил наслаждаться музыкой из сериала. Мать сделала попытку вырвать из рук отпрыска громко расппевающий планшет, но она не увенчалась успехом. Соседка зашипела:

— Или выключай, или сейчас заберу, и совсем не получишь до Нового года!

Сын, пробурчав в ответ что-то типа: «Ага, щас!», все-таки сделал звук чуть тише и, отвернувшись от матери, демонстративно приложил гаджет к уху.

Степан жестом подозвал женщину и, когда та наклонилась к нему через проход, сказал:

— Не дергай его, угрозами ничего не добьешься, лучше по-доброму скажи: понимаю, что хочется музыку послушать, но давай сделаем так, чтобы слышали только мы, а не весь автобус, некоторые спят, зачем людям мешать. Видно же, что пацан у тебя неглупый и пока еще не наглый. Смотрю только, не общаетесь вы, каждый в своей «игрушке» сидит. Плохо это... Я вот тоже так сына потерял... Правда, ему уже двадцать три было.

У соседки приподнялись удивленно брови.

— Потерял, потерял, и ты потеряешь... Уже теряешь. Из-за телефонов этих, планшетов, компьютеров, фонов-монов... Мой в институте учился, последний год до диплома оставался, уже и работу неплохую нашел. И тут, как у вас говорят, «завис» в компьютере... То ли игрушки, то ли общение в сети затянуло, то ли все вместе... Не знаю... Год с женой пытались его образумить, думали — диплом напишет, а он только в компьютере сидел. Попал парень. Через год сказал ему — все! Не хочешь учиться — иди, работай, хватит на шее сидеть...

Степан замолчал, вспомнив сына, его улыбку, удивительно синие глаза. Андрея иначе как красавчиком никто никогда не называл. Родители думали — от невест отбивать придется... А ему, как засел в Интернете, так никто не стал нужен — ни девушки, ни учеба, а на красный диплом шел. Соседка молчала, выжидательно глядя на собеседника, потом решила прервать затянувшуюся паузу:

— И как все разрешилось? Институт все-таки окончил?

— Какое там, — махнул рукой Степан, — академ взял, потом еще один, два года прошло, он не учился и не работал. У нас с женой стычки начались, и я, грешник, не выдержал, ушел... Мы всей семьей с Украины уехать собирались, уже все готово к переезду было, а тут мне сын заявляет: «Не поеду, и все!» Жена с ним осталась... Разошлись мы... Я один уехал. Все ей оставил, а собирались

домик купить, как в скиту жить... и место присмотрели под Муромом, там такая красота, тишина, радость. Она потом, правда, приехала ко мне, я уже гражданство получил, и ей помог сделать. А дальше она меня за дверь выставила...

Но я на нее зла не держу. Книги мои у нее остались, она их все редактировать пыталась, я не давал, теперь, наверное, дорвется, — он невесело усмехнулся. — Книги я все-таки неплохие писал, историю хорошо знаю, да и вера была. Мне коллеги в университете говорили: тебе, Степан, уже докторскую писать надо, а ты все кандидатскую никак не закончишь.

А я и не хотел заканчивать — зачем? Живого в этих научных работах ничего нет, их для себя делаешь, а книга — она живая, она людям нужна... Я, когда здесь совсем приперло, по электричкам свои книжки продавал... представляешь, покупали?! Правда, потом, как кризисы начались, перестали, только календарики еще брали православные, молитвословы карманные иногда могли купить, а вот книги — перестали.

— А сын как же? Он где?

— Андрюшка-то? — Степан вздохнул. — Говорят, работает где-то, не по специальности, конечно. Он в полиграфическом учился, друзья его, ребята с курса, уже свои типографии пооткрывали, а у Андрея хоть и ума палата, а куда сейчас устроился — даже не знаю, кем — тоже не знаю... Хорошо, хоть где-то работает. Упустил я его, упустил... А все компьютер. Смотри, мать...

Степан с соседкой помолчали.

— Вот дочка, Валентина, она молодец, хорошо отучилась везде, крепко на ноги встала. Замужем, дите, внучек у меня, Витька, растет, пять лет уже... Вальюшка — она жена, на ее удочерил, когда мы с Анной поженились, девчонке тогда четыре года было, она отцом меня считала, звала «батей». Я так считаю, что все-таки смог ее в люди вывести, хотя проблемы свои были. Лет в шестнадцать подружка у нее появилась, Лизка, не нравилась она мне, я как чувствовал — не доведет она мою Вальку до добра. Запретил им дружить. Так она все равно тайком с ней встречалась. У Валентины косища русая, глаза синие, огромные, красивая девка выросла, умная, книги читала. Чистая...

Однажды Лизка эта за ней зашла — на дискотеку звала, я ее за дверь выставил, но моя все равно умудрилась за ней увязаться, пока меня дома не было. Вернулся — сердце не на месте, пошел туда, а на мою Вальку уже кодла напасть готовится... Ну я-то ведь мужик здоровый тогда был, всех расшвырял, дочку забрал, как ее трясло, бедолагу... С тех пор она ни с Лизкой, ни еще с кем ни на дискотеки, ни в компании не бегала. Сидела дома, книжки читала, вышивала, со мной не ругалась.

Замуж неплохо вышла, только через пару-тройку лет задурил он, Макс-то, муж ее... Витюшка маленький был совсем, годик ему, а Макс «шпырнется», и ему на все наплевать. Валентина потерпела-потерпела, потом собрала сына и ушла, квартиру сняла. Максу сказала — или завязываешь, или нас больше не увидишь. Полгода сама работала и Витьку воспитывала, кормила, одевала, от нас помощи не брала — гордая, знала, что нам брак не очень нравился, ну и хотела еще, чтоб муж знал — одни они с Витькой, осознал чтоб, что нужен дитю-то. Представляешь, завязал.

Он ведь ее, правда, сильно любил и сына тоже. Не смог без них. Колоться перестал, к жене вернулся, Валька, молодец, помогла ему не сорваться, когда они сошлись... Я Макса ругать не стал — сам в молодости так же чуть семью не потерял...

Степан, слегка скосив глаза, увидел удивление в глазах соседки, которое она из вежливости не стала выражать словами и, словно отвечая на незаданный вопрос, продолжил:

— Да... Было дело. Пить я не любитель был, но к травке как-то пристрастился. Сначала вроде ничего было, весело даже... Дальше — больше, чего-нибудь «по-

тяжелее» захотелось. Анна приходит домой, а я в полной отключке валяюсь на полу, рядом шприц... Еле откачали... Когда из больницы домой вернулся, тут меня как молния пробила — ради чего я теряю все? Жену, семью, жизнь? Ради травы? Таблеток? Кайфа сомнительного? Короче, смог себя в руки взять, слава Богу... Видать, Он и помог... Держит еще меня, грешного, зачем-то на земле...

Степан опять замолчал, глотнул воды из бутылочки, заботливо сунутой волонтером Юлей в сумку и продолжил:

— Валя, дочка, хорошо живет, работа у нее, дом красивый, машина хорошая, какой марки — не знаю, я в этих новомодных не разбираюсь — большая такая, солидная. Со мной, правда, не общается — зачем ей отец-бомж. Ну, это понять можно. Плохо, что и мать не жалуется — неудачниками нас считает... И в гости не зовет, и так не встречаемся. Внука мне видеть очень хочется, я б его в шахматы научил играть...

Витюшка, когда последний раз встретились, подбежал ко мне, обнял и говорит: «Деда, я тебя люблю, только маме не говори, ладно?!» Я на Валюшку зла не держу, слава Богу, смог ее на ноги поставить, да она и сама девка серьезная, всего добилась: семья, работа... Молодец! Все надеюсь, может, свидимся еще, если человеком опять стану...

Степан неожиданно протянул соседке большой пирожок, который купила ему перед автобусом Юля:

— Возьмите! Я от души! Представляете, за эти несколько дней так отъелся, что совсем есть не хочу... Может, конечно, еще от нервов аппетита нет... В новую жизнь все-таки еду... В каких только передрыгах ни бывал, вроде ко всему привык, думал, спокойно перенесу... Не получается. Потрясывает маленько... Возьмите пирожок, если не брезгуете, конечно.

— Не брезгую, но не возьму — вам нужнее, неизвестно когда вы еще есть будете. Это мы домой возвращаемся, а вам еще дорога предстоит, поэтому не возьму! К тому же у него, — она мотнула головой в сторону сына, — пицца есть, да и остановка скоро будет, если сильно есть захотим — еще купим, — с улыбкой, но твердо возразила она. Степан не стал больше делать попыток вручить ей пирожок, а сам механически принялся его жевать, не чувствуя вкуса, видимо, правда, сильно нервничал.

— Детей терять нельзя... Иначе они могут и не вернуться... Я никого не виню — сам до такой жизни дошел, чего себя выгораживать... Говорят, Анна моя, она меня на десять лет старше, жениха себе нашла, но оно и хорошо, одной тяжело... Может, хоть сейчас все у нее наладится?.. Дай Бог, конечно.

Когда она мою сумку с вещами выставила, я понять никак не мог — за что она? Но, видать, было за что... Бог ей судья... Я тогда комнату снял, через месяц с гриппом свалился... Позвонил ей: привези лекарств хоть каких, трубку бросила. Хозяйку попросил подождать с оплатой, а она меня тут же с квартиры «попросила», говорит, раз денег нет на съем, — уходи. А больной ты или здоровый — не мои проблемы. Мне тогда девчонки из магазинчика соседнего здорово помогли... Они мне разрешили у них греться — не гнали на улицу. Но я не наглед, постояю, отойду в тепле малость и выйду — у них там проверки всякие, зачем людей подводить? Увидят хозяйка, что бомжа приветили, уволить могут, а работу не так-то легко найти. Видок у меня, конечно, тот еще был... Тапки домашние, куртка старая, стою, трясусь — температура высоченная. Но понимал — выходить на улицу надо.

Один раз чувствую — уйти надо, беспокойно мне как-то. Только на улицу вышел, хозяйка подъехали. Вовремя я, а то девчонкам досталось бы, а они хорошие — меня еще и подкармливали — вермишель пакетную заваривали. Дай Бог им здоровья. Ночевал в подъездах разных, чтоб не маячить в одном месте.

Потом знающие люди подсказали, где пожить можно бесплатно. Я, где мог, подрабатывал, конечно, то разгрузить, то поднести. В вагончике у меня хорошо было, уютно даже. Потом в нем Катя появилась — она на тридцать лет меня младше была, а что пережила за свои двадцать шесть, не передать... И ножом девку резали, и жить негде было, и с ворами сошлась. Я к ней, как к дочери, относился... Отогрелась она душой... Да и я другим с ней стал — не то, чтобы прежним, но все ж совесть проснулась... А через полгода она под поезд попала...

Соседка, от неожиданности отшатнувшись от Степана, посмотрела на него расширившимися от ужаса глазами.

— Я два дня рыдал... Остановиться не мог... Стыдно сказать, роптать начал... На Бога... Это я-то, который книжки духовные писал... А там покатило — и подворовывать начал, и пить, чтоб от холода и мыслей спастись, — вроде как легче становилось, забывался... Еще что было, говорить не буду — противно... от самого себя тошно... Страшно... А через несколько месяцев в вагончике моем еще одна... появилась. Обрадовался, дурак старый, думал, хоть немного Катюшку заменит...

А эта разбитная девица не иначе как оттуда (он опустил глаза вниз) прибыла. В общем, в одно непрекрасное утро остался я без всех документов, денег и вещей — только те, что на мне были, не украла... Когда ее найти попытался, избили меня так, что три дня валялся без памяти... Потом вагончик мой сожгли, чтоб не выпендривался, значит.

Так вот и оказался в лесу... Нашел сарайку со стеклянным потолком заброшенную. Стал помаленьку ее обживать. Паренек ко мне прибил... Большой такой на внешность, а глупый — с родителями поругался, из дома ушел... На что жить будет, где — ни о чем не подумал. Спрашиваю: чего умеешь? Ничего, говорит... С друзьями весело время проводил, а работать не пробовал. И девушка его бросила — на что он ей такой, никчемный?... Знаешь, пока жили рядом, изменился он... Книжки я ему читал, какие еще у меня оставались в сумке, деваха их не тронула, они ей без надобности — не продашь... рассказывал много ему, о жизни говорили... Неделию назад он пошел и на работу вдруг устроился, радовался как дитя... Вчера плакал навзрыд, обнимал меня, не пущу, говорит, как я без тебя? Ты мне как батя... Я ему говорю: чудак-человек, помру я здесь. Когда прощались, сказал — через полгода приеду, погляжу, как живешь! Чтоб без питания, с работой и обязательно с девушкой помирился. Обещал... Ты до самого конца едешь? — неожиданно спросил он соседку.

Та кивнула утвердительно и в свою очередь поинтересовалась:

— А вам куда?

— Мне в скит монастырский, по дороге с вами, только я ведь первый раз в этих краях, точно не знаю, где это.

— А... Я поняла. Мне больше другой монастырь нравится, он, правда, подальше и паломников мало, скромный, но там очень хорошо, спокойно, благодатно. А почему вы именно этот выбрали?

— Это не я выбрал, это меня туда определили. Я, когда понял, что смерть пришла, так завыл, что мужик, промышляющий металлом, не смог мимо домушки моей пройти. Адресок подсказал, вот я у волонтеров и оказался, попросил работу. Юлия, старшая у них, это с которой мы возле автобуса стояли, сказала: предложу тебя в скит, они прислали помощника им прислать, но возмут ли — не знаю.

Я ночью просить стал: если Ты меня на земле оставил, помоги человеком стать, в скит хочу, от прежней жизни уйти, — Степан закрыл глаза, заново переживая тревожное ожидание последних ночей, и закончил: — Представляешь, Юлия мне вчера говорит: я в скит семерых предлагала, а взяли тебя одного... А ты говоришь — «выбрал»...

Автобус остановился. Соседка с сыном забеспокоилась:

— Мы к городу нашему приехали. КП уже, вам, наверное, выйти раньше надо было, а я не подумала...

Степан занервничал, быстренько выбрался из автобуса, не забыв случайно «оставить» старенькую фляжку — там, куда он так хотел попасть, она ему не понадобится. По крайней мере, он на это очень надеялся. Перед выходом, правда, решился спросить у соседки «жвачки» — не хотелось ему пугать обитателей скита, да и знал, что слава — и хорошая, и плохая — впереди бежит.

На его счастье, у соседки оказалась целая пачка, которую она тут же протянула случайному попутчику.

Стоя у автобуса, Степан растерянно озирался по сторонам, пытаясь понять — куда ему теперь податься, чтобы найти «своих», которых он к тому же и в глаза-то не видел, и где находится скит, представления не имел. Да и вечерело уже прилично.

Тут из стареньких «жигулей», припаркованных недалеко от «колючки», вышел коренастый, невысокий мужик и направился напрямик к нему.

— Ты в скит?

— Да.

— Садись, поехали, а то мы уже подмерзать начали, тебя ожидаючи.

Соседка неожиданно перекрестила Степана и ободряюще улыбнулась ему.

— Смотри, мать, не упусти сына-то, — помахал он ей на прощанье и забрался на заднее сиденье машины.

Человек из леса ехал в другую жизнь...

ПОВАР ОТ БОГА...

— Белый крестик на полу, — кивнул конкурсантке оператор. За полдня это была уже сотая претендентка на участие в новом шоу «Крутая кухня», и он устал пускаться в подробные объяснения. Маргарита широко улыбнулась и шутливо уточнила у жюри:

— А чего так далеко от вас? Вы не бойтесь, я не взрываюсь, хоть из атомного города приехала.

Члены жюри вежливо улыбнулись в ответ, в то время как ассистент режиссера, молодой, бойкого вида парень, пытался прикрепить на пышный бюст молодой женщине маленький микрофон. Будущая звезда поварского небосклона оттолкнула его руки:

— Сама! Куда его?

После подробной инструкции Марго еще больше выпятила свой и без того выдающийся бюст, сиюсья справиться с неподдающимся шнуром, который никак не хотел сползать по вспотевшей от волнения спине.

Как только он водворился на место, микрофон был проверен, а камера включилась, последовал первый вопрос жюри:

— Говорите, вы из атомного города? А что же там такого делают в этом вашем сверхсекретном месте?

Маргарита округлила глаза, подалась к пестро одетой женщине средних лет и драматическим шепотом произнесла:

— Это у меня муж в секрете работает, а я подписку о неразглашении не давала. Я только обеды для них готовлю и завтраки. Так что все расскажу. Пишите! У нас радионуклид полония делают, боеголовки для бомб, бриллианты, самый мощный компьютер тоже у нас изобрели. Про коллайдер слыхали? И кто к нему прямое отношение имеет, как думаете?

Пестро одетая дама в недоумении откинулась на спинку стула, ее коллега — бородатый крепыш в футболке — наклонился вперед и принялся внимательно

рассматривать конкурсантку, мужчина в строгом костюме осуждающе покачал головой. Первой обрела дар речи яркая дама.

— Вы зачем такие вещи говорите?! Мы же тут с вами не одни. А вы нас представляете. И себя. И своего секретного мужа! И...

— Да ладно вам, не парьтесь! Об этом все давно знают, и по ящику говорят, и в сетях пишут. Знаете, какие у нас умные головы работали? У меня дед с ними за руку здоровался, у нас дома и фотка такая есть. Да вы спрашивайте, спрашивайте, я все скажу! Всю жизнь в этом городе прожила! Вы не думайте, если он маленький и далеко от вас, что он кудазряшный.

Она неожиданно вспомнила слово, которое так любила вставлять бабушка, и ей сразу стало спокойнее. Маргарита расслабилась, попереминалась с ноги на ногу и перестала ожидать следующих вопросов, как пойманный с пачкой чипсов подросток допроса у следователя.

Напускная веселость и плохо подходящая роль развязной барышни были вызваны к жизни только одним джином — желанием скрыть бешеное волнение, от которого путался шнур микрофона, пересыхало горло, а мышцы вытянутой спины заостенели от напряжения.

Она чувствовала, что этот проект может изменить всю ее жизнь, причем в лучшую сторону. Маргарита прекрасно знала, горячий цех никуда не денется: как тринадцать лет она в нем с шести утра пироги пекла и салаты строгала, так и будет печь и строгать, если вдруг ничего не получится с Москвой. Но попробовать надо, такой шанс упускать нельзя. Вот потому боевой пыл будущей звезды кулинарного шоу не смогли умерить ни бессонная ночь, ни долгий путь до столицы.

Они с мужем только к полудню добрались до Москвы и тут же оказались на очном кастинге. Когда Марго увидела, какие блюда принесли другие конкурсанты, сразу поняла: не важно, пробьется ли она в финал, важно, чтоб ее запомнили. Должны запомнить!

Она сразу выделила для себя яркую даму, потому как у той был самый цепкий взгляд, а остальные члены жюри обращались к ней подчеркнуто уважительно. Маргарита окрестила ее про себя «попугаем» и постаралась «работать» прямо на нее. Второй член жюри, невзрачного вида мужчина без определенного возраста, напомнил ей всех тех, кого она регулярно кормила в столовой. Конструкторы, инженеры, кандидаты и доктора наук из «старых» ходили в таких же старомодных пиджачках и были столь же немногословны, как и сидящей перед ней седовласый. Маргарита засомневалась, умеет ли вообще он готовить, и подивилась, зачем его пригласили жюри?

Джинсовый бородач, сидящий слева от женщины, хоть и больше подходил на роль шеф-повара модного ресторана, но тоже внимательно следил за реакцией «главной».

Следующий ответ конкурсантки вновь заставил всю комиссию слегка подпрыгнуть на стульях.

— Скажите-ка, барышня с красивым именем, а почему вы считаете, что именно вас мы должны выбрать в проект? — на этот раз вопрос задал бородач, подбодренный благосклонным взглядом дамы.

— А потому что я — повар от Бога! — провозгласила Маргарита, отчего очки оператора поехали в сторону и оказались где-то в районе пола. Жюри поперхнулось следующим вопросом, дама нахмурилась и строго спросила:

— А почему вы, дорогой наш повар от Бога, в гостинице поселились, где живут члены жюри? Заранее заняли себе местечко на Олимпе?

— Так я ж не знала, что туда нельзя, а когда мне уже сказали, поздно было новое жилье искать, у меня блюдо потекло бы, — она снова широко улыбнулась.

Жюри несколько опешило от сплава железной логики с провинциальным напором, граничащим с наглостью, и задумалось над следующим вопросом.

Маргарита мысленно вернулась во вчерашний день, вернее, ночь, когда она готовила свой фирменный «Аквариум». Если б эти напыщенные жюристы знали, какое блюдо она им приготовила! Такое, какого нет ни в одном московском меню! Она уже успела в Интернете поискать, чем нынче угощают столичную публику, и была уверена — не видели они ничего подобного!

Маргарита долго ломала голову, что приготовить такого, чего бы ни у кого не было, и, как назло, ничего путного не находилось, но два дня назад... Победитель городского конкурса поваров под угрозой смерти не ответила бы, почему ее осенило сделать «заливной» аквариум. Ну, не знала она почему. Правда, не знала. Во сне не снилось, на голову не падало, а получился настоящий шедевр. Она в него всю свою недожизненную фантазию с многолетним опытом вложила и душой приправила.

Натерла яичный желток для имитации песка, пожарила и измельчила грибы, получились отличные камушки на дне, из моркови нарезала рыбок и креветок, улиток навернула. Одним словом, фонтанировала идеями, как могла.

Жюри сначала дружно ахнуло, потом долго гадало, из чего приготовлена такая красота, и еще дольше удивлялось, неужели все это великолепие съедобно? Самыми узнаваемыми были «водоросли», укроп-то ни с чем не спутаешь, но вот все остальное... А самой большой загадкой оказалась заливка.

Когда к оценивающим вернулся дар речи, дама слегка приподняла один уголок рта, что, видимо, означало у нее улыбку и высшую степень благосклонности, и попросила поделиться фирменным рецептом. Если, конечно, конкурсантка будет столь любезна.

— У вас водоросли стоят, но они же «лечь» должны были от тяжести бульона, как так получилось?! — спросил бородач с ноткой восхищения в голосе.

— Ой, и намучилась! Сколько часов руки в холодильнике с блюдом держала, залью немного и в холодильник, схватится — дальше заливаю. И так всю ночь с руками в холодильнике провела, думала, отморожу, — тут же поспешила открыть секрет Маргарита. Комиссия не просто изумилась, она впала в ступор, и в студии воцарилось гробовое молчание. Прервал его жизнерадостный смех конкурсантки с маленьким микрофоном на пышном бюсте. Отсмеявшись, Маргарита продолжила:

— Шучу. На зубочистках они держались, а когда заливка застыла — вытащила палочки — и всех делов! — довольный автор «Аквариума» победоносно оглядывала растерявшуюся комиссию. Члены жюри не могли поверить, что без сверхсекретной заливки, из простейших ингредиентов провинциальный повар создал такой шедевр! Блюдо томилось в тепле уже несколько часов, а нормы хранения готовых продуктов никто не отменял, о чем Маргарита не преминула сообщить жюри.

Она предложила незамедлительно попробовать «Аквариум», однако у оценивающих рука не поднималась нарушить такую красоту. Автор шедевра пожала плечами, она была в восторге от реакции комиссии, но для полноты счастья ей не хватало восхищения вкусом блюда, знала — он не подведет! Пока жюри решало: резать или не резать, Маргарита вспомнила, как они всей семьей добирались до столицы.

Рано утром Марго погрузила коробку с блюдом в сумку-холодильник и поставила в багажник так, чтобы она при любых выражах не подумала шелохнуться. Ехали всей семьей. Сын вытянулся на заднем сидении досыпать, муж завел мотор и непривычно ласково сказал:

— Ты всю ночь не спала, подреми, я сам поведу.

Однако благое намерение так и осталось намерением. Как только Марго впала в сонное забытие, муж разбудил ее громким возмущением, что сбился с дороги, потому что наглый навигатор никак не хотел показывать нужный маршрут!

Пришлось усилием воли открыть глаза, достать карту, включить Интернет на мобильном и посмотреть попеременно то в гаджет, то в проверенную годами бумажную «подсказку». Только так Маргарита смогла помочь взвинченному супругу вырлиться на правильную дорогу. Потом они долго петляли по московским улицам с их неостановимым потоком машин, обманчивыми отбойниками и бесконечными пробками. Все это, к счастью, осталось позади, и теперь она стоит на белом крестике и отвечает на вопросы жюри.

— А муж знает, если вы попадете на проект, мы вырвем вас из семьи на два месяца?

— Знает, конечно.

— И как относится?

— Нормально.

— Да? Интересно. А вы не боитесь его одного так надолго оставлять?

— Так он не один, он же с сыном.

— Ну когда дети мужчинам помехой были, — лукаво протянула дама, после чего демонстративно развернулась в сторону джинсового бородача. Тот хмыкнул и притворно весело улыбнулся в ответ.

Это замечание всколыхнуло воспоминание, которое Маргарита тщательно упрятала в дальний уголок души, куда старалась «ссылать» все неприятности, огорчения и обиды. Через три года совместной жизни случился у них с мужем развод. Пока Марго сдавала сессию, Саша «нашел» жене замену, да не одну. Правда, говорили, что это они его «нашли», но подобное уточнение уже было не важным. Ничего не подозревающей Маргарите звонили какие-то юные особы и назначали «стрелку». Устраивать бои, равно как и участвовать в них обманутая жена сочла ниже своего достоинства. Три вечера она честно плакала, потом еще два жалела себя, а еще через неделю решила, что «такая звезда, как она, мужа себе по-любому найдет!» После развода Маргарита выставила в коридор вещи бывшего мужа, вернее, с нескрываемой радостью спустила сумку с лестницы и начала новую жизнь.

Первое время ее холостое существование пытались испортить бывшие родственники. Через неделю после разъезда свекор с участковым пришли делить имущество: «Сейчас даже белье поделим», — кричал «папа» на весь подъезд. Марго оказалась женщиной стойкой. Так же на весь подъезд она из-за двери доступно объяснила, что пришел к ней муж в одном спортивном костюме, а квартира эта досталась ей от бабки с дедом, стало быть, делить тут нечего. Все бывшие родственники могут идти, откуда пришли, и желательно дорогу к ее дому забыть!

После развода Маргарита на нервной почве сильно похудела. То, чего она не могла добиться никакими диетами, получилось само собой. Через три года после родов лишние килограммы дружно и резко покинули ее организм. Теперь мужчины делали стойку при ее появлении, а дамочки на работе злобно посверкивали глазами.

Однажды, как это часто бывает в дешевых сериалах, ее, такую похорошевшую, увидел на улице муж. С этого момента он почему-то резко решил заняться воспитанием сына и стал частенько наведываться в бывшую семью. Через полгода сыграли новую свадьбу со старыми «молодыми», и теперь уже позади девять лет безупречного брака.

— Вы слышите вопрос? — громко спросил самый молчаливый член жюри в безликом костюме. В студии воцарилась тишина, и седовласому пришлось повторить вопрос.

— Если вы выиграете главный приз, вам придется переехать жить в Москву. Вы готовы к таким переменам?

— Конечно!

— И ваш муж не против? — продолжал допытываться «молчаливый».

— Нет, конечно, просто он пока об этом не знает!

— А если он не согласится? — не унимался дотошный юрист.

— А куда он денется? — улыбка Марго расплзлась до ушей.

— Ну, знаете, у него же тоже есть свои желания. Как-то вы (он немного замялся, подыскивая точное слово) странно относитесь к мужу. Не любите?

— Люблю! — просто ответила Марго.

— А он вас?

— Наверное...

— Не уверены?

— Да разве можно в мужчинах быть уверенной? Мужчины-то нынче какие?

— Какие? — искренне заинтересовался бородатый крепыш.

— А то вы сами не знаете. Сегодня любят, завтра — разлюбят, послезавтра опять полюбят, только не тебя...

Тут Маргарита почему-то вспомнила, как однажды, на нервах, когда Сережка был еще грудным, прыгнула с четвертого этажа на незастекленный балкон третьего. Она сама тогда не поняла, зачем это делает, вроде показалось, что муж разлюбил ее, такую замученную сыном и поправившуюся. Да еще тяжелые роды вспомнились. В общем, прыгнула. Не зря все-таки в лицее девять лет отучилась, угол приземления правильно рассчитала, оказалась-таки на чужом балконе.

У соседской бабушки чуть инфаркт не случился, когда она услышала грохот и, прихватив домашнего питомца внушительных размеров, посеменила изучать источник шума. Что старушка должна была подумать, когда увидела на собственном балконе соседку сверху, мокрую от дождя и слез? Как старый человек должен был отреагировать на такое появление чужого человека, Маргарита почему-то не подумала. Сердобольные соседи отогрели прыгунью чаем с валерьянкой и терпеливо выслушали историю всей ее горемычной жизни. После чего сдали с рук на руки мужу, который все это время метался под балконами в поисках упавшей жены. Соседи с некоторой долей зависти смотрели, как Саша, стоя перед Марго на коленях, плакал и целовал ее руки. Тогда, к общей радости, все кончилось хорошо.

— То есть вы не собираетесь его с собой брать?

— Куда ж я денусь?! — искренне удивилась Маргарита. — И Сашу, и Сережку — сына — всех заберу.

— Ну а эти два месяца как они без вас будут?

— Ну, как?... Котлет наделаю, холодильник забью. А остальное — уж как будет, так будет.

На самом деле, Марго далеко не была уверена, что дома все будет благополучно. Буквально неделю назад сын должен был вернуться после четвертого урока, но его не было и после пятого, шестой уже закончился, когда он наконец появился дома.

— Ты где был? — грозно спросила мать, стоя в дверях.

— На физре, на лыжах! Где же еще? — Сережа обошел родительницу и, раздевшись, пошел в свою комнату.

— Не ври! Только я знаю, где ботинки твои лежат! Как ты без них на лыжах мог катиться?! В чем?

— В кроссовках!

— Это каким таким волшебным образом? — искренне удивилась Маргарита.

— Я вообще-то у вас сообразительный — кроссовки к лыжам скотчем примотал! Нормально, кстати, держались!

От неожиданности у Маргариты даже усталость прошла после тяжелого дня, когда ей пришлось заменять заболевшую «двоишницу» и всю смену готовить горячее. За ужином она поставила перед Сережкой тарелку и встала рядом, вспоминая, про что еще хотела спросить. Сын тут же выдал:

— Ты чего здесь стоишь? Чаевые позже будут! — после чего углубился в опорожнение тарелки.

Мать так растерялась, что не знала, грустить, или веселиться, или, может, дать по шее, только аккуратненько, чтоб не подавился.

Оставлять мужа с сыном одних — дело, конечно, сомнительное, но ради победы в конкурсе стоит рискнуть. Тем более мужчины клятвенно обещали, что справятся.

— Проживут! — просто ответила Маргарита.

— А с миллионом что делать будете, если победите? — задала последний вопрос яркая дама.

— Квартиру куплю...

Все понимающе закивали головами.

— Брату, — закончила Марго.

— Простите, а сколько ему лет? — недоуменно протянул бородач.

— Тридцать три.

— Большой мальчик, однако... У вас настолько сильны братские чувства? — идеально нарисованные брови дамы стремительно поползли вверх, стремясь пробить потолок студии.

«У нас так сильны братские проблемы», — подумала Маргарита, а вслух произнесла: — Трудно всем вместе жить. Сироты мы. Отец от нас ушел, мать из-за этого к бутылке прикладываться начала. Потом совсем спилась. А классная портниха была. Когда мне семь исполнилось, а брату два, мать отдельно жить стала, к нам приходила иногда... пьяная. Мы у бабки с дедом тогда были. Потом мамку родительских прав лишили, а вскорости она померла. Опекунами бабка с дедом стали, помогали нам как могли, только дед тоже попивал, у него под конец жизни крыша съехала, хоть и научник был, бомбы «делал», а как ребенок стал. А в детстве они мне ни в чем не отказывали, все, что просила, покупали. Но все равно жилось несладко, чего только не наслушаешься, когда родная мать пьянь. Но я на нее зла не держу, мать же, как ее не любить?

Когда ее прав лишили, я в десятый класс переходила. Забежала в августе в лицей учебники взять, а меня, оказывается, в списках учеников нет. Директор, как про мамку узнала, меня по-тихому в интернат перевела. Как у нее это получилось, не знаю. Я до сих пор мимо лицея ходить спокойно не могу. Мать простила, а их — нет.

Не понравилось мне в новом месте, двоек нахватала, из школы сбежала. Бабушка тогда директору сказала: «Не трогайте ее, она сама всего по жизни добьется. С характером». Так и вышло, из всего нашего интернатовского класса я одна «в люди» выбилась. Дед после школы хотел к себе на работу лаборантом пристроить, он начальником был, да и бабушка не последнее место занимала. Но я не захотела, решила, что сама пробьюсь. Взяла и поступила на повара, вот все удивились.

Маргарита перевела дыхание. Жюри молчало, оператор выдвинулся из-за камеры и с интересом рассматривал конкурсантку. Марго еще никому так откровенно не рассказывала о своей жизни, но ее почему-то «несло», и после минутной паузы она решила продолжить.

— Может, не получилось бы у меня в жизни ничего, если бы самой грызть «землю» не пришлось, если б мамка с папкой вокруг меня «прыгали» да пылинки сдували. А так что-то да вышло. А еще научилась людей благодарить за хорошее к себе отношение, и зла ни на кого не держу, больно много его в жизни видела, чтоб в себе копить.

Я, кстати, рисую хорошо и из глины лепить умею, как-никак школа искусств за плечами. Так что другая профессия у меня про запас есть. Сын сейчас у моих педагогов занимается. Говорит, хвалят они меня, добрым словом поминают. А! Что еще вспомнила! Захотелось мне лет в десять-двенадцать на баяне научиться играть. Дед расстарался, принес. Так я подобрала сама «Выйду на улицу» и давай целыми вечерами наяривать. Закончилась моя музыка, когда я с классом на экскурсию уехала, а бабка деду сказала: «Уноси быстрее, откуда принес, пока не видит!» Так что лишилась я инструмента и музыкантом не стала. Ничего, зато готовить могу! Как говорится, музыка приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

Она на секунду замолчала.

— Ну, что вам еще рассказать. На мать с дедом насмотрелась, сама не пью, только по праздникам шампанское маленько могу. А вот брат Максимка спиваться начал. Как мать. Недавно моего Сашку стакан незамерзайки просил налить. Совсем дошел. Не знаем уже, что еще учудить может. Когда Сережка совсем маленьким был, он на него дверь уронил, сын потом долго разговаривать не мог, в садик для отстающих ходил. А недавно заснул в ванной, соседей затопил. Хорошо, они нормальные, да и дети у нас в одной гимназии учатся, скандалить не стали, просто из потолка натяжного воду вылили — и все. Разменять бы квартиру, так у него долг, а мне где деньги на его оплату взять? Если повезет победить, брату квартиру купим, свою «трешку» продадим и сюда переедем, а Максим, может, за ум возьмется, когда один останется. Я тоже виновата, что он такой вырос. Ему всего два было, когда мать с нами жить перестала, а мне уже семь, я почти что за мамку была. Не доглядела. Правда, вечернюю школу заставила закончить. Каждый день с ним туда ходила. Потом в училище пыталась пристроить, экзамены за него сдавала, только он учиться не стал. Ну, заговорила я вас. Вы если еще что спросить хотите — не стесняйтесь!

Семья Маргариты уже добралась до родного атомного городка, а жюри еще совещалось, кого взять в проект. Почти невыполнимая задача: из пяти тысяч vybrать восемнадцать. «Повар от Бога», как они, не сговариваясь, называли Марго, никак не выходил из головы. Причем у всех троих, словно она все еще стояла на белом крестике с «Аквариумом» в руках и с улыбкой на круглом лице. Наконец все трое одновременно выдохнули: «Прошла».

...Две недели «проектной» жизни в Москве показались Маргарите вечно-быстротечными. Жили вдвоем в одной комнате, мылись под холодной водой, вещи сушили «на себе» — там, где их поселили, блага цивилизации не были предусмотрены. Несколько раз у нее зашкаливало давление, и весь съемочный день рядом дежурила скорая. Однажды шеф увидел, как одна из участниц, устав крошить капусту для общего борща, отправила половину кочана в мусорное ведро. Он медленно подошел к девушке и тихим, почти ласковым голосом сказал: «Вытащила и съела. Это денег стоит».

На кухне повисла такая звенящая тишина, что, казалось, вздохни чуть громче, и она взорвется трубной медью. Маргарита, не любившая конфликты, быстро достала капусту, помыла кочан и, разделив на отдельные листья, вручила каждому. Тут же начала первая есть, пример показывала. За ней потянулись остальные.

Ни разу за две недели она не выругалась и никого не оскорбила, хотя еще в начале проекта шеф предсказывал: «В наших условиях у всех нутро полезет и у тебя, мать, тоже».

А она смеялась: «Не полезет, не дождешься. Я сыну обещала, что ругаться не буду, а слово держать меня жизнь научила». Самое неприятное было, когда вокруг суетились гримеры и стилисты.

— Ой, девчонки, перестаньте, я сроду не красилась и сейчас не буду. Уж какая есть, такой страшной пусть и снимают.

С проекта Марго ушла третьей. Не успела в тот день закончиться съемка, где за ее уход типа «проголосовали», а ей уже протянули билет до дома. Она поняла, что все было спланировано заранее.

Плакать не стала, быстро собрала вещи и гордо пошла к выходу. Ее окликнул шеф. Пока Маргарита медленно поворачивалась на зов, в сердце безумной птицей билась надежда, что они пошутили, передумали, перепутали и ее оставляют на проекте. Шеф сам подошел, пожал руку, приобнял.

— Твой характер не для Москвы, добрая ты слишком. Кое-чему, да нет, много чему ты у меня научилась, теперь давай там в вашем суперсекретном городе дело свое открывай, ты сможешь.

Погибающая птица надежды в последней агонии долбила клювом висок, ноги подкашивались, упрямо зрела мысль: свести счеты с жизнью, зачем она нужна, если так несправедливо устроена. В последний момент ей удалось-таки включить разум и отключить неустойчивое к житейским передрыгам сердце.

К вечеру Маргарита знала: у нее будет свое кафе. В нем она приготовит то, что никто в ее городе еще не пробовал и вряд ли попробует.

Муж встретил букетом цветов, шампанским и стихотворными признаниями в любви, первыми за все тринадцать лет совместной жизни. Весь вечер Маргарита провела у соседей, заливая кухню слезами. А через несколько месяцев «повар от Бога» открыла кафе «Высокая кухня». Она лично приготовила все блюда и соусы, которым научилась в Москве, украсив их ноткой фантазии и приправив безумным желанием жить.

КАТЮША

Катюшка (доченька) замерла, свернувшись комочком, и опустилась в самый низ живота. Галина пыталась сдержать дыхание, сбившееся от быстрой ходьбы, чтобы ни малейшим звуком не выдать своего присутствия. Совсем близко от нее остановился полицейский, совершавший обычный ежевечерний обход окраинных улиц их маленького, скрытого в зелени садов Пирятина.

Весна в этих краях начиналась рано и уже в апреле все деревья покрылись зеленой шапкой молодой листвы. Почему-то сегодня Никола, самый злобный из всех земляков, переметнувшись на сторону немцев, не торопился идти дальше по привычному маршруту. Он стоял, всматриваясь и вслушиваясь в ясную украинскую ночь, рядом с тем местом, где притаилась Галя.

Тянулись тревожные минуты ожидания, а Никола все стоял и смотрел в темноту. Галина, не выдержав напряжения, прикрыла глаза, судорожно сглатывая подступивший к горлу ком. Постояв с закрытыми глазами несколько томительных мгновений, она заставила себя посмотреть туда, где стоял полицейский. Николы не было.

Переведя дух, Галя решила осторожно двинуться дальше, но в это время кто-то толкнул ее в плечо. Она резко повернулась и увидела прямо перед собой ухмыляющегося Николу.

— Попалась, курва партизанская? — приглядевшись внимательно и признав в незнакомке Галину, он сплунул сквозь зубы и злобно добавил: — Ишь, брюхатая, а туда же. Сдохнешь вместе со своим отродьем.

Больно вцепившись в плечо молодой женщины, полицейский поволок ее в сторону комендатуры и втолкнул в сторожку, служившую фашистам тюрьмой.

— Посидишь до утра. Придут хозяева, они с тобой разберутся, — грязно выругавшись, Никола закрыл дверь, задвинув огромный засов.

Галина начала аккуратно, на ощупь, пытаться дойти до угла и, уперевшись в него, осторожно опустилась вниз, попав на кучу прошлогодней соломы. Катюшка

беспокойно зашвырялась, и Галина, поглаживая свой огромный живот, вполголоса заговорила с дочкой.

— Прости, доченька, прости, что ты из-за меня в лапах фашистов оказалась, — Галина, закусив губу, постаралась отогнать непрошенные слезы, — нам с тобой нельзя раскисать, нельзя... струсим — сколько людей погубим.

Она шептала Катюше ласковые слова и пела песни, пока сама не впала в тяжелый сон, похожий на забытие.

Почему-то Галина с самого начала знала, что у нее будет дочка. Имя они с Володиной сразу придумали — Катюша. Мужа расстреляли в первые дни оккупации, ему всего восемнадцать было. Рано они поженились, совсем ведь молоденькие были, а что поделаешь — любовь, да еще какая. Как только в родной город пришли фашисты, Галя, хотя уже знала, что беременна, тут же нашла тех, кто, как и она, мечтал бороться с врагом. И растущий с каждым днем живот ей партизанить не мешал.

Конечно, взрывчатку под рельсы она не закладывала, «охоту» на полицейев не вела, просто ходила из городка в лес на заветную поляну и передавала нашим сведения о немцах, кое-какие продукты и с огромным трудом доставаемые медикаменты.

Героиней себя не считала, просто упорно делала свое маленькое дело, незаметно приближая общую победу. А в том, что она рано или поздно, обязательно будет, Галина не сомневалась. Конспирация была хорошая, практически никто не знал, что очень молодая женщина с большим животом не за хворостом в лес ходит, а к партизанам.

С мыслью: кто мог выдать и что он про нее знает, она проснулась, когда едва забрезжил рассвет. Лучи апрельского солнца настойчиво пробивались сквозь дощатую дверь тюрьмы. Начинался новый день, который таил в себе страх неизбежной расправы.

Во время допроса Галина больше всего боялась, что будут бить по животу, и ее Катюшка умрет, так и не родившись. В этот день ее несколько раз ударили по животу, хоть она изо всех сил и пыталась его прикрыть, но в основном били по спине и ногам. Зверствовать так, чтобы ребенок погиб, не стали — боялись, что мать умом тронется, а из «дурочки» сведений не вытащить.

Через два часа допроса, на котором она все время твердила, что никаких партизан отродясь не видывала и кто они такие знать не знает, ее опять отвели в сторожку, вернее, приволокли и бросили на земляной пол. Дверь захлопнулась.

Потянулись долгие часы заточения. Галя слышала отрывистую лающую речь и каждый раз замирала, когда голоса немцев раздавались совсем рядом. За стенами сторожки шла обычная жизнь, из которой она чьим-то предательством была вырвана, может быть, навсегда. Надежды, что ее отпустят живой, не было — немало казней партизан видел их любимый Пирятин за время оккупации. Некоторые тела висели неделями, для острастки живых.

Тяжелые раздумья прервал тихий голос, звавший ее по имени: «Галина». Голос «шел» из-за закрытой двери. Женщина, с трудом поднявшись с прелой соломы, осторожно поковыляла к выходу.

— Галина, я хочу вам помочь, — послышалось через закрытую дверь.

— Вы кто? — спросила Галя, напряженно вслушиваясь в еле слышные слова и одновременно пытаясь узнать голос.

— Я Митя, я здесь убираюсь. Я слышал, как вас по имени называли.

В это время на улице послышались голоса, среди которых выделялся визгливый голос Николы.

— Шевелись! Полчаса на одном месте метешь, комсомол недобитый, к стенке бы тебя, гада, поставить. Шевелись, кому сказано, кто все остальное убирать будет?

Послышался удар, смех полицейя, потом все смолкло. Галина отпрянула от двери. Через несколько минут опять послышался голос Мити.

— Ушли гады. Я к вечеру вас выпущу. Они за мной не больно следят. Я бежать хочу.

Галина молчала, радость, смешанная с подозрением, мешала говорить.

— Я наш, меня в плен взяли, когда без сознания был. Отошел малость, вот меня тут убирать заставили. Второй день во двор гоняют.

Галя все еще не решалась поверить в скорое освобождение:

— Тебя убьют, если узнают.

— Я бежать хочу.

Раздался резкий окрик — видно, немцам не понравилось, что пленный крутится около сторожки. Митя тут же нарочито громко зашаркал метлой. Постепенно скрежещающий звук становился все тише — видимо, Митя пошел дальше убирать двор комендатуры. Галя стояла в углу, мысли о предстоящем побеге не давали сесте и забыться спасительным сном.

«Только бы вечером на допрос не вызвали... Хотя немцы рабочее время строго соблюдают, о здоровье своем, фашистском, заботятся». Раздражающая всех немецкая педантичность теперь была Галине на руку.

В сторожке наконец стемнело — видимо, на улице наступил вечер. Постепенно дневные звуки затихли, уступив место тревожной тишине ночи. Мучительно хотелось есть и пить. Фашистское милосердие не было столь всеобъемлющим, чтобы дать узнице хотя бы кружку воды и кусок хлеба. Катюшка швырялась изо всех сил, сознание Галины мутилось от переживаний и голода, к которым прибавились тянущие боли внизу живота. Наверное, поэтому она не сразу услышала тихий голос, звавший ее по имени. Прислушавшись, Галя узнала голос Мити, прозвучавший для нее долгожданной музыкой свободы.

Осторожно двигаясь почти в полной темноте, через несколько минут она оказалась у запертой двери. Митя возился с запором, стараясь открыть его без малейшего скрежета. Галя почти перестала дышать, даже Катюшка замерла в ожидании. Минуты тянулись бесконечно долго. Галина уже начала терять надежду, как вдруг дверь в сторожку тихонько приоткрылась. Женщина осторожно, насколько это было возможно, протиснулась в небольшую щель. Митя — невысокий, совсем молоденький парнишка в полинялой военной форме, с забинтованной грязной тряпкой головой, — сунул ей в руки какой-то сверток.

— Хлеб, я вам от обеда оставил.

— Спасибо тебе! — Галина обняла его и, тихонько прошептав: — Береги себя, — тут же поспешила в сторону хутора, где жила ее троюродная тетка. Через несколько мгновений Галя исчезла в темноте, «слившись» с деревьями, коих в родном Пирятине всегда было много.

Когда под утро Галина добралась до хутора, живот болел так нестерпимо, что она была вынуждена последние метры идти, согнувшись почти пополам. Выглянувшая на ее тихий стук тетка Матрена сразу поняла: роды начинаются. Она не стала ни удивляться неожиданному появлению племянницы, ни расспрашивать, что произошло.

Заведя Галину в избу и устроив ее на лавке, Матрена тут же метнулась за чистым бельем. Опыт приема родов у коров у нее, конечно, был, а вот у людей еще не привелось, однако выхода другого не было. Матрена вскипятила воды, порвала на тряпки старую простыню и встала около Галины.

Катюша, как истинная партизанка, появилась на свет быстро и без крика, но, получив шлепок по мягкому месту, тут же открыла беззубый рот, огласив избу громким воплем. Три дня провела молодая мать с дочкой на хуторе. Дальше оставаться здесь было опасно, меньше всего хотела Галя навлечь беду на теткин дом.

Хоть она и троюродная, а все равно прознать про нее могут, кто-то же саму Галину выдал. Но куда податься с дочкой, она тоже не представляла. В конце

концов решили, что она пойдет искать партизан, а Матрена будет приглядывать за новорожденной.

Поцеловав на прощание Катюшку, Галя медленно двинулась по тропинке. Она не боялась заблудиться в хорошо знакомом лесу, сколько здесь с детства было тропок исхожено! Одно тревожило только, где найти «своих», ведь она встречалась с партизанами на «заветной» поляне, а где находится отряд, понятия не имела. Проблуждав полдня, уставшая и измученная, Галина опустилась на землю и неожиданно заснула, прислонившись к дереву.

И тут ослабленный тревогами и родами организм сыграл с ней злую шутку. Она заснула так крепко, что не услышала, как немцы окружали поляну...

В этот раз с молодой женщиной церемониться не стали. Избив до полусмерти, кинули в ту самую сторожку, из которой она ушла в спасительную ночь несколько дней назад. Очнувшись на земляном полу, Галина отчаянно молилась: пусть ее убьют, лишь бы Катюшка выжила, лишь бы не прознали про Матренин хутор, лишь бы тетка вырастила девочку.

Утром за ней пришли. С трудом поднявшись после вчерашних побоев, толкаемая в спину ненавистным Николой, Галина побрела в сторону комендатуры. Здесь, на заднем дворе, обычно проходили расстрелы. Встав у выщербленной пулями и залитой кровью стены, она почему-то вспомнила Володю, представив его улыбающимся, в светлой рубаше с вышитым воротом, такого любимого и родного...

Потом перед нею мелькнуло маленькое сморщенное личико Катюшки. Подавив подступающие слезы, она в упор посмотрела на ухмыляющегося Николу, который от ее взгляда сразу перестал улыбаться и суетливо отскочил в сторону.

Тишину апрельского утра нарушил свист автоматной очереди, а уже через несколько секунд вокруг Галины, вжавшейся в стену, свистели пули, рвались снаряды, раздавались крики раненых немцев. Застыв от ужаса, она смотрела, как медленно падал на землю подкошенный автоматной очередью Никола.

Спиной, нестерпимо горевшей от жутких побоев, она почувствовала, как зашаталось и начало рушиться здание комендатуры. Только одна стена, у которой все еще стояла Галя, оставалась неподвижной. Она-то и защитила женщину от партизанских пуль и снарядов.

Сбросив оцепенение, Галина, забыв о боли в избитом теле, кинулась бежать в сторону леса. Она не сразу поняла, что пуля, отрезав от стены, у которой несколько мгновений назад стояла молодая женщина, впилась ей в спину. Галя от резкой боли рухнула на землю. До спасительного леса оставалось несколько шагов...

Пришла в себя она уже в землянке. На скамейке у входа сидела незнакомая женщина. Услышав Галин стон, она тут же обернулась.

— Ну что, героиня, очнулась? Твоему Ангелу-хранителю позавидовать можно.

Галя хотела возразить, что их не бывает, но, вспомнив, как сама несколько дней назад молилась, лежа на гнилой соломе в сторожке, промолчала.

Молодость — лучшая помощь выздоравливающему организму. Галя уже через неделю смогла ходить по всему лагерю и даже умудрилась помогать на кухне. Здесь она встретила Митю, он сумел-таки убежать во время того самого партизанского налета и уйти в отряд. А еще через неделю мать забрала с хутора свою Катюшку. Степан, выдавший Галину за мешок муки, после гибели Николы поостерегся донести на Матрену, а немцам из-за налета было не до поисков партизанского дитя.

Юрий КРАВЦОВ

Ключевая вода

Тихая вечность

Вот она тихая вечность:
Крест, купола, облака.
С ними плывут в бесконечность
Дни, и года, и века.

Птицы летят вереницей,
Стебли колышет вода,
Где и когда возродится
То, что ушло в никуда?

Просто, а может, непросто
С этой проститься рекой?
Но от села до погоста
Можно подать рукой.

Крест и святые лики,
Тополь — седой старожил...
Россыпи земляники
Между просевших могил.

Здесь, что ни шаг, то тайна.
Корни, цветы, глинозем...
В мир мы явились случайно,
Так же случайно уйдем.

Унесли кораблики

Унесли кораблики
По ручью в рассвет.
Дети, внуки, правнуки —
Вот и жизни нет.

Все, что было, — роздано,
На ладони — Мир,
И стоишь на росстани,
Словно старый Лир.

Соседи

Что я помню? Головешки бревен,
Копоть, горечь, липы без ветвей,
Матери надломленные брови
И потухший взгляд из-под бровей.

Помню, как, устроившись нелепо
На узлах, измученные, мы
Без тепла, без крова и без хлеба
Ожидали наступленья тьмы.

Я уснул, едва ресницы смежил,
А проснулся на чужой печи.
У окна сосед Кузьма на дежу
Набивал со звоном обручи.

Ах, как пах и стружкой и тестом
У соседей черепичный дом,
Где для нас, для погорельцев, место
На печи нашлось и за столом.

Помню, как хозяйка Пелагея
Хлеб к столу с улыбкою несла.
...Думал, что соседям я успею
Отплатить за добрые дела.

Не успел... Теперь досады жала
Больно бьют по сердцу моему.
И сквозь горечь давнего пожара
Вижу Пелагею и Кузьму.

Ключевая вода

Бесподобна вода ключевая
В полном жбане на пыльном возу!
Пьешь и пьешь это чудо, сдувая
С жарких губ золотую осу.

Пьешь и пьешь... Оторваться не в силах
От веселой студеной струи,
И все рядом становится милым:
Шорох сена, раздолье земли,

Старый конь, подуставший немного,
Что таскает копешки к скирде,
Мужики, жизнь проводившие строго,
В бесконечном нелегком труде.

И Мария — крестьянка от корня,
Та, что девкой живет вековой,
Что почти по-мужицки, проворно
Привезла нам воды ключевой!

Бродит рожь

Тем поселок и хорош
В летней знойной дымке,
Что с ним рядом бродит рожь,
С ветерком в обнимку.

В двух шагах — покой, шмели,
Васильки, колосья,
Коростель скрипит вдали,
Как в мороз полозья.

И как только в небесах
Свет высокий тает,
В поле на ржанных усах
Зорька засыпает.

Коса

Сенокосов русских чудеса,
Просто обожаю с малолетства.
И не зря досталась мне коса
От отца-трудяги по наследству.

Выбирал в хозмаге долго он
Для страды надежную подругу,
Чтоб ее напевный долгий звон
Оглашал рассветную округу.

До сих пор коса мне дорога,
Что лощины, косогоры бреет.
Разнотравья пышные стога
Накосил незаменимой, ею.

Хоть сейчас другие времена:
И для кос придумали моторы,
Но с литовкой выхожу я на
Чабрецом пропахшие просторы.

Повторяя мудрых предков жизнь,
Я кошу с размахом, без оглядки.
— Эй, с мотором там, посторонись,
А не то косой подрежу пятки!

Страда

Сестре Ольге

Мы не знали значения слова «страда»,
Но и все ж, в отдаленном
Задымленном поле
Это слово тогда
С детских лет навсегда
Въелось в наши сердца,
Въелось в наши мозоли.

Память ранняя просто забыть не дает
Дни предзимья,
Пейзаж за деревнею блеклый...
Мы спешим после школы,
А мама нас ждет
На колхозной плантации сахарной свеклы.

Под ногами раскис от дождей чернозем,
Продувает насквозь
Ветер жесткий, колючий,
Только мы — никуда, свеклу мокрую рвем
И рядами кладем в изумрудные кучи.

Мы боимся с тобою глядеть наперед,
Потому что не видно конца нашей пайки,
И не сахарный пот, а соленый течет,
И намокли давно от дождинок фуфайки.

На ходу подкрепляемся хлебным куском,
Закаляясь в горниле осенней погоды,
И упрямо, со злостью в душе каблуком
Выбиваем из цепкой земли корнеплоды.

Вот и сумерек тень,
Значит, день набекрень.
По дороге плетемся домой, еле дышим.
Утешает лишь то, что еще трудовень
Бригадир поутру нашей маме запишет.

Солдатский медальон

Окоп замшелый на краю полянки,
Который сторожит курчавый клен.
В нем пастухи нашли бойца останки,
И каску, и солдатский медальон.

Простая гильза бывшего патрона,
Куда воткнута пуля острием,
Служила тайником в песчаном схроне
Для весточки из ада в отчий дом.

Гремело здесь и выло не на шутку,
И, зная, что не выстоять в бою,
Солдат с волнением набросал на скрутке
Свой адрес и фамилию свою.

Не для наград совсем и славы громкой,
А чтоб забытым здесь не умереть,
Боец листок тетрадки школьной скомкал
И для потомков запечатал в медь.

И канул в бездну, словно не бывало
Его на свете.
Много лет прошло.
О нем родня безмерно тосковала,
И горевало вместе с ней село.

Сменялась много раз листва на клене,
Зарыт окоп пластами прошлых лет.
Почти истлела скрутка в медальоне,
И все ж остался карандашный след.

По буковке сложили слово Павел,
Второе проявилось — Щербаков.
Он всем живым святую весть оставил,
Что на земле когда-то жил таков.

Что бой неравный принял он героем,
Хотел, чтобы в сибирской стороне
Супруга Лида и детишек трое
Узнали о его последнем дне.

Скоморошки

Кто им дал название — не знаю,
Только знают хорошо у нас:
Скоморошки — это гать лесная,
Рытвин и пригорков перепляс.

Кляли место гиблое возницы,
Ведь в сырой денисовской глуши
Сыпались колес тележных спицы,
От натуги лопались гужи.

По лесам стонали вьюги яро,
Были волки, но в такой ночи
Не зверей, разбоя Кудеяра
Здесь всегда боялись богачи.

Ой, ты Русь лесная — Скоморошки!
Нет коней, возниц, но и сейчас
На душе скребут противно кошки,
Если бросит в сторону УАЗ.

И клянет водитель топи эти,
То назад машина, то вперед.
Хорошо, коль завтра на рассвете
Выехать отсюда повезет...

Егорова гармонь

Стоит мне гармошки перебор
По весне услышать за окошком,
Сразу вспоминается Егор
И его певучая гармошка.

Он, фуражку сдвинув набекрень,
Так играл — душа взлетала птицей!
Даже из соседних деревень
Приходила юность веселиться.

Улица и в ситцы и в шелка
Наряжалась — чем была богата,
А в частушках давние века
Оживали звонко и крылато.

Ветерок доносит перебор,
Да не тот, не будоражит душу...
Где твои «Страдания», Егор?
Заиграй! Я выбегу послушать.

На мельнице

Внизу река уносит воды, годы
И безмятежность легких облаков.
А наверху подводы и подводы,
Табачный дым и говор мужиков.

Я на возу, нагруженном мешками,
У коновязи ждет отец черед,
И слышно, как о камень трется камень
А над аиром дым ржаной плывет.

И иногда, присыпанный мукою
Выходит рослый мельник на простор
И достает он белою рукою
Из белого кармана «Беломор».

Он здесь хозяин на бугре покатою,
И смотрится забавно, как божок.
И даже из бровей его мохнатых
На папиросу сыплется снежок.

К закату солнца все у нас готово,
Лошадка с возом по песку ползет.
И теплые мешки с мукою новой
Отец с улыбкой сдержанной везет.

Учительница

Что теперь осталось от бывшего?
Фотографий давних желтизна,
Иногда открытки на три слова
Получает по весне она.

Осень георгины преподносит
И звонка ликующую медь,
И тогда, печаль свою отбросив,
Так не хочет женщина стареть.

Ей бы вновь с журналом и указкой
Дверь открыть, войти в знакомый класс,
Где приятно пахнет свежей краской
И уютно от ребячьих глаз.

Но она уйдет. Дорога длинной
Будет ей казаться вдоль реки,
Будут дома вянуть георгины
И на скатерть падать лепестки.

Баба Поля

Покидала родное гнездовье,
Постарев, жить одна не могла,
Немудреную утварь с любовью
По соседям она раздала.

Покатились горячие слезы
По щекам бабы Поли в тот миг,
Знала: больше не видеть березы,
И ручья, и травы возле них.

Увезли в сторону городскую,
В тесноту, духоту и бетон.
Часто там, по деревне тоскуя,
Выходила она на балкон.

Умирая зимою, без солнца,
Увидала свой дом и цветы,
И еще из родного колодца
Попросила у дочки воды.

Тришка

Спозаранку брал топор под мышку,
А топор — хоть бороду сбивай,
И спешил подладить Колька Тришка
Одинокой женщине сарай.

Если в печке не хватало тяги,
Приходили к Тришке —
Мол, спаси!
Хорошо, что печники-труды
Были, есть и будут на Руси!

Разбирая печь,
Травил он байки,
Делал хитроумные ходы.
Для него был теплый взгляд хозяйки
Самой лучшей платой за труды.

А зимой он часто по пороше
В бурках, в куртке,
В шапочке простой
Направлял в густой осинник лошадь
И возил старухам сухостой.

Молодым он вечности коснулся:
Поздней ночью за хмельным столом
Он уснул и больше не проснулся.
Хоронили Тришку всем селом...

Дмитрий ВИНОГРАДОВ

ЗОЙ

Актуальный детектив

ГЛАВА 1

В небольшом провинциальном городе практически ничего не происходило. Люди не слонялись без дела по торговым центрам, как в крупных городах. И дело не в том, что не было торговых центров, а в том, что жителей было очень мало. Только по вечерам по центральной улице, которую местные жители называли Бродвеем, гуляли стайки подростков. Люди среднего возраста работали, как правило, на одном из заводов, который что-то делал для обороны страны и поэтому рассекречивать его деятельность мы не будем.

Периодически в город приезжали артисты, актеры и показывали спектакли. Некоторые пели, плясали, другие откровенно гнали туфту. Так называемые антрепризы, когда из декораций пара стульев, стол и старый комод. Разыгрывается, как правило, либо драма, либо комедия. Раскрученные люди таким образом окучивали не только провинцию, но и всю Россию.

Короче говоря, небольшой город считался городом-спутником большого города. Вот где кипела жизнь. Там было метро. Там ходили троллейбусы и трамваи. И хотя расстояние от одного города до другого не превышало двухсот километров, но, даже случайно попав из одного в другой, вы перемещались не столько в пространстве, сколько во времени.

Естественно, как это бывает в маленьких городках, люди знали друг друга в лицо. Нет, они не знали имен друг друга, но, оказавшись в другом городе, всегда безошибочно угадывали своих земляков.

Конечно же, как в любом городе России, здесь были все соответствующие службы. Паспортный стол, налоговая инспекция, судебные приставы и, конечно же, суд. Росгвардии, на счастье, не было, и местных никто не бил резиновыми дубинками на сборищах и сходках, но вот полиция была. Был и свой уголовный розыск. Правда, разыскивать было почти некого. Ибо все, кого надо было разыскать, уехали из города в неизвестном направлении.

Посторонних в городке тоже не просматривалось, ибо на трассе стояло КПП, окруженное заборами и колючей проволокой. Полицейские, дежурившие на нем, всех своих знали в лицо и потому пропусков не требовали. Зато незнакомых осматривали придирчиво. Нет, ну, конечно, можно было при желании переплыть реку и попасть на территорию городка. Но это чисто теоретически. И могло возбудить только иностранных шпионов и каких-то отвязных хулиганов.

Короче говоря, городок был типичным российским провинциальным городком, у которого слишком много названий, чтобы сосредоточиться на одном. Поэтому будем считать, что это именно ваш городок или расположенный по соседству.

И вот в этом уютном, тихом гнездышке произошло из ряда вон выходящее. Произошло убийство. Да, друзья, не самоубийство, какое, к сожалению, периодически случается везде, а умышленное убийство.

Электрика оборонного завода, Сидорова Степана, нашли убитым в собственной машине. Машина стояла рядом с гаражами, а Сидоров с дыркой в голове от пули находился в ней на водительском месте. Дырочка, такая крошечная и аккуратная с красной каемочкой, виднелась в левом виске головы. Выходное отверстие было куда как шире и менее красивое. Обнаружили Сидорова совершенно случайно. Мужчина пошел за своим автомобилем в гараж и наткнулся. Все предельно банально.

Такого события в городке не было даже на памяти старожилов. Естественно, по городку поползли слухи. Они были разные. Кто-то говорил, что Сидоров переспал с чужой женой. Но оппоненты сразу сказали, что в таком случае его, скорее всего, бы просто хорошо поколотили. Поколотили или выбросили с балкона. Это было бы понятно и одобряемо.

Но Сидоров был женат, и его жена была прехорошенькая. Из этого обстоятельства родилось второе предположение. Оно говорило совершенно противоположное первому. А именно то, что Сидорова убил любовник жены. Бесспорно боевой офицер, имеющий в своем арсенале боевой пистолет. В это верилось больше, но тоже было на грани фантазии. В городке случались измены и даже нередко, но таким экстравагантным способом конкурентов было как-то не принято устранять.

Тем более что у Сидорова остался сын. Студент. Красавец. Спортсмен. Не комсомолец, к счастью. Поэтому возникла и третья версия случившегося. Речь шла о секретах. Сидоров работал на оборонном предприятии и много чего знал, стало быть владел закрытой информацией. Никто не думал, что он был просто электромонтером четвертого разряда по ремонту технологического оборудования, многие решили, что он был посвящен в какие-то ценные сведения.

Других версий не было. Нет, конечно, были какие-то экзотические, вроде того, что Сидоров был частью сети по краже серебра с контактов пускателей, но это уже было совсем из области фантастики.

Короче говоря, после убийства Сидорова жизнь в городке стала значительно интереснее и насыщеннее. Скука, конечно, осталась, и с ней боролись старыми дедовскими способами с помощью водки, но к этому прибавились разноцветные фантазии причин убийства.

ГЛАВА 2

Никакого убойного отдела в городке не существовало. В основном такие отделы существуют только в воображении киносценаристов. По ним, как вы понимаете, снимают сериалы, которые показывают по федеральным каналам. В уголовном розыске нашего городка работало всего-навсего пять человек. Начальник и четверо подчиненных.

Когда начальнику доложили о произошедшем, он почему-то перекрестился, хотя верующим себя не признавал. Конечно, место убийства осмотрели, даже сняли на видео, но ничего, заслуживающего внимания, не обнаружили. Причем не обнаружилась даже пуля. Получается, что преступник умудрился прихватить ее после убийства.

В морге тоже ничего нового не сказали. Слишком все типично. Никто не травил, не пытал, не душил Сидорова. Все просто. Смерть наступила от пули. По каким-то одному патологоанатому известным признакам он решил, что убили из ПМ. Но не было ни пули, ни пистолета.

Естественно, Гаврилочкин пал духом. Он даже не сразу собрал совещание отдела. Точнее, он отложил его на вечер. На семнадцать часов тридцать минут, когда, в принципе, все подчиненные по традиции уже должны начать потреблять вареную картошку в мундирах.

Весь день Гаврилочкин отвечал по телефону. Ему звонили так часто, что он вынужден был носить телефон с собой. Звонили все кому не лень, кто хоть каким-то образом имел отношение к полиции. Позвонили с большого города, который находился в двухстах километрах от места события. К счастью начальника местного отдела, в городе хорошо понимали профессиональный уровень полиции. К концу недели обещали подкрепление.

Но больше всего донимали звонки гражданских профессионалов. Первым позвонил вице-мэр городка, который по должности отвечал за взаимодействие власти с силовыми ведомствами. Он внимательно выслушал доклад Гаврилочкина. Задал ни к чему не обязывающие вопросы и отбился.

Позвонили с завода, где работал Сидоров. Тут уже вопросы задавал начальник. Никаким носителем гостайн, конечно же, Сидоров не был. Он ничего не видел, не писал и нигде не присутствовал. Единственное, чем он занимался, это ремонтировал литейное, сварочное и термическое оборудование цехов. Ни с кем не ссорился, в коллективе пользовался уважением.

«Тяжелый случай, — констатировал Гаврилочкин, — ни единой зацепки».

Обыкновенный человек как ворона. Заурядный и типичный. Именно такой, который составляет серую безликую массу жителей российской провинции. Именно на таких и держится государство. Слишком умные уезжают из страны, слишком глупые спиваются, а обыкновенные, безликие являются цементом государства. Они наиболее патриотичны по причине собственной средней грамотности. В школе они учатся удовлетворительно. Короче говоря, все было очень плохо.

Подчиненные чувствовали то же самое. Они то переговаривались в кабинетах, то разбегались по направлениям словно радиусы в круге. Что взять с профессионалов с опытом поимки алиментщиков и воров белья? Им было нелегко.

Они до такой степени волновались, что до сих пор не открыли движение на месте преступления. Пригнав двух служебных собак, пытались старым дедовским способом выйти на преступника. Люди командовали, а собаки виляли хвостами и пытались трахнуть одна другую, отчего эксперимент пришлось отложить. Поэтому к полудню вся территория преступления оказалось затоптанной псами и их хозяевами.

— Жалко, снега не было, — сказал старший лейтенант Котов, получивший в свое время премию за поимку вора норковой шапки.

А дело было так. Шел человек, глядит: висит шапка за окном. То ли сохнет, то ли проветривается — висит, и все. Короче говоря, он снял ее и принес домой. А через полчаса за ним, удивленным, пришли следователи во главе с Котовым. На беду воришки выпал первый снег, и по ним Котов и пришел прямо к злоумышленнику.

— Да... жалко, — согласился капитан Овечкин, — улик и следов нам не хватает.

— Проходное место. — Котов почесал за ухом. — Тут и велосипедисты, и мотоциклисты, и просто пешеходы целый день ходят. Сложно работать в таких условиях. Если бы не было никаких следов и убили, к примеру, в лесу... мы бы запросто это дело раскрыли. Сняли бы гипсовый отпечаток от протектора второго автомобиля — и все... дело техники!

— Вот именно... — согласился Овечкин.

На всякий случай, вооружившись лупой, они на карачках обследовали место убийства. Хотя нет, не на всякий. Присутствие журналиста местной газеты заставило их пойти на этот шаг. Тот стоял рядом с ограничивающей движение полосатой лентой и фотографировал происходящее.

— Пресса, — буркнул Котов, поднимая бычок старой сигареты и осматривая его, — провокаторы.

— Какие предположения?! — крикнула пресса в лице корреспондента Кожина.

— Без комментариев! — Овечкин сунул в полиэтиленовый пакет какой-то странный значок с поломанной иглой.

— Убийство будет раскрыто?! — не унимался Кожин.

— Не сомневаюсь! — Овечкин убрал пакет в портфель.

— Это американцы?! — удивил всех Кожин.

— Не знаю, может быть, — привыкший валить все на бывших союзников, ответил Овечкин.

— Когда будет снято оцепление?! — Кожин показал руками на ленты вдоль периметра преступления. — Собаки ведь уже были!

— Собаки — это не панацея! — пришел на помощь коллеге Котов.

— А кто панацея?! — Кожин навел фотоаппарат на Котова и щелкнул.

— Да чего вы пристали?! — Котов отмахнулся от назойливого корреспондента. — Будет пресс-конференция... все вопросы зададите...

— А когда она будет?! — спросил Кожин.

— Читайте прессу, — пошутил Котов и рассмеялся.

ГЛАВА 3

— Значит, так, — Гаврилошкин встал из-за стола, подошел к окну, — произошло убийство, мотив неизвестен!

— К нам едет помощник, — добавил Овечкин, — вот пусть и разбирается.

— Так, штабс-капитан, еще неизвестно, кто это и какие будут для нас от этого последствия! — Гаврилошкин посмотрел на свой левый погон, поправил звезду.

— Разбираться все равно придется нам, — добавил Котов.

— Правильно, Котовский! — Гаврилошкин даже не улыбнулся своей шутке. — Все могут только руководить, а как дело касается непосредственной работы, тут совсем другой триколор.

— Коленкор, — поправил Овечкин.

— Значит, так: с завтрашнего дня все дела побоку, приоритет — убийство Сидорова! — майор сел на место. — Распределяю роли. Овечкин.

— Я!

— Головка сам знаешь от чего, — Гаврилошкин не удержался и улыбнулся. — Значит, Овечкин, будешь главным в этом деле.

— А вы?! — не выдержал Котов.

— А я... — Гаврилошкин задумался, — я буду самым главным. Овечкин, мне каждый вечер докладываешь о ходе дела, я докладываю выше. Котов.

— Котовский же вы сказали! — пошутил Котов.

— Правильно сказал. Раскроешь преступление, станешь Котовским. Повторяю: Котов в непосредственном подчинении у Овечкина. Завтра едешь на завод в народ. Выяснишь, что там и как, на месте, так сказать. Одно дело, что говорят начальники, и другое дело, что скажут коллеги и собутыльники.

— Говорят, он почти не пил! — сказал Котов.

— Не верю, — Гаврилочкин усмехнулся, — человек должен быть чем-то занят.

— Можно я с его женой поговорю?! — спросил лейтенант Жарков.

— Можно Машку за ляжку и козу на возу, — Гаврилочкин немного подумал, — но, в принципе, поговори. Она работает в библиотеке Дворца культуры «Параллель». Заведующая каким-то отделом, женщина культурная и образованная, поэтому без пошлостей. Следующий.

Гаврилочкин посмотрел на оставшихся без распределения старшего лейтенанта Иволгина и стажера Михалкова.

— Может быть, я на телефоне буду? Так сказать координатором?! — полный Иволгин отличался обыкновенной ленью и зверским аппетитом.

— Нет, на телефоне будет Овечкин, а ты изучи гаражный кооператив, собери данные насчет ранее судимых владельцев гаражей, особенно по кровавым статьям.

— Понял, — Иволгин тяжело выдохнул.

— Ты! — Гаврилочкин показал пальцем на Михалкова. — Помогашь.

— Кому? — улыбнулся волосатый Михалков.

— Всем!

— Можно, он мне будет помогать! — Иволгин поднял руку.

— Можно, и, кстати, с корреспондентами общаюсь только я. Вы еще безусыми юнцами были, когда я давал интервью по вопросу кражи трех тонн меди с завода. Это было в девяносто пятом году. Да, так что рты на замок, а то преступник затаится и мы его никогда не найдем.

— Не мы, а тот, который приезжает, — вставил слово Иволгин.

— Ну это-то да, ты прав, — майор вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну и стал нюхать ее. — Все. Сейчас расходимся, завтра, Овечкин, в полпятого жду у себя. Понял?!

— Понял, — ответил капитан, — руководи, так сказать, пока крендель из центра не приедет!

Совещание закончилось. Люди разошлись. Гаврилочкин открыл окно, закурил и стал пускать в него кольца дыма.

«Какое запутанное дело. Мотив неочевиден. Орудие убийства нетипичное для городка. Можно представить, что кто-то пошалит ножичком. Но пистолет — это другое дело. Это слишком серьезно. Ножик, он дурака любит. Нервного и психованного, невыдержанного субъекта. Пистолет любит по-другому. Во-первых, его надо иметь. А занять пистолет не так просто. Во-вторых, за ним надо ухаживать. В-третьих, его надо где-то прятать. И так набирается и четвертое, и пятое».

Организованной преступности в городке не было. Были попытки организовать рэкет на заре коммерции. Но так как городок маленький и все друг друга так или иначе знали, то все попытки отобрать деньги у палаточников наталкивались на заступничество друзей. Кто-то знал рэкетиров с детства, другие были их соседями, третьи — коллегами по спорту и работе. Короче говоря, рэкет в городке не прижился. Поэтому городок миновали кровавые разборки и дележ территорий и сфер влияния.

Были, конечно, попытки из большого города поставить здесь своих смотрящих. Но смотреть было не за чем. Поэтому смотрящий как бы был, но роль его сводилась к минимуму. А со временем отпетые уголовники и сами все перешли в бизнес. Заимели рынки и магазины и поняли, что так гораздо спокойнее зарабатывать деньги, чем отнимать их у земляков.

— Овечкин! — крикнул Гаврилочкин вышедшему на улицу капитану. — Ты на всякий случай Халимана поспрашивай. Интересно, что у них в омуте говорят по этому делу.

— Понял! — капитан кивнул головой.

Гаврилочкин сделал последнюю затяжку, затушил сигарету и положил бычок в стеклянную баночку, стоявшую под подоконником. На сегодняшний день он сделал все. А что не сделал он, сделают другие, и пусть не сегодня, а завтра. Человека не вернуть, и рвать одно место было уже поздно.

— Уже поздно, — Гаврилочкин посмотрел на часы, — пора домой. Завтра будет день и будет пицца.

ГЛАВА 4

Прошло два дня. Городок напоминал улей. И хотя жужжания не было слышно, но практически на каждой кухне шли разговоры о Сидорове. Так всегда. Живет человек, и никто его не замечает. Но стоит умереть — и сразу начинаются разговоры.

Причем это если просто умереть, а не с такими почестями, как это сумел сделать Сидоров. Конечно, он не хотел бы такой славы, но, видно, судьба такая была у человека. Поэтому о застреленном Сидорове судачили с особым остервенением.

Но что самое интересное, месяцем раньше утонул тоже работник завода, фрезеровщик Честноков. Именно Честноков, а не Чесноков. Тот ловил рыбу на резиновой лодке и утонул. Виноватых так и не нашли. Но разговоров было после этого события на неделю.

Вот и сейчас злые языки искали связь между Честноковым и Сидоровым. Но связь не обнаруживалась. Да, они оба работали на заводе, но больше общего между ними не было. Тем более что они даже не были знакомы. Первый работал на одном конце завода, второй на другом.

Халиман — смотрящий от преступного сообщества за городком — хотел было уехать на время следствия, но его остановили на КПП. Остановили и вернули обратно. Тот, конечно, побухтел немного, но делать было нечего, и он вернулся в свою двухуровневую квартиру.

Оперативники особого рвения не проявляли — все ждали кренделя из большого города. И тот приехал.

— Борис Израилевич! — секретарь Гаврилочкина Оля вошла в кабинет шефа. — Прибыл товарищ из центра, впускать?!

— Ну естественно! Чего он так долго! — Гаврилочкин подскочил с места и пошел к двери. — Входите, товарищ!

Однако майора ждал шок. Перед ним возникла симпатичная женщина лет сорока. В брючном костюме, грудью третьего размера и кожаным портфелем коричневого цвета.

— Вы? — удивился майор, оглядывая приемную.

— Я, — дама обошла Гаврилочкина и, не ожидая приглашения, села за стол.

— Ээээ, — Гаврилочкин посмотрел на секретаря, — Олечка, сделай нам кофе.

Положив портфель на колени, дама вытащила какие-то бумаги, разложила их на столе и углубилась в чтение. Гаврилочкин набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Тоже мне Шерлок Холмс. Видно, все нормальные люди в центре оказались заняты.

Гаврилочкин усмехнулся и прошел на свое место. Женщина взглянула на него и продолжила чтение. Через минуту секретарь внес два блюда с чашками кофе.

— Спасибо, — гостья кивнула головой.

— Спасибо, Оля, — майор откусил кусок печенья, — угощайтесь!

— Спасибо, товарищ майор...

— Можно просто... Борис...

— Хорошо, Борис, — дама улыбнулась в первый раз, — меня зовут Аврора.

— Аврора, вы...

— Да, я буду помогать вам в расследовании убийства гражданина Сидорова. Скажу честно: дело находится на особом контроле.

Аврора подняла палец вверх. Майор посмотрел на потолок и немного погрузился. Аврора сделала глоток кофе. Довольно покачала головой.

— Ваш папа был, наверное, пламенный революционер?! — решил пошутить Гаврилочкин.

— Нет, мама изучала римскую мифологию, назвала меня в честь богини утренней зари.

— Ааа, ну тогда понятно, а я-то решил — в честь корабля, крейсера.

— Я поняла, все так думают, но тот крейсер тоже от имени богини назван...

— Это я уже понял... — улыбнулся Гаврилочкин.

— Да, чуть не забыла, — Аврора достала фирменный бланк МВД, — это вам.

— Понял, — Гаврилочкин надел очки и, взяв лист, стал читать.

По мере чтения его настроение опять немного понизилось. Аврора Мстиславовна Львова была назначена руководить расследованием. Но не это огорчило Гаврилочкина. По званию Аврора была полковником.

— Давайте сразу расставим акценты, — Аврора поставила чашку на стол, — вы начальник отдела, и я вам мешать не стану, выделите мне кабинет, если такое возможно.

— Возможно, товарищ полковник...

— Не надо званий, я их получала быстро, потому как своевременно заканчивала все курсы и академию МВД. Особых заслуг у меня пока нет, так что...

— Это хорошо! — не выдержал Гаврилочкин. — Ну в смысле...

— Я поняла, — Аврора улыбнулась.

— С чего начнем? — спросил майор.

— С начала...

— С какого именно начала? — уточнил Гаврилочкин.

— С утра того дня, как был обнаружен гражданин Сидоров.

— Хорошо.

Через час Гаврилочкин рассказал все, что знал об этом деле. Аврора периодически задавала наводящие вопросы и что-то записывала в блокнот. В кабинет никто не заглянул.

Оля, как настоящий секретарь, держала круговую оборону. Ни Овечкин, ни тем более другие, рангом поменьше, не смогли прорваться в кабинет к начальнику. Причем всех гнало в кабинет к Гаврилочкину в первую очередь любопытство. Люди были готовы увидеть в лице куратора от центра матерого сыщика, а со слов дежурного по отделу им оказалась дама с прекрасными формами, от которой к тому же пахло приятным парфюмом.

ГЛАВА 5

Аврора, как настоящий профессионал, не стала сидеть в кабинете, а сразу пошла в народ. Она, конечно, выслушала всех сотрудников и учла их информацию, но, очевидно, что этой информацией она осталась недовольна.

— Толик, — сказала она стажеру Михалкову, которого посадили рядом с ней в огромном кабинете, — ты учишься на последнем курсе юридического института. Хочешь пойти после выпуска работать в полицию?!

— Честно говоря, Аврора Мстиславовна, — Толик шмыгнул носом, — я еще не определился. Мне как бы и нравится, но не все. Мало свободного времени.

— Я все поняла, — Аврора поправила кобуру пистолета под мышкой, — когда-то и я сомневалась в выборе профессии, но сейчас ни о чем не жалею. С одной стороны, это интересно, а с другой — очень ответственно.

— Извините, а сколько лет вы в профессии? — спросил Михалков.

— Двадцать два года.

— А у вас семья есть?!

— Есть муж, в администрации работает, начальник отдела, дочка, наверное, твоя ровесница, студентка литинститута, мечтает стать писателем.

— А как вы думаете, мы найдем преступника?

— Очень хорошая и правильная постановка вопроса, именно мы, не я, не вы. А именно мы! Мы найдем.

— Но на месте преступления практически ничего не было найдено! Даже собаки следов не взяли! Преступник будто испарился!

— Испариться может только вода, — Аврора встала с кресла, — сейчас мы поедем на место преступления, я хочу сама посмотреть, оглядеться, так сказать.

— Понял, я буду ждать вас внизу. Поедем с мигалками и сиреной, на служебной машине!

— В нашем деле главное — это тишина.

— В больших городах все полицейские машины ездят с сиренами! Я сам видел!

— Ладно, студент, поехали!

Через пять минут УАЗ «Патриот» начальника отдела отъехал в сторону гаражей. Аврора с удовольствием села на пассажирское сидение и смотрела всю дорогу по сторонам. Размеренная жизнь городка — то, что отличало его от больших городов. Водитель включил было сирену, но по просьбе Авроры тут же выключил.

— Народ должен видеть, кто едет! — недоуменно сказал он.

— А кто едет? — спросила Аврора.

— Ну как кто? Власть!

— Мы поедем с мигалками в одном случае, — улыбнулась Аврора, — когда найдем преступника!

— Понял, товарищ полковник, — водитель снизил скорость и поехал как обычный гражданин.

На месте преступления ничего не изменилось. Только машину Сидорова загнали в гараж. Михалков пояснил, где и что было найдено.

Аврора не доставала увеличительного стекла, не ползала на коленях по земле. Она просто осмотрела всю территорию. Кроме этого, она зарисовала выезды и подъезды, ряды гаражей и будку охранника.

— Я думаю, стреляли из пистолета с глушителем! — сказал путающийся под ногами Михалков.

— Толя, в твоём предположении есть доля здравого смысла, я тоже так думала бы, если бы...

— Охранник ничего не слышал! — Толик показал в сторону будки.

— Скорее всего, он не слышал потому, что спал. Как я понимаю, преступление было совершено ночью, с двенадцати до двух часов ночи.

— Правильно.

— От территории кооператива до первой линии домов восемьсот метров. С такого расстояния можно не расслышать звук выстрела или принять его за хлопок или прокол колеса...

— Да, но...

— Стекло со стороны водителя было опущено?! Так? А двери были заперты.

— Ну да, — согласился Михалков.

— Хорошо.

Аврора постояла несколько минут на месте автомобиля Сидорова. Михалков смотрел на нее с замиранием сердца. Скорее всего, в ее прекрасной голове были какие-то неизвестные гениальные мысли. Михалков расправил плечи и приподнял голову.

— Мне все понятно, — Аврора пошла к машине, — поехали.

— В отдел? — спросил водитель.

— Нет, к Халиману.

Михалков и водитель переглянулись. Лишний раз соваться к этому человеку никто не хотел. Страху, конечно, почти не было, но мало ли что.

— Куда именно? — водитель завел УАЗ.

— Сейчас, — Аврора достала телефон, немного поискала в справочнике и нажала кнопку вызова: — Алле! Сергей Петрович?! Это Аврора Мстиславовна, вас предупредили о моем приезде? Я хотела бы с вами поговорить лично! Куда я могу подъехать?!

Водитель почесал голову. Михалков с уважением посмотрел на следователя. Аврора слушала Халимана.

— В ресторан, на Светланскую, — Аврора откинулась в кресле.

— Халиман там? — Михалков посмотрел на нее.

— Нет, он не там.

— Но... — Михалков задумался, — вы же сами сказали...

— Он подойдет, — Аврора закрыла глаза, — пока мы будем обедать, он как раз подойдет.

— Он нас угощает? — пристал Михалков.

— Нет, вас, Толик, угощаю я.

— Дак это же ресторан Халимана, — Толик рассмеялся, — мог бы и угостить.

— Мог бы, но у меня есть возражения.

— Понятно, — Михалков прокашлялся, — нельзя есть за счет преступников!

— Примерно так, но это решает каждый сам. Вы, к примеру, можете в будущем решать эти вопросы по-своему.

— Я вас понял, — Толик задумался, но так ничего и не решил.

Водитель выехал из кооператива и поехал в сторону центра. Движение было типичным. Ни пробок, ни заторов. Он едва по привычке не врубил сирену, но вовремя остановился. У каждого начальника свои требования.

ГЛАВА 6

Ресторан «Русь» располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Кованые перила и металлическая лестница, скорее всего, должны были продемонстрировать статус владельца.

Массивная дубовая дверь преградила путь посетителям. Подергав ее, Аврора нажала на кнопку звонка. Через несколько секунд дверь открылась и на пороге возник человек в русском народном костюме: в красной рубахе из атласа и широких черных штанах. Лаковые сапоги дополняли образ.

— Аврора Мстиславовна? — спросил человек.

— И Анатолий Михалков, — добавила Аврора, и они вошли внутрь.

Толик в первый раз оказался в этом заведении. Он, конечно, много о нем слышал, но причин посетить данное место у него не было. Зеркальные стены, картины с медведями и даже один вырезанный из дерева лось с рогами.

— Прощу! — администратор показал рукой в зал.

— Спасибо, — Аврора прошла в зал и села за предложенный столик.

Толик сел рядом, скромно поджав ноги. Играла музыка. Разумеется, русская народная. Все столики пусты. Скорее всего было еще слишком рано. Подошедший официант положил на стол два буклета с меню. Аврора полистала свой. Толик лишь открыл буклет наугад и оценил ценник. Цены кусались.

— Вообще-то я дома покушал, — прошептал он Авроре.

— Я заплачу, не волнуйся, — Аврора нежно улыбнулась, — у меня тоже муж не миллиардер, как обычно в кино показывают, но суточные платят очень хорошие, как раз для таких случаев. Понял?

— Понял, товарищ полковник.

— Значит, так, — Аврора подозвала рукой официанта, — нам с коллегой по кубанскому борщу, жареную картошку с олениной и две порции калитки с судаком. Ну и медовухи по бокалу...

— Она хмельная, — подсказал официант.

— Понимаю, несите...

Официант изъясил меню и удалился на кухню. Паузу надо было чем-то заполнять. Толик поерзал на стуле и наконец спросил:

— Аврора Мстиславовна, я все хотел спросить...

— Спрашивай...

— А вот вы сказали Халиману, что его должны были предупредить о вашем приезде, как это понимать?!

— Да очень просто... Халиман судим дважды, последнее его дело вел наш человек, уже генерал. С тех пор они друг друга с днями рождения и поздравляют.

— Странно, — Толик почесал голову.

— Ничего странного, это жизнь, Толик. Люди должны уметь договариваться друг с другом.

— Говорят, Халиман завязал.

— Как сказать, — Аврора посмотрела по сторонам, — к примеру, этот ресторан он отсудил у местного жителя за долги.

— Ну дак отсудил, а не отнял!

— Правильно, но долг был миллион, а стоимость ресторана пятнадцать миллионов рублей. Остальное — моральный ущерб.

— Я этого не знал.

Рядом как привидение из ниоткуда образовался официант с подносом. Он аккуратно поставил перед гостями по деревянной подставке, на которой стояла тарелка с борщом, от которой шел пар, стрелка лука, черный хлеб и кусочки сала.

— Приятного аппетита, — сказал он и растворился.

— Приятного аппетита, товарищ полковник.

— Спасибо, Толик, и тебе тоже. Можешь называть меня просто Аврора Мстиславовна.

— Хорошо, Аврора Мстиславовна...

Размешав содержимое тарелки, Толик поднес ложку ко рту. От аппетитного запаха заурчало в животе. С большим удовольствием они отведали настоящий борщ. Аврора не стеснялась закусывала луком и ела сало.

— Очень вкусно, — сказала она, отодвигая подставку в сторону.

— Я такого борща ни разу в жизни не ел, — признался Толик.

— Да, душевно.

Официант принес второе. Золотистые дольки картофеля, приправленные зеленью, лежали на тарелке и призывно блестели. Кусочки оленины лежали тут же рядом, порезанные на аккуратные кусочки.

— Не думал, что русская кухня такая вкусная, — признался Толик, пережевывая оленину.

— Вот и будешь знать, — улыбнулась Аврора, — а то все привыкли к китайской, армянской.

— Это точно!

Дальнейший обед прошел в полнейшей тишине. Лишь фоном пели цыгане. Медовуха была прохладная, только из холодильника. Малые градусы слегка щекотали горло. Аврора сделала последний глоток и отставила бокал в сторону.

В тот же момент рядом со столиком появился высокий, жилистый мужчина в темном костюме с галстуком.

— Как вам наша кухня, господа? — спросил он, широко улыбаясь.

— На высоте, Сергей Петрович, — Аврора показала рукой на соседний стул, — спасибо.

— Всегда пожалуйста...

Халиман сел за стол.

Толик с интересом смотрел на легенду воровского мира. Между тем смотрящий ничем не отличался от обычного горожанина. Единственное — это глаза. Они словно спрятались глубоко-глубоко, и потому понять настроение их владельца было невозможно.

— Как вам наш город, Аврора Мстиславовна? — спросил Халиман.

— Я не в полной мере еще познакомилась с ним, но то, что я увидела, мне нравится!

— Да, у нас тут спокойно.

— Ну, насчет спокойствия, я бы так с ходу не говорила, — улыбнулась Аврора.

— Ну, всякое бывает.

— Бывает, и у вас вот случилось, как же вы недосмотрели, вы же как бы... смотрящий?!

— Да, недосмотрел, — Халиман помрачнел, — согласен. Но я вчера вашему Овечкину все рассказал.

— Я прочитала его рапорт, — Аврора посмотрела по сторонам, — но мне он не понравился.

— Чем же, уважаемая Аврора Мстиславовна?! — не выдержал Халиман.

— Да не люблю вранья! — Аврора больше не улыбалась, и Толик удивился этой перемене.

Перед ним сидела суровая, волевая женщина. Реальный полковник, а не какой-то опереточный персонаж из главка.

— Не совсем вас понял, — Халиман поерзал на стуле.

— Хорошо. Вы сказали Овечкину, что незнакомы с Сидоровым. Так?

— Ну, естественно, незнаком! — Халиман улыбнулся одними губами. — Я на завод не хожу, он в ресторан не ходит, точнее — не ходил.

— А между тем у меня есть информация, что вы встречались с покойным.

— Это слова, — Халиман закинул ногу на ногу и откинулся в кресле.

— Да, это слова, — согласилась Аврора и зачем-то полезла в портфель.

Халиман, довольный собой, улыбался. Очевидно, что Аврора ему понравилась, и он стал с ней заигрывать.

— Да, это слова, а вот это, — Аврора достала из портфеля фотографию и протянула ее Халиману.

Тот взял ее как змею. Его лицо мгновенно исказилось. Перед Толиком сидел уже не довольный жизнью джентльмен, а пойманный с поличным воришка из магазина.

— Это фотошоп, — сказал он и положил фото на стол.

Толик изогнулся и стал смотреть на фотографию. На ней на скамейке в парке сидели Халиман и Сидоров. Очевидно, что они знали друг друга, так как вид у Сидорова был очень довольный. А Халиман даже улыбался.

— Нет, это не фотошоп, и это тоже.

Аврора достала еще одну фотографию. Халиман взял ее и с любопытством стал разглядывать.

— Ну? — Аврора приготовила еще одну фотографию.

— Хорошо, этого человека я знал, — ответил Халиман и положил фото на стол.

На ней Толик разглядел, как Сидоров берет какой-то сверток, а Халиман хлопает Сидорова по плечу.

— Вот теперь поговорим, — Аврора достала блокнот, — мой первый вопрос: что вас связывало?!

ГЛАВА 7

— Вы ему верите? — спросил Толик Аврору, когда они вышли из ресторана.

— Я не верю никому, — Аврора шла решительным шагом к автомобилю, — каждое слово надо перепроверять. Но то, что рассказал Халиман, не просто выдумать.

— Да, но электрик и...

— В том-то все и дело... и.

— И что вы будете с этим делать?!

— Ничего не буду делать, мне надо встретиться с его женой.

— С женой Халимана?

— Нет, с женой Сидорова.

— Она в трауре.

— Похороны будут завтра, следком разрешил.

Аврора остановилась у автомобиля.

— Значит, так: организуйте, Толик, встречу на послезавтра. Я думаю, лучше у нее дома, приглашать в участок не хочется, там люди теряются и не ведут себя естественно.

— Хорошо, а если на работе?!

— На работе можно, но там много ушей и суета. Я думаю, она сама там не захочет.

— Я понял, Аврора Мстиславовна.

Через пятнадцать минут автомобиль привез Аврору и Толика к отделению полиции. У окна, как обычно, курил Гаврилочкин. Заметив выходящую из авто Аврору, он поспешно затушил сигарету и закрыл окно.

— Как дела, товарищ Аврора? — спросил Овечкин в коридоре.

— Все хорошо, товарищ капитан, — Аврора не стала задерживаться и вошла в свой кабинет, — предоставьте, пожалуйста, рапорт о посещении завода.

— Занесу, — Овечкин улыбнулся и попытался приобнять Аврору, — а простите, вы, говорят, в ресторане были?!

— Были, — Аврора невозмутимо убрала руку с талии.

— Ну и как?

— Отличная кухня!

— Я там вчера был и рапорт вам предоставил, вам что-то не понравилось?

— Отчего же, рапорт обстоятельный. Хорошо описана кухня...

— Вы шутите? — психанул Овечкин.

— Я не Марина Кравец, — Аврора открыла дверь кабинета. — Извините, мы с Толиком работаем.

Толик пожал плечами и закрыл дверь перед удивленным Овечкиным. Капитан немного постоял и пошел в кабинет.

— Сука! — сказал он Котову.

— Что? — не понял тот.

— Эта сука приехала из большого города и выпустила свои когти! Можно сказать, что мы здесь совсем не работаем. Ходит за нами, как будто нас надо контролировать! А, между прочим, я двенадцать лет в органах!

— И в ресторан меня не взяла, — заскрипел Иволгин, — точно сука!

— А я вчера с Халиманом по-мужски говорил! — Овечкин сел за стол и ударил по нему кулаком. — Что теперь преступный элемент подумает! Что мы не доверяем друг другу!

— Говорят, там цыплята хорошие, — Иволгин сиротливо посмотрел на заваренный Доширак.

— Тебе бы, Саша, только пожрать! — возмутился Овечкин. — А то, что репутация подрывается!.. Она уедет, а мне с Халиманом еще жить! Вот что меня беспокоит!

— Она полковник, а ты капитан, — усмехнулся Котов.

— Значит, так, преступника должны найти мы! — Овечкин встал. — Хватит жрать, поехали!

— Куда? — спросил Иволгин.

— На чем?! — спросил Котов.

— Едем к жене Сидорова, на моей машине!

— Но... завтра похороны... — Котов сел на стул и положил локти на стол.

— А послезавтра полковник с ней встречается!

— Откуда информация? — спросил Котов.

— А ты не понял?! — удивился Иволгин.

— Нет, не понял. Михалков?

— Нет, конечно, — Иволгин положил в рот первую порцию вермишели, — это водила, я сразу понял. Так, Саныч?

— Ну, естественно, так, — Овечкин потер в порыве страсти ладони, — давай, давай жуй быстрее. Михалков для нас пропал, приклеился к бабе как банный лист!

— Не к бабе, а к полковнику, — поправил его Котов.

— Да какой там полковник! — засмеялся Овечкин. — «...Этому дала, этому дала», как в басне про ворону, знаешь?

— Саныч, не злись! — Иволгин вытер рот. — И бабы есть умные, у нас в высшей школе милиции учились такие... стервы, знаешь, какие! Лучше собак след брали!

— Все сказал? — Овечкин накинул пиджак.

— Ну все.

— Серега, ты с нами, — Овечкин посмотрел на сидящего за столом Котова.

— Зачем? — удивился тот. — Я только мешать буду.

— Ладно, когда будут внеочередные звания раздавать, ты тоже отдохни, — Овечкин направился к двери.

— Овечкин навсегда, а баба на неделю, — сказал Иволгин Котову, когда за Овечиным закрылась дверь.

— Да при чем здесь баба! — Котов ударил по столу кулаком. — Просто мне не нравится, когда вражда начинается, делаем же одно дело!

— Вот именно — одно! — Иволгин поднял палец вверх и вышел из кабинета.

ГЛАВА 8

Прощание с Сидоровым состоялось во Дворце культуры при заводе. Тело в красном гробу установили на сцене. Конечно, он не был известным человеком, но на заводе так было принято. Всех сотрудников, ушедших в мир иной, провожали

с почестями. Играл военный оркестр. В изголовье стоял венок из кедровых веток. Несколько тюльпанов и гвоздик лежали прямо на ногах. Людей было немного. В основном коллеги по цеху и друзья.

Было несколько бабuleк, которые не пропускали ни одни похороны и посещали их с завидной регулярностью. При этом бабульки скромно стояли возле гроба и тщательно крестили себя и усопшего.

Сам Сидоров лежал как восковая фигура. Его лицо толстым слоем покрывал грим. Следы от выстрела были закрыты тканью. Красная подушка, словно наполненная кровью ткань, держала голову высоко. В руках горела одинокая свеча. Недорогая, рублей за двадцать пять. Тонкая. Воск от нее скатывался на пальцы и оплывал их словно жир. Никто не удалял его, а покойному было все равно.

Супруга покойного стояла рядом. В черном платке. С огромными кругами вместо глаз. Она не плакала, она больше походила на манекен. Изредка шевелила губами и глядела на мужа. Или на то, что раньше было мужем. Очевидно, она думала о совместно прожитой жизни. Знакомство после армии. Дискотеки. Свидания и свадьба. Скромная свадьба, в квартире родителей Сидорова.

Рядом с женой стоял сын. Никто не знал, как его звали, и знакомиться никто не спешил. Не то место и не те обстоятельства для знакомств. Сын держал мать за руку и что-то шептал ей.

Чуть в стороне стоял Михалков. По заданию Авроры он пришел на похороны. И, что самое удивительное, был на похоронах и оператор с камерой.

Командовал им Овечкин. Несколько раз их пути с Михалковым пересекались, но он даже не кивнул. Михалков лишь пожимал плечами.

Чуть в стороне стоял стол, на котором лежали конфеты и несколько бутылок водки. Люди подходили сами и наливали себе в пластиковые стаканы.

— Царствие небесное, — сказал начальник цеха, поднимая полную рюмку водки вверх.

— Отличный специалист был, — добавил начальник ПРБ, — с закрытыми глазами мог нержавеющейкой спираль в печи заварить!

— Это точно! Генераторы литейные знал как свои пять пальцев! Мог любой конденсатор заменить! Все рассчитывал, любой фильтр! Мы же его в Казахстан хотели послать, когда союз развалился, а кондеры только там продавались! Умница, отличный специалист!

— Отличный специалист, — повторил начальник ПРБ.

— Уходят лучшие! — сказал начальник цеха и опрокинул стакан.

— Забирают лучших! — поправил его начальник ПРБ.

— Вот именно, но милиция разберется! Говорят, из города следователь приехал!

— Капитан Овечкин пообещал раскрыть это дело быстро...

— Ну дай-то бог! — начальник цеха пошел к жене убитого Сидорова.

Поздоровавшись с сыном покойного, он вытер невидимые слезинки на своем лице.

— Виктория Архиповна, — сказал он супруге покойного, — наши соболезнования, золотой был человек.

— Спасибо, Николай Львович, спасибо, спасибо за помощь в организации похорон.

— Чем можем, Виктория Архиповна, чем можем.

Закончив дежурный разговор, начальник посмотрел на часы и махнул рукой ожидавшим его команды. Оркестр заиграл еще громче, гроб накрыли крышкой. Шесть человек водрузили его на плечи и понесли в грузовик.

Первые комки земли в яму с гробом кинул сын. Жена медленно опустилась на колени, скинула ладошкой щепотку. Бабульки, которые присутствовали на всех

похоронах, громко завывали. Это настроение передалось присутствующим, и через пару секунд плакали все женщины на кладбище.

Сын взял Викторию Архиповну под руку и повел к машине. Завод оплатил все, включая поминки в кафе «Снежный Барс». За столы, составленные рядами, сели все, кто пришел. Здесь были знакомые и просто люди с улицы. Никто не спрашивал степень родства и знакомств. Мест хватило для всех.

— Снимаешь? — спросил Овечкин у оператора.

— Снимаю, — ответил тот, пережевывая пирожок с капустой.

— Молодец! — Овечкин с суровым лицом смотрел по сторонам. — Никого не упусти!

— Понял, товарищ капитан!

Овечкин похлопал оператора по спине и отошел в сторону. Встав возле окна, он стал вспоминать вчерашний разговор с супругой покойного. Подъехав к месту ее работы, они с Иволгиным прошли в кабинет директора библиотеки. Представившись по полной программе, они потребовали, чтобы к ним привели Сидорову. Директор быстро привела ее и вышла.

— Вы такая молодая, — начал разговор Овечкин.

— Да уж, — потупив взгляд, ответила Виктория Львовна.

— Да не переживайте вы так! — попытался разрядить обстановку Овечкин. — Найдете себе нового мужа! Городок у нас маленький, а свободных мужиков много...

Виктория Львовна промокнула платком глаза. Овечкин посмотрел на Иволгина. Тот понял его взгляд как просьбу вступить в разговор.

— Гражданка Сидорова, — обратился к даме Иволгин, — мы давно хотели с вами поговорить.

— Слушаю вас, — прошептала Сидорова.

— Как вы думаете, за что убили вашего мужа? Может, у него были враги?!

— Нет, врагов у него не было.

— Ну, может быть, он с кем-то ругался или ссорился? — спросил Овечкин.

— Я знаю только, что у них скандал был в гаражном кооперативе, председателя поймали на воровстве денег из кассы кооператива, и Степа очень сильно был зол. Получается, мы переплачивали членские взносы в течение двенадцати лет в два раза больше, чем надо было.

— Отлично! — Овечкин посмотрел на Иволгина. — И чем дело закончилось?

— Оно еще не закончилось, — вдова посмотрела на капитана, председателя поменяли, а юрист готовит обращение в компетентные органы.

— Компетентные органы на месте, как всегда! — Овечкин встал рывком со стула. — Прошу никому не говорить о нашем разговоре.

— Хорошо, — Сидорова кивнула головой.

— Купите торт и как-то развейтесь! — Овечкин пожал неживую руку Сидоровой. — До свидания!

— До свидания! — вдова еле сдерживала слезы.

Уже на улице Овечкин обнял за плечи Иволгина. Настроение капитана резко поднялось. Он стал напевать какую-то песенку.

— Вот так вот! — сказал он Иволгину.

— Ты думаешь, это председатель?!

— А ты сам как думаешь? — спросил, пританцовывая, Овечкин.

— Надо Авроре бы доложить! — предложил Иволгин.

— Ну уж нет! Эта сучка пусть с Халиманом общается, а лавры мы положим в свои карманы! Скоро займемся председателем, а пока молчи.

— Надо справки навести.

— Это уже мое дело, я наведу. А ты молчи!

— А Котову?!

— Никаких Котовых, медалями я не делюсь! Это мы с тобой раскрыли этот головняк, а не они.

— Ты уверен?!

— На все сто! Этого председателя запросто за мошенничество притянуть можно, вот он и мстит!

Овечкин милостиво смотрел на присутствующих на поминках. Они еще не знают, что запутанное дело практически раскрыто. Осталась самая малость — оформить его на бумаге. Хорошо, что Гаврилочкин прислушался к мнению Овечкина.

Судья быстро подмахнул арест. И бывший председатель — Петухов Олег Евгеньевич — уже переночевал ночь в приемном покое отдела. Великие дела делаются быстро. Даже если их делают маленькие люди.

И не важно, что директор библиотеки обнаружила бессознательное тело вдовы на полу кабинета. Овечкин досрочно праздновал победу.

ГЛАВА 9

Аврора без стука вошла в кабинет Гаврилочкина. Тот стоял у окна и поливал из стеклянного кувшина цветы в коричневых глиняных горшках. Обычно это делала Олечка, но сейчас у майора было слишком хорошее настроение, чтобы доверить это занятие женщине.

— Ох уж эти бабы, — бурчал он про себя, улыбаясь, — надели погоны с большими звездами, а толку никакого! Мы люди простые, в академиях не обученные, а преступления щелкаем как орехи!

— Борис Израилевич! — донеслось до него.

— Да-да! — от неожиданности Гаврилочкин пролил воду себе на ботинки.

— Говорят, вас можно поздравить? — спросила Аврора.

— Ну, — Гаврилочкин еще не определился, как вести себя со следователем из центра, — можно, наверное, и так сказать.

— Петухов не признался еще?

— Еще нет, а откуда вы знает...

— От руководства, от кого же еще, ваши люди мне не доложили ничего.

— Сюрприз хотели сделать.

— Понимаю, утереть нос бабе, так? — улыбнулась Аврора.

— Почему утереть нос, — не сдерживая улыбки, отреагировал Гаврилочкин, — я же говорю, с-сюрприз!

— Очень хорошо, я дождусь вашего сюрприза. Думаю, еще пару дней я буду у вас, потерпите.

— Потерпим, в смысле, надо быть здесь — будьте! — Гаврилочкин сел за стол. — Присаживайтесь, Аврора Мстиславовна, чай, кофе.

— Некогда, — Аврора пошла к двери, — надеюсь, ваши люди не превратили следствие в соревнование?

— Что вы! Какое соревнование, просто не хотят люди без дела сидеть, вы же в основном с Михалковым ездите, а тут целый отдел простаивает!

— Ну да, ну да, сегодня я буду занята, а завтра хочу переговорить с Петуховым...

— Нет вопросов! А вы сейчас куда? А то я водителя домой отпустил пообедать.

— Мы с Михалковым пешком пройдемся...

— Понятно, а вы куда? — спросил еще раз Гаврилочкин, но дверь уже закрылась.

Выйдя на улицу, Аврора и Толик свернули на аллею и медленно пошли, наслаждаясь свежим осенним воздухом.

— Красиво у вас, — Аврора взяла Толика под руку. — В нашем городе совсем не так, пыль, шум, а у вас тихо, чисто, дворники целый день метут, а не как у нас только по утрам.

— Это да, — Толик выгнул грудь, — у нас красиво.

— Да, Толик, заберете у водителя документы на машину и ключи.

— Я на механике не могу.

— Я могу, — улыбнулась Аврора.

Словно возлюбленные Толик и Аврора шли по городку. Навстречу попало несколько знакомых Толика. Они поздоровались с ним за руку. Толик каждому представил Аврору как следователя из центра. Мужчины понимающе кивали головами и удалялись.

— Пришли! — Анатолий показал на Дворец культуры.

Аврора кивнула. Трехэтажный дворец из стекла и бетона впечатлял. Она уже знала, что во дворце есть разные кружки и даже свой театр. По выходным в большом зале показывали фильмы.

— Мне нравится! — Аврора искренне посмотрела на Толика. — Даже у нас таких строений немного, в основном старые дворцы пионеров, а у вас роскошно!

— Построили пять лет назад, наверное, — Толик с гордостью смотрел на шикарный дворец. — Для нашего городка это большим событием стало...

— Ну вперед тогда! — Аврора отпустила руку молодого человека и широкими шагами пошла к дворцу.

Толик еле поспевал за ней. Который раз Аврора поражала его своей способностью мобилизовываться. Словно боевой солдат в минуту опасности, она немедленно принимала боевое положение. Толик смотрел, как движется Аврора. Она шла не как модель, она шла гораздо красивее.

В кабинете директора их уже ждали. Директриса, предупрежденная о втором пришествии полиции, поставила на стол торт. Аврора постучала в дверь и резко вошла.

— Львова, — протягивая руку директору, представилась она, — Аврора Мстиславовна...

— Очень приятно, Анна Сергеевна Коноплева, директор библиотечной системы. Прощу, торт... с орехами и черносливом.

— Спасибо... — к удивлению Толика, Аврора достала из портфеля бутылку красного вина, — если не возражаете...

— Да, — директор зачем-то посмотрела по сторонам, — не возражаю в общем...

— Помянем Сидорова...

— А его жены сегодня нет, она взяла три дня отгулов.

— Я знаю, я пришла к вам, правда, Толик?

— Правда, — согласился Толик, который вообще-то был уверен, что они идут к вдове Сидорова, хотя и должны были пойти к ней домой, как договаривались в ресторане.

— Это мой заместитель, — Аврора представила Толика, — очень перспективный молодой человек!

Толик покраснел и принялся открывать бутылку вина. Аврора достала штопор и передала Толику.

— А я думал, где шуруп взять! — признался тот.

Директор и Аврора понимающе переглянулись. Аврора слегка пожала плечами. Директор слегка кивнула головой.

— Пусть земля ему будет пухом, — Аврора взяла бокал с вином.

— Душевный был человек, — Анна Сергеевна пригубила вино и поставила бокал на стол.

— Вы его ведь часто видели? — спросила Аврора.

— Да, он часто приходил к Виктории на работу, встречал ее, и они вместе шли домой. Жалко человека, честное слово. И ее жаль, чисто по-женски!

— Скажите, он любил читать?

— Вы знаете, думаю, да! Викуля часто брала домой книги, говорила — для мужа.

— Наверное, он любил детективы?

— Нет, вы знаете, нет! Он любил Булгакова, Пастернака, Чехова, к удивлению, любил.

— Что, и «Мастера с Маргаритой» читал?! — удивилась Аврора.

— В год по несколько раз легко мог прочесть.

— Интересно, а стихи?

— Стихи... — задумалась Анна Сергеевна, — не помню насчет стихов, наверное, нет, не читал. Хотя я, может быть, просто не все знаю о нем. Честно говоря, он не очень общительным человеком был, знаете, и не сказать, что стеснительный, но какой-то интеллигентный, что ли! Мы все удивлялись, электрик и какой-то образованный, что ли! В нем была какая-то...

— Загадка? — спросила Аврора.

— Не то чтобы загадка, но какая-то недосказанность, он как будто что-то хотел всегда сказать, но не говорил, не знаю почему.

Поговорив минут тридцать, выпив половину бутылки вина, Аврора наконец встала и, поблагодарив Анну Сергеевну, пошла на выход.

Толик попрощался с директором за руку и тоже ушел.

Куда они идут, он не знал. Это знала только Аврора. Но спрашивать ее было неудобно, и Толик, словно телок, плелся за мамкой.

ГЛАВА 10

— Ты мне нравишься, Толик, — сказала Аврора, когда они вышли на улицу.

— В каком смысле? — озадачился тот.

— Не в гендерном, не мечтай о похотливой старой доступной женщине. Ты умешь молчать. А это я ценю.

— Но я просто не знаю, что говорить.

— Это я понимаю, но некоторые на твоем месте несут пургу, понимаешь?

— Понимаю, — Толик преданно посмотрел в лицо Авроры.

— Молодец, тебе ведь интересно, куда мы сейчас пойдем?

— Очень интересно.

— И ты молчишь, так же как молчал, когда мы пошли в библиотеку, хотя должны были к вдове домой пойти, так?

— Так, — Толик снова покраснел.

— Извини меня, я должна была тебе сразу сказать о своем плане, но у меня привычка: не говорить много, это бывает слишком вредно. Согласен?!

— Согласен, — Толик кивнул головой.

— Ну раз согласен, то сейчас мы пойдем к вдове.

— Согласен.

— Она нас ждет.

— Вы с ней договорились?

— Ей позвонили из управления культуры, выразили соболезнования и спросили ее разрешения поговорить со мной, она вежливо согласилась.

— А я не буду мешать? — спросил Толик.

— Какой ты милый Толик, молчи, как всегда, и все будет хорошо! — Аврора взяла Толика под руку, и они двинулись по известному им адресу.

Дома были Виктория и сын. Толик молча пожал ему руку. Аврора нежно обняла Викторину и что-то прошептала ей на ухо. Та кротко улыбнулась и пригласила гостей в кухню. На кухонном столе стоял портрет Сидорова и ваза с четырьмя алыми гвоздиками.

— Прощу, — Виктория Архиповна показала рукой на стулья у стола.

— Я не буду вам мешать, — сын посмотрел на Аврору, — если что-то будет надо, я в комнате.

— Хорошо, Миша, — ответила Аврора, — мы поговорим с твоей мамой недолго.

Виктория открыла холодильник, достала бутылку водки и поставила на стол. Затем взяла с плитки кастрюлю и положила в три тарелки солянку.

— Помянем Степушку, — Вика разлила водку по трем рюмкам.

— Конечно, — Аврора взяла рюмку и выразительно посмотрела на Толика.

Тот мгновенно понял ее и тоже взял рюмку. Все встали. Виктория глазами, полными слез, смотрела на фотографию мужа.

— Хороший был человек, — сказала Аврора, — помянем Степана Семеновича, светлая память.

Виктория медленно выпила рюмку водки словно воду и поставила ее на стол. Толик аккуратно в три глотка выпил свою порцию.

— Садитесь, прошу вас, — Виктория первой села на стул, — я слушаю вас, не обращайтесь на меня внимания, я переживу.

— Надо пережить, Виктория Архиповна, хотя это и непросто... — Аврора вытерла рот ладошкой.

— Кушайте, прошу вас! — Виктория подала вилки.

— Спасибо большое, — Аврора, к удивлению Толика, стала есть словно была голодной, — очень вкусно, спасибо.

— Вы спрашиваете, Аврора Мстиславовна...

— Просто Аврора...

— Хорошо Аврора, я слушаю вас.

— Виктория, скажите, ваш муж был ведь не просто электриком?

— Почему же, обыкновенным электриком, правда, его ценили на работе, он был грамотный человек.

— Нет, я имею в виду, у него же было хобби?

— Хобби... ну, было, да так это все, баловство одно, я ему всегда говорила, лучше бы ты, Степа, значки собирал, животных.

— И все же хобби. Можно подробнее?

— Да писал он разное, читал и писал, вот и все его хобби!

— А что он писал?

— Что писал, будете смеяться, если я скажу, что он писал.

— Почему же смеяться? Нет, не будем, — Аврора продолжила есть. — Так что же он писал? Стихи?

— И стихи писал и рассказы, и книги — повести, романы — пытался издавать, да только все бесполезно, никому он не был нужен.

— А вы сами читали его произведения?!

— Нет, не читала, стихи разве иногда, а книги нет.

— Почему? — удивилась Аврора.

— Да как сказать... — Вика задумалась, — ну какой из него писатель, ни образования приличного, ни связей. Там же в этой области все очень сложно! Да как в любом деле, без связей никуда!

- Но я знаю, он написал несколько песен для Халимана, для его дочери.
- Может быть, да что толку!
- Халиман даже заплатил ему!
- Да? Не знала.
- Сто тысяч в том году...
- Это, наверное, когда он сказал, что премию большую дали... — Виктория посмотрела внимательно на фото мужа. — Он мне шубу норковую сразу купил, хотя было лето.
- Вас это удивляет?
- Честно говоря, да.
- А он пытался свои работы кому-то показать?
- Постоянно показывал, — Виктория тяжело вздохнула, — во все издательства и книги, и рассказы посылал.
- И что, так ни разу и не опубликовали?
- Ни разу, даже не отвечали... а хотя нет, один раз ответило какое-то издательство, написали, что незаинтересованы в сотрудничестве, остальные все молчали.
- И вы, конечно, считали, что хобби вашего мужа это чистая блажь, просто убийство времени.
- Вы знаете, мне даже было стыдно на работе признаваться, что мой Степа пишет. А так сидит мужик дома, не пьет, по рыбалкам не ездит, в гараже не пропадает... как говорится, чем бы дитя ни тешилось, пишет и пусть пишет.
- То есть вам было все равно.
- Да, мне было все равно...
- А Халиман говорит, что ваш муж был очень талантливым, с его песнями дочка заняла первое место на конкурсе в Москве, ее по телевидению показывали.
- Может быть, и был талантливым, но толку-то! Вон он свои пьесы носил в наш театр, так на него там громко кричали!
- Он еще и драматургом был? — удивилась Аврора.
- Я бы так не говорила, просто он писал пьесы. И один раз предложил нашему Ипполиту, худруку народного театра в «Параллели». Но тот потом долго мне вспоминал про это, говорил, что театром могут заниматься только избранные, а не разные бездарь! Говорил, что учиться надо было в молодости.
- А вы в курсе, что Чехов был врачом?
- Я-то в курсе, да, видно, Ипполит не в курсе.
- Понятно. Скажите, а можно ознакомиться с творчеством вашего мужа?!
- Конечно, можно, хоть один читатель появится. Степа был бы рад.
- У него все в компьютере?
- Да, все в компьютере. Есть, правда, кое-что распечатанное, если интересно, я и это предоставляю.
- Очень интересно, спасибо.
- Скажите, только честно, вы преступника искать будете?
- Конечно, мы это и делаем...
- Хорошо, а то ведь у нас как, если простого человека обидят, то и вступить некому.
- Нет, что вы! Дело вашего мужа находится на особом контроле! — Аврора прижала руки к груди. — Честное слово.
- Ваши на Петухова думают, — не удержалась Виктория.
- Я знаю, эту версию мы тоже будем отрабатывать. У нас большой и дружный коллектив, и мы все работаем по разным направлениям.
- Но, я думаю, это не он, он жадный, но трусливый, он очень нервный, заикается даже.

- Трусливые иногда тоже бывают убийцами... — улыбнулась Аврора.
— Ну вам виднее.
— У вас очень симпатичный сын, чем он занимается? — спросила Аврора.
— Миша? Он учится на последнем курсе университета, будет заниматься авторемонтом.
— Скажите, если я завтра заеду за компьютером мужа, вам будет удобно? Мы сделаем копию его жесткого диска...
— Только не говорите мне, что вы реально будете читать его вещи.
— Мы изучим его письма, контакты, связи. Ну а книги, я подумаю, что с ними можно сделать.
— Спасибо вам, Аврора, — Виктория налила еще по одной рюмке, — на пошок?
— Конечно! Кстати, кто основной наследник Степана?
— Да какой там наследник! Наследовать-то нечего!

ГЛАВА 11

Аврора всю дорогу до отдела шла молча. Толик шел рядом словно тень. То, что он слышал, было странным. Жил-был какой-то электрик, возомнивший себя писателем. Обычно писатели творят в больших квартирах, за широкими деревянными столами. В окружении домработниц. На стенах висят грамоты и благодарности редакций. А тут... Обыкновенная хрущевка из двух комнат. Старая мебель. Полупустой холодильник. Откуда взять в таком месте нежные стихи и другие сочинения. Нет, все это сплошная ерунда.

Толик посмотрел на молчаливую Аврору. Конечно, полковник была для него авторитетом, но версия с Петуховым смотрится более убедительной, чем какие-то книги. Зря только время потратим. А еще, не дай бог, она заставит его читать всякую чушь.

- Сейчас пойдем к Петухову, — словно читая его мысли, объявила Аврора.
— Согласен! — обрадовался смене ветра Толик.
У дверей отдела стоял Иволгин. Он жевал невесть откуда взявшийся гамбургер. Заметив Аврору, он сильнее заработал челюстями. Аврора остановилась рядом и терпеливо подождала, пока Иволгин дожует.
— Приятного аппетита.
— Спасибо! Товарищ полковник...
— Как Петухов?
— Петухов? — Иволгин слегка напрягся. — Не знаю как.
— А разве вы не вместе с Овечкиным его допрашиваете?
— Нет! — Иволгин сделал шаг назад.
— Ясно.

Аврора вошла внутрь здания. Подошла к дежурному, тот вытянулся по стойке смирно. Его глаза бегали словно муравьи в муравейнике.

- Петухова ко мне! — сказала она.
— Дело в том... — дежурный замялся.
— В чем? — переспросила Аврора.
— Я не знаю, дело в том...

В этот момент рядом с Авророй остановился Овечкин. Он погрозил дежурному и покашлял, чтобы обратить на себя внимание Авроры.

— Сознался, вот признание, — сказал он Авроре, протягивая лист бумаги, — можете с ним не разговаривать. Все очень просто, обыкновенная бытовуха! Как

я и думал, обида за то, что его разоблачили и угрожали следствием. Короче говоря, можете возвращаться, товарищ полковник, к семье, у нас скучно. Это копия признания, можете почитать на досуге. Дата, подпись Петухова, все как и положено!

— Поздравляю капитан, хорошо работаете, — Аврора пошла на второй этаж.

Толик последовал следом. Аврора прошла мимо своего кабинета и направилась в сторону кабинета Гаврилочкина. Слегка заполошная Олечка встретила ее стоя. Аврора кивнула ей головой и открыла дверь Гаврилочкина.

— А! Аврора Мстиславовна, входите.

— Овечкин сказал, что есть признание Петухова.

— Да, знаете ли, — Гаврилочкин старался не смотреть Авроре в глаза, — со-
знался.

— Я хочу с ним поговорить сама.

— Не надо, Аврора... товарищ полковник, жалкое зрелище! Человек плачет, ломает руки, закатывает истерики!

— Я жду Петухова в кабинете, — сказала Аврора и вышла из кабинета.

— Подождите! — Гаврилочкин едва не выбежал за ней следом. — Дело в том!..

— В чем дело, Борис Израилевич! Мне дежурный два раза повторил эту фразу! Дело в том, дело в том, в чем дело, я спрашиваю?!

— Дело в том, что...

— Ему стало плохо, — подсказал подошедший Овечкин, — когда я ему сказал о всех перспективах, он потерял сознание и ударился головой о косяк стола, пошла кровь, пришлось скорую вызвать!

— Его увезли в больницу?

— Да, — согласился Гаврилочкин.

Аврора посмотрела медленно сперва на Овечкина, затем на Гаврилочкина и, наконец, на Ольгу. От этого взгляда всем стало не по себе. Оля едва не упала в кресло. Толик почесал затылок.

— Слабый человек оказался, — Овечкин пожал плечами, — непривычный к преступлениям.

— А где пистолет? — спросила Аврора.

— Пистолет? — этот вопрос немного озадачил Овечкина, он задумался на секунду. — Он его кинул...

— В воду, конечно? — спросила Аврора.

— Да, сел на автомобиль и выбросил где-то по пути из городка, где, точно не помнит, так как был в состоянии эффекта...

— Это все есть в протоколе? — спросила Аврора.

— Как сказать... — Овечкин искал поддержки у Гаврилочкина.

— Дело в том, что это был предварительный допрос и все запротоколировать не получилось, — подсказал Гаврилочкин.

— Да, — согласился Овечкин, — но будет добровольное признание, и там все будет.

— Водитель с обеда пришел? — спросила Аврора Гаврилочкина.

— Пришел, а вам зачем?

— Оля, вызовите водителя! — приказала Аврора секретарю.

Та немедленно схватила трубку телефона и позвонила. Через минуту водитель влетел в приемную запыхавшийся.

— Куда едем? — спросил он.

— Ключи от «Патриота», — Аврора протянула руку.

— Зачем же, так я сам вас отвезу куда надо! — удивился водитель.

— Ключи от «Патриота», — Аврора повторила второй раз.

Водитель вытащил из кармана ключи, передав их Авроре. Гаврилочкин тяжело вздохнул и буквально выдавил из себя:

— Зря вы так, Аврора Мстиславовна, мы хотели как лучше.

— Разберемся, кто чего хотел. Толик, пошли, — сказала Аврора и пошла на выход из кабинета.

Весь отдел смотрел из окна, как Аврора вырубивала с Толиком с территории отдела на служебном автомобиле. К их удивлению, машина ни разу не дернулась.

— Сука, — не выдержал Овечкин.

— Да уж... — Гаврилочкин покачал головой.

— Не надо было скорую вызывать, — сказал Иволгин, — отлежался бы...

— Это все Котов, слабак, это он в больницу позвонил, — Овечкин тяжело выдохнул, — допросить преступника и то по нормальному не можем! В Москве таких палками на полу бьют! Скотчем пакет к башке приматывают, а мы... ну прикоснулся я к нему один раз, и что! Борис Израилевич, ну а как признание еще получить? Он заикается как гнида и все отрицает!

Может, ему еще и адвоката предоставить бесплатного? Так мы вообще ничего и никогда не раскроем! А сейчас зато признание есть! Дело раскрыто! Все довольны! А церемонии эти только вредят нашему общему делу! Вы знаете, я за справедливость!

ГЛАВА 12

Толик показывал Авроре, как ехать к больнице. Через двадцать минут машина остановилась прямо перед приемным покоем. Аврора заглушила двигатель. Взяла портфель и листок с признанием Петухова и вышла наружу. Толик вышел следом.

— Я с вами, Аврора Мстиславовна? — спросил он.

— Да, ты со мной, Толик, пошли!

Аврора решительной походкой пошла в больницу. Спросив у врачей, как пройти в хирургию, она взяла Толика за руку и буквально потащила его по лестницам. Толик ощущал всю мощь этой хрупкой женщины. Просто так звание полковника не дадут, решил он.

— Полковник полиции Львова, — без лишних пояснений представилась она дежурной медсестре, — мне к Петухову.

— Конечно! — медсестра, подскочила с места. — Прошу!

В конце коридора сидело два сержанта полиции. Они посмотрели на Аврору и переглянулись между собой. Очевидно, что Аврору в этом городке знали уже все силовики.

— Здравствуйте, — Аврора показала полицейским свое удостоверение.

— Вы к Петухову? — спросил один из них.

— Да... мы к Петухову... — Аврора открыла дверь и вошла внутрь.

— Толик! — позвала она помощника. — Входи.

Михалков под пристальными взглядами полицейских прошмыгнул внутрь. В одноместном номере на кровати лежал человек. На фоне белой простыни и одеяла казалось, что он перемотан бинтами с головы до ног. При этом на голове проявлялись пятна крови. Один глаз совсем заплыл. Второй смотрел на вошедших со страхом.

— Гражданин Петухов, меня зовут Аврора Мстиславовна Львова, я полковник полиции.

— Я все подпишу! — прошептал Петухов.

— Олег Евгеньевич, скажите, вас вынудили подписать признание? Или вы на самом деле убили гражданина Сидорова на почве личной неприязни? Говорите.

— Вы скажите, что я должен сказать, и я это скажу, — продолжал шептать Петухов.

— Нет, говорите сами. Не бойтесь, я вас переведу в город, вы будете находиться под защитой, вас больше пальцем никто не тронет!

— Я воровал деньги гаражного кооператива, это я признаю, я вор или мошенник, я не знаю, как это называется. Но у нас все воруют, если есть возможность. У меня возможность была, вот я и воровал!

— Понимаю, а убийство?

— Я Сидорова пальцем не трогал! Да и зачем? Судите сами, против меня выступил весь кооператив, а не лично Сидоров, мне что — всех убивать, что ли?! Это же глупо!

— Зачем признание подписали?

— Ваш капитан очень страшный человек, он мне на пальцы наступал каблуками!

Петухов поднял левую руку с забинтованными пальцами. Аврора посмотрела на Толика. От этого взгляда Толик вжал голову в плечи.

— Понятно, — Аврора вытащила из кармана телефон, — Толик, вы постоите здесь, мне надо позвонить.

— Хорошо.

Аврора вышла на минуту из палаты. Петухов, оставшись один на один с женщиной, смотрел на него как кролик на удава.

— Сказала защитит, значит, так и будет! — сказал Толик.

— А капитан? Он же мстить будет?!

— Я не знаю, я человек маленький, — признался Михалков, — но, думаю, неприятности у него будут!

— Я боюсь! — сказал Петухов.

— Чего?

— Я же вор!

— Бывает, — Михалков посмотрел в сторону двери, — но лучше сесть за воровство, чем за убийство. Заплатите штраф, может, гараж заберут в счет долгов...

— Я готов все вернуть! У меня есть деньги!

— Скажите об этом членам кооператива, может, простят.

— Бббес пппопутал, — стал заикаться Петухов, — честное слово.

Наконец дверь открылась и вошла Аврора. Она подошла к окну. Посмотрела на улицу.

— Завтра вас перевезут в город, — сказала она.

— Ссспасибо, — Петухов попытался улыбнуться.

— Не за что, у вас левая рука повреждена?

— Ддаа, левая, ппправой я должен был пписать пппризнание...

— Я вам дам лист бумаги, напишите все, что с вами случилось в отделении полиции...

— Да, но...

— Не бойтесь, гражданин Петухов...

— Но кккапитан...

— Капитан Овечкин до окончания разбирательства отстранен от службы...

— Ппонял.

Аврора выдала Петухову лист бумаги и ручку. Тот долго силился, но тем не менее изложил все, что произошло с ним с момента задержания до попадания в больницу. Аврора приняла у него исписанный лист, прочитала его и убрала в портфель.

— Вас охраняют, сюда никто не войдет, а завтра вы уедете в город. Доброй ночи!

— Ссспасибо... — Петухов вытер одинокую слезу правой рукой.

Аврора открыла дверь. Толик понял, что пора выходить. У дверей стояли полицейские. Очевидно, их немного взбодрило руководство, и они смотрели на Аврору как на римское божество, готовые исполнить любую ее волю.

— Ребята... — она поманила их в сторону, — отвечаете за жизнь Петухова. Никого не впускать, только лечащий персонал. Всех остальных только через меня.

Аврора достала из нагрудного кармана визитки и раздала их сотрудникам. Те взяли бумажки, внимательно прочитали и встали по стойке смирно.

— Звоните в любое время дня и ночи, повторяю — в любое время дня и ночи!

Аврора и Толик вышли на улицу. Он не узнавал полковника. Перед ним была настоящая волчица. С узкими глазами и клыками вместо зубов. Ему стало страшно. Перед ним стоял демон во плоти. Толик был молод и не знал, что русскую женщину нельзя злить.

ГЛАВА 13

Гаврилочкин ждал Аврору на улице. Он только что выкурил одну сигарету и тут же достал вторую. Иволгин смотрел на майора со второго этажа своего кабинета. Весть о том, что Овечкина отстранили от службы, распространилась быстро. Котов сидел за столом и смотрел в потолок.

— Все будет нормально, — сказал Иволгин, — пожурят немного, и все. Овечкин хороший оперативник! У него куча наград!

— А если нет? — ответил Котов. — Если заведут уголовное дело?

— Ворон ворону глаз не выклюет, — Иволгин продолжал смотреть на Гаврилочкина, — поэтому забудь! И молчи, ты ничего не видел, ничего не слышал...

— Но Петухов...

— Да черт с ним, с этим чертовым зайкой и крысой! Он у своих воровал!

— Но он же не убивал!

— Утри сопли, Котов, — Иволгин со злостью посмотрел на коллегу. — Аврора не сегодня-завтра уедет, а нам оставаться здесь. И Овечкин будет здесь, как ты ему в глаза смотреть станешь? А как же взаимовыручка?

— Но бить подследственного — это неправильно! — прошептал Котов.

— Бить... что значит — бить? А ты знаешь, как допрашивали в тридцать седьмом году?! Раздевали наголо и лили кипяток в глотку, и попробуй не признайся, что ты японский шпион! И что... кто-то был наказан? Люди делали свое дело! И власть их прикрывала! Это сейчас стоит журналистам написать про пытки и разную дрянь, и власть стала бояться народного гнева, а по мне — я за Жеглова!

— При чем здесь Жеглов? — удивился Котов.

— А помнишь, как он кошелек подкинул Кирпичу, и того посадили! И правильно сделали, между прочим! А сейчас, да скажите, да пожалуйста, да можете сделать один звонок, нате покушайте да покажите! — голос Иволгина стал повышаться. — Либералы проклятые!

— Но сейчас другое время... другие люди...

— Ерунда, это время определяем мы, почему-то можно избивать безоружных оппозиционеров, и власть это приветствует! Забыл, как в Москве этим летом все молчали. Когда подкидывали наркотики и выдергивали непонравившиеся рожи из толпы! Били вдсятером одного, и все сходило с рук! Ломали ноги, и все было можно! Дак почему же нам здесь нельзя?!

— Иволгин, ты болен.

— Нет, Котов, это ты болен, а я за Овечкина... горло грызть буду!

— Грызи, — Котов встал, — кретин.

Устав спорить с Иволгиным, Котов вышел из кабинета. Пройдя в приемную, он подошел к Ольге.

— Как дела, Оля, — спросил он.

— Не знаю... Овечкин ушел очень злой. Сдал пистолет и ушел. Гаврилочкин переживает, ему звонили из города. Аврора не так проста.

— Полковник полиции не может быть прост, — усмехнулся Котов, — тем более из города, тем более в сорок лет полковник.

— Что теперь будет?

— Не знаю, но, думаю, хорошего будет мало.

— Приехали, — Оля отошла от окна.

Гаврилочкин тоже заметил подъезжающую машину с Авророй и Толиком. Он поправил пиджак и пошел навстречу. Аврора остановила машину. Заглушила двигатель. Первым из автомобиля вышел Михалков. Он не знал, что ему делать. Но решил подождать Аврору.

— Иди, Михалков, мне надо поговорить с Авророй, — сказал Гаврилочкин.

— А Аврора...

— Пока еще ты мой подчиненный...

— Погуляй, Толик, — Аврора наконец вышла из автомобиля.

Толик отошел в сторону. Ему было интересно, о чем будут говорить начальники, но он решил перебороть искушение и сел на скамейку рядом с незнакомым мужчиной.

— Вы же полицейский? — спросил тот.

— Стажер, — поправил его Михалков.

— А это Аврора Мстиславовна?

— Да, она самая, а вы кто?!

— Собственный корреспондент городской газеты «Вестник»... можно пару слов о вашем деле?

— О каком деле? — не понял Михалков.

— Об убийстве Сидорова, я знаю, что арестован гражданин Петухов, говорят, он уже признался?

— Кто говорит?

— Не важно, люди говорят.

— Вам лучше поговорить с Авророй Мстиславовной, я всего лишь стажер.

— Возьмите мою визитку. Пожалуйста, передайте ее полковнику.

— Зачем? — беря в руки визитку, спросил Толик.

— Вы же сами сказали: поговорить, к тому же я знал Сидорова лично!

— Как? — удивился Толик.

Он посмотрел в сторону Авроры. Та о чем-то говорила и жестикулировала. Майор стоял перед ней как провинившийся школьник. Он пытался что-то сказать, но Аврора его не хотела слушать. Толик повернулся в сторону корреспондента. Но того уже не было рядом. Он исчез. В руке стажера осталась лишь визитка.

ГЛАВА 14

— Кожин Сергей Вениаминович, — прочитала фамилию корреспондента Аврора и положила визитку в карман, — так он хочет поговорить?

— Да, и он сказал, что знал Сидорова лично! — Толик еле успевал за Авророй.

Аврора взлетела на второй этаж. Открыла дверь кабинета и вошла, кинув на стол портфель. Толик вошел следом. Заняв место за столом напротив, он ждал новых указаний.

— Очень интересно, — Аврора снова достала визитку из кармана и положила ее на стол.

— Он и про Петухова знает! — сказал Михалков.

— Так всегда, — Аврора постучала пальцами по столу.

— Что именно так всегда? — не понял Толик.

— Все друг за другом следят. Осведомители есть у всех: у полиции, у журналистов, у всех!

— В этой связи я хотел спросить... — Толик почесал за ухом, — а откуда у вас фотографии Халимана и Сидорова?

— Из ФСБ разумеется, а вы думали откуда?

— Дак они следят за Халиманом?

— Конечно, следят! Он же смотрящий за вашим городком, и как за любым общественным деятелем за ним следят! Это же очевидно, Толик!

— Какой же он общественный деятель? — удивился Михалков.

— Обыкновенный. Если он бывший уголовник, это еще ничего не значит, у нас половина Государственной думы оттуда. А Халиман имеет свои интересы в Думе, он не лезет во власть лично, так как достаточно умен, но он влияет!

— А то, что вы мне говорите, это не государственная тайна? — спросил Толик.

— Какой ты наивный, Толик, об этом знают все... и друзья и враги.

— Но... я не знал.

— Ты пользуешься не теми источниками информации.

— А где найти тех?! — спросил Толик. — Те источники информации.

— Надо читать оппозиционные сайты, это самое лучшее и самое простое.

— Но ведь их блокируют! — удивился Толик.

— Да, блокируют, но не всех.

— Но если верить оппозиции...

— Не надо верить, надо слушать.

— А про Халимана тоже оппозиция говорит?

— Как ни странно, тоже городская оппозиция. Кто-то даже говорит, что Халиман был спонсором одного из кандидатов в губернаторы!

— Я этого не хочу знать, — Толик закрыл уши.

— Знаешь что, я хочу поговорить с этим, как его... — Аврора посмотрела на визитку, — с Кожиным. Позвони ему и назначь встречу на завтра, хочет — пусть приходит сюда, а нет, пусть назначит место сам.

— Хорошо.

Аврора передала визитку Толику. Тот забил себе номер телефона в память. Аврора зевнула и улыбнулась. На сердце Толика отчего-то потеплело. Странная эта женщина — товарищ полковник. Настроение у нее меняется как природа. То бурная, то кроткая, то грозная, то нежная.

— А у вас дети есть? — неожиданно для себя спросил Толик.

— Конечно, есть. Девочка, твоя ровесница, будущий писатель, в литинституте учится. Я же тебе говорила.

— Да, молодец. Я знаю, в Москве сложно поступать, — Толик покачал головой. — У меня один одноклассник хотел поступить, отличник, подал документы, но не прошел! А чеченцев берут! У них ЕГЭ по максимуму всегда!

— Все хотят учиться.

— Я вообще слышал, что в Москве одни кавказцы живут, не хотел бы там жить.

— Они наши граждане, такие же как и мы с тобой.

— Нет... — Толик покачал головой, — мне Кадыров не нравится, превратил республику в концлагерь!

— Откуда ты это взял, Толик... — улыбнулась Аврора.

— Читал... на оппозиционном сайте.

После этой фразы Аврора громко засмеялась. Толик на секунду замер и тоже присоединился.

— Ты хотел звонить! — наконец успокоилась Аврора. — Журналисту.

— Я и забыл... — Толик нажал кнопку вызова.

Аврора не стала слушать разговор. Она надела наушники и стала слушать музыку по телефону. Только по губам она поняла, что Толик договаривается. Закрыв глаз, Аврора стала шевелить головой. Привычка разминать шею передалась ей от супруга. Тот каждую свободную минуту крутил головой из стороны в сторону, считая, что это помогает при остеохондрозе.

Толик договорился с журналистом и теперь смотрел на своего патрона. Аврора медитировала, так решил Толик.

— Йога? — спросил он Аврору, когда та открыла глаза и сняла наушники.

— Остеохондроз, — ответила полковник.

— Завтра в полвторого журналист будет ждать в центральном парке, на скамейке...

— В его руке будет газета. Хорошо, на сегодня все, Толик, можешь идти домой. Спасибо.

— А вы?

— И я скоро пойду в гостиницу.

— Может, вас проводить?!

— Не надо, иди домой, мальчик, иди. Завтра в девять я буду ждать тебя...

— Но скоро стемнеет!

— Обычное дело, закончился день, солнце уходит, — Аврора встала, зевнула и потянулась, — и у меня есть мой друг!

— Кто именно? — не понял Толик.

— Вот он! — Аврора мгновенно выхватила пистолет из кобуры. — Тридцать из тридцати с двадцати шагов.

В дверь постучали. Аврора спрятала пистолет обратно. Убрав бумаги со стола в портфель, она громко ответила:

— Входите!

Дверь открылась, и на пороге появился Котов. Он переминался как школьник с ноги на ногу.

— Что случилось? — спросила Аврора.

— Позвонили с больницы...

— Ну... — Аврора напряглась.

— Петухов умер.

ГЛАВА 15

Второй раз за день Михалков и Аврора поехали в городскую больницу. Улицы городка были пусты. Горели фонари, и одинокие прохожие шарахались как коты по Бродвею. Желтые огни светофоров мигали словно маяки.

— Что же у вас за город такой?! — удивилась Аврора.

— Обыкновенный, — ответил Толик.

— Я заметила...

Медсестра, завидев Аврору, подбежала к ней и стала оправдываться. Она говорила, что лечение было сделано по правилам, что больной не должен был умереть.

Рядом с палатой по-прежнему сидели два полицейских. Охранять было больше некого, но руководство приказало ждать Аврору. Вид у них был потерянный. Аврора прошла в палату. Петухов лежал на кровати.

— Что с ним произошло? — полковник склонилась над лицом Петухова. — Мне кажется, он чем-то был напуган перед смертью? Такое выражение лица...

— Мы пока не знаем... вскрытие покажет, — ответил дежурный врач, — похоже, просто остановилось сердце!

— Инфаркт? — спросила Аврора.

— Вообще-то мы делали ему кардиограмму, особых замечаний не было, было, конечно, видно, что пациент перенес стресс, но ничего страшного! От этого не умирают!

— Хорошо, увозите его, — Аврора посмотрела по сторонам, подошла к окну.

Окно оказалось не запертым на замок. Распахнув его, она выглянула наружу. Второй этаж. До земли метров шесть. Аврора посмотрела на подоконник. К ее удивлению, на нем был отпечаток протектора от ботинка.

— Так, — она набрала Гаврилочкина, — Борис Израилевич, это полковник Львова. Вы уже знаете, Петухов умер. Прошу срочно прислать следственную группу в палату, у меня возникли некоторые сомнения, надо внимательно осмотреть помещение и все вокруг.

— Рассказывайте, — Аврора подошла к полицейским, — кто, чего и когда.

— Значит, так... — один из полицейских стал докладывать, — никто к нему не заходил, только еду приносила нянечка, и все. Мы даже не заглядывали в палату! И уже вечером, когда медсестра с уколами пришла, вот только тогда он оказался уже мертв!

Полицейский говорил нескладно и постоянно разводил руками. Второй стоял рядом, поддакивал и постоянно чесал нос.

— Ничего не слышали, может, шум, голоса?

— Ничего! Совершенно ничего! — вставил свое слово второй.

— А вы никуда не отходили? — спросила Аврора.

— Никуда! — в унисон ответили полицейские.

— Хорошо.

Через пятнадцать минут прибыла следственная группа. Криминалист после разговора с Авророй стал производить осмотр палаты. Он несколько раз выглядывал в окно, делал снимки отпечатка протектора, изучал пространство вокруг кровати с лупой. Сыпал каким-то порошком и сметал все в пакетик. Внимательно осмотрел Петухова, заглядывал ему в глаза, широко открытые от ужаса.

— Ну что? — спросила Аврора, когда осмотр был закончен.

— Будете смеяться, Аврора Мстиславовна, — доложил старший группы, — все указывает... на убийство.

— Что все? — спросила она.

— Вдоль стены идет водосточная труба, она не бросается в глаза, так как идет в канавке, след протектора от ботинка сорок второго — сорок третьего размера.

— Петухова напугали? — улыбаясь, спросила Аврора.

— Отнюдь, — в свою очередь улыбнулся старший, — его... очевидно, задушили подушкой. Потом подложили ее обратно под голову и ушли тем же путем, что и пришли!

— То есть убийство, — Аврора посмотрела на Толика, — я, впрочем, так и подумала, только трубу не заметила. Хорошо, занимайтесь своим делом!

Аврора поманила Толика рукой. Тот мгновенно подошел. Аврора взяла его за руку и отвела в сторону.

— Значит, так, нам здесь делать нечего, мы уезжаем.

— А Петухов? В смысле его тело? — спросил Толик.

— А что Петухов... или точнее, как ты правильно сказал, его тело. Он поедет в больничный морг! Там его порежут и изучат.

Толик мысленно представил все эти процедуры, и его стало мутить. Он машинально поднес руку ко рту.

— Ну-ну, — Аврора похлопала его по спине, — только не здесь, пошли на свежий воздух!

Попрощавшись с коллегами и персоналом больницы, Аврора и Толик ушли. На улице было свежо. В вышине словно бисер блестели мириады звезд. Аврора остановилась на пороге и посмотрела вверх.

— Не перестаю удивляться этой красоте! — удивила она Толика. — Ты только посмотри!

Толик поднял голову и вздохнул полной грудью. Он увидел только огромную луну. Луна висела словно сковородка. Были видны даже какие-то образования на ней. То ли моря, то ли кратеры бывших вулканов.

Аврора глядела по сторонам и, очевидно, наслаждалась видом. Толик посмотрел на нее и тоже попытался насладиться, но у него не получалось. Желтая луна мешала рассмотреть все прелести мироздания. Он просто не видел одиноких звезд.

— А ты говоришь обыкновенный, — вдруг сказала Аврора.

— Кто обыкновенный? — не понял Толик.

— Город обыкновенный. Два убийства за неделю — это много, Толик, это очень много.

— А может, они ошибаются? — предположил Толик. — Может, он все же сам умер? Кому Петухов мешал? Кто и, главное, зачем мог вечером влезть на стену и задушить его подушкой?!

— Это ключевой вопрос, Толик, ключевой. И я пока не знаю на него ответа. И самое главное, есть ли какая-нибудь связь между убийством Сидорова и Петухова.

— Сомневаюсь, — не раздумывая ответил Толик.

— Вот и я сомневаюсь, — Аврора села в автомобиль, — поехали, друг, по домам!

ГЛАВА 16

Приехав в гостиницу, Аврора приняла душ и позвонила мужу. Дома, к счастью, все было хорошо. Даша готовилась к семинару. Они сходили на концертное шоу Славы Полунина. Забавный клоун в желтом наряде не оставлял равнодушными ни взрослых, ни детей. От этого имени Авроре стало чуточку теплее.

В двух словах рассказав о городке, Аврора мысленно чмокнула мужа в щеку. Пожелала спокойной ночи и уснула. Ее не мучали кошмары, ей не снился ни Петухов, ни другие покойники. Но в какой-то момент она открыла глаза. Она не поняла причины этого. Глаза открылись сами, когда уши уловили какое-то движение.

Аврора сунула руку под подушку, взвела пистолет и стала всматриваться в темноту. Движение не повторилось.

«Мерещится», — решила Аврора и поставила пистолет на предохранитель.

В ту же секунду от двери послышался какой-то шорох. Аврора включила ночник. В углу, на стуле, сидел... Халиман.

— Доброй ночи, товарищ полковник! — сказал он тихо.

— Как вы здесь оказались? — удивилась Аврора.

— Просто вошел...

— Но я закрывала дверь...

— Замки сейчас делают такими ненадежными, его подденешь железкой, и он сам открывается...

— Что вам надо?

— Решил с вами поговорить, так сказать, с глаза на глаз...

— Мне надо одеться...

— Пожалуйста, — Халиман прикрыл глаза обеими руками.

Аврора встала с кровати, надела халат и села в свободное кресло, поджав ноги. Пистолет остался под подушкой.

— Я готова...

— Спасибо, Аврора Мстиславовна...

— Не за что...

— Спасибо за то, что не подняли шум и не стреляли в меня, даже сейчас пистолет не в ваших руках... спасибо.

— Пожалуйста, и на этом давайте закончим обмен любезностями. Вы пришли ночью, говорите зачем. Мне рано вставать.

— Хорошо. Убит Сидоров... вчера убили Петухова... этого чудика, который сам по себе не мог обидеть даже мухи, только вонял немного, как все заики... а так вполне безобидный типок был.

— И? — не поняла Аврора.

— И тень падает на меня!

— Я вас не подозреваю.

— Я не про вас говорю, сейчас...

— А про кого?

— Про наше братство, как вы знаете, у нас есть своя иерархия, каждый борется за место под солнцем. Так вот... поползли слухи, что Халиман плохо справляется со своими обязанностями смотрящего! К городку оказалось приковано внимание силовиков, и это плохо! Братва мне указала на недостатки!

— Ну а я тут при чем? — не поняла Аврора. — Это ваши внутренние дела.

— С одной стороны, как бы и да, а с другой — смена власти всегда подразумевает кровь, сами знаете. В государстве так же начинается передел собственности, сфер влияния, и так далее. Вам это тоже не будет выгодно! Могут пострадать невинные люди и полететь чьи-то головы!

— Да, я это понимаю... но что вы от меня-то хотите?! Стоило из-за этого приходить ночью!

— Я вам дам десять миллионов, если вы быстро раскроете оба этих убийства.

— Нет, давайте поступим по-другому, — Аврора собралась с мыслями, — давайте сделаем по-другому...

— Как по-другому?

— Вы через прессу объявляете награду за поимку преступников!

— Шутите?! Чтобы я громогласно заявил о своей поддержке мусоров?! Нет, это нонсенс!

— Завтра я встречаюсь с одним корреспондентом и могу договориться с ним, что за достоверную информацию об убийствах один из ответственных городских предпринимателей выделяет энную сумму денег. Как вам такое?

— Один из предпринимателей — это звучит лучше. Мне, знаете ли, Аврора Мстиславовна, реклама не нужна, меня и так весь городок знает.

— Значит, вы согласны?

— Значит, согласен. Ну а Сидорова мне, к тому же, очень жаль, несчастный был человек на самом деле! С такими способностями, как у него, ему в столице надо было жить, а не у нас.

— Не могу не согласиться. Если мы закончили, я хотела бы еще поспать.

— Спокойной ночи, Аврора Мстиславовна, — Халиман встал, — извините, если потревожил, но вы как-никак полковник полиции! И вам должно быть не привыкать.

— Да, мне не привыкать, — согласилась Аврора, — до свидания.

Халиман открыл дверь и вышел. Сколько ни прислушивалась Аврора, но удаляющихся шагов она так и не услышала. Очень обыкновенный городок.

ГЛАВА 17

С утра Гаврилочкин решил провести совещание. Через Олечку он оповестил весь отдел, за исключением Овечкина. Ровно в девять все собрались в его кабинете. Гаврилочкин сидел за столом и молча смотрел на присутствующих. Тишина звенела в ушах у Котова. Иволгин как ни в чем не бывало листал блокнот и щелкал ручкой.

— Оля! — крикнул Гаврилочкин.

— Да, Борис Израилевич! — услышав призыв руководителя, секретарь открыла дверь и замерла, готовая выслушать указания.

— Принеси мне, пожалуйста, кофе... покрепче...

— Один?

— Да... один.

Гаврилочкин посмотрел на Котова, потом перевел взгляд на Иволгина. Котов почувствовал этот взгляд и вжал голову в плечи.

— Ну-ну, — сказал Гаврилочкин и снова замолчал.

Оля внесла кофе. Гаврилочкин добавил сахара и сделал первый глоток. Обжегшись, он едва не задохнулся.

— Ну-ну, — повторил он.

— А что ну-ну, Борис Израилевич, — не выдержал Иволгин, — ну облажались, признаемся! Но с кем не бывает!

— Ну-ну, — Гаврилочкин подул в чашку и сделал второй глоток.

— Нас четыре человека осталось! — Иволгин с воодушевлением смотрел на кофе майора. — Как работать будем? И этот, Михалков, практически в другом подчинении, даже в кабинет другой пересел!

— Значит, вам тяжело, — наконец сказал Гаврилочкин.

— Да уж нелегко! — согласился Иволгин. — Столько работы навалилось, задыхаемся!

— То есть... нужна помощь...

— Да не нужна нам помощь! — сказал Иволгин.

— Правильно, вам нужен волшебный пендаль! — не сдержался Гаврилочкин. — Кто избил Петухова?!

— Это вы у Котова спросите, меня лично в кабинете, где его допрашивали, не было! — Иволгин откинулся на стуле.

— Сам знаю, что не было! — Гаврилочкин еле себя сдерживал. — Мало нам Авроры, сейчас у нас начинается работу собственная безопасность...

— Пускай... — сказал Иволгин.

— Думаете, только моя голова полетит, если что?! — крикнул Гаврилочкин. — А?! Только моя, я спрашиваю!

— Да не волнуйтесь вы так, Борис Израилевич, — сказал Иволгин, — знаю, как они работают, приедут из города важные, возьмут объяснительные и уедут! Всего делов-то! День два — и все! А вот Аврора — это надолго.

— Овечкина посадят, — выдохнул Гаврилочкин.

— А вот это плохо, — Иволгин положил руки на стол, — надо помочь человеку!

— А ты читал объяснительную Петухова, которую он написал Авроре в больнице?!

— Ну не читал.

— Это, Мишаня, восемь лет.

— А мы его на поруки возьмем! — продолжал Иволгин.

— Мы — это, значит, я, так?

— Ну, значит, так.

— Вот ты бы, Миша, фашиста на поруки взял?! Ну, который в концлагере пытал людей, вырывал у них золотые коронки вместе с зубами плоскогубцами, взял бы?!

Иволгин молчал. Гаврилочкин сделал большой глоток. Вытер ладонью вспотевшее лицо.

— Вот и я о том, слишком жестко, Миша. Слишком, а мы, между прочим, присягу на верность народу принимаем, только никто не хочет помнить об этом!

— Народу, — это в общем сказано, — подал голос Иволгин, — а конкретному человеку нет. Мы служим закону!

— Значит, так, — Гаврилочкин посмотрел на коллег, — помогаем Авроре, мы поможем ей, она поможет нам, поняли?!

— Поняли, — согласился Иволгин, — но она с нами не общается, гнушается нас.

— Это вы гнушаетесь ее, а не она вас. И меня на свою сторону перетягивали. А-а... она баба хваткая! Ее сам министр знает! К ней везде прислушиваются!

— Откуда информация? — спросил Иволгин.

— Из надежного источника, — прошептал Гаврилочкин, — из очень надежного.

— Так бы сразу и сказали, — сдался Иволгин.

— Так что сукой ее больше не называть! Поняли?! Еще раз услышу, сам морду набью, поняли?

— Да поняли, поняли...

— Котов...

— Да, Борис Израилевич!

— Ты, как свидетель избиения Петухова, будь всегда на связи. Телефон даже на ночь не выключай! Спи с ним как с любимой женщиной! Понял?!

— Понял, Борис Израилевич, буду спать как с любимой женщиной.

— Это все, что я хотел сказать, свободны.

Котов и Иволгин встали со своих мест. Гаврилочкин поднялся из-за стола и подошел к окну. Аврора и Михалков выходили из служебной машины. Аврора подняла голову. Гаврилочкин сделал шаг назад, боясь, что его заметят. Взяв в руки графин с водой, он стал поливать цветы. Это успокаивало.

ГЛАВА 18

В тринадцать пятнадцать Аврора и Толик подошли к центральному парку. В рабочий день здесь было малоллюдно. Несколько мамочек с колясками да старушки, кормящие голубей.

— Ну и где он? — спросила Аврора, глядя по сторонам.

— Еще пятнадцать минут, — Толик тоже не заметил корреспондента.

— Хорошо... подождем, — Аврора пошла к свободной скамейке, — погода хорошая, будем дышать свежим воздухом.

Толик вытащил телефон и стал просматривать новости. Гениальное изобретение, думал он. В любой точке сидишь и читаешь о разных событиях, происшествиях.

Аврора тоже не скучала, она думала о Сидорове. Кто он этот Сидоров, за что его так жестоко убили? Но развить мысль ей не удалось. Рядом остановился мужчина в светлом плаще и с ярким шарфом, повязанным в стиле петли самоубийцы.

— Добрый день! — он пожал руку Толику.

Аврора протянула руку. К ее удивлению, мужчина наклонился и нежно поцеловал ее в запястье.

— Сергей Вениаминович? — спросила она.

— Именно так.

— Садитесь, — Аврора отодвинулась от Толика, и корреспондент сел между ними.

— Вы хотели с нами встретиться? — спросила Аврора.

— Все правильно, хотел.

— И сказали, что знали Сидорова?

— Сказал, что знал Сидорова, — согласился корреспондент.

— Очень хорошо, мы слушаем вас, — Аврора улыбнулась и развернулась вполоборота к собеседнику.

— Со Степаном мы были знакомы давно, с детства.

— Вот как! — удивилась Аврора. — Очень интересно. Вы были друзьями?

— Раньше да, когда жили в одном дворе, но потом повзрослели и отдалились, но всегда поздравляли друг друга с праздниками, Новым годом, днем рождения.

— Когда вы с ним разговаривали в последний раз? — спросила Аврора.

— Вы меня извините, Аврора Мстиславовна, но я хотел бы по порядку. Вы человек в нашем городке новый и многое не знаете.

— Хорошо-хорошо, мы слушаем вас...

— Значит, так, вы можете не знать, но Степан был пишущим человеком, он писал рассказы, книги, пьесы... и стихи. И надо признаться, что у него это получалось, я даже как-то хотел заметку о нем напечатать, но главный редактор не разрешил, но я хотел! Честное слово!

— Понимаю, — Аврора откинулась на скамейке.

— И вот как-то года три назад... да, как раз на его день рождения, он пригласил меня в китайское кафе...

— А почему не домой? — удивился Толик.

— Позже узнаете... Так вот, мы сидели в кафе, вспоминали молодость, выпивали, и Степа все жаловался и жаловался, что его никуда не принимают! Ни в союз писателей, ни в союз театральных деятелей, что его пьесы театры просто выкидывают на помойки. Короче говоря, он был в шоке!

Я разделял его мнение, ведь кое-что из его работ я читал! Это были настоящие работы, глубокие и со смыслом! А я, извините, кое-что понимаю в искусстве! Так вот, и тут у меня возникла идея... словно озарение! Я вдруг понял, откуда растут ноги! Понимаете?!

— Честно говоря, не совсем, — призналась Аврора.

— Ну как же! Это ведь очевидно! Степан Сидоров! Звучит или нет?! Ну скажите честно?

— Какая разница, звучит или нет, — удивилась Аврора, — мне кажется, если человек талантлив...

— В том-то и дело, что кажется! Вам это кажется, — перебил ее корреспондент, — а я знаю точно: не звучит! На Степана Сидорова никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет публика, а книги его будут просто игнорировать!

— Вы хотите сказать...

— Да, я хочу сказать, что тогда по пьяной лавочке я ему предложил взять псевдоним.

Повисла тяжелая пауза. Аврора осмысливала услышанную информацию. Толик просто не мешал и молчал как обычно.

— Вы ему предложили... а он?! — начал доходить смысл до Авроры.

— И он его взял.

— Какой!

— Не знаю, — развел руками корреспондент, — но через полгода он пришел к нам в редакцию и подарил мне шикарный кожаный портфель.

— Но это еще ничего не значит, — улыбнулась Аврора, хотя это было очень интересно.

— Если ничего не значит кожаный портфель за двенадцать тысяч рублей, то вы не знаете наш городок, где покупки свыше пяти тысяч уже привлекают к себе постороннее внимание! А тут двенадцать... и за какой-то портфель! Это нонсенс!

— Ну хорошо, он подарил вам портфель, а что дальше?

— Он меня поблагодарил... Я сначала не понял, за что! У меня в голове просто образовалась каша!

— И он? — спросила Аврора.

— И он сказал, что послушал меня и взял псевдоним... и что именно сегодня он получил свой первый гонорар за постановку его пьесы.

— В каком театре? — спросила Аврора.

— Не сказал...

— То есть вы не знаете ни его псевдоним, ни театры, где его ставили?

— Вот именно! Но и это еще не все. Прошел год, и Степа сказал, что купил себе квартиру. В центре! Представляете!

— В центре чего? — не поняла Аврора.

— Ничего не знаю, Степа молчал, как партизан, и ни слова не говорил о своей работе. Но я понял, что у него все наладилось!

— Странная история, — призналась Аврора.

— Да уж, — согласился с ней Толик, — это какая-то фантастика!

— Никакой фантастики, друзья мои! — едва не закричал корреспондент. — Вы не знаете мира искусства! Там все берут себе псевдонимы, скрывая имена и фамилии, если они неблагозвучны!

Услышьте меня! Анна Ахматова. Настоящая фамилия — Горенко. Потом взяла фамилию Ахматова. Аркадий Гайдар. Настоящее имя — Аркадий Голиков. Максим Горький. Настоящее имя Алексей Пешков. Вениамин Каверин. Настоящее имя — Вениамин Зильбер. Демьян Бедный. Настоящее имя — Ефим Придворов. Евгений Петров. Настоящая фамилия — Евгений Катаев, брат Валентина Катаева. Илья Ильф. Настоящее имя — Иехиел-Лейб Арьевиц Файнзильберг. Борис Акунин. Настоящее имя — Григорий Чхартишвили. Кир Булычев. Настоящее имя — Игорь Можейко. Александра Маринина. Настоящее имя — Марина Алексеева. Дарья Донцова. Настоящее имя — Агриппина Донцова. Татьяна Полякова. Настоящая фамилия — Роганова. Эдуард Лимонов. Настоящая фамилия — Савенко. Захар Прилепин. Настоящее имя — Евгений. Шолом-Алейхем. Настоящее имя Соломон Наумович Рабинович... и этот список можно продолжать до бесконечности!

Аврора с изумлением смотрела на Кожина. Толик вообще открыл рот и не спешил закрывать его.

— То есть... — наконец пришла в себя Аврора, — вы хотите сказать...

— Я все сказал, кроме одного.

— Чего же? — спросила Аврора.

— Я не сказал, почему я не был у них дома. Дело в том, что когда-то мы ухаживали за одной девушкой, потом она стала его женой.

— Виктория? — удивилась Аврора.

— Именно.

— Сказать честно, Сергей Вениаминович, вы меня поразили.

— Рад, что хоть кого-то я еще могу поражать.

— А вы женаты? — спросил Толик.

— Это к делу не относится, но я отвечаю: нет, не женат.

— И детей нет? — не унимался Толик.

— Ну, естественно, нет! К чему они мне, если я не женат, что за вопросы, молодой человек!

— Сергей Вениаминович, скажите, получается, что Степан Сидоров с вашей подачи стал вести двойную жизнь?

— Получается, так.

— А он не собирался уходить с завода? — спросила Аврора.

— Собирался, две недели назад он был очень возбужден, сказал, что кое-что сможет мне рассказать, якобы это было что-то выдающееся! Ну и про завод сказал, да. Он мечтал переехать в новую квартиру и заняться только творчеством

— Очень интересно, — Аврора задумалась, — выходит, его могли убить из-за денег?!

— Думаю, да. Но не могу уловить детали. Деньги со счета не снять, квартиру не переоформить! Как его могли ограбить, не понимаю, поэтому я и пришел к вам.

— Это правильно, — Аврора достала сотовый телефон, но остановилась, — вы еще кому-то эту информацию говорили?

— Нет, никому. Только вам.

— Давайте договоримся: не надо распространяться, пока не надо.

— Я понимаю, буду молчать. Кстати, вы на могиле Степана были?

— Честно говоря, нет... — призналась Аврора.

— Сходите, там появился один очень живописный подарок, шикарный венок из живых роз. Без подписи.

— Спасибо.

— И еще, — корреспондент встал, — пообещайте мне, что первым о результатах этого дела узнаю я.

— Обещаю, — сказала Аврора, — да, кстати, чуть не забыла. Вы не могли бы опубликовать у себя в газете объявление, что некий бизнесмен, пожелавший остаться неизвестным, готов заплатить десять миллионов рублей тому, кто даст достоверную информацию об убийстве Сидорова...

— Десять миллионов? — Кожин округлил глаза.

— Да, именно десять миллионов.

— Я спрошу главного, не знаю, согласится ли он!

— Спросите, Сергей Вениаминович, может быть, это чем-то поможет в расследовании.

— Хорошо.

— До свидания.

— До свидания.

Корреспондент ушел, так же как и пришел. Пожал руку Толику и поцеловал запястье Авроре. Аврора долго смотрела ему вслед. А в ее голове все смешалось.

Толик молчал. Десять миллионов за смерть Сидорова. Это его шокировало. Все как обычно.

ГЛАВА 19

На следующий день Аврора и IT-специалист пришли в квартиру Сидоровых. Виктория была дома. Круги под ее глазами прошли, но чувствовалась какая-то опустошенность.

— Виктория Архиповна, добрый день, — заходя в квартиру, поздоровалась Аврора.

— Здравствуйте, Аврора... Мсти...

— Можно просто Аврора, в тот раз, когда я у вас была... мы договорились поработать над компьютером вашего мужа! Вы не передумали?

— Нет, пожалуйста, занимайтесь.

— Спасибо. Мы сделаем копию с жесткого диска, а компьютер останется у вас, обещаю, что ни одна пьеса или книга без вашего разрешения никуда не уйдет.

— Не смешите, Аврора, — Виктория сделала слабую попытку улыбнуться, — копируйте, что хотите, берите, что хотите, и делайте с этим, что хотите.

— Хорошо, но все же это память о муже! Берегите ее!

— Спасибо, Степе было бы очень приятно такое внимание к его творчеству.

Через сорок минут все было закончено. В компьютере оказалось два жестких диска по пятьсот гигабайт. Но так как тексты занимают немного места, то копирование прошло быстро и без проблем. Пока специалист занимался компьютером, Аврора и Виктория сидели в кухне.

— Один вопрос, Виктория... — Аврора выдержала паузу, — а скажите, знакомые в мире искусств, в театральном мире у вашего мужа были?

— Я не знаю, наверное, кто-то был, но мы об этом не разговаривали.

— А вот пару недель назад, говорят, ваш муж был немного возбужден. Как будто в его жизни случилось что-то важное.

— Да, я это заметила, но он сказал, что оформляет патент на какое-то изобретение на заводе и что скоро сделает мне большой сюрприз.

— Спасибо...

— Петухова убили, — сказала Виктория.

— Да, убили.

— Я не верю, что этот слизняк застрелил моего мужа...

— Я тоже не верю, но дело не в вере, а в фактах, давайте подождем конца разбирательства.

— Хорошо, — кротно согласилась Виктория.

— Да, и самое главное, — Аврора уже стояла в дверях, — советую вам больше никого не подпускать к компьютеру вашего мужа. Поверьте, это в ваших интересах.

— Хорошо.

Женщины сердечно распрощались. Одна осталась в опустевшей квартире, другая ушла разбираться, почему эта квартира опустела. Такова жизнь.

Установив в кабинете Авроры новенький мощный восьмиядерный компьютер, техник подключил диск и подал питание. Аврора удивилась, что диск был не запаролен. Очевидно, Сидоров совершенно не беспокоился за свою интеллектуальную собственность. Или не так. Он беспокоился, но не думал, что кто-то посягнет на нее.

Аврора стала разбираться в папках Степана. Все было очень просто. Их было немного. Рассказы, проза, поэзия и театр. Было много фотографий, каких-то заметок и просто всякой всячины, как на любом компьютере.

Раскрыв наугад пьесу «Тайна нарисованного человека», Аврора углубилась в чтение. В принципе, пьесы читать не так уж и сложно. Еще в школе ученики читают Чехова и Островского. Аврора читала с удовольствием. Через полтора часа упорного труда она прочитала последнее слово — Занавес.

Откинувшись на стуле, она увидела, что Толик молча смотрит на нее. Аврора протерла глаза.

— Ты все это время сидел здесь? — спросила она.

— Да, — кивнул головой Толик.

— Ты очень упорный человек, — Аврора скрестила руки на столе и положила на них подбородок, — ты знаешь, я думаю, что нам надо обратиться к специалисту.

— А где мы его возьмем?

— У меня есть некоторые мысли, — Аврора достала телефон.

Созвонившись с неким Романом Дмитриевичем, она попросила его организовать встречу с художественным руководителем театра драмы Ирэн Фрэнклин. Вставила флэшку и скинула несколько произведений.

— Все, вопрос почти решен, он перезвонит по дате и времени.

— А если этот Роман Дмитриевич не договорится? — спросил Толик.

— Начальнику налоговой инспекции вряд ли откажут, — улыбнулась Аврора.

— И все равно, я ничего не понимаю... — Толик посмотрел на Аврору, — зачем убивать Сидорова? Какой смысл! Ну взял человек псевдоним, и что с этого?! Не понимаю.

— А Петухова какой смысл убивать? — спросила в свою очередь Аврора.

— Иногда мне кажется, что Петухов сам себя убил со страху.

— Со страху перед кем?

— Перед тюрьмой, он же вор! Тем более с такой фамилией, сами понимаете...

— Очень может быть, что Петухов действительно боялся тюрьмы, но он себя не убивал. Я видела заключение медицинской экспертизы, его задушили, этот вопрос закрыт. Точка.

— Но за что?

— Знаешь, что объединяет Сидорова и Петухова?..

— Что?

— Гараж, я уже об этом думала.

— А что гараж? — не понял Толик. — Ну, гараж, там машина Сидорова... а Петухов-то каким боком!

— Сперва убили Сидорова и только потом Петухова...

— Но, если бы он не попал в больницу, его ведь могли и не убить! — возразил Толик.

— Может быть, и так, поэтому я буду отрабатывать версию театральную, а ты займешься рутинной.

— Чем именно?!

— Найди пулю, Толик.

— Как?

— Думай, это твой вопрос, я тебе его поручаю, больше ничем не занимайся... Гаврилочкина я предупрежу.

— Легко сказать: найди пулю! — Толик сдвинул брови. — Ее бригада оперативников не смогла найти.

— Как ты думаешь, Толя, куда она делась?

— Я думаю, ее забрал убийца, — сказал Толик.

— Сомневаюсь.

— Почему? — заупрямился Толик.

— Потому что сегодня ночью пытались вскрыть гараж Сидорова.

— Откуда вы знаете?

— Виктория сказала.

— Но как я...

— Вот ключи, — Аврора открыла портфель и достала ключ от гаража, — держи.

Удивленный Толик подошел к столу. Взял ключи. Вернулся на свое место и сел. Он продолжал гипнотизировать Аврору. Та посмотрела на него.

— Я думаю, что пуля в машине.

— Машину осмотрели, — сказал Толик.

— Осмотри еще раз.

— Хорошо, — сдался Михалков.

— Найдешь пулю — получишь благодарность от министерства! — улыбнулась Аврора.

— Ага, и выговор от Гаврилочкина.

В этот момент прозвенел сотовый телефон Авроры. Она посмотрела на номер звонившего и ответила. Несколько раз кивнула головой и в конце разговора сказала «спасибо». Вот и все. Толя молча ждал.

— Завтра меня ждут в театре, сегодня после обеда я уезжаю.

— Ирэна Франклин?

— Запомнил, — улыбнулась Аврора.

— Не жалуясь, — Толик слегка покраснел, — стихи с первого раза запоминал в школе.

— Включишь компьютер, считаешь стихи Сидорова, — Аврора встала, — не зря ведь Халиман сто тысяч заплатил. И венок положил на могилу.

— Вы думаете, это он? — удивился Толик.

— Уверена, преступники вообще любят богему.

— А я люблю простых электриков, от них пользы больше, — ответил Толик.

— Электриков, Толик, много, а драматургов мало. Я, к примеру, заходила на сайт Гильдии драматургов России. Знаешь, сколько их на всю Россию?

— Сколько? Тысяч десять?

— Сто пятьдесят человек, Толя. По одному человеку на миллион населения, вот и думай. Ладно, я пошла.

— До свидания, — Толик встал.

— Буду послезавтра, и найди пулю.

— Постараюсь, — Толик помахал рукой и сел на место.

Дверь за Авророй закрылась. Толику стало немного одиноко. Он посмотрел по сторонам. Скучно. Лишь за столом Авроры жужжал компьютер с мыслями Сидорова. Толик немного подумал. Встал, прошел к столу Авроры и сел за ее компьютер. Поводил мышкой по экрану. Выбрал раздел стихи и углубился в чтение.

ГЛАВА 20

Здание театра напоминало дворец. В таких дворцах обязаны обитать лишь царственные особы. Огромные розовые мраморные колонны украшали вход в театр. Барельефы тянулись по всему его периметру. Массивные деревянные двери с массивными бронзовыми ручками словно предлагали приложить определенные усилия, чтобы их открыть и войти.

Отражение Авроры показалось на зеркальной поверхности двери, она поправила шляпку и потянула за ручку на себя. Дверь открылась, словно вход в пещеру Аладдина. Сделав пару шагов, Аврора остановилась. Немного огляделась. Рамка металлоискателя ее не удивила, в наше время это незаменимый атрибут общественных мест. Зато удивили картины на стенах. Это были работы в стиле пост-модернизма. Аврора совсем запуталась во всем этом убранстве и даже боялась думать, что все это оригиналы.

— Мне к художественному руководителю, — сказала она, подойдя к охраннику.

— Вам назначено? — немного манерно спросил он.

— Мне назначено... — Аврора едва не полезла за удостоверением личности, но сдержалась.

— Фамилия? — спросил он и открыл журнал.

— Львова...

— Аврора Мстиславовна?

— Точно так...

— Куда идти, знаете?

— Найду дорогу...

— Можете пройти... — охранник сделал приглашающий жест, — прошу вас, второй этаж, правая сторона холла, угловая дверь.

— Спасибо!

Аврора обворожительно улыбнулась. Охранник едва пошевелил ноздрями, когда она прошла мимо него. Такого аромата он еще не вдыхал ни разу. Наверняка артистка.

Между тем артистка, по мнению охранника, поднялась по лестнице на второй этаж и уверенным шагом пошла к кабинету художественного руководителя театра. Посмотрев на часы, она поправила шляпку и постучала в дверь косточкой указательного пальца.

— Можно, — раздался тягучий, густой голос.

Аврора толкнула дверь и оказалась там, куда посторонним вход запрещен. Ирэна Франклин сидела на троне. На реальном троне резной работы, украшенном вензелями и знаками тайной театральной власти. В ее руке тлела длинная тонкая сигарета. На голове блестела тиара. Огромные черные глаза смотрели внимательно.

— Ирэна Изольдовна? — спросила Аврора, делая шаг вперед.

— Она самая, — дама неопределенного возраста, от тридцати пяти до шестидесяти, как ее определила Аврора, сделала приглашающий жест: — Входите, милочка...

— Я Аврора...

— Прекрасное имя... как и вы сами, — прервала ее Ирэна и встала с трона. — Коньяк, виски?

— Виски...

— Отличный выбор... — Ирэна царственной походкой подошла к холодильнику, достала бутылку японского виски, подошла к огромному столу и взяла два бокала. — Лед?

— Нет, спасибо... Ирэна Изольдовна...

— Для вас можно просто Ирэна, будьте как дома.

— Да уж... — с сомнением произнесла Аврора, глядя по сторонам.

Портьеры на окнах кровавого цвета, темных оттенков, массивная стенка с полками хрустальной посуды. Журнальный столик на изогнутых ножках и несколько антикварных кресел, будто доставлена мебель из Елисейского дворца.

Усевшись напротив, взяв в руки бокалы, дамы стали изучать друг друга. Очевидно, они остались довольны разглядыванием и выпили по глотку.

— А вы, правда, полковник полиции? — спросила Ирэна.

— Правда.

— Как мило, такая женственная, красивая, с прекрасными формами, вы не мечтали быть актрисой в детстве?

— Нет, не мечтала.

— Очень жаль, вам подошла бы роль Анны Карениной... Ваши предки, скорее всего, были голубых кровей. Я понимаю толк в женской красоте, поверьте! Впрочем, как и в мужской.

— Верю.

— Ну ладно. Роман Дмитриевич сказал, что у вас ко мне дело.

— Да, у меня к вам дело. Мне очень хочется, чтобы вы прочли пьесы и сказали, что это.

— В каком смысле, что это...

— Ну, с точки зрения худрука, поставили бы вы это у себя в театре или нет?

— Я художественный руководитель, а не заведующая литературной частью, — улыбнулась Ирэна, — но для вас я сделаю исключение.

— Я распечатала одну пьесу, не могли бы вы ее прочесть? — Аврора достала файл с рукописью Сидорова.

— Давайте попробую, как-то это неожиданно, у меня путаются мысли, честное слово!

Аврора встала и положила перед Ирэной распечатку. Та немного прищурилась. Вытащила листы и прочитала название. Задумалась, усмехнулась и перелистнула.

Аврора боялась пошевелиться. Она допила стакан и поставила его на стол. Ирэна подняла глаза, взяла бутылку и подлила Авроре и себе. Она читала медленно, шевеля губами и бровями. Ее глаза то удивленно замирали, то распахивались.

Аврора от нечего делать стала рассматривать стены. Одна стена была полностью завешена фотографиями известных людей. На каждой стояла Ирэна и почетный гость театра из числа публичных личностей. Чувствовалось, что власть и бизнес оказывают почтение этому заведению. На одной фотографии был даже Дмитрий Медведев. Правда, без Ирэны.

Аврора выпила и второй бокал виски. В голове стало непривычно безмятежно. Настроение улучшилось, и она непроизвольно улыбнулась.

— Я всегда говорила, — Ирэна оторвалась от произведения, — что алкоголь — это палитра русской души, с ним ярче раскрываются краски жизни, правда?

— Правда, — легко согласилась Аврора.

Ирэна улыбнулась и продолжила чтение. Прошло еще минут десять, и она наконец положила листы на стол. Откинувшись на стуле, она посмотрела на Аврору.

— Прочитали? — спросила та.

— Прочитала...

— Ну и?! Что скажете...

— Прежде чем что-то сказать, я хотела бы услышать имя автора...

— Зачем? — удивилась Аврора.

— Как зачем, так принято!

— Я не могу этого сказать.

— Ну тогда я не могу сказать ничего о произведении.

— Почему!

— Потому, что... — Ирэна тщательно подбирала слова, но так и не смогла точно пояснить свое требование.

— Вы у себя в театре эту пьесу бы поставили? Это же простой вопрос!

— Если бы эту пьесу написал Вырыпаев, поставила бы... — ответила Ирэна.

— А если бы ее написал провинциальный автор?! Никому не известный.

— Тогда не поставила бы...

— Но почему?! — удивилась Аврора.

— Как почему? Потому что театр зарабатывает деньги! — рассмеялась Ирэна.

— Скажите, а фамилия автора влияет на судьбу произведения?

— У нас в стране фамилия влияет не только на судьбу произведения, но и на судьбу жизни человека!

— К примеру, Сидоров, как вам такая фамилия?

— Вы еще скажите Анатолий или... Василий... или...

— Степан...

— Фу! Фу-фу-фу... Степан Сидоров, с таким именем можно стреляться!

— А если бы человек взял себе псевдоним?!

— Знаете, я скажу честно, псевдонимы все берут, но даже с ними не всем везет. Но шансов, конечно же, больше, да, это так.

— Но пьеса в целом вам понравилась?

— Да, пьеса хороша, я ведь не зря назвала Вырыпаева, такой же стиль — дерзкий, свободный.

— И если бы автором оказался Степан Сидоров, вы бы ее не поставили?!

— Ни за что! И никто бы меня не заставил это сделать!

— Понятно.

— А что, этот Сидоров ваш протеже? Вы его хотите продвинуть?

— Нет, не хочу!

— Ну тогда я ничего не понимаю, к чему весь этот разговор.

— Скажите, связи, они многое в театральном мире решают?

— Конечно, как и везде. Один известный драматург тянет своих учеников, те в свою очередь своих любовников и любовниц, жен, дочерей, сыновей. Режиссеры тем более так поступают! Поэтому люди и идут учиться к известным актерам, что шансов попасть в игольное ушко успеха становится больше.

— Ну а как же быть тем людям, кто творит в провинции, кто талантлив, пишет книги, хорошие пьесы.

— Это несправедливо, я согласна, но таковы законы нашего жанра! Завлит никогда не будет читать вашего Сидорова, как только наткнется на его фамилию! Никогда! И вообще пьесы не присылают по электронной почте театров, а приносят лично! По рекомендации, как я уже сказала. Вот так, голубушка! И посоветуйте вашему Сидорову взять псевдоним, это прилично.

— Спасибо, Ирэна.

— Пожалуйста, Аврора.

— Скажите, а вам это лицо незнакомо? — Аврора показала фотографию Сидорова.

— Нет, незнакомо. А должно быть?

— Я на всякий случай.

— Понятно, тайна следствия.

— Еще вопрос: а если, к примеру, взять псевдоним, то как можно с ним продвинуться?!

— Как? — Ирэна задумалась. — Один способ — это что-то придумать! Какой-то ход! Не знаю, что-то неординарное...

— Ну не переспать же с завлитом? — улыбнулась Аврора.

— А почему нет! — удивилась Ирэна. — Это совершенно нормально! А еще лучше если с мужчиной, гомосексуальные связи самые надежные! Поверьте! А ваш Сидоров, кстати, ничего мужчина.

Авроре стало немного неудобно от такой прямоты хозяйки кабинета. Она убрала фотографию и пьесу в портфель.

Ирэна подняла бокал.

— Я вам чем-то помогла?!

— Да, очень помогли.

— Передавайте привет Роману Дмитриевичу.

— Хорошо.

— Одну минуту... — Ирэна обошла стол, открыла тумбочку, — это вам две контрамарки на сегодняшний спектакль, комедия Бомарше. Кстати, театры в

большинстве своем ставят проверенные пьесы классиков. Есть и зарубежные драматурги, но это отдельная история.

— Спасибо, Ирэна.

— Всегда пожалуйста, Аврора, прекрасное имя, прекрасное.

Ирэна снова опустилась на свой трон. Аврора посмотрела на контрамарки. «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Сегодня в восемнадцать часов. А почему бы и нет? Они с мужем давно вместе никуда не выходили. Вот и повод появился.

ГЛАВА 21

Прошло еще два дня. Аврора открыла дверь своего кабинета. Как будто и не уезжала. Молчаливый Толик сидел за ее компьютером и читал тексты Сидорова. Он едва поднял глаза от экрана и снова уставился в него. Однако, пусть с некоторым опозданием, пружина в его теле разжалась, и он подскочил.

— Аврора! Милославовна! — крикнул он обрадованно.

— Мстиславовна вообще-то, — поправила она, входя в кабинет.

— Извините...

— Рассказывай, что тут у вас!

— У нас тут... — и Толик перешел на шепот, — безопасники обвинили Овечкина в убийстве...

— Петухова? — удивилась Аврора.

— Не только, и Сидорова тоже, — продолжал шептать Толик.

— Как? И Сидорова?

— Очень просто. Сидорова застрелили, а Петухова задушили!

— Ну и...

— А Овечкин как раз сдал пистолет, помните!

— Помню, а мотив?

— Социальная ненависть.

— Кого к кому? — Аврора села на свое место.

— Овечкина к Сидорову и Петухову...

— Ладно, пусть разбираются, это даже полезно для нас.

— Гаврилочкин бесится!

— Ну а как же еще, такая тень на его репутацию, сложно отмыть! А до пенсии два года, такие дела, Толик.

— Я был в гараже у Сидорова, — Толик сел на свое место, — пули нигде нет.

— Точно?

— Точно! Я весь потолок машины ободрал, нет пули.

— Почему потолок? — спросила Аврора.

— А остальное там было все ободрано, только потолок оставался.

— Толик, я читала все протоколы, машину никто не обдирал!

— Ну не знаю, я вообще, когда вошел в гараж и открыл машину, подумал, что там собака неделю жила! Все сидения разодраны.

— Значит, Толик...

— Что, значит?

— Значит, ты опоздал, преступник, как ты говоришь, ободрал на минуту раньше тебя и, конечно же, нашел пулю.

— Но замок был закрыт! — Толик полез в стол. — Ключи-то у меня!

— Это моя вина, — Аврора стукнула кулаком по столу, — надо было сразу в гараж ехать, а теперь мы потеряли одно из доказательств!

— Ну а у вас как дела?

- У меня? Кое-что удалось узнать.
- А вы можете за это десять миллионов заработать? — не выдержал Толик.
- Теоретически да, а практически нет. Мне государство платит за мою работу.
- И мне тоже, — с горечью в голосе сказал Толик. — Я все хотел спросить, это ведь Халиман?
- Молодец, — Аврора улыбнулась, — угадал.
- Он уважает Сидорова, хотя и преступник.
- В том-то и дело, — Аврора посмотрела на монитор, — значит, так, Толик. Сидоров действительно купил квартиру в центре.
- В центре города? — удивился Толик.
- Послушай, — Аврора достала блокнот и стала читать: — Гостиная, кухня, четыре комнаты, два санузла. Парковка во дворе дома, въезд под шлагбаум. Немного истории дома: Доходный дом Е. А. Обуховой и князя С. С. Оболенского появился на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка в 1913-м, когда в Москве шло грандиозное строительство доходных домов. Проект дома принадлежал гражданскому инженеру В. А. Величкину, который с 1911 года занимал в Москве пост архитектора Московской конторы императорских театров. Здесь с 1921 по 1934 годы жил выдающийся русский оперный певец Л. В. Собинов, а также писатель Л. А. Кассиль.
- Это вы сейчас про какую квартиру? — не понял Толик.
- В центре.
- Да в каком центре? Точнее, в центре какого города... Москвы?!
- Да, именно. Москвы. Станция метро «Театральная». Символично, не правда ли. Три доли. Сидоров, жена и сын. Вот такие дела...
- А такая квартира сколько стоит? — с выпученными глазами прошептал Толик.
- Шестьдесят миллионов рублей без малого.
- А это все точно?! — Толик сглотнул слюну.
- Росреестр не может ошибиться. Кстати, в квартире никто не живет, но коммуналка оплачивается регулярно.
- Значит, Кожин все правильно сказал.
- Получается, что так.
- Атмосферно, — заключил Толик.
- Не то слово, — улыбнулась довольная Аврора.
- Надо срочно его жене сказать!
- Скажем, обязательно скажем.
- Я даже не знаю, имеет ли смысл про экспертизу произведений спрашивать, — сказал Толик, — с такими доходами.
- Ну вот ты кое-что почитал.
- Блестяще! — Толик едва не крикнул. — Я не читал художественную литературу несколько лет, только в школе последний раз, а здесь все так по-настоящему!
- Да, по-настоящему, эксперты так и сказали.
- Значит, из-за денег его грохнули, точно, — Толик покачал головой.
- Выходит, что так, теперь нам надо каким-то образом вычислить его псевдоним, выйти на круг, который знал об этом, и дело, можно сказать, будет раскрыто!
- А как узнать псевдоним?
- Как узнать... — Аврора посмотрела на компьютер и сжала губы. — Буду лопатить компьютер, может быть, где-то Сидоров подписался.
- А мне что делать?
- Тебе? — Аврора на секунду задумалась. — В Москву поедешь.
- Я?! Зачем? — не понял Толик.

— Распечатаем все пьесы Сидорова, будешь с богемой общаться, может, кто опознает произведение! Понимаешь?

— Понимаю, а как я выйду на богему?

— Тебе помогут.

— Кто?

— Один человек.

— А что он, тоже из этих?

— Он работает в министерстве иностранных дел...

— А какая связь? — не понял Толик.

— Надеюсь, главы творческих союзов столицы не откажут в просьбе первому заместителю министра?

— Да уж, — только и смог сказать Толик.

ГЛАВА 22

Поезд подошел к перрону ровно в полдень. Ровно, как и было обещано в расписании.

Толик вышел из вагона, посмотрел по сторонам. Мимо, толкая друг друга, неслась масса людей с сумками в руках, они все куда-то торопились, каждый куда-то спешил. Стыковочный маршрут с автобусом, важная встреча в банке, в офисе, в гостинице. Все синхронизировалось в этом месте, которое называлось — Москва.

Толик медленно пошел в направлении вокзала. В его руке была спортивная сумка черного цвета с символикой известной немецкой марки. Такие сумки были популярны в городке.

Оказавшись на привокзальной площади, Толик еще раз осмотрелся. Поражал размах. Конечно, с высоты птичьего полета вид был бы величественнее, но и просторные улицы, громадные высотные дома и здание вокзала не могли не поразить юношу из провинции.

Отбившись от назойливых таксистов и гидов, Толик спустился в метро. У них в центральном городе тоже было метро, но, конечно, это было не Московское метро. Простор и художественное оформление станций впечатляли. Здесь вполне можно было бы организовывать концерты самых известных артистов. Толик никогда не понимал, зачем такие деньги тратят на облицовку метрополитена.

Доехав до своей станции, он добрался до гостиницы. Предъявив командировочное удостоверение и уплатив деньги за три дня вперед, он оказался в номере на четвертом этаже. Открыв дверь на балкон, он опустился в кресло. Если бы он курил, то с удовольствием прикурил бы сигару и наслаждался видами Москвы. Но Толик не курил, поэтому он просто полюбовался городом и закрыл дверь балкона.

Приняв душ, Толик включил телевизор. Шел фильм про Шерлока Холмса. Английский фильм, показывающий Холмса в нашем времени.

Перекусив в гостиничном ресторане, Толик решил сделать первый звонок. Он достал записную книгу и набрал номер председателя союза театральных деятелей России.

— Слушаю, — ответили на том конце через несколько секунд.

— Это Михалков Анатолий из городка... здравствуйте, Александр Александрович!

— Михалков знатная фамилия. Вы, Толя, часом не родственник уважаемого Никиты Сергеевича? Может, дальний?

— Нет, я не родственник, я однофамилец, — ответил Толик.

— Понятно. Ну что, Толя, меня попросили с вами встретиться, я готов помочь! Дело касается чести драматургии, и союз не может остаться в стороне.

Через час Толик уже сидел за столом одного из шикарных ресторанов Москвы.

Александр Александрович был полноватым человеком, с открытым лицом и барственными замашками. Очевидно, его в ресторане знали. Менеджер сразу проводил их в закрытую кабинку, куда вскорости принесли блюда.

— Они знают мои предпочтения, — сказал председатель союза.

Толик смотрел, как он листает пьесы. Александр Александрович читал быстро, он просматривал пьесы одна за другой и незаметно шевелил губами.

— Кушайте, Толя, кушайте... — наконец, отложив рукописи, сказал он.

— Приятного аппетита, — сказал Толик и накиннулся на еду.

Председатель союза смотрел из-под своих мохнатых бровей, как Михалков со скоростью пираньи ест жареного кролика, и улыбался.

— Вкусно? — наконец спросил он гостя столицы.

— Очень, — улыбнулся Толик.

— Ну-ну, — Александр Александрович налил в бокалы красного вина, — у меня есть тост!

— Да-да, — Толик схватил свой бокал и смотрел на хозяина банкета.

— Вот говорят, учитель набирает себе учеников, отчасти это так, — Александр Александрович улыбнулся, — но и ученик должен найти себе учителя! Предлагаю выпить за это!

— Согласен! — откликнулся Толик, чокаясь с собеседником.

— Сейчас вы согласны, а с возрастом вспомните этот тост и разберете его по словам, договорились?

— Договорились, — легко согласился Толик.

— Я немного в курсе вашего дела. Хочу сказать, если бы ваш земляк нашел себе учителя, он бы остался жив, я в этом уверен!

— Он изучал Чехова! — сказал Толик, пригубив вино.

— Чехов, безусловно, хороший учитель, но я имею в виду совсем другое. Кстати, когда вас спрашивают, не родственник ли вы того самого Никиты Сергеевича, не отвечайте прямо, подайте интригу! Понимаете меня.

— Ну, — Толик задумался, — а зачем обманывать?

— Это возраст, у вас появился хороший учитель, держитесь его.

— А вы знаете Аврору Мстиславовну?

— Увы нет, но я знаю ее папу, уверен, дочь пошла в него. В сорок лет стать полковником полиции, это дорогого стоит.

— А кто ее папа? — наивно спросил Михалков.

— А вы не знаете? — рассмеялся Александр Александрович.

— Нет.

— А как вы на меня вышли?

— Аврора телефон дала, — прямолинейно и незатейливо ответил Толик.

— Хорошо, тогда оставайтесь в своем прекрасном неведении. Значит, я эти пьесы прочитал. Некоторые возьму с собой. Думаю, мы вам поможем, приятного аппетита! Ешьте, все оплачено, а мне пора! До свидания, Анатолий Михалков.

— А когда мне вам позвонить? — спросил Толик, пережевывая мясо камчатского краба.

— Я сам вас наберу.

Толик пожал чиновнику от культуры руку и продолжил ужин. Он любил поесть с детства. Юноша оценил стол и решил, что ни за что не уйдет отсюда, пока не съест последнюю порцию.

Интересно, а кто папа Авроры Мстиславовны? Кем надо быть, чтобы иметь выход на первого заместителя министра иностранных дел?

ГЛАВА 23

Уже второй день Толик находился в Москве. Председатель союза пока не позвонил. Естественно, сидеть в номере гостиницы и ждать этого звонка было бы странно. Поэтому Толик почистил воском туфли, надел футболку, джинсы и кожаную куртку. В своем городке это было очень модно. Не важно, что в гардеробе Толика не было ни одной фирменной вещи. Он с удовольствием посмотрел на свое отражение в зеркале, подмигнул сам себе и, довольный собой, отправился на Красную площадь.

От гостиницы «Союз», что на Воробьевых горах, ехать на метро было небыстро. Но Толик преодолел все пересадки и наконец оказался на легендарном месте. А именно у мавзолея Ленина. Двери усыпальницы были закрыты. Но рядом стоял караул. На всякий случай. Толик кивнул одному из охранников головой и прошел дальше. А дальше стояли бюсты известных людей, захороненных на площади. Свердлов, Фрунзе, Дзержинский, Сталин и еще бюсты — они стояли в ряд справа от мавзолея. На могиле Сталина лежали ярко-красные гвоздики. Пионерского патруля не было.

Толик прошелся вдоль всего ряда. Для него это были лишь фамилии. Жданов, Калинин. Толик, конечно, слышал эти фамилии на уроках истории, но ничего про них не помнил. Может, это и к лучшему. В последние годы с историей страны все как-то непросто.

По площади гуляли иностранцы. Они фотографировались сами и фотографировали окрестности. Иностранцев легко было распознать, притом, что одеты они были очень просто. Как ни странно, прикид россиян был как-то более респектабельным. А когда-то все было наоборот. Толик улыбнулся какому-то японцу, когда тот показал ему знак победы — виктория.

— Виктория, — вспомнил Толик жену Сидорова, — надо же так не знать собственного супруга! Тем более работница библиотеки. Не прочитала ни одной его книги и теперь, нате вам, переедет в Москву! Хотя, с другой стороны, если бы не она, может, Сидоров и не стал бы писателем. А с другой стороны, он им стал лишь после смерти.

Да и то пока не стал. Вот раскроем дело по его убийству, Кожин напечатает статью в своей газете, и все поразятся, что жили рядом с гением и даже не подозревали этого!

А худрук из «Параллелей» будет на коленях умолять Викторину разрешить поставить хоть один спектакль по его пьесе. Парадоксы нашей жизни.

Толик не заметил, как подошел к краю площади. Остановившись у какой-то группы людей, он заметил в их руках фотографии и цветы. Пригляделся. Фотографии Немцова, убитого у площади. Люди что-то горячо обсуждали. Толик посмотрел на них и пошел дальше. Время идет, а нравы все те же. Убийства. Политические и бытовые. Некоторых помнят, некоторых забывают. Сидорова не забудут. Немцова, кстати, тоже.

Толик прислушался. Какой-то писк или мелодия. Хлопнув себя по лбу, он выхватил из кармана сотовый телефон.

— Да, да, слушаю! — крикнул он в трубку, чем привлек внимание людей из группы памяти Немцова.

— Толя...

— Да, Толя это я!

— Я знаю, что вы. Это Александр Александрович, добрый день.

— Здравствуйте, Александр Александрович!

— Мы посмотрели предоставленные работы...

— И что?!

— А то, что они все принадлежат перу одного и того же человека, он буквально ворвался в театральную жизнь столицы, но не как Сидоров.

— А как кто?! — крикнул Толик.

— Тише, молодой человек, — сказали ему поклонники Немцова.

— А как кто? — прошептал Толик и отошел от них в сторону.

— Я скину вам имя по СМС, удачи вам, Толя, Авроре привет!

— А...

Но абонент уже отбился. Толик смотрел на телефон как на живое существо. Через несколько секунд он пискнул. Толик открыл сообщение и впился глазами в имя. А через мгновение он уже набирал номер Авроры. Со стороны могло показаться, что с молодым человеком не все в порядке. Толик стоял на одном месте и пританцовывал от избытка чувств.

— Аврора Мстиславовна! — прикрыв телефон руками, прошипел Толик.

— Да, Толик, добрый день!

— Это самое, Александр Александрович узнал его, Сидорова! Он на самом деле не Сидоров, точнее, он, конечно же, Сидоров на самом деле.

— Толик, ты узнал псевдоним? — было слышно, что Аврора волнуется.

— Да! — крикнул Толик, спугнув стайку голубей.

— Говори...

— Зой Амадеус Антре! — выдохнул Толик.

— Злой? — переспросила Аврора.

— Да нет, не злой, а Зой, Зой Амадеус Антре!

— Спасибо, Толик, я запомнила... Зой Амадеус Антре.

— Да! — крикнул Толик громче, и голуби отлетели еще дальше.

Старичок, кормивший их пшеном, швырнул в Толика жменью крупы и тихо обматерил по-московски. Толик попрощался с Авророй, от переполнявших чувств запрокинул голову и уставился в бесконечно голубое небо.

ГЛАВА 24

— Ну как Москва, москвичи? — спросила Аврора Толика.

— Москва — красивая, москвичи — вежливые.

— Давно там не была!

— А я вообще лет семь назад, еще в школе, ездил на экскурсии. Планетарий помню, Бородинскую панораму, ВДНХ.

— Да было время, ну а теперь, что касается дела. Зой Амадеус Антре — этнический русский.

— Живет в Нью-Йорке, я прочитал в Интернете, — улыбнулся Толик.

— Да, все правильно, живет в Соединенных Штатах, известность пришла два с половиной года назад с Бродвея. С прессой практически не общается, настоящего имени никто не знает.

— Получается, это он организатор убийства, — подумал вслух Толик, — теперь все деньги пойдут только ему.

— Получается, так, поэтому готовься: почитайте Википедию о вашем дедушке! — Аврора встала со стула и подошла к окну.

— Каком дедушке? — не понял Толик.

— О Никите Сергеевиче Михалкове, главе Союза кинематографистов России.

— Подождите, он мне не дедушка! Мой дедушка умер!

— Ну а этот живой и здоровый, радуйся!

— Но зачем?!

— В Нью-Йорк поедem с тобой. Нам же надо раскрыть дело об убийстве драматурга Сидорова? Надо...

— В Нью-Йорк?

— Ну да, в Нью-Йорк. «Российский фонд культуры» уже договорился о встрече.

— Вы так быстро говорите, что я не могу уловить вашу мысль! — не понял Толик.

— А чего тут улавливать, твой дедушка — глава этого фонда! Так что собирайся! Внучок.

— Рано собираться, — Толик облокотился о спинку стула, — я слышал, что визы в Америку делают по полгода.

— А на что у нас Министерство иностранных дел? — улыбнулась Аврора. — Визы уже сделаны! В области культуры это делается за один день! Вылетаем послезавтра.

Толик открыл было рот, но смог лишь только, когда глотнул свежего воздуха.

— Хотели через Интерпол, — Аврора сделала паузу.

— И?.. — спросил Толик.

— После консультаций с ведомством решили не форсировать, все же культура, театры, замешаны многие известные люди. Сперва разберемся, а шум поднять всегда успеем!

— Понятно!

— Да, вылетаем из Москвы, но перед этим заедем в фонд к твоему дедушке.

— Зачем? — не понял Толик.

— Сфотографируетесь для достоверности.

— А Михалков тоже все знает?

— Знает, и ему эта история очень не нравится.

— Понятно, а доллары выдадут?

— Выдадут!

Толик расплылся в улыбке. Съездить в Штаты, за чужой счет — это ли не чудо. Не зря говорится — нет худа без добра.

— Я сейчас еду домой, — Аврора выключила компьютер, — попрощаюсь с мужем и дочерью. Соберу вещи. Ты приедешь вечером. Переночуешь у меня дома и утром выезжаем в Москву. Не забудь загранпаспорт.

— А Гаврилочкин в курсе? — спросил Толик.

— В курсе твой Гаврилочкин, в курсе, он, правда, мне Иволгина сватал, но я считаю, что коней на переправе не меняют.

— Это правильно! — усмехнулся Толик. — Спасибо.

— Все, я ушла! — Аврора взяла в руки портфель. — Я на связи!

— Понял, — Толик махнул рукой, но дверь за полковником уже закрылась.

Радостный Толик стал барабанить по столу какой-то незамысловатый мотивчик. Он даже подскочил и, продолжая петь, подошел к окну. Аврора вышла из здания. Подошла к служебному автомобилю. Через пару секунд машина тронулась.

— Поешь? — услышал он чей-то голос и обернулся.

Перед ним стоял Овечкин. Толик отшатнулся. Овечкин сделал шаг вперед. На его лице застыла зловещая улыбка.

— Вас уже выпустили? — некстати спросил Толик.

— Не дождетесь, — Овечкин облокотился о косяк, — я боевой офицер, а ты...

Овечкин со злостью сплюнул на пол и растер башмаком. Толик выглянул в окно, невольно ища поддержки Авроры.

— Уехала твой крыша, — Овечкин сунул руки в карманы, и Толик напрягся.

— Не ссы, моряк ребенка не обидит. Ты, главное, много не вякай, баба уедет в конце концов, а тебе еще здесь служить.

— Вас посадят! — Толик переборол себя и сделал шаг вперед.

— Может быть, и посадят, но не за то, что вы мне шьете, я никого не убивал! Пальцы поломал гаду, это было. И то в приступе служебного рвения! Я же хотел как лучше! Я же палку хотел отделу поставить, понимаешь, мальчик?

— Я против таких методов!

— Да пошел ты! — Овечкин усмехнулся, открыл дверь и вышел.

Измученный Толик вернулся за стол. Настроение было испорчено. Почему выпустили Овечкина?

ГЛАВА 25

Толик взял в руки вместительную, но полупустую сумку Авроры и пошел вдоль состава. Ночь в доме полковника пролетела быстро. Толик познакомился с ее мужем. Полночи они обсуждали в кухне внутреннюю и внешнюю политику государства. Аврора пыталась было присоединиться, но супруг заставил ее идти спать. Аврора не сопротивлялась, но просила не засиживаться...

Толик нес сумку и думал над словами мужа Авроры. Как все запутано в этом мире. Но, может, будущие поколения смогут разобраться в сегодняшней ситуации. Посмотрим, время еще есть.

Остановившись возле дверей вокзала, Толик поставил сумку на землю. Огляделся по сторонам. Авроры нигде не было. И тут он услышал звук клаксона автомобиля. Кто-то настойчиво сигнализировал со стороны дороги. Так и есть, Аврора сидела в машине и махала ему рукой. Толик улыбнулся.

— Долго ходите, молодой человек! — сказала Аврора.

— Да я задумался...

Положив сумки в багажник, Толик сел рядом с Авророй. И только сейчас осмотрел автомобиль. Это было не такси. Это был представительский класс. «Мерседес».

— Сейчас едем в фонд, потом в гостиницу. Никита Сергеевич не может ждать, пока мы заселимся, он занятой человек, и его день расписан по минутам! — сказала Аврора. — У нас час времени на все.

Водитель кивнул, завел машину и медленно отъехал от тротуара. При виде этой машины некоторые полицейские отдавали честь. Толик скосил глаза на Аврору. Какая загадочная женщина. Через пятнадцать минут они подъехали к двухэтажному особняку. Было видно, что здание находится в идеальном состоянии. Розовая штукатурка. Дорогие деревянные окна вместо привычного пластика.

— Володя, мы быстро! — Аврора распахнула дверь. — Выходим, Толик!

Через минуту они уже сидели в приемной Никиты Сергеевича на втором этаже. Толик не переставая вертел головой. Тут были книги, статуэтки, много картин в современном стиле и фотографии Михалкова с Путиным, Патриархом. Особо выделялся портрет отца Никиты Михалкова. Сергей Михалков в свитере, темных брюках задумчиво сидел в кресле.

Толик не заметил, как открылась дверь кабинета и показался хозяин всего этого великолепия. Никита Михалков. Собственной персоной. В джемпере светлого цвета, брюках от костюма и шикарных крокодиловых туфлях.

— Доброе утро, господа! — приветствовал гостей Михалков. — Прошу!

Аврора потянула Толика за руку, и они вошли в кабинет. До этого Толик был только в кабинетах у Гаврилочкина и ректора вуза, в котором он учился. Это было другое. Такое чувство, что он попал в... оранжерею или музей. Все было так возвышенно и не помпезно, что Толик несколько прибалдел.

— Нравится? — улыбаясь, спросил Михалков.

— Я такое никогда не видел, — сказал Толик, — может, только в кино!

— Будем считать это декорациями. Ну, к делу, друзья!

В тот же момент в кабинет вошел фотограф, сделал несколько снимков Толика с Михалковым. Потом на фоне кабинета, за столом и даже у портрета Путина с Михалковым.

Аврора скромно стояла в стороне и улыбалась. Хозяину кабинета все это нравилось, это было заметно. Он режиссировал как обычно.

— Значит, так, внук! — улыбнулся Михалков, когда все было закончено. — Помни, твой прадед написал слова к гимну России! Не опозорь фамилию! Аврорушка, извини, дела.

Михалков поцеловал Аврору в щеку, пожал Толику руку. Взял трость с золотым набалдашником, собираясь выйти.

— Сейчас вам секретарь даст фотографии, сопроводительные письма от фонда и подарки. Мне пора, дорогие мои! Аврора, привет папе! И, самое главное, желаю удачи! В следующий раз, обещаю, выпьем краснодарского чаю с вишневым пирогом!

Толик вышел следом, но приемная была уже пуста. Где-то на улице раздался звук отъехавшего автомобиля. Таковы будни занятых людей. Что делать. Дождавшись атрибутов причастности к фонду, Аврора и Толик вышли на улицу.

У Толика кружилась голова. Его сердце стучало медленно и готово было остановиться. Он устал. За те десять-пятнадцать минут, что он был в фонде, он по-настоящему устал и переволновался. И его великий однофамилец живет в таком темпе всю жизнь. Удивительно. Просто удивительно.

ГЛАВА 26

Прямой рейс Аэрофлота от Москвы до Нью-Йорка длится девять с половиной часов. Расстояние семь с половиной тысяч километров, даже меньше чем от Калининграда до Петропавловска-Камчатского.

Тем не менее это уже другой мир. Подлетая к городу, Толик смотрел в иллюминатор на небоскребы. Когда-то впечатлившийся этими видами Вилли Токарев и написал свою известную песню про небоскребы и маленького человека.

Аврора сидела рядом и смотрела на себя в зеркало. Она поправила прическу, достала духи, побрызгала на запястье, притронулась к шее и голове. Толик уловил нежнейший аромат.

Без проблем пройдя таможенный контроль, они вышли на улицу. Было душно и парило. Толик положил куртку в сумку. Аврора расстегнула еще одну пуговицу на платье. Толик скосил глаза на декольте и тут же стыдливо отвернулся.

Вчера вечером он впервые увидел дочку Авроры. Молоденькая, красивая, вся такая светящаяся, она появилась в гостинице словно цветок. Причем не орхидея, а ромашка. Обыкновенная русская ромашка. Такая родная и незабываемая. Девушку звали Даша, она пожала руку Толику и обняла маму. Если бы Толик не знал, что Аврора мама Даши, он решил бы, что это сестры. Папа Авроры, он же дедушка Даши, был в командировке, и Толик так и не познакомился с ним.

— Толик? — донеслось до него.

Он обернулся на крик. Аврора ждала его у желтого такси. Он растерянно кивнул головой, схватил сумки и быстрым шагом пошел к ней.

Конечно же, все русские люди, попав в Нью-Йорк, едут на Бродвей. Не исключением стали и Аврора с Толиком. Они поселились в пятизвездном отеле в центре Манхэттена. Весь персонал говорил на русском языке, и это было очень удобно. Взяв два одноместных номера, Аврора и Толик пошли приводить себя в порядок после длительной дороги.

Договорившись встретиться через сорок минут в вестибюле гостиницы, они разошлись. Аврора с удовольствием приняла ванну. Толик на скорую руку принял душ. Аврора стояла перед огромным зеркалом и, глядя на себя, неторопливо расчесывала черные как смоль волосы.

Толик причесал свой ежик растопыренными пальцами. Аврора достала колготки телесного цвета. Толик — свежие носки. Ровно через сорок минут они встретились на выходе.

— Перекусим? — предложила Аврора.

— Тут, наверное, дорого, — предположил Толик.

— Анатолий, тебе зачем выдали командировочные? — чуть строго спросила Аврора. — Меня угощать не надо, каждый платит за себя.

— Да я хотел джинсы купить, кроссовки, — признался Толик.

— купишь, здесь это добро недорогое.

— Хорошо бы.

Пройдя метров сто, Аврора остановила свой выбор на уличном кафе с французской кухней. Заказав суп с креветками и рис с сыром, они расслабились как на пляже в шезлонге. Толик закинул ногу на ногу. Аврора оценила его упругие икры.

— Какое вино предпочитаешь? — спросила она спутника. — Красное? Белое...

— А можно? — удивился Толик.

— Нужно! Мы в Нью-Йорке, для настроения можно и выпить, я разрешаю, если тебе нужно официальное разрешение.

— А...

— К вечеру мы протрезвеем и на встречу с Зоем придем как стеклышки, гарантирую!

Еда была божественной. Толик сперва церемонился, ел медленно и благородно, но, выпив пару бокалов, освоился и стал чувствовать себя как в китайском кафе в родном городке. Аврора заметила эту метаморфозу и в душе засмеялась. Ей нравился этот скромный и молчаливый парень. Но между ними было две пропасти. Статус замужней женщины и ее погоны с тремя большими звездами.

— Какой у нас план? — спросила Аврора, когда они вышли из кафе. — В этом городе есть все: любая религия, музыка, творчество, театр, все стили и направления. Здесь есть синагоги и католические соборы, мечети и буддийские храмы.

— Я хочу в музей современного искусства, — удивил ее Толик.

— В музей? Ну хорошо, поехали.

Остановив такси, Аврора сказала только название, без адреса. Водитель кивнул и тронулся с места.

— Хороший выбор, господа! — сказал он Авроре, когда она расплачивалась за проезд.

— Спасибо...

Здание музея впечатляло. Из железа и бетона. Аврора замерла. Это не Дворец культуры «Параллель» и даже не Большой театр. Это что-то другое. Величественное и тяжелое.

Купив билеты, они отправились по залам. Первая картина, у которой они долго остановились, была «Звездная ночь» Ван Гога. Аврора хотела было уйти, но Толик остановился.

— Нравится? — спросила Аврора.

— Это вид из восточного окна спальни Ван Гога в Сен-Реми-де-Прованс.

«Начитался Википедии», — улыбнулась Аврора, но остановилась.

— Такое чувство, будто нарисовал ребенок, — произнес Толик.

— Я тоже это заметила, — сказала Аврора.

У «Спящих крестьян» Пикассо Толик просто замер. Аврора мельком взглянула на картину и отошла в сторону. Спящий крестьянин с полуобнаженной крестьянкой ее не впечатлили.

Но дольше всего Толик простоял у белого квадрата Казимира Малевича. Аврора явно скучала. Воспитанная на другом художественном стиле, она не воспринимала отклонения от него.

На холсте белого цвета, ближе к правому углу был нанесен голубоватый квадрат под наклоном. Аврора посмотрела на Толика. Тот стоял потерянный. Ну, естественно, такое может нарисовать даже начинающий художник. И зачем только такие картины вешают в таких благородных музеях.

Из музея они вышли часа через два. Толик остановился. Он был очень задумчив. Аврора смотрела на него и не узнавала. Он казался человеком, пережившим эмоциональное потрясение. Это был не стажер, а другой человек...

— Нам пора, — сказала Аврора, трогая Толика за рукав рубашки.

— Да-да, конечно! — Толик улыбнулся и вернулся в свое обычное состояние.

— Говорить буду я... — сказала Аврора, — ты только поддакивай и кивай головой.

— Мы его арестуем? — спросил Толик.

— Мы не сможем, — Аврора остановила такси, — это не наша юрисдикция.

Назвав адрес, Аврора села в автомобиль с шашечками, Толик сел рядом. Аврора кинула прощальный взгляд на здание музея.

Дом Зоя, или точнее того, кто присвоил себе это имя, находился в южной части Манхэттена. Трехэтажное здание было гораздо скромнее московского особняка Фонда российской культуры.

— Ты внук Михалкова, — напомнила Аврора, когда они стояли у двери с кнопками звонков, — поэтому, извини, но скромность сейчас это не твой конек! Говори хоть что-то, не молчи! Но думай о том, что говоришь!

— Я постараюсь, — Толик пожал плечами.

Аврора пристально посмотрела на него. Поправила рубашу, одернула брюки. Еще раз посмотрела и, довольная, нажала на кнопку звонка с цифрой пять.

— Слушаю? — на прекрасном русском языке спросили за дверью.

— Мы из фонда «Российской культуры» к господину Зою.

— Прошу...

Раздался механический звук. Электрическое питание снялось с магнитного замка, и дверь приоткрылась. Аврора потянула ее на себя.

— Второй этаж, — раздалось из домофона и послышался щелчок отбоя связи.

Аврора взяла за руку Толика. Толик вошел внутрь. Аврора одернула платье и осторожно двинулась вверх. Толик шел следом. На втором этаже было две двери. Одна из них была открыта. На пороге стоял мужчина. На вид лет пятидесяти — пятидесяти пяти. В футболке Левис и голубых джинсах. На ногах оранжевые туфли.

— Василий Степанович? — спросил мужчина Толика, игнорируя Аврору.

— Да, — Толик пожал протянутую руку.

— Зой... Зой Амадеус Антре, входите... прошу.

ГЛАВА 27

— Рад, — Зой сидел на диване поджав ноги под себя, — мне позвонили с вашего Фонда, и я сразу согласился. Большая честь.

— Для нас тоже, — Толик, к удивлению Авроры, преобразился, — дедушка очень хотел с вами встретиться в том году, когда вы были в России...

— Был, — Зой немного заерзал, — театральные дела, драматургия не отпускает...

— Скажите, — вступила Аврора, — а как все же вам удалось покорить российских зрителей? Это не каждому драматургу удастся.

— Вы тоже работаете в фонде Михалковых? — спросил Зой.

— Да... тоже, руководитель проекта «Наследие», вот наши рекомендательные письма! — Аврора достала из портфеля листы бумаги и передала их Зою.

Тот взял бумаги, стал листать. Добравшись до фотографий Толика и Никиты Михалкова, он несколько раз посмотрел на Толика и наконец положил бумаги на столик.

— Я подумал, вы герлфренд Василия Степановича, извините. В Америке никого не удивляет, когда дама старше молодого человека, это нормально. Здесь вообще сложно кого-то удивить!

— Вам виднее...

— Вы, конечно, хотите мне предложить сотрудничество в Америке? — спросил Зой. — Но я занятой человек.

— Нет, мы здесь по другому вопросу, — сказала Аврора.

— По какому? — Зой улыбнулся, но глаза остались серьезными.

— Фонд решил объявить премию, — стала фантазировать Аврора, — вашего имени.

— Моего? — удивился Зой. — Это приятно, но я...

— Расскажите немного о себе, — попросила Аврора, — а то никакой информации...

— Если это нужно, — Зой взял в руки бутылку армянского коньяка, — не против?

— Нет! — ответила Аврора.

Зой разлил коньяк по стаканам. Долил немного кока-колы и положил по два кубика льда. Аврора не знала, так принято или это личные предпочтения хозяина дома. Толик взял стакан и пригубил.

— И ваш дедушка... — Зой обратился к Толику.

— Да, он этого хочет, Аврору назначил ответственной. Я лишь свадебный генерал, все как обычно.

— Понимаю, — Зой взял в руки бокал, — я родом из СССР.

— Мы тоже, — сказала Аврора.

— Прошу меня не перебивать, извините, — сказал Зой, — а если быть точнее — из Украины. Служба на флоте, на Балтийском флоте, эсминец «Осмотрительный», старшина команды электриков...

Зой замер. Очевидно, он что-то вспомнил. Медленно поднес бокал ко рту. Отпил.

— Мда, старшина, потом распад Союза, учеба в Киеве и переезд в Штаты. Женитьба, и все пошло своим чередом. Выучил английский язык, родился ребенок, работа.

— А кем вы работали? — спросила Аврора.

— Осветителем в одном из театров, на Бродвее их сотни.

— А как вы стали писать? Первые пьесы?

— Первые пьесы, — Зой поднял бокал и посмотрел сквозь него на гостей, — давно это было, очень давно.

— Говорят, в Россию вас привез Константин Райкин! — сказала Аврора.

Толик посмотрел на нее с удивлением. Зой сделал глоток. Поставил бокал на стол.

— Да, в театре шла моя пьеса, мюзикл про Бетховена, американцы уважают хорошую музыку и любят гениев. Я пригласил Костю в театр, они как раз были с «Сатириконом» на гастролях... и после этого все завертелось.

— А как вам удалось сделать постановку в Бродвейском театре? — спросила Аврора.

— Жена, это жена. Она искусствовед, предложила пьесу своему директору, и тот ухватился. В Америке это реальность. Есть хороший материал — есть работа. Не важно, кто вы и откуда. Главное — материал. В этом, кстати, основное отличие Америки от России. В России таланты чахнут и поэтому ставят бездарных родственников, в Америке не так. Вы будете родственником, но если вы глупы — вам не продвинуться.

Здесь нужен талант! Не технологии, а талант! В России много талантов, но они никому не нужны. Поэтому кино российское не собирает кассу и даже не возвращает деньги продюсерам. Я вообще не понимаю, зачем они снимают. Нет, честное слово, не понимаю! Американцы вкладывают сто миллионов долларов в производство фильма и получают семьсот миллионов в прокате. Это понятно. Но русские берут государственные деньги, снимают кино за два миллиона баксов и получают миллион в прокате. И эта система работает, я не понимаю ничего.

Зой стал хохотать как на представлении клоунов. Он смеялся роскошно. Громко и заразительно. Аврора с Толиком посмотрели друг на друга и лишь улыбнулись.

— Извините, я могу много говорить о России, накопело, знаете ли, просто у меня есть друзья на покинутой родине, и я немного в теме. Выпьем.

Выпив по бокалу, Зой повторил. Он так же налил коньяк, разбавил его колой и льдом.

— Вы куда-нибудь сходили? — спросил Зой.

— В музей современного искусства, — ответила Аврора.

— А... Кандинский... Пикассо...

— Отчего же, еще Малевич... — сказал Толик.

Аврора посмотрела на него уничижительным взглядом. Она боялась, что Толик скажет что-то глупое и лишнее.

— Ах, белый квадрат, ну конечно! — Зой усмехнулся. — Что еще могут смотреть русские. Есть черный квадрат в Эрмитаже, красный где-то там же. Все это ерунда, по-моему. А вам не кажется, что в этом квадрате ничего нет, кроме квадрата.

— Не кажется, — Толик взял бокал.

— Ваш дальний родственник был Суриков, я это знаю, но и что же вы увидели в этом несчастном белом квадрате, господин Михалков?

— Что я увидел?

— Он увидел то же, что и все, — решила вступить Аврора.

— Нет, почему же, что и все, — сказал Толик, — я увидел в этом квадрате судьбу России.

— Поясните, — Зой поднес бокал к губам, но пить не стал.

— С удовольствием. Я не буду говорить о супрематизме, в котором творил Казимир Малевич, я расскажу лишь о картине.

— Именно о картине, — Зой откинулся на диване и приготовился слушать.

— Повернутый белый квадрат означает движение.

— Слышал, — сказал Зой.

— Белый квадрат — белое движение. Тысяча девятьсот восемнадцатый год, сами знаете, что это было для России...

— Но... Малевич не признавал эту трактовку его замысла, — улыбнулся Зой.

— Свидетели говорят обратное, — сказал Толик.

— Какие свидетели? — улыбнулся Зой.

— Моя прабабушка, Строкина Лидия Александровна, она была подругой Малевича, сопровождала его выставку в Берлин в 1927 году.

— Ваша прабабушка?

— Да, по материнской линии.

— Понятно, — Зой сделал большой глоток, — Михалковы великие люди, по судьбе вашей семьи историки будут писать историю России.

— Спасибо, — Толик отпил коньяк, — Малевич, живя в красной России, был глубоко верующим человеком и верил в белое движение. Колчак, Деникин, Врангель — это были не просто фамилии для Малевича, это была его надежда.

— Прабабушка? — спросил Зой.

— Прабабушка, — согласился Толик.

— Что нужно от меня! — впечатленный услышанным спросил Зой.

— Может быть, для начала вы скажете свое настоящее имя? — потупив взгляд, с дрожью в голосе спросила Аврора.

— А надо? — удивился Зой. — В Америке это никого не интересует!

— А в России интересует, — улыбнулась Аврора.

— Хорошо, меня зовут Михаил Митряковский. Если это надо Михалкову — значит, надо России. Хорошо.

— Вы, как сказали, из Украины? — спросила Аврора.

— Оттуда, из Черниговской области, село Прилуки, можете проверить, не вру.

— Когда стали писать? — спросила Аврора.

— Когда? — Зой стал громко смеяться. — Да никогда! Никогда!

— Простите, — улыбнулась Аврора, — не понимаю...

— А я все как раз понимаю, — Зой встал и, поджав правую ногу, скинул оранжевый ботинок с ноги, — а я все понимаю. Вы не из Фонда, вы из милиции! Так?! И это не интервью перед премией, это допрос!

— Извините, Михаил.

— Извиняю, я ждал этого разговора с той самой минуты, когда мне перестал звонить Степан! Что вам надо! Господа!

ГЛАВА 28

Аврора сидела на кровати своего номера. Толик расположился рядом, в кресле. Они молчали. Встреча с Зоем закончилась успешно. Михаил Митряковский не убивал Сидорова, это было понятно и Авроре и Толику. Он зависел от него.

Выдавая себя за Зоя Амадеуса Антре (псевдоним, который придумал себе Сидоров), он получал пятьдесят процентов прибыли и ни в чем себе не отказывал. Более того, сейчас в Голливуде готовится экранизация книги Сидорова «Заговор рыб», и это принесет Михаилу несколько миллионов долларов, так же как и жене Сидорова.

То, что со Степаном что-то случилось, Михаил понял, как только тот перестал выходить с ним на связь по Ватсапу и писать электронные письма.

Аврора сразу догадалась, что Михаил познакомился с Сидоровым на службе во флоте перед распадом Союза. Демобилизовавшись, они поддерживали друг с другом связь. Продолжали и после отъезда Михаила в Штаты. Все было предельно понятно. За исключением одного: кто убил Сидорова?

Аврора спросила о планах Зоя. Тот сказал, что Степан перед смертью говорил об издании трилогии за свой счет. Сидоров даже заключил договор с одним издательством и заплатил половину денег. Издаться он решил под своей фамилией. Аврора с удивлением услышала название трилогии. Ничего подобного она в компьютере Сидорова не встречала. Скопировав на флэшку рукопись, она пообещала взять это дело на контроль.

— Ты все выдумал, так? — спросила она Толика.

— Что именно? — не понял Толик, попивая шампанское.

— Ну как что: прабабушка, Малевич...

— Нет, не выдумал... — ответил Толик, — моя бабушка до революции жила в Петрограде и была знакома с Малевичем. Как говорил отец, они были любовниками, но оба были семейными людьми.

— Строкина Лидия Александровна? — спросила Аврора.

— Да. Строкина Лидия Александровна, — кивнул головой Толик.

— Вы не так просты, Толик.

— В тридцатых годах семью выслали из города, прадеда расстреляли, вот и вся недолга!

— Понятно, а живопись?!

— Я окончил художественную школу, думал поступить в Строгановское, но отец не отпустил, сказал идти в юристы!

— И вы пошли? — удивилась Аврора.

— Да, и я пошел.

— Идите сюда, Толик... — Аврора показала рукой на кровать.

— Хорошо, — Толик встал, сделал пару шагов и сел рядом с Авророй.

— Ты такой, такой... — Аврора погладила Толика по голове.

— Обыкновенный, — улыбнулся Толик.

— Нет, ты необыкновенный! Ложись!

— Но...

— Ложись, кому говорю!

Толик послушно лег рядом с Авророй. Она взяла его голову и положила себе на колени.

— У тебя холодные уши, — сказала она.

— Нет, это у вас горячие ноги, — улыбнулся Толик.

Прошло неизвестно сколько времени. Голова Толика так и лежала на коленях Авроры. Аврора рассказывала о своей семье. Она рассказала о папе, первом заместителе министра иностранных дел, о том, что с детства мечтала стать милиционером, прочитав михалковского «Дядю Степу», и как папа не противился этому, пошла в юридический, а потом стал помогать. О Даше, которая когда-то мечтала пойти по стопам деда, и тот был этому очень рад. Рассказала и о муже, который ей доверяет и которого она уважает.

В свою очередь, Толик рассказал о своей семье. О прабабушке, от которой осталась только одна фотография с прадедушкой. Об отце, который стал строителем и построил несколько домов в городе. О матери, которая рано умерла от рака.

Это был вечер воспоминаний в Нью-Йорке. А ощущение такое, что на кухне провинциального городка в России.

Аврора гладила Толика по голове, щекам и еле себя сдерживала, чтобы не поцеловать его в сочные молодые губы. Но это было бы неправильно. К чему этот один раз. Он был не нужен никому. Ни Толику, ни ей. А хотелось. Аврора сжала губы.

— Михаил пригласил нас на спектакль, — сказала она тихо.

— Да, я знаю, — Толик взял ладонь Авроры в свою руку и нежно поцеловал ее.

— Мы не можем, Толик... — сказала Аврора.

— Очень хочется, — признался Толик.
— Я вижу, — ответила Аврора.
— Как мы будем смотреть в глаза своим родным?
— Это жизнь.
— Да, но это не Париж.
— А в чем разница? — Толик приобнял Аврору за талию.
— Не знаю, — Аврора откинулась на кровать, — я пьяна и ничего не знаю.
— Я не хочу силой! — сказал Толик.
— Какой ты глупый, Толик Михалков, — Аврора закинула ноги на кровать, — какой ты молодой.
— Я вас...
— Иди ко мне, я устала сопротивляться, — сказала Аврора и привлекла Толика к себе.

ГЛАВА 29

Лента багажного отделения ползла как огромная змея. Толик и Аврора стояли, ожидая свой багаж. В динамиках раздавалась привычная русская речь. Толик накупил на все командировочные много шмоток. Здесь были джинсы, рубашки и кроссовки. Для отца Толик вез спортивный костюм.

Аврора стояла чуть в стороне. Она иногда бросала мимолетные взгляды на беззаботного Толика и вздыхала.

Наконец сумки были получены, и пара пошла на выход из аэропорта. Толик шел впереди, Аврора катила сумку на колесиках чуть поодаль.

— Толик! — вдруг крикнула Аврора. — Стой!

Толик остановился как вкопанный. Он с удивлением посмотрел на спутницу. Аврора показала пальцем на пол.

— Видишь черту? — спросила она, показывая на сплошную желтую линию на полу перед дверями.

— Вижу.

— Все, что было, оставь с этой стороны линии, за той стороной линии больше ничего не будет! Понял?!

— Но...

— Понял? — Аврора повысила голос.

— Понял.

— Вперед, — Аврора обогнала его и вышла наружу.

Была уже поздняя осень. На улице стало прохладно. Люди оделись в теплое. Толстые московские голуби сидели по краям луж и ворковали. Пройдет совсем немного времени, и наступит зима. Цикл природы повторится.

Служебная машина МИДа поджидала Аврору и Толика. Закинув вещи в багажник, Аврора села рядом с водителем. Толик сел сзади. Как ему нравилось дышать одним воздухом с этой взрослой и опытной женщиной.

— На вокзал, — попросила Аврора.

— Хорошо, — автомобиль тронулся и повез пассажиров к отходящему через полтора часа поезду.

— Как поездка? — спросил водитель Аврору.

— Хорошо, — улыбнулась она.

— Вы так торопитесь, что даже не заедете домой? — спокойным голосом поинтересовался водитель.

— Не в этот раз.

— Понимаю.

Толик смотрел в окно. Мимо проплывали дома, обгоняли черные джипы, и куда-то шел народ. Огромная людская масса, в которой у каждого было свое конкретное дело и цель. Толику нравилась столица своим размахом. Он с грустью думал о том, как снова окажется на узких улочках своего городка. Потом одернул себя: там живет отец, там прошло детство. Там его малая родина.

Сев в поезд, Аврора и Толик молчали. Номер был СВ, двухместный. Аврора достала из переданной водителем сумки кольцо краковской колбасы, термос с чаем и несколько контейнеров с салатами. Родители всегда думают о своих детях, даже если им за сорок.

— Кушай, — Аврора достала бутылку вина, — и разливай.

— Понял, — Толик взял бутылку и стал вытягивать пробку.

— Штопор! — Аврора достала из сумки железную спираль. — Все продумано до мелочей! Надо знать папу.

Перекусив, Аврора попросила Толика отвернуться, быстро надела брюки и джемпер. Толик остался в футболке.

— Спи! — ощутив на себе взгляд, сказала Аврора. — И без глупостей, помни о линии.

— Понял!

— Да что ты все: понял-понял, у тебя в лексиконе другие слова есть?

— Есть.

— Вот и говори их.

— Понял...

— Что?

— Ну в смысле... хорошо...

— Вот так.

Толик промолчал. Аврора лежала на полке и смотрела в бежевый потолок. Она до сих пор находилась под впечатлением мюзикла, на который их пригласил Митряковский. Не важно, что все действие происходило на английском языке, который Аврора не очень хорошо знала. История о маленькой художнице, ставшей слепой из-за трагической случайности, была понятна и так.

На глаза Авроры навернулись слезы, и она тайком их вытерла. В этом и кроется сила настоящего искусства, чтобы заставить человека сопереживать вместе с актерами всю гамму чувств — и радость, и грусть.

— Как вам спектакль? — словно услышав ее мысли, спросил Толик.

— Конечно, понравился, — ответила Аврора, — только невеселый.

— А я удивляюсь, как все это Сидоров придумал, вот как должен мыслить человек, который живет, ходит на завод, крутит провода, а в голове рождаются истории, не понимаю!

— Это призвание.

— Наверное, вы правы. Жаль, конечно, что это не Миша его убил. В смысле не то, чтобы жаль, лучше бы его никто не убивал бы вообще! Просто мы потеряли такой хороший финал расследования! Все мотивы были: деньги, слава, кого мы теперь искать будем?

— Никого, — прошептала Аврора.

— Не понял...

— Снова ты «понял-не понял», поймешь все, когда время придет.

— Понял, в смысле хорошо.

— Рисовать ты бы, скорее всего, смог, Толик, но писать вряд ли, словарный запас у тебя невелик, читай больше.

— Ладно.

Давно замечено, что на людей в поездах неумолимо нападает обжорство, постоянно хочется есть. Есть и пить. Толик сначала отрезал себе небольшой кусочек колбасы, а потом Аврора велела есть нормально. Толик послушался и теперь лежал, держа в одной руке кольцо краковской колбасы, а в другой — кусок булки.

— Приедем в город, заедем в управление, — сказала Аврора.

— Хорошо, — с набитым ртом ответил Толик, — а домой заедете?!

— Заеду, брошу вещи — и в путь!

— А куда торопиться-то? — спросил Толик. — Пули нет, пистолета нет, скорее всего, они лежат на дне реки, где их обнаружат в следующем тысячелетии, когда река высохнет или изменит русло.

— Все может быть, Толик, спи!

— Хорошо, — Толик откусил от колбасы кусок и послушно закрыл глаза.

Аврора улыбнулась. Жалела ли она о том, что произошло между ними. Нет. Не жалела. Иногда командировочные интрижки укрепляют семейные узы. Хотя они и не рекомендованы священным синодом.

ГЛАВА 30

Закинув вещи домой, Аврора и Толик поехали в управление. Аврора всю дорогу молчала, молчал и Толик, хотя в этом ему не было равных. Может быть, это и правильно, молчаливые люди всегда выглядят умнее болтунов.

— Жди! — Аврора вышла из служебного автомобиля.

— Хорошо, — Толик заменил одно слово-паразит на другое.

Аврора с легкостью влетела по ступеням управления и скрылась за дверьми. Водитель вытащил пачку сигарет, предложил закурить Толику.

— Я не курю, — сказал Толик.

— На бодипозитиве? — улыбнулся водитель.

— Ага, — улыбнулся Толик.

— Сам с городка?

— С него, — ответил Толик.

— Мне у вас нравится, природа, рыбалка, охота.

— Я в детстве часто ходил с друзьями на рыбалку, а повзрослел — и словно отбило! — сказал Толик. — А охоту не люблю.

— Жалко животных?

— Может быть, да и мяса в магазинах полно! Зачем стрелять...

— Не скажи, подстрелить высоко летящую утку — это искусство, ну а если подманить ее с помощью чучел, это вообще высший пилотаж. Тут, брат, психологию птицы надо понимать, она летит клином, ты ее манком на поляну выманиваешь, а на поляне чучела стоят. Это же... Бургундия! Королевская охота!

— Королевская охота с борзыми, с трубой и флагами.

— Ну есть у меня собака сеттер, ничем не хуже борзой, из любого болота птицу достанет! Нос работает как компьютер! А борзая, это если дичь и лисиц загонять на лошадях. Я ж говорю... Бургундия!

Прошел час. Толик уже устал сидеть. Он поприседал и побегал на месте. Водитель лишь посмеивался над ним.

Когда рядом с машиной остановился микроавтобус с тонированными стеклами, Толик даже не обратил на него внимания. Мало ли машин паркуется у управления полиции города.

Но, когда вышла Аврора и приказала пересаживаться в него, Толик удивился. Он достал свою поклажу. Открыл дверь, собираясь швырнуть ее внутрь, но вовремя остановился. В микроке сидели вооруженные люди.

— Чего встал, влезай! — сказал один из них.

— Садись, Толик, не стесняйся... — сказала Аврора.

— Это что, охрана? — спросил он шепотом.

— Нет, это конвой, — громко ответила Аврора.

— Хорошо, — сказал удивленный Толик и влез внутрь.

Аврора заняла место рядом с водителем. Военный толкнул дверь, и машина тронулась.

Дорога до городка заняла полтора часа. Автобус ехал с превышением скорости и только один раз остановился на КПП. Там проверили документы, которые предъявила Аврора, и автобус рванул с места, как гончая, о которой говорил недавно Толику веселый водитель. Толик мучительно думал, в чем дело. Какой конвой? Скорее всего, для Овечкина. Опасаются, что тот будет сопротивляться.

Через пятнадцать минут автобус встал как вкопанный у отдела полиции. Аврора открыла дверь.

— Толик, занеси свои вещи в кабинет и жди меня.

— Понял, — забылся Толик, но Аврора замечания не сделала.

Толик вытащил сумки и пошел на работу, как будто никуда и не уезжал. Бойцы остались в автомобиле. Мимо пронеслась Аврора. Гаврилочкин, заметив ее из окна, поспешил навстречу.

Толик открыл дверь, зашел внутрь и упал на свой стул. В ту же минуту вошел Иволгин. Его пузо торчало из-под рубашки словно глобус.

— Ну, как съездили? — слишком ласково спросил он.

— Нормально! — улыбнулся Толик.

— Нашли настоящего убийцу?

— Нет, не нашли.

— Ай-яй-яй, значит, зря проехали государственные деньги, — покачал головой Иволгин.

— Государство не обеднеет, — Толику надоела приторная вежливость нагло-вагого опера.

— Ну а это, ты ей хотя бы?.. — Иволгин улыбался как фальшивая театральная маска.

— Кому? — не понял Толик.

— Как кому? Полковнику! — Иволгин постучал себя по голове. — Вдул?

Внутри Толика все закипело. Он надулся как футбольный мяч, но не знал, что ответить.

— Не кипятись, — Иволгин открыл дверь, — дурень.

Толик со злостью ударил кулаком по столу. Он ругал себя за свою неопытность. Надо было ударить Иволгина по его довольной роже. Однако продолжить адские фантазии ему не дала Аврора. Она открыла дверь и встала у порога. Толик смотрел на нее как сын на мать. Аврора сжала губы. Потом улыбнулась.

— Ты мне нужен, — сказала она.

— Пожалуйста! Чего надо?

— Поедешь с ОМОНОм во дворец Халимана, покажешь дорогу. Там Котов, Халиман в сауне.

— Дак Котова тоже арестовать? — удивился Толик.

— Ну не глупи, Толик. Котов наблюдает за Халиманом, понял?

— Да, то есть нет.

— О Господи, выметайся давай, тебя машина ждет!

— Есть! — Толик подскочил как ужаленный и пробежал мимо улыбающейся Авроры.

Аврора закрыла дверь и пошла в кабинет Гаврилочкина. Тот смотрел на нее удивленными, широко раскрытыми глазами.

— Борис Израилевич, — сказала она, — вы на мне дыру прожжете!

— Извините, просто я не думал!..

— Думала я, этого вполне достаточно.

— Но Овечкин под наблюдением!

— Это для него полезно...

— А... кто же убил Сидорова?

— Тот же, кто убил и Петухова...

— А Петухова кто убил?

— Скоро вы все узнаете...

— А если никто не признается? Пули-то нет!

— Это верно, пули нет, но есть другие доказательства.

— Я понял, — Гаврилочкин сел в кресло.

— Кофе можно, Борис Израилевич?

— Оля! Олечка! — прокричал Гаврилочкин как оглашенный.

— Да! — та пулей влетела в кабинет.

— Кофе с сахаром господину полковнику!

— Поняла вас, — Оля выскочила из кабинета.

Через тридцать секунд на столе перед Авророй стояла чашка с душистым напитком. Рядом в вазочке лежали печенюшки.

Гаврилочкин знал, если человек хочет есть или пить — значит, у него хорошее настроение. А это уже добрый знак.

ГЛАВА 31

Халиман сидел в кабинете Авроры в спортивном костюме, сланцах и мокрыми взъерошенными волосами. За столом сидели Аврора, Гаврилочкин и Толик. Все молчали. Первым не выдержал Халиман.

— Как вас понимать, Аврора Мстиславовна... — спросил он вальяжно, — к чему эти все процедуры, маски-шоу, наручники. Позвонили бы как обычно, я бы сам приехал!

— Изменились обстоятельства, Сергей Петрович, — Аврора была серьезна как никогда.

— Неужели? — удивился Халиман.

Гаврилочкин наблюдал за происходящим молча. Ни с кем не хотелось портить отношения. Толик во все глаза глядел на Аврору. Она была необыкновенно красива в возбужденном состоянии. Нет, она не нервничала, не суежилась, но была явно возбуждена.

— А в чем меня обвиняют? — спросил Халиман.

— Вас, Сергей Петрович, обвиняют в убийстве, точнее в организации убийства драматурга Сидорова и гражданина Петухова.

— Ах, драматурга, ну тогда конечно, у меня привычка убивать... драматургов, вы правы...

— Можете юродствовать, Сергей Петрович, но я бы так на вашем месте не поступала.

— А как бы вы поступили на моем месте? — спросил Халиман.

— Я бы написала явку с повинной. И сделала бы чистосердечное признание...

— Смешно, я заплатил Сидорову деньги за песни! Я выделил десять миллионов за поимку преступника! Вы меня извините, товарищ полковник, но вы несете чушь.

— Очень легко пообещать деньги за невозможность оказания услуги.

— Бред, чушь! — Халиман вздохнул и скучающе посмотрел по сторонам. — Борис Израилевич, ну скажите вы ей, что я порядочный бизнесмен! Зачем мне убивать Сидорова...

— И Петухова, — добавила Аврора.

— Да и Петухова...

— Следствие ведет главное управление, — ответил Гаврилочкин, — товарищ полковник знает, что делает.

— Сомневаюсь, она три недели живет у нас в городке и ничего не понимает... я поддерживаю порядок в городке! Я против беспорядков, я же вам, Аврора Мстиславовна, это говорил!

— Помню.

— Ну вот, а зачем мне привлекать к себе внимание ненужными убийствами?

— Ненужными с нашей точки зрения, но необходимыми с вашей, — Аврора открыла портфель и сунула в него руку.

— Но у вас нет пули! — заметил Халиман.

— Верно, нет, она у вас, вы вскрыли гараж Сидорова и вытащили ее из обшивки сидения, куда она попала, вылетев из головы.

— Ну да, конечно, а Петухов, как бывший глава кооператива, мне помогал, а я его после этого убил, — рассмеялся Халиман.

— Нет, Петухов просто видел ваших людей, которые вскрывали гараж Сидорова. Ваших же людей, членов местной секции бокса, все знают, гражданин Халиман.

— Ерунда, — Халиман выдохнул воздух и вернулся к подробному разглядыванию ногтей, — и стоило меня вытаскивать из сауны по этим надуманным и бездоказательным обвинениям. Я на вас жаловаться буду!

— Обычное дело, жалуйтесь, — Аврора вытащила из портфеля руку, в ней оказалась книга. Толстая, в твердом переплете и цветной обложке.

Аврора раскрыла книгу и, никому ничего не говоря, углубилась в чтение. Гаврилочкин посмотрел на Толика, тот пожал плечами. Халиман замер.

— Борис Израилевич... — произнесла Аврора, не поднимая головы, — знаете, что это такое?

— Нет, — признался Гаврилочкин.

— Зря, зря, любопытнейшее чтиво, так ведь... Сергей Петрович?

Халиман демонстративно отвернулся и стал причмокивать губами. Гаврилочкин совсем потерялся. Он не понимал, что происходит. Толик тоже.

— Автор книги Степан Сидоров, — показала Аврора обложку Гаврилочкину, — наш убитый писатель.

— Вы же сказали — он драматург! — возмутился Халиман.

— Сказала, что он еще и поэтом был! Вы же знаете.

— Прямо гений! — Халиман со злостью поднял руки к потолку. — На хромой кобыле не объедешь!

— Ну, ну, Сергей Петрович, что вы злитесь, вы же говорили, что любите творческих людей.

— Творческих люблю, а идиотов ненавижу.

Гаврилочкин смотрел на Аврору и ждал продолжения. И та не заставила себя долго ждать.

— Мы только что вернулись из Соединенных Штатов, — сказала она.

— И что?

— А то, что там живет один из старых друзей Сидорова, и он рассказал одну историю — о том, что Сидоров за свой счет решил опубликовать книгу «Городок. Противостояние». Мы изучили компьютер Сидорова, но этой трилогии там не увидели, ваши люди удаленно изъяли ее из памяти компьютера. Но вы не могли знать, что следы рукописи уже в другой стране находятся. Борис Израилевич, как вам книга? Я сейчас говорю пока об оформлении, а не о содержании.

— Красивая, — Гаврилочкин покачал головой, — вообще неожиданно.

— Неожиданно не то слово. В этой трилогии Сидоров описал весь преступный мир вашего городка. А вот это действительно неожиданно, правда, Халиман?

— Ну написал человек книгу, делов-то!

— За эту книгу вы удавили своего помощника Женю Белых по кличке Белый, который учился в одном классе с Сидоровым и рассказал ему о всех ваших художествах! Говорят, Белый заходил на переговорные пункты и, заметив друзей, спрашивал, чем те занимаются, а услышав ответ, говорил (причем во всеуслышание), что он рэкети́р и в этом его призвание! Человек верил в вашу избранность и силу! В ваши связи в правоохранительных органах...

От этих слов Гаврилочкину стало жарко. Он расстегнул ворот кителя. Аврора встал и взяла в руки книгу.

— Итак... первая книга трилогии называется... «Грани зла», в ней Сидоров подробно, но, естественно, с художественными приемами описывает ваши тесные связи с руководством ГИБДД вашего городка, о продаже и постановке на учет украденных в городе автомобилей. Презанятная, надо сказать, книга.

Книга вторая «Ветви мака». Название говорит за себя — наркотики, поступающие в городок, пути транспортировки, тайные плантации, места изготовления, явки, и все это при вашем непосредственном участии. Ну и, наконец, третья книга «Операция “Безбрежный Шанхай”» — о китайской мафии, триаде и связи вас с лидерами китайского дракона.

Гаврилочкин налил себе воды из стоящего рядом графина. Халиман вытянул ноги вперед и закрыл глаза.

— Сидоров хотел издать эту трилогию и обратился в издательство, те согласились, им-то какая разница, что печатать! Но один из сотрудников вышел на вас и дал почитать материалы. Разумеется, такое произведение Сидорова не должно было увидеть свет, — сказала Аврора.

— Но ведь увидело! — Гаврилочкин показал на книгу в руках Авроры.

— Нет, Борис Израилевич, не совсем так. Сидоров заплатил половину денег за печать. А вот вторую часть заплатил меценат Халиман, заплатил и забрал эти книги себе.

— И где они? — спросил Гаврилочкин.

— Их нет! — Аврора тяжело вздохнула. — Со времен сожжения книг в последний раз в истории человечества прошло более семидесяти лет. Весь тираж, Борис Израилевич, по приказу господина Халимана перевезли в упакованных коробках из типографии прямо на мусоросжигательный завод, вот и вся история.

— А эта книга? — спросил Толик.

— Четыре книги были отправлены почтой, это сигнальные экземпляры, мы их получили.

— И где эти книги? — спросил Халиман.

— Охотно отвечу: одну книгу вы видите, вторая — у вдовы Сидорова, третья — в прокуратуре города.

— А четвертая? — спросил Халиман.

— А четвертая, Сергей Петрович, в федерации дзюдо нашего города, их представители, кстати, сегодня вечером хотят встретиться с вами. Эта информация из неофициальных источников.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Аврора прокашлялась и села на место. У Толика было ощущение, что только что он присутствовал на каком-то удивительном театральном моноспектакле, где актер непревзойденно играет свою роль на сцене.

— Дайте мне лист бумаги и ручку, — наконец сказал Халиман.

— Толик, — Аврора улыбнулась, — выдай человеку то, что он просит.

ГЛАВА 31

— Поздравляю, — только и смог сказать Гаврилочкин, когда прочитал явку с повинной от Халимана, — Аврора Мстиславовна, поздравляю.

— Честно говоря, если бы не Михаил Митряковский, мы бы никогда не узнали финала этой истории. Когда я в самолете прочитала, у меня все пазлы этой истории выстроились в единую картину.

— А кто это Митряковский? — спросил майор. — Американец?

— Да, тот, кого все называли Зой Амадеус Антре, уникальный по-своему человек! — ответила Аврора.

— Понял, это тот, вместо Сидорова который, — Гаврилочкин развел руками, — но только я не понял, почему Халиман написал явку, чего он испугался?

— Все бы ничего, но в третьей книге есть момент об убийстве одного из лидеров криминального Китая. Пропал и он, и десять миллионов долларов, а эти деньги, по всем уголовным понятиям, должны были пойти в их общак, но они пошли в карман Халимана. Да и сама война с китайцами нашим господам из параллельного мира невыгодна.

— Но почему Сидоров ничего не боялся?! — удивился Гаврилочкин.

— Настоящий писатель, а Сидоров был именно настоящим писателем, не думает о себе в тот момент, когда творит. Он думает о тексте в первую очередь. И не зря говорят: «поэт в России — больше, чем поэт».

— Ну а наш подопечный как? — с гордостью спросил майор.

— Михалков или Овечкин? — улыбнулась Аврора.

— Нет, я про Михалкова. Как вы думаете, выйдет из него толк?

— Думаю, выйдет, но не в уголовном розыске.

— Что, он тоже книги писать будет? — удивился Гаврилочкин.

— Нет, он пойдет в адвокатуру.

— Он сам так сказал?

— Сам.

— Жалко, приличные люди и нам нужны.

— Приличные люди нужны всем, — сказала Аврора, пожала майору руку и набрала номер телефона Кожина.

Лора КАТАЕВА

Почерк

Я думала

Я думала: растения растут,
Превозмогая мрак и темноту,
Навстречу свету — весело и рьяно.
Но в жизни оказалось все не так:
Здесь темнота не друг, но и не враг —
Вселенная на краешке дивана.

Внутри-извне... Из дома выходя,
Теряем ли, находим ли себя?
Фиксируем ли градусы и грани,
Прямые или векторы любви
В направленном стремлении травы
Проклевываться, саженцы тирана.

Не спрашивай: что сделано не так,
Ты видел ли хворающий сорняк
И чахлое растение лесное?
Коль взялся жить на воле — так живи,
Убей болезни в мыслях и в крови,
Капризно не дающие покоя.

Я думала: конечны день и свет,
Слова любви, соленый слезный след,
Лишь в сроках — относительная тайна,
На время зашифрованный секрет...
Я думала, что в мире мира нет,
Когда в себе нашла его случайно.

Сахалин

Легко молчитесь без причин,
Ведь точно знаешь: скоро утро
Зажжет туман над Карафуто,
Окрасит небо перламутром —

И заиграет Сахалин
Озер блестящей синевой,
Целенаправленностью речек,
Расправят сопки склоны-плечи,
Все ближе подходя, все резче
Срывая с тел туманный слой.
В лесах зашепчет каждый лист,
И запоют морские волны,
Бурля меж каменных ладоней,
Что мир до крайности огромен
И до божественности чист.

Почерк

В вантах Золотого моста запуталось облако —
засмотрелось вниз, проплывая мимо.
Лето разлетается цветными осколками
странной ускоренной пантомимы.
Есть что-то щемящее в воздухе августа:
пыжится солнце в улыбке веселой,
но неубедительно у него получается,
как у плохого актера,
наигрывать лето, зажигать рассветы...
Усталое, все раньше скатывается к горизонту.
Ты вспоминаешь про плащ и зонтик —
где они, пора бы достать.
Берез белоногих шершавая стать
все больше желтит отросшие косы —
вот-вот начнется иной перформанс,
в котором все — золото, поди-ка сыщи настоящее.
Ночью шепчется с волнами сад шелестящий
уже в ля миноре почти без дизезов,
Ты приносишь дыни, арбузы — полезно,
сладко, под ножом облегченным хлопком раскрывается алая мякоть
с бусами черных точек,
мне хочется плакать...
Ты слышишь, как я вздыхаю украдкой ночью,
о чем — не спросишь, боишься, не хочешь?
У осени грустный знакомый почерк.

Дыши

1. Когда

Когда сужается внешний мир
До шторы оконной, штриха на обоях,
Тогда наконец понимаешь: мы
Не знали еще настоящей боли.

И ждешь терпеливо: ну что там, что,
Откроется ли, не погаснет вовсе?
Пылает-горит в темноте росток
Прощальным лучом воспаленного солнца.
Скажи, кто придумал закатный криз,
Тоску вечеров и дурман признаний?
Еще далеко-далеко тот лист —
Ведь верно? — назначенный срок календарный.
Когда в глазницах засела боль,
И плавится тело как воск свечами,
Так хочется верить, что рядом — Бог,
Что есть он и слышит твое дыхание.

2. Сон

Белый снег словно пух тополиный
Осыпает в ночи города.
А под утро приснится малина
В тонкой корочке хрусткого льда
На давно позабытой тарелке,
Занесенные лики окон —
Словно память качает на стрелке
Твой последний усталый вагон,
Где считаешь часы монотонно,
Где вползает под штору рассвет —
Светло-серый заблудший котенок
В старом доме, которого нет.

3. Дыши

Холодно, зябко, тепла бы, тепла,
Мутный термометр путает знаки,
Белою грудью прижалась зима
Нерасторопной глухой санитаркой.
Окна больничные — фейк, миражи,
Скоро закончится год этот страшный,
Мы потанцуем... ты просто дыши —
Слышишь, дыши! — остальное не важно.

4. Путь

От будней к празднику — смотри —
Наш путь земной недолог
Среди китайской мишуры
Предновогодних елок.
И нет забавнее хлопот,
Чем яркие витрины...
А мне б огонь, который жжет,
Звездой из сердца вынуть.
А мне б прокашлять свой куплет
Взахлеб, но не всухую,
Про этот год и этот век —
О чем они толкуют

В полночных сполохах огня
Среди миров и судеб —
Как будто не было меня
И никогда не будет.

Берег

Помнишь, у самых ног дерзкой волны движение?
Берег меня берег гладью песка блаженною.
Слал мне иные сны, где не боялась тени я —
От высоты струны до глубины падения.

Не запасая впрок пенной каймы, травы, песчаника,
Преподавал урок мудрым реченьем странника.
Множил скупой напев в жизни волнение мощное.
Берег меня терпел, если другие морщились.

Выше любых дорог грудью своей скалистою,
Берег меня берег верой, надеждой. Пристанью
В спину толкал: — Гребь, все перемены к лучшему!
Берег меня любил. Тайным ключом, ключиной,

Лучиком золотым солнечного рождения
В паре со мной «на ты» переживал сражения.
Звал, не жалея сил, косы травы закручивал —
Берег меня манил самым счастливым случаем.

В час, когда мир не мил темной тоской гранитною,
Берег меня хранил храмом, крестом, молитвою.
Камень совал: — На, брось дальше-вперед, докинешь ли?
Берег меня берег — ту — для вот этой, нынешней.
Даже в предзимнем дне ярким ростком проклюнется —
Берег звучит во мне песней любви и юности.

ОКНО В ПРИРОДУ

Евгений МОСОЛОВ

Жуткое место

С Олегом я познакомился в спортзале. Случайно в раздевалке увидел, что у мужика вместо правой голени — протез. Меня это удивило, потому что Олег во время тренировок качал не только верхнюю часть туловища, но и очень интенсивно — нижнюю. Мышцы ног были проработаны пропорционально всей фигуре. Не удержался и спросил у мужественного парня — не больно ли в протезе заниматься. Тот ответил: «Иногда очень больно, но терплю».

Достойный пример для подражания многим атлетам. Не все здоровые уделяют на тренировках достаточно времени прокачке ног. А ведь ноги это главное — они носят дурную голову... Ходят такие горе-качки, как амебы, — массивный торс на тонких палочках.

В общем, с того разговора и завязалось знакомство.

Значительно позже я поинтересовался у Олега, при каких обстоятельствах он потерял ногу. И услышал очень необычную историю. Думаю, многим она будет интересна.

В девяностые годы, по молодости, Олег любил путешествовать по малоизвестным природным местам Урала, Сибири, Алтая и других русских краев. Выбирались в основном с двумя самыми близкими друзьями. Но иногда и большими компаниями, человек в пятнадцать-двадцать, бродили по лесам да сплавливались по рекам.

Как-то летом решили вот так же втроем разведать новые места в верховьях Печоры. В самый последний момент один из друзей приболел, и в поход отправились двое: Олег и его товарищ Антон. Оба — бывалые туристы, рыбаки и... золотоискатели. Да-да, не одной же рыбкой богата земля русская. А к золоту и камушки самоцветные тоже никогда лишними не бывали.

Не одни они такие ушлые, конечно, в те годы по тайге рыскали. Сейчас поток копателей-рыхлителей заброшенных и новых разработок несколько поиссяк, а в девяностые кого только ни встретишь на узких лесных уральских тропках. Половина этих «туристов-геологов» наезжала из Москвы и Питера. Некоторые так и сгинули без вести в необъятных таежных просторах...

Но наши ребята были подготовлены физически и технически, да еще с немалым опытом подобных странствий. Поэтому продвигались по заранее намеченному маршруту без потерь и чрезвычайных происшествий. Шли не торопясь, периодически останавливаясь для рыбалки или проверки речных и ручейных промоин на предмет наличия золотого песочка. В гористых местах оглядывали кварцевые месторождения.

Так, в свое удовольствие, путешествовали недели полторы. Забрались в неусветную глухомань. Вскоре поняли, что карта уже бесполезна. Если горы еще совпадали с планом местности, то речки в большинстве своем протекали совсем

в других направлениях. Лесные водные артерии вообще часто меняют свои русла. То после половодья, то из-за ветровала, то обходя бобровые плотины.

Но и без ставшей неактуальной карты молодые парни неплохо ориентировались в походе. Есть компасы, солнце, звезды и голова на плечах, в конце концов.

Вообще в этих краях они уже бывали раньше. Но последнее знакомое место — небольшое озерцо с илистым дном — минули дня три назад. Правда, от озерца, в котором они ловили когда-то карасей, осталось только пересохшее болото, сплошь заросшее густым камышом.

Теперь их путь пролегал по совершенно нехоженным местам. Да еще пришлось менять ранее намеченный маршрут, чтобы обойти скалистый горный массив, растянувшийся на много километров. Из-за этого друзья немного заплутали. Под вечер в лесу стало быстро темнеть, и в непролазной чаще, как назло, все никак не находилось подходящего места для ночлега. Одна болотистая жижа под ногами.

Когда парни уже почти потеряли надежду выбраться на сухое место, вдруг в стороне показалось что-то похожее на небольшую полянку. Хотя веселенькая полянка вполне могла оказаться болотиной, поросшей нежно-зеленой травкой, Олег с Антоном повернули туда с надеждой. Добравшись до края поляны, с облегчением ощутили под ногами твердую землю.

Растеряв силы в хождениях по болотам, наскоро поставили палатку и, перекусив всухомятку, завалились спать. Даже костер разводить не стали. Благо лето, можно и без огня заночевать.

Утром, откинув палаточный полог, Олег выполз наружу и осмотрелся. Уже рассвело, но остатки тумана еще скрывали дальний край поляны. Вокруг стояла такая тишина, что казалось, лес вымер. Парень поежился. И вдруг ни с того ни с сего почувствовал прилив неизъяснимого ужаса. Кожа на всем теле, даже на макушке, пошла мурашками. Вот оно ощущение, когда «волосы шевелятся».

Такое с ним происходило всего несколько раз в жизни. И все случаи в далеком детстве, в одном и том же месте...

Впервые он, пацаном лет шести, ощутил этот неизбывный ужас, когда гостил у своей бабушки. Бабушка вместе с двумя дочерьми, тетками Олега, жила в двухэтажном бараке на окраине небольшого уральского городка. Барак был снабжен водопроводом холодной воды — для подобного объекта чуть ли не роскошь. Горячую получали сами, затапливая дровами чугунную печь «титан», уже запроектированную при строительстве. В бабушкиной квартире эта массивная круглая печь была вмурована в дальний угол санузла-кладовки. В многофункциональном санузле хранили картошку, садовый инструмент, старую рухлядь. Тут же стояла длинная чугунная ванна. Правда, ею почти никогда не пользовались — где ж такую уйму воды нагреть! Мылись по деревенскому обычаю в бане.

Туалетом в санузле служило керамическое очко в полу, как на старых вокзалах, с высокостоящим на трубе чугунным бачком. Когда дергали за цепочку слива, льющаяся из бачка вода издавала такой кошмарный грохочущий звук, что кровь стыла в жилах.

В квартире у бабушки Олег не сидел сиднем, весь день проводил на улице с дворовыми пацанами, с которыми крепко сдружился. Или лакомился ягодами в бабушкином саду, что находился неподалеку от барака. Поэтому первый раз в этот туалет нужда позвала его как-то среди ночи. Знать, ягод лишка переел.

Санузел находился в противоположной от жилых комнат стороне квартиры.

Пройдя в полной темноте, чтобы никого не разбудить, через длинный коридор, мальчишка осторожно приоткрыл дверь кладовки. С трудом на ощупь нашел выключатель и щелкнул тумблером. Неровно помигивая, зажглась одинокая тусклая

лампочка под высоким потолком. В полумраке пацан присел на корточки над унита-
тазом. Сквозь полуоткрытую дверь туалета ему было видно белеющую в темноте
ванну, мешки с картошкой вдоль стены и толстую трубу «титана» в дальнем углу.

Темноты он тогда уже не слишком боялся. Но почему-то с каждой секундой
нутром чувствовал липкий надвигающийся ужас. Делая свое «дело», мальчуган
напряженно всматривался в полутьму длинной кладовой. Вдруг на его выпучиваю-
щихся от страха глазах из-под ванны выползла сначала одна, затем вторая, третья,
четвертая крысы! Маленькому мальчику они показались огромными.

К прежнему непонятному ужасу добавился вполне реальный кошмар. Пацан
спешно подскочил, успев дернуть за цепочку бачка, и под грохот унитазного водо-
пада пулей помчался прятаться под одеяло...

Можно, конечно, было бы весело посмеяться над детскими страхами, но...
Спустя несколько лет подросший Олег случайно узнал об одном трагическом
случае в этой кладовке.

Давно, еще до бабушки с тетками, в той квартире проживала семья военного
с двумя детьми. Однажды зимой, когда родителей не было дома, дети затеяли
игру в прятки. Старший брат забрался в кладовую и протиснулся в угол за на-
топленный «титан». Туда-то протиснулся, а обратно никак. Даже повернуться
не удастся. Сначала молчком корячился, но спустя недолгое время, когда рас-
каленная чугунина натопленной печки зажгла нестерпимо, заревел в голос.
Младший братишка по крику быстро нашел спрятавшегося. Засмеялся было
весело, но, видя, что старший орет не на шутку, сам заплакал. Так и нашли их
пришедшие взрослые в том санузле: малого, хнычущего на полу, и старшего,
уже замолчавшего, прижатого раскаленным «титаном» вплотную личиком к из-
вестковой стенке. Запеченного заживо мальчишку потом чуть ли не по частям
из угла выковыривали...

Может, энергетической памятью места о том страшном событии и объясняется
непонятный ужас, охвативший маленького Олега тогда, еще до появления крыс, в
мрачном санузле? Ведь говорят, загадочное шестое чувство у детей развито гораздо
лучше, чем у взрослых.

По словам Олега, он всегда старался избегать той кладовой, но, если все же
приходилось заходить туда, каждый раз мрачное неизбывное чувство ужаса над-
вигалось вновь.

Больше никогда и нигде он не испытывал подобного. Хотя довелось побывать
в таких переделках, в которых иной и вовсе мог лишиться чувств...

И вот опять этот мрачный необъяснимый ужас вернулся. Но что могло его вы-
звать? Какая связь со старой барачной квартирой и ее кладовой? Здесь, посреди
глухой лесной чащи, ни намек на ту обстановку. Тишина, болото и белесый туман,
который уже почти рассеялся...

Не находя объяснений, парень в задумчивости поднял голову и обмер. Жар
пронзил тело от пяток до кончиков ушей...

На противоположном конце поляны сквозь рассеивающийся туман медленно
вырисовывалась высокая человеческая фигура!..

Силуэт человека был вытянутый, отчего казалось, что незнакомец высоченного
роста.

Быстро оправившись от неожиданности, парень окликнул нежданного гостя.
Но тот даже не пошевелился. На крик вылез из палатки заспанный Антон. Он
тоже увидел вдалеке человеческую фигуру и, подойдя к Олегу, удивленно поин-
тересовался:

— Это что еще за чувак?

— Не знаю. Молчит. Пошли сами поглядим... Топорик возьми...

Друзья, не отводя взглядов от странной неподвижной фигуры, медленно направились ей навстречу. Приблизившись шагов на тридцать, поняли, что предмет неодушевленный.

Уже ускорив шаг, подошли к странной фигуре вплотную и стали с интересом ее осматривать.

Из невысокой травы торчала, похожая на каменную, статуя. Вернее, не статуя, а вытянутое изваяние без рук и ног, но с плечами и головой. Высотой оно было метра два с половиной. Изначально, наверное, еще выше, но с годами осело в землю.

На голове почерневшего исполина были вырезаны глаза, причем спереди и сзади. Поэтому определить, где тут настоящее лицо, не получилось.

Тюкнув пару раз по статуе топориком, Антон заключил:

— Это не камень, а деревяшка. Правда, почти окаменевшая от времени. Скорее всего лиственница... Интересно, сколько же столетий чудище здесь простояло?

Парни долго еще ходили вокруг необычной находки, осматривая со всех сторон. В конце концов пришли к выводу, что это изображение какого-то языческого божка, сооруженное древним народом, обитавшим в стародавние времена в этих местах.

Неподалеку за идолом возвышалась крутая, замшелая и почерневшая от болотной влаги скала. Между ней и истуканом в траве торчал широкий пригорок, оказавшийся массивным валуном, под слоем дерна.

«Похоже на жертвенную колоду», — предположил Олег.

Сделав фотоаппаратом несколько снимков, вернулись к палатке, где занялись костром и завтраком.

За завтраком Олег поделился с другом своим странным неприятным ощущением. К его удивлению, Антон сказал, что тоже чувствует какой-то необъяснимый страх и беспокойство.

Не став задерживаться в неприятном месте, поев, парни быстро свернули палатку, затушили остатки костра и двинулись дальше.

Но их путь в этот раз оказался недолгим. Олег, хлюпавший между болотными кочками за товарищем, вдруг услышал резкий шипящий звук, затем увидел, как Антон, вскрикнув, резко взмахнул рукой, отбросив далеко в сторону что-то извивающееся и длинное. А затем, поскользнувшись на болотной траве, неловко рухнул на землю.

Подбежав к другу, Олег сразу заметил, что лицо у того бледное как полотно. Антон уже разрезал ножом штанину, а потом судорожно принялся выдавливать кровь из двух глубоких ранок в бедре:

— У-у, гадюка!.. Укусила, тварь!..

Оказалось, парень прыгнул на очередную кочку, не заметив притаившуюся под ней змею.

Вскоре нога Антона стала распухать на глазах, а сам он стонать от боли. Сыворотки против змеиного яда с собой не брали. О дальнейшем передвижении не могло быть и речи. Боль становилась все нестерпимее, а отек быстро распространялся на все тело. Похоже, в дополнение ко всем бедам, у несчастного друга была аллергия на гадючий яд.

Почти взвалив стонущего Антона на закорки, Олег потащил его к месту покинутой стоянки, на поляну с идолищем.

К вечеру Антону стало совсем плохо. Он начал задыхаться. Отек перешел уже на внутренние органы. Все способы помощи подручными средствами не давали желаемого результата. Периодически бедный парень впадал в забытие. Олегу еле-еле удалось влить ему в рот полкружки крепкого чая на ночь. Антон вроде притих, немного успокоившись и перестав дергаться. Незаметно для себя задремал и Олег. Очнувшись часа через два, сразу повернулся к Антону. И понял, что друг умер.

Утром, взяв из вещей самое необходимое, взвалил окаменевшего, негибающего Антона на плечи и отправился в обратный путь. Оставлять мертвого друга на съедение диким животным в заброшенном и глухом месте Олег не собирался.

Тащил на себе труп товарища парень километров десять, может, двадцать. Он не считал. До тех пор, пока, совершенно выбившись из сил, сам неловко не поскользнулся и не упал навзничь. Грохнулся очень неудачно, сильно ударившись передней частью голени о камень. От боли чуть не закричал.

Даже сквозь штаны здорово содрал кожу и ушиб получил серьезный. Заночевал здесь же, не в силах идти дальше. Конечно, рану сразу обработал средствами из аптечки и перевязал. Но ночью периодически просыпался, так как боль постоянно давала о себе знать.

Утром понял, что с травмированной ногой дальше тащить труп товарища не сможет.

Скрепя сердце облил бездыханное тело нашатырем, чтобы отпугнуть незваных гостей-зверушек, вдруг надумавших поживиться человечиною. Завалил камнями и ветками. Пометил место яркими тряпками, какие смог найти во взятых вещах, чтобы легче было найти с воздуха.

После, хромая, продолжил обратный путь.

Как он шел — нет смысла рассказывать. Нога болела, голову терзали мрачные мысли о том, что он скажет жене и сыну Антона, когда вернется...

Спустя несколько дней Олег был дома. Мертвого друга по указанным на карте и на местности меткам к тому времени отыскиали. Транспортировали в ближайшее подходящее медучреждение, а позже переправили в родной город.

Когда дома Олег обратился в травмпункт со своей побитой ногой, там его успокоили, мол, ничего серьезного, обычный ушиб с повреждением кожи. Обработали рану перекисью и зеленкой. Рентгеновский снимок делать не стали. Врач заверил, что даже трещины нет, раз ты сам столько километров пехом смог отшагать.

Но с каждым днем рана гноилась все больше, нога опухала. Медики мазали зеленкой и говорили, что просто на этом месте у всех плохо заживает. К тому же ссадина инфицировалась. Прописали курс антибиотиков.

Но ничего не помогало. И в итоге через месяц — ампутация, по колено.

Через несколько лет, подлечившись и вернувшись к активному образу жизни, Олег возобновил свои лесные странствия. Правда, уже без особого экстрима и с большей подстраховкой.

В одном из таких походов в тех же северных уральских лесах познакомился со старым охотником-промысловиком. Тот, выслушав его историю про поляну со странным истуканом, изрек:

— Попали вы тогда, ребята, в жуткое место. Это ведь старинный жертвенник какого-то бога сил природы был. Может, леса, может, реки, горы или еще чего. Вполне возможно, бог охоты или войны, а то и того хуже. У древних языческих племен по лесам и горам много идолов для поклонений было установлено. Только со временем их почти не осталось. Оно и к лучшему.

Потому как от таких мест нам, простым смертным, надо держаться подальше. А если уж занесла нелегкая к жертвенному алтарю, преподнеси что-нибудь духу этому: дичь ли, рыбу... На худой конец, вещь какую-нибудь ценную. И беги оттуда подобра-поздорову!

А иначе он сам себе жертву выберет. Обязательно...

очерк, публицистика

Сергей ЗОЛОТУХИН
Екатерина КОНДРАТЬЕВА

Год катастрофы амурских лососей

Год 2021-й был объявлен Годом лосося

В осеннюю путину 2021 года установленные в Амурском лимане заездки выловили всю группу гонцов, причем улов был произведен с двадцатого августа по третье сентября. На этом путина закончилась. Но самое катастрофическое, что осенняя кета не была пропущена на нерестилища — они остались полностью пустыми. Это значит, что в 2025 году лососевая путина на Амуре будет еще более провальной, чем нынешняя. Да и будет ли?..

Амур-батюшка дышит глубоко, но медленно. На пике вдоха Амура в 1910 году было добыто около ста тысяч тонн кеты (осенней и летней) и около десяти тысяч тонн горбуши. Летней кеты добывали больше, чем осенней, — в 1910 году был максимум: пятьдесят три тысячи тонн против сорока тысяч. Потом у Амура-батюшки начался выдох протяженностью сто лет. Уловы осенней кеты снизились до двадцати тысяч тонн, а потом и до десяти тысяч. Добыча кеты в Амуре в 1990-е годы упала до двух — трех тысяч тонн. Ничего не поделаешь... естественная динамика численности. И вот после 2006 года уловы и летней, и осенней кеты резко поднялись и достигли сначала десяти тысяч тонн, затем двадцати, и к 2016 году перевалили за тридцать тысяч тонн. Это открывался очередной вздох Амура. Еще немного, и вылов летней плюс осенней кеты, как не сомневались местные управленцы, достигнет девяноста тысяч тонн, как в 1910 году... и затем будет медленно снижаться в течение ста лет. На наш век хватит, думали управленцы. Мелкий администратор от науки, назначенный в 2006 году директором Хабаровского филиала ТИНРО, был счастлив до такой степени, что расформировал Лабораторию тихоокеанских лососей как излишний элемент вверенного ему научно-исследовательского института. Он говорил: «Я лично понял, в каких пределах изменяются запасы лососей в Амуре. По-другому никогда не было и не будет». И научная лаборатория, созданная в 1950-х годах известными учеными, перестала существовать в Хабаровске.

В 2016 году в Амуре выловили двадцать три тысячи тонн горбуши — исторический максимум для бассейна. Число рыбопромысловых участков достигло ста восьмидесяти, число заездов в устье Амура — девяноста шести. Премии, грамоты,

внимание столичных начальников. Но в социальных сетях появились тревожные крики жителей низовки: заборы заездков и сети протянулись от левого до правого берега Амура, рыба не может пройти на нерестилища. Управленцы посмеялись: вот дают — «от берега до берега». Это невозможно технически. А заборы заездков (бердо) не достигают в длину и трех километров.

В 2017 году к лососевой путине рыбаки подготовились хорошо. Но летней кеты зашло в Амур так немного, что рыбаки насторожились: старики помнили события 1950–1990-х годов, когда летняя почти исчезала из уловов лет на пять — десять. А следом за летней и осенней пришло очень мало. Было о чем подумать. Делегация рыбаков Ульяновского и Комсомольского районов пришла к ученым и попросила организовать учет кеты на нерестилищах. Предложение было принято. Соавтор этой публикации, Сергей Золотухин, поехал с рыбаками и инспекторами рыбнадзора по нерестовым притокам.

В первый раз я работал на нерестилищах реки Камчатки в 1975 году. С той поры ежегодно оценивал то, что называется потенциалом естественного воспроизводства тихоокеанских лососей. Опыт десяти лет на Камчатке, пятнадцати лет на реках побережья Японского моря в Приморском крае и двадцати лет на побережье Охотского и Японского морей в Хабаровском крае — это уже не экспертный уровень, а работа специалиста. К этому надо добавить поездки по рекам зарубежных коллег — в Канаде, США, в Японии, на Тайване, в Китае. В 2017 году нерестилища Амура меня полностью обескуражили. На его нерестовых притоках — Амгуни и правобережье низовьев Амура — в августе я увидел единичные экземпляры летней кеты и горбуши, а в октябре — десять процентов от необходимого заполнения нерестилищ осенней кеты. Амур не был зоной моей ответственности, — за Батюшку отвечала другая научная лаборатория. Когда я приехал и сообщил, что нерестилища пусты, надо мной просто посмеялись. В дирекции сказали, что я не вижу в воде рыбу, что я не умею видеть в воде рыбу, что я слепой и т. д. Тогда я понял, что преждевременно говорить с дирекцией о 2021 годе, когда в Амур будет возвращаться потомство этого малочисленного поколения кеты.

В 2018 году наука прогнозировала выловить в Амуре тридцать тысяч тонн горбуши. Вернулось пять тысяч тонн, и снова нерестилища были почти пустыми. Это был настоящий удар по работе прогнозистов. Затем последовал очень слабый заход в Амур летней кеты, и слабый заход осенней. Управленцы по-своему поняли, что это шанс убрать конкурентов, и с 2017 года начали регулировать число заездков в лимане и Амуре. С девяноста шести в 2016 году их число снизили до сорока пяти в 2017 году, и до тридцати семи в 2018 году. Однако уловы падали и падали.

Тем временем в Хабаровском крае возникла новая сила — общественное движение. Оно вобрало в себя сотрудников заповедников нижнего Амура, Ассоциации КМНС, WWF и даже научных сотрудников академических и других научно-исследовательских институтов Хабаровского края. Они не сомневались, что причина не совсем в промысловой нагрузке. Местные жители заявляли, что уже не первый год, даже в период высоких уловов кеты в 2010-е годы, нерестилища кеты остаются пустыми. Общественники ежегодно стали ездить на наиболее значимые нерестилища притоков Амура: на Амгунь, реки низовьев правобережья, Гур, Анюй, Тунгуску, Горин. При этом они составляли «Акты обследования нерестилищ», как этого и требуют правила работы рыбного хозяйства. Выявилась картина опустошения Амура. Заездки и плавные сети промышленников изымали весь запас кеты и горбуши, поэтому на нерест идти было некому. Так как объемы

квот были официальными, то становилось ясно, что виноваты не рыбаки заездов или лов сетями в Амуре, а те, кто прогнозировал и утверждал завышенные объемы допустимого вылова. Общий запас тихоокеанских лососей складывается всего из двух величин: из объема вылова и объема пропуска на нерест. Если объемом пропущенных на нерест рыб близок к нулю, значит, был выловлен весь запас рыб. Общественники, которые увидели пустые нерестилища Амура, написали в ХабаровскНИРО, Амурское Теруправление и в Росрыболовство. Получили приблизительно одинаковые ответы: вы не умеете, вы не знаете, вы не видите. Почему-то никто в ХабаровскНИРО не почуял будущей беды, и наука продолжала в 2018–2021 годах прогнозировать тысячи тонн осенней кеты, как всегда.

Почему данные общественников не взволновали рыбохозяйственную науку? Оказалось, у рыбохозяйственной науки другие методы оценки численности кеты на нерестилищах. Эти методы дешевы и не требуют посещения нерестилищ. Они чисто расчетные. Научный сотрудник, не выходя из-за офисного стола, может подсчитать число родителей, от которых родится молодь и вернется в Амур. Научный сотрудник объясняет суть одного из методов: предположим, промысел изымает пятьдесят процентов запаса рыб. Тогда столько же рыб пройдет на нерест. Эта методика могла работать в XX веке, когда «Амуррыбвод» по государственному заданию учитывал лососей на основных притоках Амура — реках Амгунь, Уссури, Гур, Кур и др. Для этого имелись полевые группы специалистов, они считали рыб на нерестилищах и официально передавали эти данные ТИПРО. Система адекватная и работала до 2009 года, применяемая методика была общепризнана для такой великой реки, как Амур. В 2009 году государственное задание учитывать рыб на нерестилищах было поручено ХабаровскНИРО, и... учеты прекратились.

Другой метод учета кеты заключался в том, что в устье Амура можно было поймать и пометить тысячу экземпляров кеты, а потом ловить выше по течению и подсчитать, сколько кеты поймалось в сети вторично. Далее математическими вычислениями получали оценку численности кеты, которая вошла в Амур. Это общий запас. Вычитали из общего запаса число выловленных рыб и получали число рыб, пропущенных на нерест. Ясно, что расчетные методы всегда проигрывают визуальным учетам. Но они дешевле — не надо дорогих экспедиций, не нужно арендовать вездеходы. А от общественников и их «Актов обследования» можно просто отмахнуться. В итоге у рыбохозяйственной науки уровень заполнения нерестилищ был не просто высокий, а в некоторые годы даже в два раза более высокий, чем нормативный. И если норма заполнения нерестилищ кетой была около сорока экземпляров на сто квадратных метров площади нерестилищ, то у рыбохозяйственной науки эта расчетная плотность доходила до ста двадцати экземпляров. Представьте себе: вы стоите на нерестовой речке и на участке 10×10 м (сто квадратных метров) у вас на глазах нерестятся сто двадцать рыб. Я такого не видел ни разу за сорок пять лет работы. Но расчет — дело тонкое, Петруха, как говорил известный персонаж. А теперь представьте, что эти завышенные данные о числе «пропущенной на нерест кеты» стали официальными в научном отчете. Их можно ввести в график «Родители — Потомки». На оси ординат откладываем в виде точек лет за пять — десять полученное мечением число «Родителей», а на оси абсцисс — число возвратившихся в Амур за этот же период рыб и получим математическое уравнение. При таких высоких расчетных цифрах никогда не иссякнет число рыб на нерестилищах Амура! И прогноз на высокие уловы будет обеспечен. Ну а с данными общественников как работать? На оси ординат откладываем число родителей, а оно каждый год составляет величину около ноля. Ну какой может быть улов от ноля?

Вот пример еще одного метода. Сразу оговоримся, что ихтиологические методики не знают такого метода и он прижился только в ХабаровскНИРО... Одна девушка-ихтиолог принимала некие разрыхленности в русле нерестовых притоков за нерестовые бугры. Когда ее спросили, почему считаете число рыб по буграм, в то время, когда нужно считать рыб, она простодушно ответила: так рыб-то там не было! Далее с помощью то ли таких же ученых, то ли чиновников картина менялась так: десять гнезд умножались на два экземпляра (самец + самка) — вот так и получалось двадцать экземпляров на сто квадратных метров. Отличная плотность заполнения. И эту липу официальным документом направляют в комиссию по анадромным. Далее в комиссии делают вывод: «Получены официальные данные от ТИНРО... о заполнении нерестилищ, близком к оптимуму...»

Так не из-за этих ли методов произошло падение запасов кеты в 2017 году? Может быть, правы были и те рыбаки и блогеры соцсетей, которые говорили и в 2016, и в 2017 годах, что рыбу на нерестилища не пропускают заездки и сети?

2019 и 2020 годы на Амуре прошли под знаком еще большего снижения уловов. В 2019 году были введены запреты на промысел летней кеты и горбуши, которых не было, почитай, лет пятьдесят. Управленцы оправдывались: это глобальное потепление климата. Климат изменился, вот в Амур и не пошла кета. Авторы немного испугались: еще бы, за несколько лет на Амуре сменился климат? Но специалисты успокоили: все как было, так и осталось. В какое все же времечко мы живем — каждый норовит обмануть. Прогноз вылова осенней кеты на 2020 год составлял тринадцать тысяч тонн. Это впечатляющая величина. Но вылов составил 7,8 тысячи тонн. И нерестилища заполнились на десять процентов от нормы.

ГОД КАТАСТРОФЫ

Ожидали 2021 год с трепетом в сердце. Было слишком много аргументов для еще большего падения запасов амурской кеты. Но прогноз ХабаровскНИРО вылова осенней кеты в тринадцать тысяч тонн снова впечатлил. Даже ограничение на лов горбуши и полный запрет на лов летней кеты не так впечатлили; но осенней — будет тринадцать тысяч тонн! Это может означать, что рыбохозяйственная наука, взвесив все аргументы, решила, что дело с осенней кетой пошло на поправку.

На тридцать первое августа 2021 года был запланирован форум рыбаков «Амур — река жизни» с участием врио губернатора Хабаровского края Михаила Дегтярёва, который сказал, что «мы устанавливаем лимиты промышленного вылова исходя из научных прогнозов». Именно так всегда и было.

Вопрос о пустых нерестилищах Амура озвучивали в присутствии врио губернатора. Вот цитата из речи Любови Одзял, вице-президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ по Дальневосточному федеральному округу, на форуме «Амур — река жизни»: «Там, на нерестилищах, вообще нет рыбы, ни горбуши, ни летней, кончили полностью. Страшно подумать, что то же самое ждет и осеннюю кету. Представляете, ни одной рыбины — ни в Амуре, ни в притоках. Насчитали двадцать два заездка и ставных невода, какая же рыба тут пройдет, если у Николаевска-на-Амуре стеной стоят заездки и перекрывают лососям миграционный путь?»

Всемирный фонд дикой природы WWF забил тревогу: в результате легального и нелегального промысла численность лососевых сократилась до критических отметок, жители приамурских сел требуют запретить промышленный вылов этих пород. Результаты обследования нерестилищ печальные: по осенней кете их за-

полнение составило чуть больше двух особей на сто квадратных метров — при норме в сорок особей на ту же площадь.

«По летней кете ситуация еще печальнее. В 2019–2021 годах были введены ограничения на лов, и в условиях этого запрета обследования нерестилищ показали пустоту — рыба на нерест не пришла, получается, ограничения летним лососям не помогли. В 2020 году на нерестилищах оказалось ноль целых три десятых экземпляра на сто квадратных метров. При таких тенденциях, которые имеются сейчас, мы можем получить в недалеком будущем запрет на лов не только летней кеты, но и на лов осенней, — сообщила координатор проектов Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы Ольга Чеблукова. — В последние годы от нашей рыбохозяйственной науки мы видим ошибочный прогноз численности кеты, в связи с этим даются необоснованно завышенные квоты, и каждый год рыбаки, законно выбирающие свою квоту, в низовьях рискуют не пропустить на нерестилища тех лососей, которых необходимо туда пропустить».

Увы, в итоговых документах форума рыбаков «Амур — река жизни» данные Ассоциации КМНС, доклад WWF о пустых нерестилищах не получили никакого отражения. Их как будто и не было.

Запреты на лов горбуши и летней кеты в Амуре действовали до девятнадцатого августа. Все ожидали, что и горбуша, и летняя кета пройдут на нерестилища. Но и общественники, и сотрудники ХабаровскНИРО, проехав по районам нерестилищ, пришли к единому выводу, что до них дошли единичные рыбы. Осенняя путина началась двадцатого августа.

Юрий Рослый, бывший директор Амурского отделения ТИНРО, призывал открывать промысел осенней кеты в Амуре не ранее двадцать пятого августа, чтобы пропустить на нерестилища гонцов — рыб, обладающих наиболее хорошим генотипом и лучшими для воспроизводства качествами. В 2021 году наука забыла и про ничтожное число производителей осенней кеты в 2017 году, и про Юрия Рослого. Промысел открыли двадцатого августа! Поэтому вполне закономерно, что и в 2021 году запас осенней кеты был настолько мал, что ее ход продлился с двадцать четвертого августа всего по третье сентября, хотя обычно он шел весь сентябрь. По идее, все это стадо надо было полностью пропустить на нерестилища, не согласовывая промышленный лов.

Большая доля осенней кеты, которая вошла в устье Амура, была перехвачена промышленными орудиями лова. В итоге местному населению, живущему на берегу великой реки выше поселка Тыр, рыбы практически не досталось. Уровень уловов плавными сетями (экземпляров за один сплав) в середине сентября по руслу Амура в период пика миграции составлял в среднем: у села Тамбовка — семь экземпляров, у Комсомольска-на-Амуре — шесть экземпляров, у села Вознесенского — два экземпляра, у села Малмыж и выше до Хабаровска — один экземпляр. Местное население впервые за всю историю не заготовило рыбы совсем. В сложившейся ситуации во многих селах Амура прошли митинги и массовые сходки. Люди выражали недовольство и требовали запретить промышленный лов. Подписывали письма М. Дегтярёву, В. Путину. Писали петиции.

После всех событий осенней путины 2021 года можно легко подсчитать прогнозировавшееся и реальное количество осенней кеты в Амуре в этом минимальном по ее численности году при средней массе одной рыбины в три с половиной килограмма. Прогноз объема для промыслового изъятия составлял тринадцать тысяч тонн, или 3,7 миллиона экземпляров осенней кеты. На нерестилища надо пропустить четыре с половиной миллиона рыб, или 15,7 тысячи тонн. Итого 28,7 тысячи тонн амурской осенней кеты должно было, по расчетам рыбохозяйственной науки, зайти в Амур.

Но реалии были совсем иными. Вылов составил пять с половиной тысяч тонн, это чуть больше полутора миллионов особей. На нерестилища рыба не пришла, ее всю выловили в устье Амура, в лимане заездками. Итак, общий запас осенней кеты в Амуре составил в 2021 году пять с половиной тысяч тонн вместо 28,7 тысяч тонн. Прогноз «ошибли» в 5,2 раза! Эх, еще бы три раза по пять с половиной тысяч тонн, и было бы достаточно для оптимального заполнения нерестилищ. Конечно же, на промысел — ни хвоста!

Но реальность 2021 года сурова: рыба уже заморожена и нереститься не сможет. А причина проста: ученые в пятый раз подряд «ошиблись» в своем прогнозе в сторону увеличения. И подсчитанная в устье Амура кета, и нарисованная на бумаге рыба тоже, увы, нереститься не сможет. Хабаровский прогноз утверждает Москва. Логично, что ВНИРО наравне с ХабаровскНИРО отвечает за «некомпетентность» прогнозистов!

Будет ли у катастрофы продолжение?

Теперь ясно, что в 2025 году, когда стадо амурской осенней кеты будет на семьдесят пять процентов состоять из поколения молоди от родителей 2021 года, промысла на Амуре не должно быть. Рыбы не хватит даже на заполнение нерестилищ. Так что продолжение катастрофы кеты Амура обязательно продлится до 2025 года. Если промысел осенней кеты будет в 2022–2024 годах, то не стоит надеяться на богатства Амура-батюшки и до 2029 года. А далее... надежда только на будущих прогнозистов.

Теперь самое время сделать работу над ошибками. Ошибка была предопределена еще в период 2009–2016 годов, когда рыбаки получали прогнозы, завышенные в несколько раз, где за основу была заложена численность рыбы в устье, а не на нерестилищах. Как выяснилось, неточность прогноза может повлечь фатальные последствия. Если бы прогноз ХабаровскНИРО был рассчитан классическими методами, то есть основан на числе реально отнерестившихся рыб, учтенных на нерестилищах, а не на основе некоего мечения в устье Амура, то он был бы намного точнее. Счет на тысячи тонн намного поубавился бы.

Следовательно, такую худую методику надо менять. Не стоит также делать прогноз на допущениях, например, что пятьдесят процентов лососей пройдут на нерест. Нельзя рассчитывать, что нерестовый бугор сделали две рыбы: самец и самка. Может, в этом «бугре» и икры-то нет. В основу прогнозирования запасов тихоокеанских лососей на Амуре надо положить число их родителей, учтенных на контрольных участках нерестовых притоков Амура, по признанной во всем мире модели канадского ихтиолога У. Рикера «Родители — Потомки».

ХабаровскНИРО должен ежегодно организовывать учет производителей горбуши, летней кеты и осенней кеты на нерестилищах контрольных рек. Минимальной плотностью родителей лососей на нерестилищах следует признать среднюю плотность по бассейну около сорока экземпляров на сто квадратных метров площади нерестилищ.

Что может предложить наука вместо опустевших нерестилищ? Обычно предлагают строить лососевые рыболовные заводы (ЛРЗ). Конечно же, ЛРЗ, — искренне думают многие, считая, что опустевший без лососей Амур может спасти строительство новых заводов. Но надо сразу и однозначно заявить, что это заблуждение и путь в никуда. Почему так? На Амуре имеется пять рыболовных заводов, первый из них был построен еще в 1929 году. Обратите внимание, ни один из них за почти столетнюю историю существования так и не стал рентабельным. Об их успехах говорят мало. Но об их проблемах известно широко. К сожалению, многие заводы на Амуре (больше в верхнем течении — Биджанский, Тепловский, Гурский) работают в режиме постоянного дефицита производителей — им попросту не хватает

рыбы для закладки икры. Об этом часто говорят работники отрасли, особенно аховая ситуация была в прошлом году. Самой эффективной мерой по сохранению тихоокеанских лососей являются проходные дни, они прямо пропорционально отражаются и на заполнении рыбозаводных заводов. На всем Дальнем Востоке работают в плюс только заводы на Итуруп, где вся выпущенная рыба никем не перехватывается на путях миграций и возвращается назад в достаточном количестве.

Как ЛРЗ Амура работают на воспроизводство? В реальности заводы очень часто забирают дикую рыбу из природы, но при этом как бы не видят, что делается на ближайших к ним нерестилищах, — а там «кривое» соотношение полов (много самцов и мало самок), что приводит к дефициту производителей. Извлекают икру, оплодотворяют ее и отправляют на инкубацию. Вылупившихся мальков подращивают и весной выпускают в реку, в надежде, что через четыре года они вернуться взрослыми рыбами, чтобы все повторить сначала. При этом работа завода стоит государству огромных денег.

А теперь представьте, что рыба прекрасно умеет сама выбирать нерестилища, сама может успешно размножаться и человеку это совершенно ничего не стоит. Главное, дать рыбе пройти на нерест, чтобы отложить икру! Зарубежные ихтиологи (США, Канада) давно изучили этот вопрос и поняли, что поддержка естественных нерестилищ обходится в сто крат дешевле, чем содержание заводов. Мало того, они доказали, что заводские стада, выращенные в бассейнах, физически слабее и менее жизнеспособны, чем лососи, выросшие в естественных условиях. Так стоит ли наращивать хозяйство, которое работает вслепую и часто убыточно, или лучше сохранять дикие нерестилища Амура и пропускать достаточное количество рыбы на нерест? Ответ прост и очевиден.

К тому же ни один завод Амура не знает свой процент возврата лососей. То есть выпускают миллионы мальков, а сколько их приходит обратно — не ведают. В естественных нерестилищах через четыре года обратно возвращается около полупроцента мальков. Примерно та же картина должна быть и на заводах: выпустили двести мальков, а вернулась только одна рыбина. И не всегда лососи вообще возвращаются, потому что иногда мальки могут неудачно попасть в ледяные заторы в низовьях Амура (особенно часто это случается с заводскими мальками). Или попасть в «тепловую» пробку с температурой двадцать семь — двадцать девять градусов Цельсия. Охинские промыслы (Сахалин) каждый год активно перехватывают часть амурского стада. А еще лососи могут быть съедены хищниками, а еще через четыре года их могут совсем не пустить в реку на нерестилища ЗАЕЗДКИ в устье Амура...

Так что же с заездками? Нужны ли они? Заездок — это как автомат Калашникова. Когда он в руках защитника Родины — от него только польза. В Амуре, когда рыбы много, заездки обеспечивают рентабельность рыболовства. И в этом случае заездки незаменимы, они позволяют выловить рыбу дешево. А если запасы рыбы низкие? Тогда заездок — это автомат Калашникова в руках врага. Эта «стена смерти» выловит все до последнего. Поэтому разрешать промышленный лов заездками в Амуре и лимане следует только при превышении объема допустимого вылова в десять тысяч тонн. А если промысловый запас низок, его вполне выловят местные рыбаки плавными сетями по тысячекилометровой участку нижнего Амура. И рыбу оставляют для питания местного населения и не отправят из Хабаровского края на экспорт, как компании, работающие заездками.

Что еще можно добавить о годе 2021-м на Амуре? Рыбохозяйственная наука в беспамятстве и творит что-то ужасное... она не признает своих ошибок. Как получилось, что рыбохозяйственную науку и бассейн великой реки Амур доверяют

монополии мелких администраторов от науки? Нынешний директор хабаровского филиала ВНИРО Денис Коцюк на форуме «Амур — река жизни» уверенно заявил, что «резкое потепление северной части Тихого океана с 2017 года привело к резкому обвалу численности горбуши и кеты на Сахалине, в Амуре и Приморье». Два доклада о пустых нерестилищах лососей в Амуре Коцюк «не заметил». То есть, вместо того чтобы признать неэффективность применяемых научных методик и завышенные прогнозы, признать, что на Амуре и Сахалине уже который год ПУСТУЮТ НЕРЕСТИЛИЩА (о чем несколько лет кричали наблюдатели!), — теперь причиной называет некие «изменения климата». Вспомнилась цитата Петра Капицы: «Ошибки еще не есть лженаука. Лженаука — ЭТО НЕПРИЗНАНИЕ ОШИБОК».

Амур, некогда богатый природными ресурсами, сегодня стоит практически на грани экологической катастрофы — так считают и ученые-экологи, и не поймавшие на зиму кету КМНС, и местные рыбаки. Лососевые, которые всегда были обильны на столах хабаровчан, теперь стали дефицитом. Не хотелось бы верить, что в Амуре кета переведется. Но кто или что свершит чудо, и Амур вновь наполнится горбушей, летней и осенней кетой?

Рыба в Амуре — своя, амурская, так как это популяция реки Амур. Тысячи лет эволюции создали эту популяцию. И рыбы этой популяционной группировки не пойдут в реки Магадана или Камчатки, так как инстинкты, заложенные в их родителях и переданные по наследству молодежи, не позволят это сделать. Точно так же в генах кеты реки Юкон эволюционно заложены маршруты, их предельная протяженность, время полового созревания, температуры и другое, и кета эта нацелится на устье реки Юкон, а не на устье реки Амур. Этот инстинкт называется *хоминг* — способность животных после миграций возвращаться «домой» — к знакомым, комфортным и оптимальным для популяции условиям воспроизводства. Особенно важную роль хоминг играет в жизни видов, проделывающих длительные миграции и возвращающихся в определенные районы для размножения.

...Теплится призрачная надежда, что чувство дома приведет рыб из океана в Амур и со временем здесь восстановятся запасы лососей. Но только со временем. С долгим временем... без некомпетентных управленцев и без жадных бездушных администраторов от науки.

Татьяна ТРОЦЕНКО

АЯН-ПУТЬ

О литературном фестивале «Писатели родного края»

Эссе

С якутского языка название села Аян переводится как «путь». Разные люди прошли по этому пути. Всех Аян принял, пропустил, проводил и живет себе дальше.

Давным-давно высадился с фрегата «Паллада» на аянский берег писатель Иван Гончаров. Высадился и через перевал посуху отправился в столицу. Описал этот момент в своей книге, так и названной «Фрегат “Паллада”». В далеком двадцать третьем году прошлого века этот путь привел сюда белого генерала Анатолия Пепеляева, столкнул с красным командиром Степаном Вострецовым. Чуть позже расскажу эту историю.

А уже в следующем веке, в 2021 году, из двухмоторного «Барона Корфа» спустились с небес на землю мы, три путешественника: Татьяна Юрьевна Якуба, генеральный директор краевой «нескучной» научной, Константин Григорьевич Кураленя, председатель Хабаровского отделения Союза писателей России, и я с ними. Нас в Аян привел фестиваль «Писатели родного края».

Аэропорт далеко от села совсем. Джип, пыльная дорога (эта пыль по щиколотку будет сопровождать нас все три дня), деревянный мост над прозрачной и оттого кажущейся мелкой рекой. В реке черный косяк лососей вьется над камнями, передыхает, готовится к рывку вверх по течению. У лососей в Аяне тоже свой путь. А вы знали, что в тамошних речках не водится рыба, только во время нереста заходит? Теперь знаете.

Остановились на пригорке над Аянской бухтой. Вышли из машины. И первое впечатление: удар. Хлесткая пощечина. Пугающая красота. Все слилось в одно: воздух — полные легкие, цвет — полные глаза, простор — вселенная. Потом начинаешь различать детали: каменные осыпи, глубинную синь моря, длинное тире причала, разбросанные дефисы корабликов и точки лодок. Крики чаек. Дыхание моря. Пытаешься поймать йодистый запах моря, но его нет. Это Японское богато на запахи. Охотское строже. И синее.

Село почти безлюдно. Путина. Рыба идет. Плюс подошла в это же время к причалу под разгрузку крытая баржа северного завоза. Скоро зима. Стройматериалы, топливо, продукты — все нужно завезти в Аян. Без этого тут жизни нет.

Люди работают. И мы работаем. Привезли в Аян свои души, тепло, свои книги. Оставим здесь часть. Свой вклад в северный завоз.

Готовимся к встрече с читателями, настраиваем себя, входим в резонанс с Аяном: гуляем, дышим, смотрим. Я норовлю еще всякую травинку вдоль дороги отщипнуть, покатать в пальцах, вобрать запах. Розовый иван-чай, желтая пижма, яркий шиповник.

Попадаются навстречу женщины: здравствуйте, куда вы идете? Вот по той дороге проще добраться. Попадаются навстречу мужчины, исключительно на машинах, в основном на грузовичках. И вот тут уж надо быстро в сторону от дороги, сухая пыльная взвесь окутает тебя с головой, хоть и стараются водители притормаживать.

Встречают собаки, все как на подбор крупные, типа лаек, лениво машут султанчиками хвостов, не торопясь переступают лапами. Одна только брешущая собака попалась нам за все время. Сидела она на цепи, под строгой надписью «Злая собака». Ну как тут не гавкать.

Прошли село насквозь, мимо памятника Степану Вострецову, про которого рассказ еще впереди, мимо цветущей в последний день августа картошки, север все-таки, мимо пустого двухэтажного дома. Желтые кеды по серой пыли. Идем на первый перешеек.

На взгорье возле берега деревянные кресты. Там похоронены белогвардейцы, просветила нас Татьяна Юрьевна, а когда пробивали через бугор дорогу к берегу, могилы повредили. И действительно, идешь по дороге, а над тобой высоко из земляного откоса торчат доски гробов. Жутковатое место. И ветер рвет капюшон с головы.

А сразу за этим бугром отвесные обрывы этажей в десять высотой, камень выветрен до зубчатого состояния, скалы кажутся рукотворными, сложенными кем-то очень терпеливым и точно не человеком.

Внизу серые пляжи из перетертого временем камня. Канат, закрепленный наверху, приглашает спуститься. И крики чаек, предупреждающие об опасности, и самый край, и тянет. До замирания, до одури. Вот краешек, шагни. Не за этим ли тебя привел сюда путь? И море бьется под тобой. И могилы белогвардейцев за спиной.

Давай по-честному, Аян, нет, я буду жить. Несмотря ни на что. Вот и ветер стих. И можно просто стоять и, отключив все чувства, смотреть. Фотографировать на сетчатку кадр за кадром. Впитывать. И совсем не верить чайкам. Все прошло, Аян.

За три моря ездим мы за впечатлениями и красками. Столько вобрать в себя простора, сколько есть в Аяне, хватит на всю жизнь. Неба, открытого моря, ветра, чтоб бил прямо в сердце. Четыре часа полета от Хабаровска — и другой мир. Место, достойное National Geographic. Красота мира в каждом кадре. Диковатое, странное место, где нет времени, есть только пространство.

Обратной дорогой — мимо мужиков с велосипедами. Здравствуйтесь. Мимо злой собаки. Гав. Гав. Мимо бочек для воды. Вода в Аяне привозная. В нашей гостинице из привозной воды даже душ организован. Вода сильно кальцинирована. В чайнике после фильтра — на полпальца белой взвеси. Пьем чай, едим рыбу. Фосфор и кальций. Будем умными и крепкими.

Солнце садится. Быстро валится за сопки. Село будто спрятано в ладони. В какую сторону ни посмотри, куда ни пойдешь — со всех сторон горы как стены. Ты все время в домике. Чувство защищенности. И к морю выйти, как за дверь, в большой мир.

Утром идем на встречу с читателями в районную администрацию. Привычно уворачиваемся от редких пыльных машин. Ловлю еще одно ощущение от Аяна. Здесь никому не тесно. Людям, домам, собакам, птицам, деревьям, рыбам. Здесь не тесно даже трем магазинам «Аякс». Не знаю, почему они все Аяксы.

Светит солнце в тридцать два зуба, и я чувствую, что влюбляюсь в Аян, в его дома, наш зал, читателей или пока еще слушателей. И говорю с ними, конечно, о любви. А Константин — об истории. Потом мы говорим о любви к истории, любовных историях и прочих историко-любовных сочетаниях. Вбираю в себя поддержку аудитории. Живые колебания моего волнения, как море волнуется — раз, подхватывают слушателей. Книжки сметаются. Разговоры продолжаются и после выступления.

Вообще надо действительно баржами завозить в отдаленные районы не только стройматериалы, но и писателей тоже. В качестве витаминов новых эмоций и создания центра притяжения на селе. И писателям полезно.

Смогла бы я остаться жить в Аяне? Думаю, на год хотя бы, да. Прижаться к земле, как еловый стланик, к морю, как чайки, как все живое тут. Как к матери. И пожить. Выдохнуть усталость и мелкую суетность. Вдохнуть блаженное безвременье. Смотреть в море, как в себя. Аян — путь к себе истинному.

И облегченно, и первоклассно влюбиться. Чай пить вечерами с кальцием вприкуску. Слушать истории про Аян. Вот и настало время истории про Вострецова и Пепеляева.

Заканчивалась Гражданская война. Штаб белых во Владивостоке отправил генерала Пепеляева на север. Пробрить путь в Аян, Охотск, Якутск. Уже в Аяне Пепеляев узнает, что белые во Владивостоке разгромлены. Во всей стране остается из белых он один и пятьсот человек отряд.

Красные под командованием Степана Вострецова окружают Пепеляева. И тут Вострецов, вместо того чтобы героически порубать беляков и заслужить себе орден и почет, во избежание лишнего кровопролития предлагает генералу сдаться.

Пепеляева любили солдаты, и любили не зря. Был он честен, справедлив, к солдатам относился по-братски. Пепеляев согласился на предложение Вострецова, поставив условие, чтобы людей отпустили. Душа моя замерла на этом моменте истории, подумалось, что вот теперь-то красные и разделаются с белыми. Но нет, солдат чинно-мирно отпустили, оставив только Пепеляева, чтобы судить его во Владивостоке рабоче-крестьянским народным судом.

И все десять дней, что шел пароход до Владивостока, бывшие враги разговаривали. У них нашлись общие темы: семья, религия, отечество. После и Пепеляев, и Вострецов отзывались друг о друге как об очень порядочных людях. Вострецов даже писал письмо с просьбой помиловать белого генерала.

Так закончилась Гражданская война в России, и так Аян-путь свел двух, в общем-то, хороших людей. Замечательная история. И она очень про Аян, место, где никому не тесно — ни белым, ни красным. Об одном только жалею, что нет в Аяне рядом с памятником Вострецову памятника Пепеляеву. Очень он был бы там к месту.

В Аяне мы сходили еще на второй перешеек. Место совершенное и запредельно космическое. Вид со скалы на драконью каменную пасть, спускающуюся с тридцатиметровой высоты к серо-гранитному морю. И зеленая мурава под ногами. И обзор моря на сто восемьдесят градусов. И небо.

К этому пейзажу просто нечего больше добавить. Он взрывается внутри тебя и выжигает дыру в душе, потому что душа не в силах вместить в себя столько красоты разом. Ты попал в эпицентр и навеки остаешься ранен прекрасным. Да, прекрасное, оказывается, тоже может ранить.

Но как раз здесь тебя больше не тянет к краю и никакие бесы под ручку к бездне не подталкивают. Потому что ты переродился в Аяне. Тебе не зря был дан этот путь. Эти истории и красоты, и пыль, и три магазина «Аякс», все не зря. Теперь ты можешь жить.

И, как в обратной киноленте, я вижу, как мы выходим из гостиницы, загружаем багаж в джип, он едет назад, фильм отматывается к началу: деревянные мостки, речка, рыба, взгорье, дорога туда-сюда, аэропорт с пробегающим мимо ручьем.

Далеко не отходите, тут медведи поблизости шастают. Три собаки, сожравшие наши сосиски и в благодарный взглядившие теплыми боками на наших кроссовках. «Барон Корф». Прощальный взгляд через иллюминатор.

Аян, ты был нужен нам. Мы прошли по твоему пути. Надеюсь, что и мы не зря добавили свои следы на твоих дорогах. Счастливого пути!

культура и искусство

Роман РОМАНОВ

Белый театр: история выживания искусства в провинции

Настоящий театр похож на воду, которой можно любоваться бесконечно. И кто сказал, что спектакли создаются не для любования? Настоящий театр похож на огонь, языки которого, как кинжалы, разрезают тьму, выявляя суть предметов, явлений и даже саму человеческую истинность. Настоящий театр похож на воздух правды, такой чистый, такой живительный, которого так не хватает, когда мы, как рыбы, бьемся на берегу, открывая жадно рты.

Юрий Вязанкин. Гете и пять способов убийства под Rammstein

Глава 1. Ты помнишь, как все начиналось...

А начиналось все в восьмидесятых годах прошлого века в хабаровском Доме актера. Он находился в самом центре города, на улице Комсомольской, 80, в двухэтажном кирпичном особняке — бывшем доходном доме М. И. Беляева. Много лет в этом здании располагались: журнал «Дальний Восток», Союз писателей, Союз театральных деятелей и непосредственно Дом актера.

Городская интеллигенция обожала сюда приходить: здесь был небольшой зрительный зал со сценой, хорошая библиотека с редкими книгами, кинобудка, буфет, где продавали кофе и напитки покрепче, — директор Дома актера Ирина Александровна Семченко делала все, чтобы люди чувствовали себя как дома.

В то время жизнь здесь кипела всюду: то и дело устраивали творческие вечера, проводили встречи с именитыми гостями города, чествовали местных знаменитостей. Регулярно просматривали новые неформатные фильмы, среди которых попадались и кинокартины, не допущенные к широкому прокату; если фильм был на иностранном языке, его тут же синхронно озвучивал приглашенный переводчик*.

Молодые актеры из хабаровского ТЮЗа и театра драмы проводили здесь все свободное время. Недовольные творческой атмосферой в государственных театрах, артисты собирались в Доме актера, где у них было куда больше свободы для самовыражения и воплощения своих идей. Приходили сюда в перерывах между официальными репетициями в театрах (с четырнадцати до восемнадцати часов), придумывали капустники и создавали независимые театральные работы.

* Чернявский, А. Дом, где умерла Мельпомена / Александр Чернявский // Тихоокеанская звезда. — 2001. — 5 января.

В 1987 году в Хабаровске работал приглашенный из Москвы режиссер Феликс Берман. Он предложил группе из Дома актера поставить *спектакль-охальщину* «Сказ о царе Максe-Емельяне» по поэме Семена Кирсанова.

У героя произведения — царя — не было потомства: он не мог иметь детей, так как все его жены оказывались бесплодными. Отталкиваясь от содержания поэмы, Берман положил в основу спектакля идею «бесплодности государства». Текст Кирсанова как нельзя более соответствовал тогдашней ситуации в стране, и молодые актеры, жаждавшие свободного творчества, приняли его с восторгом.

Совместная работа с Берманом осталась незаконченной, так как москвич был вынужден уехать. До ума же постановку довел молодой хабаровский режиссер *Аркадий Раскин* — он ставил спектакли в ТЮЗе и заочно обучался во ВГИКе на курсе Марка Захарова. В то время Раскин проводил в Доме актера театральные лаборатории, поэтому вполне логично, что именно он завершил постановку спектакля.

Работа над «Сказом о царе Максe-Емельяне» оставила в памяти актеров ощущение необыкновенной свежести и огромного объединяющего счастья. Он был целиком построен на молодом озорстве и безудержной радости нового поколения, сметающего отжившие традиции. Своей веселой тональностью и оптимистичным настроением постановка напоминала студенческие спектакли с их искренностью и юным задором. По словам театроведа Александра Иняхина, актеры играли «азартно, очертя голову, пускаясь в самые лихие виражи гротеска, ликующе рискуя сломать на них шею»*. Участники «Сказа» говорят, что подобной жизнеутверждающей постановки у Раскина больше никогда не было.

Работа над «Сказом» шла как по маслу, спектакль рождался без особых проблем. А. Иняхин пишет: «Молодой режиссер Аркадий Раскин, соблазнивший актеров разыграть ярмарочно-балаганное зрелище, проявил в разборе и постановке «Сказа» и эрудицию, и остроумие, и темперамент»**. Благодаря верному вписыванию поэмы Кирсанова в исторический контекст Раскин сумел гениально «вскрыть» ее содержание. В современной трактовке образы царя (*Лев Андрющенко*), царицы Настасьи (*Екатерина Кузминская*) и других цариц (*Ольга Кузьмина* и *Людмила Селезнева*), мужика Фаддея (*Андрей Трумба*), жандарма (*Роман Шимановский*) получились острохарактерные, ироничные и легко узнаваемые для тогдашнего зрителя.

Раскин сделал поистине новаторский для того времени ход — поставил спектакль без «четвертой стены», характерной для традиционного театра: во время действия женские персонажи выбегали в зал и садились на колени зрителей — зал от этого приходил в неописуемый восторг. Модерновые «фишки» вкупе с молодым энтузиазмом актеров, познавших такие вкус игры, свободной от условностей провинциального театра, обеспечили постановке громадный успех как у зрителя, так и у критиков: ни те, ни другие не скупились на похвалу.

В то удивительное время актеры имели возможность показывать результаты своего независимого творчества на фестивалях и конкурсах самостоятельных театральных работ, которые ежегодно проводились по всему Союзу. Они ездили с постановками в Москву, Ленинград и другие города СССР — гастролировали и попутно проходили обучение в театрах и студиях страны.

Имея на руках достаточно обкатанный спектакль, Раскин подал заявку на участие во Всероссийском театральном фестивале «Молодость-87» в Омске. Актеры по линии СТД поехали со «Сказом» на фестиваль и неожиданно для самих себя стали лауреатами — что ж, их победа была вполне заслуженной.

Окрыленный успехом, Аркадий Раскин поставил спектакль по двум пьесам Людмилы Петрушевской — он назывался «Чинзано в день рождения Смирновой». В постановке принимали участие актеры из театра драмы — Сергей Миллер, Роман

* Иняхан, А. *Ночная жизнь* / Александр Иняхин // *Театр*. — 1987. — № 10. — С. 141–152.

** Там же.

Шимановский, Олег Дымнов, а также Тюзовцы: Ирина Законова, Марина Зайцева, Юлия Можейко.

Вот что писала о постановке московский театровед Алена Карась: «Это была замечательно смелая попытка прочесть ее [Петрушевской] драматургию в двойном ракурсе: как психологически детерминированный текст и одновременно как текст со скрытой игровой структурой, где нет характера, персонажа, но есть отблеск его некогда бывших очертаний, нет сюжета, есть только ветхая память о нем. Предметом спектакля стал мир в отсутствии Смысла, мир, энергетически незаряженный, существующий в «отрицательной фазе». При этом режиссер не посвящал и не посвящает своих усилий этической задаче, вокруг которой многие десятилетия крутится советский театр с его навязчивым морализмом. Его театр холоден и неуютен для зрителя, жаждущего проливать слезы над психологическими перипетиями чьих-то душевных драм. В него нужно войти как в структуралистский разбор, волнуясь лишь за судьбу рождаемых смыслов»*.

Между тем в стране повсюду шла Перестройка, затронувшая абсолютно все сферы жизни советского общества. Коснулась она и театров: актеров впервые перевели на контрактную основу, что позволило театральному руководству начать потихоньку избавляться от неугодных. Предлог для непродления контракта мог быть какой угодно: недостаточно высокий профессиональный уровень, недостаточное усердие в работе и т. п., — причиной же вполне могла стать личная неприязнь к артисту.

В ТюЗе первой жертвой контрактной формы работы стал актер Игорь Потейчук: однажды директор просто объявил ему об увольнении. В ответ на этот произвол в Доме актера образовалась бунтующая группа — в ее состав вошли артисты, которые играли в двух спектаклях, поставленных Раскиным. Группа вступилась за коллегу, пострадавшего от театральной реформы, что привело к конфликту между актерами-бунтарями и государственным театром, — позже их противостояние вылилось в прямой протест против системы контрактов.

В результате конфликта в 1988 году сам Раскин и ряд актеров отделились от ТюЗа: для тех, кто пошел за «охлаженным» режиссером, началась жизнь на вольных хлебах на базе Дома актера.

В то время труппа состояла из шестнадцати человек: режиссер Аркадий Раскин, заведующая Анна Михайлова и актеры: Светлана Осина, Дмитрий Олейник, Екатерина Кузминская, Роман Шимановский, Юлия Можейко, Ирина Законова, Олег Дымнов, Нелли Березовская, Лев и Римма Андриющенко, Людмила Селезнева, Игорь Потейчук, Сергей Миллер, Андрей Трумба и Ольга Кузьмина.

Для того чтобы задействовать в работе всю труппу, Раскин предложил создать спектакль по пьесам трех разных драматургов и назвать его «Дамский оркестр и две детективные истории».

Выбранные драматические произведения различаются не только тематикой и содержанием, но и художественной ценностью: если пьеса Жана Ануя «*Оркестр*» — добротная трагикомедия, то комедии Ги Абекассиса «*Приезжий из Рангуна*» и Пьера Барийе и Жан-Пьера Греди «*Счастливого Рождества*» достаточно посредственные. На этом не самом выигрышном материале Раскин впервые решил применить идею *игрового театра*, которую перенял от московского режиссера Анатолия Васильева в его Школе драматического искусства. В интервью для газеты «Молодая гвардия» Раскин говорит: «Сегодня нужна новая театральная система, и мы пытаемся создать ее. Идут поиски форм театра XXI века, в основе которых, по нашему мнению, лежит формула «жизнь игры»**».

* Карась, А. *Пройти по воде* / Алена Карась // *Экран и сцена* (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

** Викторов, А. *Жизнь игры* / А. Викторов // *Молодая гвардия*. — Южно-Сахалинск, 1989. — 24 февраля.

В первой части спектакля («Приезжий из Рангуна») Раскин реализовал игровой прием «присутствие на сцене актера и персонажа». Несмотря на то что в основе пьесы лежит детективная история, главная загадка постановки не в том, кто здесь убийца, а в том, кем в данный момент является человек на сцене — актером или персонажем. Например, Анна Михайлова, выполнявшая в труппе функцию завлита, появляется на сцене и как завлит (*актер*), и как секретарша (*персонаж*), причем зрители зачастую не могут понять, в какой именно роли она сейчас перед ними. На этом приеме держится вся интрига первой части.

Размышляя об этой части спектакля, А. Карась пишет: «Как подлинно свободный человек, Раскин позволяет себе трагическую роскошь жить в мире сомнений и вопросов, но никогда — готовых ответов. Актеры А. Трумба и Р. Шимановский опрокидывают эту трагическую ситуацию в комедийную, бесконечно выясняя границы возможного лицедейства, реальности и игры, границы персонажа и актера и, наконец, доводя зрителя до комического отчаяния по поводу потери всяческих границ»*.

Во второй части («Счастливого Рождества») спектакль становится более традиционным, хотя и сохраняет черты игрового театра. Здесь акцент больше делается на *персонажах* и, по мнению критиков, держится на личностном обаянии актеров. В статье, посвященной постановке Раскина, А. Измайлов отмечает, например, что Олег Дымнов «играет роль *Марселя* грубо, как бы кусками. Это условный, как на карикатуре, персонаж». Про Дмитрия Олейника, исполняющего роль рассыльного *Жана Лу*, автор статьи говорит, что это характерный актер и для своего персонажа он нашел интересные и очень индивидуальные детали: походку, грацию, пластику**.

Третья часть («Оркестр») — характерная трагикомедия. Здесь почти все персонажи женские, и их образы удивительным образом зависят от инструментов, на которых они играют: *Патриция* (в исполнении Ольги Кузьминой) — первая скрипка, *Памела* (Юлия Можейко) — вторая скрипка, *Мадам Ортанс* (Ирина Законова) — контрабас, *Сюзанна Делисиас* (Людмила Селезнева) — виолончель, *Эрмелина* (Екатерина Кузминская) — альт, *Леона* (Светлана Осина) — флейта.

А. Измайлов утверждает, что персонажи в «Оркестре» — «не совсем люди. Это дрессированные люди. Как и цирковые звери, они забыли о прекрасной подлинности воли, о полноте настоящей жизни, к которой они были рождены и вместо которой их принудили к копеечному номеру в цирковой программе. Эти женщины живут на самом низком уровне достоинства. Бессмысленно долго они ссорятся друг с другом, унижаются и тупеют, пока тупая скука не займет все пространство их жизни, и выход останется только в смерти»***.

В этой части Раскин исследует проблему неудавшихся судеб и высвечивает трагедию маленького человека, не сумевшего найти себя в жизни. По задумке режиссера, «актрисы должны были играть с отчаяньем надорванного, превышенного стыда, словно вышли на сцену голыми»****. Журналист А. Викторов считает, что в «Оркестре» через игровой конфликт женских персонажей Раскин пытается также ответить на вопрос, почему «музыка, самая блистательная представительница в иерархии искусств, приходит к нам светлой и волнующей, утаивая от нас же, в какой грязи она иногда рождается»*****.

Создание «Дамского оркестра» обошлось труппе недешево. Хабаровский композитор Александр Новиков специально для него сочинил музыку, а записал ее симфонический оркестр — в лучшей на тот момент студии города. Кроме того, для каждого

* Карась, А. *Пройти по воде* / Алена Карась // Экран и сцена (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

** Измайлов, А. *Тайны свободного поиска* / А. Измайлов. — 1989.

*** Там же.

**** Там же.

***** Викторов, А. *Жизнь игры* / А. Викторов // Молодая гвардия. — Южно-Сахалинск, 1989. — 24 февраля.

персонажа приобрели в филармонии фрак и манишки, а также купили все необходимые музыкальные инструменты — списанные, но в хорошем рабочем состоянии.

В Хабаровске спектакль играли на сцене филармонии — зритель принимал постановку довольно хорошо. Чтобы как-то обозначить в афишах безымянную труппу актеров, ее называли *Хабаровским молодежным экспериментальным театром*. Под этой же «вывеской» поехали на гастроли в Южно-Сахалинск.

«Дамский оркестр» на Сахалине проходил на ура, и у самих актеров было чувство, что спектакль «летит сам по себе». Критики отмечали, что «спектакль очень живой, быстрый, легкий, поставленный в неизученной еще, но беспронигрышной эстетике КВН, в эстетике студенческого капустника. [...] От спектакля веет экспериментаторством 20-х годов, и за эту свежесть даже строгий консервативный зритель простит новому театру творческие сумасбродства»*.

Эти «сумасбродства» зритель усматривал прежде всего в манере игры — актерам не раз говорили после выступления: «Как-то странно вы играете — нетрадиционно». И Раскин снова и снова терпеливо объяснял, что их театр — не психологический, что «эстетика его берет начало в молодежной ироничности, в веселом озорстве. Игра для актеров имеет не только театральный, но и буквальный смысл. Они иронично относятся к своей высокой трибуне общественных проповедников и играют в театр, как в игру»**.

В 1988 году помещение Дома актера закрыли на бессрочный капитальный ремонт, и отделившиеся актеры остались без крыши над головой. Несмотря на это, они (благодаря хлопотам Раскина) официально зарегистрировались как *Творческая мастерская*. Между прочим, это был первый за Уралом коллектив, которому Союз театральных деятелей РСФСР присвоил такое название — было чем гордиться. А с практической точки зрения такой статус позволял труппе получать небольшую финансовую поддержку из федерального бюджета.

Для того чтобы начать зарабатывать самостоятельно, стали репетировать две выездные сказки — «Анчутка» и «Дядя Федор»: планировали показывать их в школах и пионерских лагерях. Репетиции проводили в главном корпусе мединститута: актриса Ирина Законова в то время была режиссером народного студенческого театра и тайком обеспечивала труппе рабочее помещение.

Театр музыкальной комедии любезно предоставил бездомным коллегам небольшую комнату для реквизита и прочего театрального скарба, но все равно существовать без собственного дома было невозможно. И вот тогда летом 1989 года все участники Творческой мастерской вышли на площадь Ленина, чтобы на открытом воздухе, прямо перед Белым домом***, сыграть «Сказ о царе Максe-Емельяне» и потребовать у администрации помещение под театр.

Две ночи актеры просидели перед правительственным зданием, а днем помогали озеленителям пропалывать цветы на клумбах главной площади города. Все это время артистов охраняла доблестная советская милиция. В ту эпоху подобные акции протеста еще не проводились, и власти попросту не знали, как себя вести в таких ситуациях.

Наконец Аркадия Раскина вызвали в здание администрации, и «охладный» режиссер долго обрисовывал ситуацию самому В. С. Пастернаку, который тогда был первым секретарем крайкома КПСС. Когда же Раскин вновь появился перед актерами, он сказал, что произошло настоящее чудо: бездомной труппе подарили небольшое здание по улице Шеронова, 67, где размещался закрытый для широкой публики выставочный зал ЦУМа — там демонстрировали выпускавшиеся в крае товары народного потребления.

* Измайлов, А. *Тайны свободного поиска* / А. Измайлов. — 1989.

** Там же.

*** Так неофициально называют жители города здание правительства Хабаровского края.

Позже Раскин напишет, что Пастернак — «редкий интеллигент, человек неординарный и, увы, недооцененный»: режиссер высказал мнение, что на отставке бывшего первого секретаря «отразился и этот благороднейший шаг: в борьбе за помещение между бездомным театром и всемогущей торговлей Виктор Степанович безоговорочно принял сторону Искусства»*.

Итак, у труппы теперь было свое помещение, но для начала его нужно было привести в божеский вид: работники универмага, покидавшие здание в сильнейшей злобе на новых хозяев, перед уходом сняли все внутренние двери, вынесли сантехнику, уничтожили электропроводку и не оставили в стенах ни единой розетки. Театр начинался в буквальном смысле с нуля.

Центром жизни стал дальний закуток, где впоследствии сделают гримерку — там руководитель труппы обосновал себе кабинет. Из Дома актера привезли библиотеку, рояль и кое-какую мебель — диван, стулья, кресла.

Поскольку в помещении оставалась единственная дверь — входная, нужно было как-то прикрыть вход в фойе, в зрительный зал, в кабинет, в мастерскую театрального художника *Петра Сапегина*. Это сделали, просто завесив дверные проемы тяжелым черным полотном. Позже, когда посреди фойе поставили большой овальный стол, на него тоже положили черную ткань — потом на этом столе появится и массивный канделябр с подсвечниками.

В зрительном зале сразу же пришлось настелить деревянный пол, потому что играть на цементном полу полуподвального помещения было невозможно. Нанимать строителей было не на что, и актеры отважно взялись за дело сами.

К сожалению, специалистов по укладке пола среди них не оказалось, и в результате между досками остались щели. Махнув на них рукой, стали зачищать доски наждачной бумагой, а потом долго обрабатывали пол циклевочной машиной: шлифовали, перед тем как покрыть его лаком.

Лак нашли максимально дешевый и, радуясь экономному приобретению, добросовестно нанесли его на поверхность. Радовались рано: запах лака оказался настолько убийственный, что у всей труппы тут же началась ужасная аллергия. Пока эта пахучая дрянь не высохла, находиться в помещении было совершенно невозможно — пришлось пару дней слоняться без дела.

Стены в зрительном зале выкрасили в белый цвет. Эту идею Раскин позаимствовал у своего учителя — Анатолия Васильева: в театре Васильева пространство с белыми стенами было как чистый лист бумаги, где актер мог свободно рисовать некую картину, играя и импровизируя. То была альтернатива традиционному театру, с его черной коробкой сценического пространства и «застроенной» режиссурой, где совсем не оставалось места для импровизации.

Если зрительный зал с белыми стенами означал лист бумаги, то, по задумке Петра Сапегина, фойе должно было символизировать улицу. Бетонный серый пол с мраморной крошкой в здании театра вполне напоминал тротуар, оставалось сделать серые стены, имитируя атмосферу туманного дня.

Когда ремонт был окончен, в газету тут же дали объявление: «Покупаем в театр старую мебель, вещи и костюмы». Посыпались десятки звонков с предложениями, и обновленное пространство постепенно начало заполняться удивительными предметами — некоторые из них пробудут в этом помещении до последнего дня существования театра.

«В девятые, когда все повально переходило на мебель из новых материалов, очень многое продавалось и выбрасывалось. Были актуальны талоны на спиртное, вот их-то мы и меняли на разные предметы интерьера», — вспоминает художественный руководитель Белого театра Андрей Трумба.

* Раскин, А. *Искусство в Хабаровске? Невозможно!* / Аркадий Раскин // Тихоокеанская звезда. — 1991.

Какие-то бичи, жившие на задворках частного сектора в центре города, за десять талонов на водку отдали в театр старинный деревянный буфет — огромный и роскошный, причем отлично сохранившийся.

У этой не самой благополучной семьи были еще абсолютно потрясающие кресла. «Казалось, это были царские кресла — большие, красивые, с подлокотниками в виде львов, — рассказывает Андрей. — Мы предлагали им талоны на горячительное и даже деньги, но семья заявила, что сами будут восседать на *тронах*»*.

Актеры таскали на себе всю мебель — неподъемный деревянный стол с выдвижными ящиками и зеленым сукном на столешнице, бутафорское пианино с резной поверхностью из светлого дерева, старый платяной шкаф, черную лакированную ширму с инкрустацией из светлого дерева, привезенную из Китая во время советско-японской войны и уже тогда бывшую «пожилым» предметом.

Фойе тогда сразу украсили невероятно красивые настенные часы с французским механизмом. Они отмечали каждый час мелодичным боем и исправно работали аж до 2016 года. Но, потом, к сожалению, остановились, и в городе не нашлось мастера, который бы смог починить эти старинные «куранты».

С самого начала было решено, что в пространстве крошечного театра все должно быть настоящее, с запахом, с историей, поэтому со временем здесь появились старые фотографии, картины, игрушки, шапки, бокалы, статуэтки с блошиного рынка, музыкальные инструменты. Часть костюмов, мебель, посуду, мелкие предметы интерьера актеры сами приносили из дома, а что-то им отдавали в ответ на объявления в газетах.

Уникальные вещи, «поселившиеся» в театре, начинали «участвовать» и в постановках. Годами из спектакля в спектакль переходили макинтоши, платья, туфли, дореволюционные телефоны, старинные настольные лампы, пишущие машинки и многое другое. «Это лучший реквизит, потому что такие вещи несут в себе энергетику, они живые», — уверена Ольга Кузьмина.

В шифоньере почти сразу завелся театральный домовенок — его называли Кузей. Каждую ночь ровно в четыре часа он принимался стучать в дверцы и копошился среди сценических костюмов — возможно, требовал общения с теми, кто оставался ночевать на рабочем месте. А утром, приходя в театр, все обязательно приветствовали *хозяина*. Андрей Трумба уверен, что Кузьма, как ангел-хранитель, берег театр и всех его обитателей.

Так в провинциальном Хабаровске начиналась жизнь *Белого театра* с его белой сценической площадкой и столичной эстетикой постановок. В спектаклях театра должна была стираться грань между игрой и жизнью, между персонажем и актером, между сценой и зрительным залом, между реальностью и вымыслом.

Молодой труппе, полной новаторских амбиций, предстояло доказать, что настоящее Искусство можно делать и в провинции. Но прежде всего театру нужно было просто-напросто выжить...

Глава 2. Борьба с «бациллой провинциализма»

Создавая в Хабаровске театр с «пустым белым пространством, способным аккумулялировать интеллектуальную энергию», Аркадий Раскин преследовал самые благородные цели: познакомить здешних театралов с уникальной, сложной драматургией, научить зрителя, стремящегося к истинному Искусству, «бороться с бациллой провинциализма внутри себя»**, а также возродить высокий смысл театральной игры.

* Балкивская, К. *Маршрут выходного дня: «Белый театр» с особенным лицом* / Кристина Балкивская // ИА Амурмедиа. — 2017. — 30 марта.

** Раскин, А. *Искусство в Хабаровске? Невозможно!* / Аркадий Раскин // Тихоокеанская звезда. — 1991.

Что же Раскин и компания получили на деле? Выступив против административного застоя и «творческой анемии», погубившей многие региональные театры, актеры-бунтари во главе с «охальным» режиссером нажили себе немало врагов. В родном Хабаровске артисты стали персонами нон грата: бывшие коллеги по государственным театрам от них отвернулись, ибо они нарушили негласный закон провинциалов — не высовываться из общего усредненного круга.

Раскин так говорит об этом: «Для «отцов и матерей» города и края мы из государственных «детей», с которыми нянчатся, когда они шалят, вдруг превратились в пасынков, в лишнюю обузу, которая, если долго ее не замечать, сама исчезнет. Одни плюют нам вслед, другие ждут, пока мы исчезнем»*.

Несмотря на очень прохладное отношение города к новоявленному театру, отсутствие финансирования и стабильной зарплаты, у труппы было неоспоримое преимущество: она располагала великолепным зданием в центре города, где можно было сколько угодно экспериментировать и создавать сценические шедевры. «Теперь мы получили возможность свободно использовать собственный взгляд на театральное искусство, — с гордостью комментировал ситуацию Раскин, — и судья нам — лишь совесть художника, а подгоняет нас только личная неудовлетворенность созданным»**.

Пользуясь немногими привилегиями «свободных художников», театр назло недоброжелателям продолжал существовать, заниматься исследованием современного искусства, экспериментировать и ставить спектакли, в каждом из которых, по словам Раскина, были элементы художественных открытий.

В своих поисках Аркадий Раскин как художественный руководитель пытался сделать из артиста не просто исполнителя чужой воли и рисунка, заданного режиссером, а воспитать сорежиссера, сотворца, соавтора спектакля. Именно поэтому на репетициях много времени отводилось на самостоятельную работу актеров над пьесой: они сами «разминали» материал, ставили этюды, а уже потом на общих репетициях вместе с режиссером искали правильный путь к созданию текстуры спектакля.

Такой самостоятельной работой в Белом театре стал спектакль по пьесе японского драматурга-абсурдиста Минору Бэцуяку «Сто иен за услугу», над ним в 1989–1990 годах работали Ольга Кузьмина и Андрей Трумба. Премьера постановки, жанр которой авторы обозначили как *лирический анекдот*, состоялась в ТЮЗе пятнадцатого марта 1990 года в цикле показов «Современная зарубежная драматургия на экспериментальной сцене».

Вот краткое содержание пьесы. На городском пустыре, где висит неизвестно кем завязанная петля, случайно встречаются Он и Она — мужчина и женщина без имен и биографий. Она устала от одиночества и собирается свести счеты с жизнью. Он, наоборот, полон жизненных проектов: за скромную плату в сто иен намерен показывать всем желающим, где здесь находится туалет. Они знакомятся, общаются, немного ссорятся, немного шутят. Осуществить же задуманное ни одному из них не удастся: бизнес-идеи мужчины срываются по причине полного отсутствия потенциальных клиентов, а самоубийство женщины отменяется самим фактом их встречи.

Заканчивается пьеса фразой «Не все так просто», порождая смысловую неопределенность и оставляя место для различных интерпретаций. По словам театроведа Романа Должанского, так и остается неясным, то ли это анекдот, то ли «трогательная притча о двух одиночествах», но «эта недоговоренность оставляет скорее благоприятное впечатление»***.

В качестве игровой основы актеры использовали следующий конфликт: каждый персонаж во что бы то ни стало хочет отстоять свой план и вытеснить план другого. Игровая идея с попытками *взаимного вытеснения* подсказала и рисунок спектакля в

* Там же.

** Там же.

*** Должанский, Р. Сакура обязательно расцветет / Роман Должанский // Коммерсантъ. — 2000. — № 223. — 10 декабря. — С. 9.

пространстве: оно должно увеличиваться в моменты, когда герои ссорятся и находятся «по разные стороны баррикад», и, наоборот, сокращаться во время перемирия — например, в комической сцене чаепития. В финале же, когда персонажи полностью разрушают идеи друг друга, пространство исчезает — все погружается во тьму.

Так как в Белом театре никогда не было традиционной сцены, молодой художник *Андрей Тен*, недавно присоединившийся к труппе, предложил удлинить игровую площадку, разместив декорации вдоль длинной стены зрительного зала. Соорудили вытянутую скамью — это была обычная доска, которую покрасили в черный цвет и положили на ящики из-под бутылок. В том месте, где герой Трумбы предполагал брать с посетителей деньги, сначала просто поместили фонарь, а потом спрятали его в кабинку, сделанную из бамбуковых шестов (их ранее приобрели для другого спектакля, но они оказались неустойчивыми).

Минималистическая декорация сразу придавала постановке японский колорит. Национальный характер подчеркивали и стянутые на макушке длинные волосы мужского персонажа — а-ля японский самурай, и стилизованный под кимоно женский костюм (дизайн разработал Петр Сапегин), и магнитофонная запись вальса «Амурские волны» на японском языке, которую включает героиня.

Кузьмина и Трумба репетировали сами, Раскин в работу не вмешивался. Оттого что постановки так и не коснулась рука опытного режиссера, спектакль вышел неровным, ему сильно недоставало стабильности: в один день актеры играют хорошо — спектакль «летит», и зрители хохочут до упада; в другой же раз играют плохо — все невпопад, и спектакль выходит тусклым, совсем несмешным.

Раскин предупреждал актеров: если игра идет «не туда», остановитесь и начните заново. «Нам, конечно, так и следовало поступать: останавливаться, оценивать зал и начинать произносить текст без особой интонации, — признает Ольга Кузьмина, — но в то время мы еще не могли понять, как именно нужно вести себя на сцене. Хотелось сразу же взять зал напором и энергией».

В результате «Иены» так и остались дивертисментным спектаклем — Ольга и Андрей его играли просто как комедийные актеры. Тем не менее постановка продержалась почти два десятилетия — в последний раз ее показывали в 2009 году по случаю двадцатилетнего юбилея театра. Спектакль, насыщенный новыми «фишками», прошел динамично и весело — зрители прекрасно его принимали.

Еще одним спектаклем-долгожителем (актриса *Людмила Селезнева* играла его чуть меньше четверти века) стала постановка по мотивам пьесы польского драматурга Миры Михаловской «Роза — это роза, это роза». Премьера состоялась семнадцатого марта 1990 года в цикле показов «Современная зарубежная драматургия на экспериментальной сцене».

Работа над спектаклем пришлась на тот период, когда труппа едва получила помещение и только-только начал складываться режим обычной театральной жизни. Утром — репетиции уже существующих и новых спектаклей, дважды в неделю — занятия пластикой, еще два раза в неделю — хоровое пение под руководством Л. П. Гладкой; днем — работы по благоустройству помещения и дежурство по графику; вечером — снова репетиции до двадцати одного часа.

И вот после того, как все расходились по домам после рабочего дня, Раскин и Селезнева принимались за работу над «Розой». Актриса говорит, что порой репетиции оканчивались далеко за полночь и она уезжала из центра города в свой Южный микрорайон на такси — понятно, что никакие автобусы в это время уже не ходили. Но, пока работали над «Розой», ни один из них не замечал, как летит время, настолько интересным и завораживающим был материал произведения.

Единственный персонаж пьесы — Алиса Б. Токлас, кухарка и компаньонка великой писательницы первой половины двадцатого века Гертруды Стайн, одного из создателей техники «поток сознания». Героиня пьесы рассказывает о своей жизни с

Гертрудой — начиная с периода, когда Стайн только становилась известной, и вплоть до ее смерти. Это бесконечно долгий рассказ женщины, укрывшейся от современного мира за стеной своих воспоминаний. Она сидит в пустой квартире, когда-то полной картин знаменитых художников, но теперь там остался лишь портрет Гертруды Стайн кисти Пабло Пикассо.

«Энергия и прелесть этой истории удивительны, — пишет театровед Алена Карась. — Устами старой уже женщины, умевшей искусно готовить вкусные блюда и распознавать гениев, является нам вся история западного модернизма. Здесь нет временной последовательности, а только сгустки самого важного, сущностного. [...] История кружит, теряя видимую логику, переходя от события к событию, скользя по временам и лицам — Аполлинер, Матисс, Фицджеральд, Хемингуэй. Но прежде всего и над всем — Пикассо»*.

Спектакль «нащупывали» долго, почти год: за это время Раскин предложил несколько вариантов сценического прочтения пьесы.

Сначала хотели сделать постановку в манере психологического театра. Декорации придумали вполне реалистические, с мебелью и многочисленными картинами, в реквизите было много вещей. Играла Селезнева соответствующим образом: ее героиня произносила текст с «бытовыми» интонациями и в это время бегала по комнате, заботясь хозяйственными делами.

Все совершенно изменилось, когда в один день Петр Сапегин предложил полностью изменить игровое пространство спектакля, оставив лишь узкую полосу вдоль короткой стены зала: с левой стороны, рядом с дверью — высокая ваза с розой, от нее по краю площадки выставлены в ряд горящие свечи, а в правом углу — кровать и примыкающий к ней треугольный столик с лампой. Над кроватью находится портрет Гертруды Стайн — он спроецирован на стену с помощью видеопроектора.

Алена Карась тонко интерпретирует сценографию Сапегина: «Площадка отделена от зрителей, точно рампой, цепью свечей-фонариков. Вся эта невесомая, мерцающая среда, окольцованная лучами проектора, и есть память Алисы Токлас. [...] Портрет — второй персонаж спектакля — кажется иногда не менее реальным, чем сама актриса»**.

Новые декорации в корне изменили самый дух постановки; именно тогда придумали и ее жанр — *театральный портрет в стиле кубизма*. Спектакль перестал быть психологическим и стал модернистским, а его «кубизм» проявлялся в монотонном ритме непрестанно повторяющихся действий.

Актриса почти все сценическое время проводит на кровати: она встает, ложится, садится; зажигает сигарету, курит, пьет кофе, вяжет шарф и тут же его распускает (Алиса Токлас — Пенелопа XX века в надежде на возвращение своего возлюбленного Одиссея?). Цикл действий повторяется снова и снова, порождая упоительный, завораживающий ритм, как в строчке из стихотворения Гертруды «Роза — это роза, это роза...», которая стала ее символом.

Почти в самом конце двухчасового спектакля актриса встает, надевает деревянные сандалии на высоченной платформе и идет к двери, где стоит ваза с розой. Мы неожиданно слышим звук воды под ее ногами, и этот момент для нас поистине шокирующий: оказывается, и свечи стоят в воде, и вся игровая площадка заполнена водой — только мы этого не замечали. В этот момент зритель понимает, что жизненное пространство героини — это остров, населенный лишь ее воспоминаниями; остров, дрейфующий в океане современной жизни, которая совершенно перестала быть ей понятной.

Спектакль целиком проходит под музыку, которую долго и тщательно отбирал и записывал (тогда еще на бобинный магнитофон) Михаил Лахман. Саундтрек играет в постановке роль, которую трудно переоценить.

* Карась, А. Пройти по воде / Алена Карась // Экран и сцена (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

** Там же.

Все композиции соответствуют эпохе Стайн: здесь и классика, и джаз, а в финале мощной, пронзительной нотой звучит мелодия нового времени — бессмертный хит Мирей Матье *Pardonne-moi*. По сути, вся режиссура спектакля выстроена в соответствии с характером музыки, и сама речь героини напрямую зависит от темпоритма каждого произведения.

А. Карась пишет, что голос актрисы сливается в спектакле с музыкой и одновременно противостоит ей. Голос этот «странный, нарочито надтреснутый, скрипящий, как у бабановского Оле-Лукойе, но, боже мой, только таким голосом и можно рассказывать о невероятном искусстве модернизма с его отчаянной миростроительной свободой, одиночеством и памятью об Ином!»*.

Много лет спустя, отвечая на вопрос журналиста о том, что происходит с постановками, которые играют десятилетиями, Кузьмина приводит в пример именно постановку «Роза — это роза, это роза»:

«Конечно, идет взросление... В этом спектакле была изначально очень хорошая режиссерская застройка Аркадия Раскина, сейчас же он больше авторский, актерский. Декорации те же, но он уже полностью Людмилкин. И мы к этому спектаклю не прикасаемся, она играет всего раз в год, сохраняя его по сей день. Это подвиг»**.

Однажды жена А. Тена, преподававшая историю искусств в Хабаровском педагогическом университете, привела на «Розу» группу своих студентов, чтобы с помощью спектакля познакомить их с историей современной европейской живописи, а заодно и показать, что в Хабаровске тоже есть «остров» настоящего Искусства — Белый театр. Так началась многолетняя дружба театра со студентами, которые изучают культуру и искусство в гуманитарных вузах, и их преподавателями — Ольгой Титовой, Евгенией Савеловой и другими.

После спектакля обычно устраивали обсуждение просмотренного. Гости и актеры вместе сидели в фойе за круглым столом со свечами, по-домашнему пили чай из самовара, ели сушки, ставшие непременным атрибутом театра, и долго-долго общались. Зрители обменивались впечатлениями от увиденного, хозяева охотно отвечали на их вопросы, рассказывали историю театра и делились творческими планами.

Ольга Кузьмина недаром говорит в одном из интервью, что самый частый посетитель театра — молодежь: «Как ни странно, наш зритель очень молод. Это, преимущественно, студенты, которые любят к нам приходить за новизной ощущения. Они в силу своего возраста максималисты, не все принимают, что мы им показываем. Нас такой их подход к жизни часто заводит, но никогда не раздражает. Ведь в спорах рождается истина...»***.

Глава 3. Король умер — да здоровствует анархия!

В 1990 году в ТЮЗе проводился «Фестиваль пяти», где показывали свои спектакли театры-студии Хабаровского края. В числе участников фестиваля были Амурский драматический театр, КнАМ — ныне знаменитый, а тогда начинающий театр из Комсомольска-на-Амуре под началом Татьяны Фроловой, а также Белый.

Раскин предложил для показа спектакль «Дамский оркестр и две детективные истории». Актеры сыграли из рук вон плохо, и приглашенные из Москвы театральные деятели в пух и прах раскритиковали Белый театр. Ругали и самого Раскина — за «не-

* Карась, А. *Пройти по воде* / Алена Карась // *Экран и сцена* (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

** Сидорова, А. *И все-таки он — Белый!* / Анна Сидорова // *жс. «Главный город»*. — Хабаровск, 2009.

*** Хамзин, С. «Белый театр»: каждый раз все с чистого листа / Сергей Хамзин // *Очерки 'О*. — 2009.

серьезность» отобранного материала, и его труппу (особенно женскую часть) — за «самодеятельную игру».

Задетый за живое, Аркадий Раскин решает, что для реабилитации театра ему необходимо поставить что-то очень качественное и зрелое, желательно на серьезном материале. Так возникла идея спектакля «Король умирает» по пьесе Эжена Ионеско, основоположника эстетического течения *абсурдизма*. Именно с тех пор Белый театр стал позиционировать себя как *театр абсурда*.

Иногда содержание абсурдистской пьесы почти невозможно передать из-за отсутствия «вразумительного» линейного сюжета. Вот какую аннотацию произведения предлагает, например, литературный сайт LIBKING:

«Король умирает» Ионеско — многословный фарс, в котором субъект средствами абсурда дрыхнет и погружается в небытие вместе с объектом. Король умирает вместе с государством: стены дворца рушатся, государственные границы сжимаются, придворные сами собой теряют головы или ржавеют как автоматы. И только Король, как взбесившаяся марионетка, отчаянно и неразумно сопротивляется до последнего.

Алена Карась предлагает интересное видение того, как интерпретирует этот материал режиссер Белого театра. Она пишет следующее: «Пьеса Ионеско прочитана Раскиным как открытая структура, лишенная жестких идеологических смыслов и готовая отозваться на любое интеллектуальное вторжение. Где-то Ионеско сказал, что единственным сюжетом его пьес является трагедия языка. В сущности, это и есть сюжет спектакля — бессилие языка, трагедия дискурса, вынужденного довольствоваться уже созданными когда-то формами. Весь спектакль — серия ложных ходов — логических формул, каждая из которых призвана познать метафизическую реальность смерти, но по определению сделать этого не может»*.

В спектакле снова была занята вся труппа театра. На каждого персонажа приходилось по два актера, причем оба участвовали в одном показе. Роль *Короля* досталась Р. Шимановскому и Д. Олейнику; *Королеву Маргариту* исполняли И. Законова и Л. Селезнева; в роли *Королевы Марии* были О. Кузьмина и С. Осина; роль *Доктора* исполняли сразу три актера: О. Дымнов, Л. Андриющенко и Р. Андриющенко; роль *Служанки Джульетты* поделили между собой Ю. Можейко и Е. Кузьминская; *Стража* играл А. Трумба.

Первый акт у Раскина по традиции был игровым. Его создавали этюдным методом работы — каждый актер придумывал этюд на заданную тему, а Раскин только собирал готовые этюды, сцепляя их наподобие пазлов. Перед артистами стояли две задачи: раскрыть идею и создать определенную атмосферу. В основе скрытой игровой ситуации лежала задача показать, кем персонажи приходятся в отношении друг друга.

Два состава актеров преподносили один и тот же текст пьесы через разный игровой подтекст: каждый состав имел собственную внутреннюю историю, с началом и концом; история развивалась по неведомой зрителям логике, и это порождало ощущение некоей тайны.

Первая сцена первого акта начиналась в фойе, куда будто из другого мира забросили вещи, напоминающие археологические осколки культурных эпох — старый буфет, шифоньер, овальный стол, ширму с изящной инкрустацией. По задумке Петра Сапегина, пространство фойе предназначалось для вхождения в Игру, для того чтобы почувствовать, как в совершенно условной среде начинает пульсировать иная реальность — та, какой мы не знаем в обыденности.

В фойе появляется Страж и объявляет выход Королевы Маргариты (И. Законова) — неожиданно для зрителя она выходит из шкафа. Вслед за ней из-за портьеры появляется Королева Мария (О. Кузьмина).

Обе Королевы садятся за овальный стол со свечами и стеклянными кубками и начинают церемониальную беседу. В подтексте сцены лежала битва за Короля; задачей же

* Карась, А. Пройти по воде / Алена Карась // Экран и сцена (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

актрис было продержать церемонию в духе холодной вежливости, не показать глубоко запрятанной kloкочущей страсти и постараться вывести соперницу из эмоционального равновесия: если одна из них расплачется, другая будет праздновать победу. Поэтому Королевы в беседе непрестанно провоцируют друг друга, внешне оставаясь спокойными.

Вторая сцена первого акта проходит уже в зрительном зале. Актёрский состав меняется: теперь Маргариту играет Л. Селезнева, а в роли Марии — С. Осина. Обе Королевы, по мысли исполнительниц, находятся в Голливуде. Игровой конфликт сцены — борьба за наследство Короля; каждая из женщин всеми силами пытается захватить все себе, поэтому на площадке царит жаркая атмосфера голливудского фильма.

В заключительной сцене акта участвовали все персонажи. Это была сцена заговора придворных, пытавшихся сместить короля. В основе игровой ситуации лежали «разборки» мафии против главаря (Короля), но проводили их так, как вели подрывную деятельность партизаны — довольно-таки ироничное решение.

Переходя во время первого акта из зала в зал, зритель, вместе с тем, проходит сквозь разные театральные стили, игровые модели и ситуации, отмечая вместе с персонажами «праздник скепсиса и неприкаянности»* и вовлекаясь в бесконечную культурную рефлексию, развернутую героями спектакля.

Если первый акт получился весьма хороший, то второй, по словам актеров, им по сей день неясен. В одном отрывке объединились все образы, какие только можно вообразить: например, Кузьмина была японкой, Законова — Сальвадором Дали, и т. д. Несколько раз переставляли игровое пространство, двадцать раз меняли костюмы, но задача от этого не становилась яснее, оставалась полная неопределенность. Артисты не понимали, что им со всем этим делать — видели лишь, что система этюдов не проходила и, возможно, нужна была драматическая подача.

На каждой репетиции Раскин ставил перед труппой новые режиссерские задачи, уничтожая сделанное накануне — акт рассыпался по швам, даже не успевая оформиться во что-то вразумительное. Казалось, режиссер сам не понимал, что именно требует от актеров и что в конечном итоге хочет увидеть.

Так как ничего не клеилось, Раскин нервничал, кричал, швырял стулья, но добился он лишь того, что среди актеров начало расти тайное недовольство. Это напряжение стало первой трещинкой, возникшей между труппой и ее создателем, и оно же впоследствии привело к полному распаду.

Однако вернемся к спектаклю. В антракте после второго акта в зрительном зале меняли номера стульев, и, соответственно, зритель должен был садиться на другое место — смотреть постановку с иного ракурса.

Третий акт артистам был куда более понятен — то был рассказ об уходе Короля. Эту часть сделали в эстетике минимализма: из декораций на сцене был лишь стул, на котором сидел Король. Роман Шимановский, исполняющий роль Беранже Первого, играл в своей повседневной одежде — одеяние Короля было полностью белым.

Персонажи приходят к нему, зная, что это их прощальный визит. Они что-то говорят и говорят, но у него лишь одно желание: он хочет жарко́е, — уже находясь между жизнью и смертью, Король желает в последний раз испытать чисто земное удовольствие.

«В предфинальной сцене — белой, тихой — два человека, Король и Маргарита, говорят о смерти на фоне белой стены, — пишет Алена Карась. — Мейерхольд в «Смерти Тентажиля» хотел добиться этой бесстрастности «словно падающих в колодезь» звуков. Белый звук смерти — или бессмертия? — мистерия духа, вырвавшегося за пределы всякой плоскости, неожиданно взрывает всю структуру, придавая ей характер устремленности к центру. Именно этот внутренний слом, нарушение постмодернистской логики, игра не по правилам вызывает сильнейшее интеллектуальное наслаждение»**.

* Карась, А. Пройти по воде / Алена Карась // Экран и сцена (еженедельное приложение к газете «Советская культура»). — 1990. — № 31. — 2 августа.

** Там же.

Вторая часть третьего акта проходила в темноте. В женские юбки поместили светодиоды, и все светилось таинственным приглушенным светом. Это решение сделало сцену необыкновенно красивой и пронзительной. Хотя сегодня Ольга Кузьмина говорит, что тема смерти была недоделана, недоиграна по причине молодости и недостаточной опытности актеров, но в то время, видя, как Король, одетый в белое, уходит, растворяясь в темном пространстве зала, многие зрители плакали.

Несомненно, Белому театру очень повезло, что на заре его существования в Хабаровске оказалась доцент кафедры театроведения и театральной критики ГИТИСа А. Карась: она посмотрела почти все созданные Раскиным спектакли и написала о них замечательную — скорее философско-поэтическую, нежели критическую — статью. Это один из немногих профессиональных, глубоких разборов постановок Белого театра: за всю историю существования труппы подобные статьи можно пересчитать по пальцам. А местные журналисты, как спустя годы скептически заметила Ольга Кузьмина в интервью для московского издания, «пишут о наших спектаклях, как про рыбный совхоз», поэтому люди, работающие в Белом, вынуждены сами писать рецензии на свои постановки*.

Замалчивание первых успехов Белого театра в СМИ больно ударило по самолюбию Раскина. Он не без горечи отмечал, что, в то время как столичный критик написала более чем одобрительный отзыв, посвященный творчеству молодого коллектива, собкор газеты «Советская культура» по Дальнему Востоку Е. Н. Матвеева и «кнеистовый известинец» Б. Л. Резник вообще проигнорировали приглашение театра. «Видимо, эти журналисты заведомо убеждены, что в Хабаровске настоящее искусство невозможно», — приходит к неутешительному выводу основатель Белого театра**.

В 1990 году Белый театр поехал в Ленинград для участия в *«Лаборатории Анатолия Васильева»*. Для показа выбрали спектакль «Король умирает» — и, как выяснилось, напрасно. Постановка оказалась неадаптируемой к чужому пространству: спектакль проходил в одном зале, во время действия не было возможности менять декорацию, и от этого все сразу стало плоским. Мало того, во втором акте на сцену неожиданно выскочил один сумасшедший зритель и громко объявил: «Я ваш король!» Своей выходкой он безнадежно испортил всю игру, и, хотя актерам удалось шутками прогнать самозванца с площадки, было ясно, что спектакль провален.

На второй день показов Раскин струсил и вместо Ионеско заставил артистов играть «Чинзано в день рождения Смирновой». Труппа к этому была совершенно не готова, так как спектакль давно не репетировали — недовольство среди актеров нарастало как снежный ком.

В конце Анатолий Васильев проводил обсуждение показанных спектаклей: разбирал отдельные куски и делал замечания своим ученикам. Он так доходчиво проанализировал сцену во втором акте «Короля», что актерам тут же стало предельно ясно, что именно нужно было играть и как это надо было делать.

Понятно, что самолюбие Раскина было уязвлено — для него это оказалось настоящим ударом. Незамедлительно последовал и второй удар: Васильев не снизошел до разбора спектакля по Петрушевской, и это означало, что он не дал актерам возможности отыграться.

После этого все стало совсем плохо. Раскин уперся и как заведенный повторял одно и то же: раз случился провал — значит, это вина актеров. Потеряв терпение, труппа наконец выдвинула режиссеру требование: возвращаться к своим спектаклям и не заниматься непонятными экспериментами, которые он даже не может по-человечески объяснить.

Вероятно, Аркадий Раскин и впрямь стал заложником своей страсти к экспериментаторству. Будучи последователем двух мастеров — М. Захарова, в спектаклях

* Борзенко, В. «Всегда быть в маске...» / Виктор Борзенко // ж. «Театр». — 2009. — 1 июня.

** Раскин, А. Искусство в Хабаровске? Невозможно! / Аркадий Раскин // Тихоокеанская звезда. — 1991.

которого каждые пять минут все должно меняться, и А. Васильева с его сплошной статикой и неизменностью, — режиссер Белого театра попытался примирить обе эти школы в собственном творчестве, но потерпел поражение.

Гордость так и не позволила Раскину признать свою ошибку и изменить стратегию работы над спектаклями. Он прямо сказал недовольным актерам: «Не хотите работать со мной — уходите!»

И актеры ушли — практически в полном составе: в труппе остались только сам А. Раскин, А. Михайлова, Р. Шимановский, Е. Кузминская и Л. Селезнева. Все говорило о том, что Белый театр фактически перестал существовать...

Несколько человек, оставшихся верными театру, продолжают здесь какую-то деятельность — вплоть до августа 1991 года, когда у Раскина скоростижно умирает жена и он принимает решение навсегда уехать в Москву, чтобы вновь присоединиться к своему учителю Анатолию Васильеву. За ним следует завлит Анна Михайлова — вскоре она становится его второй женой.

К тому времени из города уехала и Л. Селезнева — в осиротевшем театре остались актеры Р. Шимановский и Е. Кузминская. Однако вскоре Шимановский тоже решает оставить театр и, подобно Раскину, уехать на постоянное жительство в столицу.

Правда, теперь в Белом на постоянной основе работал художник Андрей Тен, заменивший Петра Сапегина, и звукооператор Владимир Дугин — он также выполнял функции осветителя. Вскоре к ним вновь присоединяются Законова, Кузьмина и Трумба.

Именно тогда Трумба впервые надевает огромный халат Деда Мороза, который шли на гиганта Шимановского, и актеры ставят Новогоднюю сказку для детей — это помогает им вытянуть аренду и немного заработать на жизнь.

Незадолго до отъезда Раскин пригласил в театр художника Игоря Башенко, который основал в здании Театр моды и обещал все поднять на новый уровень. Когда Раскин уехал, Башенко почувствовал себя здесь полноправным хозяином и перестал считаться с людьми, что стояли у истоков Белого театра.

Он принес в театр кучу асбестовых плит для звукоизоляции, а бездомный Владимир Дугин тут же соорудил из них сцену и устроил себе жилье, используя сцену в качестве спального места. Здесь предприимчивый звукооператор открыл и небольшой бизнес: стал торговать из-под полы водкой, пивом и пакетами с «паленым» вином. В то время в стране был сухой закон, и нелегальная торговля алкоголем приносила немалые доходы. Нередко пакеты с «самопальным» спиртным шумно взрывались, и это вызывало переполох у жильцов дома, под окнами которого, собственно, и располагался театр.

Башенко начал регулярно устраивать показы мод с ночными дискотеками. На этих вечеринках рекой лилось пойло, которым торговал Дугин. Напившись, гости выходили из театра на улицу и учиняли громкие скандалы с мордобитием. Соседи жаловались на отсутствие покоя и без конца вызывали милиционеров, чтобы те утихомирили разбушевавшихся.

А вскоре началась настоящая грызня за право распоряжаться помещением. После того как Башенко попытался объявить себя директором, на эту роль стала претендовать и Ирина Законова — говорила, что имеет на это куда больше прав. В то время Белый театр был прямо-таки *театром военных действий*, и говорить о каком-то художественном творчестве просто не приходилось.

Именно тогда оставшиеся не у дел Кузминская, Трумба и Кузьмина стали тайком собираться на лавочках, чтобы решить, что же делать дальше. Назревал целый актерский заговор.

Однажды днем в театре не оказалось ни Башенко, ни Законовой — главных претендентов на право называться хозяевами помещения. Когда пришел Трумба, он застал там лишь Дугина; Владимир сказал, что наступил «момент истины» и пора принимать радикальное решение.

«Заговорщики» вызвали вневедомственную охрану, а когда та приехала, Дугин составил договор, в котором говорилось, что единовластный хозяин театрального помещения и всего здешнего имущества — Андрей Иванович Трумба. В то удивительное время этого оказалось вполне достаточно, чтобы законным образом разрешить щекотливую ситуацию и навсегда избавиться от нежелательных соперников.

Нет нужды говорить, что, утратив возможность прибрать здание к рукам, Башенко и Законова потеряли к нему всякий интерес и вскоре навсегда оттуда ушли — к великой радости труппы Белого театра.

В 1992 году осветитель нашел работу в другом месте, и в театре остались три актера и художник. Нужно было как-то тянуть аренду, оплату которой до этого брали на себя Башенко и Дугин.

Варианты заработать худо-бедно да находились. Какое-то время Катя и Андрей работали на ТВ и однажды рекламировали один из хабаровских заводов. Так вот, за рекламу завод им заплатил... радиаторами, и актеры отдали эти радиаторы в домоуправление вместо арендной платы. Жизнь оказалась более удивительной, чем пьеса абсурда!

Пока Ольга сидела дома с новорожденной дочерью Полиной, Андрей подрабатывал дворником в ресторане «Харбин» — заведение находилось на соседней улице, в ста метрах от театра. Стеснялся, конечно, что в человеке с метлой могут опознать уже известного в городе артиста, но куда деваться — нужно было на что-то жить.

Трумба с радостью уволился из ресторана, когда Андрей Тен получил большой заказ на расписывание рекламных щитов и предложил ему и Дугину работать вместе с ним. Щитов было огромное множество, изображение на них наносили ножами с помощью трафаретов, так что работать можно было и без художественного образования.

Однажды в потемках создали пафосную надпись: «Если не ты, то кто же?» Проезжая же мимо плаката рано утром, увидели, что какой-то шутник успел оставить на нем ответную надпись: «А х*й вас знает!»

Что и говорить, время было веселое, просто обхохочешься! Одно плохо: занятые своими вынужденными подработками, люди театра все никак не могли вплотную заняться творчеством, ради которого когда-то отвоевали у государства прекрасное здание и чудом сумели его сохранить в эпоху тотального разброда...

Глава 4. Птица Феникс восстает из пепла

Когда после развала труппы в репертуаре театра осталась «в живых» одна-единственная постановка — моноспектакль «Роза — это роза, это роза», кому-то в голову пришла мысль совместить показ с проведением персональной выставки художника-любителя Владимира Носова, физика по образованию. Так как в спектакле речь шла о коллекционировании картин, то выставку решили устроить прямо в зрительном зале, в декорациях «Розы».

Идея оказалась успешной, и для участия в последующих выставках стали приглашать молодых живописцев: в то время появилось множество художников-непрофессионалов, которые в душе были авангардистами и создавали весьма интересные работы. По периметру обоих залов театра пробивали стены, чтобы оформить пространство для развешивания полотен.

Позже выставки стали дополнять аукционами, где продавали работы художников. Это была своего рода игра: ведущий объявлял первоначальную, заведомо высокую цену; после этого стоимость убавляли до тех пор, пока не появлялся желающий купить картину. Как только это происходило, цену тут же снова начинали увеличивать — и так до тех пор, пока картину не покупали.

Подобные мероприятия проводили, чтобы разжечь в людях страсть к коллекционированию произведений современного искусства, но сделать это не удалось: во-первых, тогда еще не было моды на картины, а во-вторых, у народа в начале девяностых попросту не было денег на предметы искусства.

В то же время, вспоминает Андрей Тен, ему на этих выставках удалось продать кучу собственных оригинальных картин небольшого формата, размером с открытку. Именно тогда его знаменитые *хрямки* — полуфантастические рисованные персонажи с выразительными лицами и печальными глазами — начали пользоваться спросом у взрослых и детей.

Затем к этим мероприятиям в театре подключились и профессиональные художники Хабаровска — Игорь Шабалин, Анатолий Нежинский, Геннадий Арапов, Владимир Хрустов. Какое-то время выставки организовывал один из мэтров хабаровского изобразительного искусства — Александр Лепетухин. Несмотря на профессионализм выставляемых работ, художественные тусовки носили неформальный характер, где участники могли вволю похулиганить.

В начале девяностых годов Белый театр стал настоящим культурным центром, где различные виды искусства творчески объединялись в новом типе сценических представлений — *арт-перформансах*. В 1995 году в Белом театре проводили мощную акцию «Твоя степень свободы», в которой участвовало много интересных художников не только с отдельными полотнами, но и целыми инсталляциями, выступали музыканты, барды, поэты и танцоры. Зрители попадали в театр, проходя через вырезанный из бумаги женский силуэт, а потом их поджидало немало других сюрпризов.

В 1996 году была устроена *Перманентная выставка* — она переезжала из зала в зал, напоминая товарищество художников-передвижников конца XIX — начала XX века, пропагандировавших современное искусство в противовес академическому. Тен специально для этой выставки придумал концептуальные пригласительные билеты с окошком — возможно, это было «окно» в новое, авангардное искусство.

Что касается непосредственно театральных постановок, то все сдвинулось с мертвой точки в первой половине 1992 года, когда артисты Белого начали репетировать спектакль по абсурдистской пьесе Эжена Ионеско «Урок».

Андрей Тен случайно нашел текст произведения в каком-то журнале и принес в театр показать артистам. В пьесе было всего три персонажа (ровно столько, сколько осталось в труппе актеров), и это была большая удача, потому что найти более или менее интересный материал на такой маленький состав было проблематично. Журнал необходимо было вернуть хозяину, поэтому пьесу долго перепечатывали на пишущей машинке. Что поделать, в то время ксероксы существовали только в особо крутых организациях, и сделать фотокопии было практически невозможно.

Действие пьесы происходит в гостинной маленькой французской квартиры, где уже немолодой, чрезвычайно вежливый и очень застенчивый Учитель ждет новую юную Ученицу — весьма амбициозную и самоуверенную особу. По мере того как продвигается в высшей степени абсурдный урок, Учитель теряет былую застенчивость, повышает тон и становится сильно возбужденным. В комнату несколько раз заходит Служанка, просит Учителя не волноваться и напоминает, что занятия филологией могут сильно пошатнуть его здоровье. Он же все больше злится на свою невежественную Ученицу, и та постепенно теряет свою самоуверенность, становится все более тихой и кроткой. У нее вдруг начинают болеть зубы, а потом боль охватывает все тело. В финале, после долгой схватки с Ученицей, Учитель наносит ей удар ножом и убивает. Пьеса заканчивается тем, что Служанка делает в квартире уборку, приветствует новую ученицу — таким образом, действие, совершив полный круг, возвращается к началу.

Известно, что идея пьесы «Урок» пришла к Ионеско после того, как он ознакомился с разговорником французского языка для иностранцев. По сути, драматург воспользовался комическими-нелепыми, лишенными какой бы то ни было логики диалогами из разговорника и перенес их на страницы своего произведения. И если, по словам Ионеско, единственным сюжетом пьесы «Король умирает» является *трагедия* языка, то можно утверждать, что сюжет «Урока» — это *комедия* языка. Комический эффект здесь возникает за счет остроумного использования языковых игр, которые нарушают логические связи между словами и помогают освободить их от привычных значений и ассоциаций.

Однако за кажущейся бессмыслицей диалогов пьесы и комическим поведением персонажей стоят вполне серьезные идеи. Существует мнение, что герои пьесы — не конкретные личности, а образы известных социальных институтов. Например, *Учитель* — это вся образовательная система, обобщенный образ всех преподавателей вместе взятых. *Ученица* — образ нового поколения, изначально имеющего свое представление о жизни и мире и даже выдвигающего требования к своим наставникам. *Служанка* же, которая вмешивается в образовательный процесс и вовсю «кукловодит» Учителем — это образ всех представителей власти, так называемых «слуг народа». Таким образом, «Урок» Ионеско — это рассказ о том, как образование, обслуживающее далеко не благородные цели политиков, калечит, а в конце и убивает молодое поколение*.

Постановка «Урока» в Белом была специфичной в том смысле, что режиссер в театре отсутствовал и приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. Несомненно, здесь пригодилась школа Аркадия Раскина, который учил работать самостоятельно и быть самому себе режиссером. Можно было бы, конечно, возложить эту роль на одного из участников труппы, но в то время никто не рискнул взвалить на себя такую ответственность, поэтому работа считалась коллективной.

Впоследствии, однако, Екатерина Кузминская говорила, что коллеги на репетициях вели себя пассивно и не предлагали ничего интересного в плане игры и смешных «фишек». Актриса утверждала, что все удачные комические моменты она придумала сама. Так это было или нет, сегодня сказать сложно, но на спектаклях Кузминская, несомненно, была лидером. С момента выхода Кати на площадку и до самого конца от нее невозможно было отвести глаз: она просто появлялась перед зрителями, молча садилась на стул и начинала ослепительно улыбаться — и зал, покоренный ее невероятной лучезарной харизмой, уже безоговорочно принадлежал актрисе.

На момент репетиций у Ольги Кузьминой в руках была годовалая дочка, поэтому ей досталась небольшая роль *Служанки*. Львиная доля работы легла на плечи Андрея Трумбы (*Учитель*) и Кати Кузминской (*Ученица*).

Разбирали спектакль по Васильеву, методом «выставки», то есть игрового подтекста. «Фишка» данного приема в том, что актеры *не* играют персонажей, заявленных в истории пьесы (здесь: Учитель и Ученица); в разных сценах актеры разыгрывают через этих персонажей совсем другие истории: например, играют Врача и Больного, Художника и Модель и т. п. В таком методе важно отыскать правильную «выставку», которая *вскрывала* бы текст, делала его рельефным, а образы персонажей — объемными и выразительными. При удачно найденном игровом подтексте игра становится полетной, а комический текст делается в разы смешнее за счет актерских находок.

Спектакль «Урок» был весь собран из «выставок», поэтому действие, к счастью, не расплозлось и в целом получилось хорошим. Однако вторая часть, по мнению Кузьминой, вышла провальной. Особенно неудачными оказались кульминационные сцены — в них актерам так и не удалось полностью раскрыть ни свой исполнительский потенциал, ни потенциал пьесы.

* Худенко, А. Обсуждения спектакля «Урок» в постановке труппы Луганского театра драмы 16.03.2010.

Музыкально оформление «Урока» Ольга Кузьмина скептически называет «детским садом». Вспоминает, что музыку к спектаклю собирали из чего попало: там звучали отрывки из Шнитке, саксофонные пьесы Алексея Козлова, что-то еще. В саундтреке было все, кроме одного — цельности, поэтому музыка больше носила иллюстративный характер, нежели выражала какую-то идею.

С костюмами дело обстояло не лучше. У Кати было собственное короткое платье черного цвета, которое легко «превращалось» в ученическую форму с помощью белого фартука — фартук сшили специально к спектаклю. Костюмы же Андрея и Оли собрали из того, что уже было в театре.

Так как Тен остался в театре единственным художником, то декорации к «Уроку» пришлось целиком придумывать ему. Это была его дебютная работа в качестве сценорафа, и, надо признать, справился он с ней блестяще.

Поскольку персонажи пьесы насквозь условны, а одно и то же действие в спектакле происходит множество раз, словно затянутое в «воронку дурной бесконечности», то и декорации следовало придумать под стать: такие, чтобы можно было уничтожать, а затем создавать заново бесчисленное количество раз.

Тен придумал отличное решение: всю обстановку в доме Учителя он нарисовал на бумаге. Минималистические декорации сразу же начали «участвовать» в действии: например, Ученица при входе рвала нарисованную дверь, а Учитель «открывал» бумажную форточку, высовывал из нее голову и шумно вдыхал воздух. Игровое пространство в ходе спектакля становилось все более «рваным» и визуально отображало конфликт, постепенно нарастающий в отношениях между персонажами. Тен и сегодня считает, что сценография к «Уроку» получилась удачной и, бесспорно, уникальной: больше в истории Белого театра таких не было.

Зрители обожали спектакль и смотрели его по несколько раз. Это был ни на что не похожий «черно-белый» шедевр с потрясающей атмосферой, уморительными «фишками», искрометной игрой Кузминской и неукротимым темпераментом Трумбы; образчик того самого *живого* искусства, которое не всегда можно было найти в государственных театрах. Публика это чувствовала, искренне любила актеров и после просмотров оставляла восторженные отзывы.

Однако у постановки была и *темная* сторона. В памяти актеров «Урок» связан с таинственными, мистическими случаями в их жизни — и язык не поворачивается назвать эти истории безобидными. Например, у всех людей, причастных к театру, после спектакля необъяснимым образом ломались или крошились зубы, так что они не успевали ходить к стоматологу и лечить их.

Иногда Андрей ради хохмы прямо посреди спектакля делал вид, что ему якобы поплохело, и они с Катей «приостанавливали» игру: она тревожным шепотом (который, впрочем, все в зале слышали) спрашивала Андрея, не стоит ли вообще все прекратить, и протягивала стакан с водой. Он же набирал воду в рот и ехидно выпускал струю прямо в лицо партнерше.

Шутники «доигрались»: однажды посреди длинного монолога Трумбе и впрямь стало плохо, но какой же настоящий актер покажет это зрителю? Так и играл со всем своим напором, а Катя видела, что он не в себе, однако помочь ничем не могла. К счастью, Андрея отпустило, спектакль без эксцессов довели до конца, и скорую вызывать не пришлось.

А один раз Андрей в финале нечаянно поранил ножом руку Кате, когда та стояла за бумажной декорацией — в результате она вышла на поклон, истекая настоящей кровью. К счастью, зритель подумал, что это удачная находка. С тех пор актеры стали осторожнее вести себя с холодным оружием и больше никогда не использовали на сцене нож с настоящим лезвием.

Однажды в Хабаровск ненадолго приехал Аркадий Раскин, и актеры показали «Урок» ему. Постановка сильно впечатлила создателя Белого театра, и он сказал, что

сам бы не смог поставить такой блестящий спектакль, — сложно представить лучшую похвалу от своего учителя.

Раскин настоял на том, чтобы Трумба и Кузминская поехали в Москву на «Лабораторию Васильева», и они с энтузиазмом начали репетировать «Диалоги» Платона, также пользуясь методом «выставок»: Учитель — Ученик, Шахматисты и т. п. Когда же приехали с уже готовыми «Диалогами» в Москву, Раскину вдруг пришла в голову идея показать их в духе «Урока», и это было верное решение: Васильев с большим одобрением отозвался об их работе.

Вернувшись домой, Катя под впечатлением от «Лаборатории», а в большей мере от личности самого мэтра, заявила коллегам: «Если бы Васильев позвал меня, я бы бросила все, даже семью, и уехала в Москву!» Это был 1993 год, а спустя пять лет ее мечты сбываются: в 1998-м Катя навсегда покидает Хабаровск, чтобы в столице обучаться режиссуре на курсе Николая Чиндяйкина и работать в театре своего кумира Анатолия Васильева.

В 1993 году труппа поставила спектакль по пьесе Богуслава Шеффера «Сценарий для трех актеров». Это произведение несколькими годами ранее нашла завлит Анна Михайлова, и на полях даже остались ее пометки. Например, она размышляла, что раз это пьеса абсурда, то не важно, кто исполняет ту или иную роль — мужчина или женщина. И хотя в произведении заявлено три мужских персонажа, актеров Белого театра это не смутило: роль *Режиссера* на себя взял Андрей Трумба, а роли *Холерика* и *Флегматика* исполняли соответственно Ольга Кузьмина и Екатерина Кузминская.

Спектакль сделали на едином дыхании, так как тема для артистов была самая близкая — о театре, о закулисье. В персонажах пьесы, обозначенных тремя психологическими типами, и в их отношениях актеры усматривали самих себя, со своими разными взглядами на жизнь и на искусство. Кроме того, вымышленная ситуация в пьесе по иронии судьбы совпадала с реальной ситуацией в Белом театре. Хотя в жизни между актерами не возникало серьезных разногласий, однако существовал скрытый конфликт, состоявший в том, что никто из них не хотел становиться руководителем для других членов труппы. Из-за того, что в театре отсутствовала жесткая объединяющая рука режиссера, Ольга Кузьмина в шутку называет этот период их творчества «Лебедь, Рак и Щука».

Несмотря на отсутствие режиссуры, довольно сложный текст пьесы Шеффера подвергли детальному разбору. Игру по традиции выстраивали, вооружившись методом «выставки», что на троих было гораздо труднее сделать. Решили, что игра будет строиться на *противостоянии* героев — то они объединялись, то, напротив, каждый был сам за себя. Задачей персонажа было загнать в угол партнера, но при этом не позволить загнать в угол себя.

Поскольку идея противостояния напрямую связана с положением актеров в пространстве, то нужно было обыграть это в декорации. Тен предложил подчеркнуть конфронтацию героев, разместив их друг против друга вдоль длинных стен зала: в центре одной стены поставили трехногий столик и стул Режиссера, а напротив него — сцену-подиум с двумя стульями для Холерика и Флегматика. Зрители же находились по обеим сторонам от этой сцены, видели друг друга и, получается, тоже вовлекались в игровое противостояние.

Так как денег на постановку в театре по-прежнему не было, Тен сделал декорацию из подручного материала. Он выкрасил уже упомянутый столик в белый цвет, круглой столешнице придал вид шестигранника, а между ножек соорудил «лепнину» а-ля Антонио Гауди — для этого художник использовал целлюлозу и деревянные плечики, валявшиеся в гардеробе. Получилось стильно, а главное, как обычно, с нулевыми затратами.

К сожалению, «Сценарий для трех актеров» с его интеллектуальными диалогами о современном искусстве не стал столь же популярен у публики, как «Урок». Несмотря

на великолепную игру исполнителей, спектакль зачастую проходил практически при пустом зрительном зале.

К тому же периоду 1992–1993 годов относится и создание трех детских спектаклей-сказок по мотивам замечательной книги Сергея Козлова «Ежик в тумане» — о пугливом, но очень симпатичном и любопытном ежике. Спектакли назывались «Лесная сказка», «Тихим теплым утром посреди зимы» и «Волшебный цветок» — целый сериал в Белом театре, смеется Кузмина. Для Ольги это был и первый опыт сценической адаптации произведения, изначально не предназначенного для показа в театре — впоследствии же театральная инсценировка станет ее излюбленным жанром.

Сказки делали исключительно для зарабатывания денег, не претендуя ни на что серьезное, и от этого работать было легко и увлекательно. Во время работы никто из актеров не утруждал себя размышлениями о том, искусством они занимаются или нет: просто следовали атмосфере сказки, не пытаясь все усложнить интеллектуальным разбором, и работали от всей души. В результате на свет появился настоящий сценический шедевр: в спектакле была чувственность, красота, и над всем парил трогательный текст С. Козлова, одновременно смешной и грустный.

Вроде бы работали над детской постановкой, а получилась философская сказка для взрослых, поднимающая проблему жизни как драмы и ставящая вопрос о неизбежности смерти. Ежик в исполнении Екатерины Кузминской вышел фигурой трагической: в конце третьей сказки он уходит в Туман — символ запредельного мира в спектакле. Конечно, никто из зрителей не знает, что Ежик умирает, но, когда он напоследок зажигает волшебный фонарик-цветок, всем становится необычайно грустно...

Несмотря на то что в театре появились новые постановки, особых доходов они не приносили. Неизменные аншлаги были лишь на детских показах, а вот взрослые спектакли нередко приходилось отменять: иногда случалось, что в день показа не было продано ни одного билета. Особенно досадно было отменять «Урок», декорации к которому Тен рисовал несколько часов подряд.

Чтобы сводить концы с концами, брались за любую доступную работу. Катя и Андрей вели на ТВ еженедельную программу музыкальных поздравлений «Сюрприз» — ее ставила режиссер канала «ТВА» Элеонора Айбетова. Актерам самим приходилось придумывать сюжет каждой передачи, и это был достаточно напряженный труд.

В то время Кузминской и Трумбе казалось, что такая работа лишь отнимает время, и все, что они делают на телевидении, ужасно. Только годы спустя осознали, что это было настоящее творчество — остроумное, изобретательное, с юмором. Ну и еще один немаловажный для актера фактор: благодаря «Сюрпризу» Катю и Андрея узнавал в лицо весь город.

Говорят, что в критической ситуации у человека начинают активизироваться все внутренние ресурсы — интеллектуальные и физические, и в условиях выживания он способен генерировать свежие, необычные идеи. Для Белого театра критические ситуации были обычным явлением, и люди, работающие там, могли быть живым подтверждением этой гипотезы.

Так, с 1992 по 1998 год актеры проводили для детей и подростков «Банановые танцы» — дискотеки с играми и конкурсами, а еще в программу входил стол со сладким угощением. Этот проект в театре придумали для того, чтобы как-то покрыть пресловутую аренду помещения. В то время ничего подобного в Хабаровске не было — идея была в буквальном смысле революционной, и нужно было во что бы то ни стало ее воплотить.

Трумба отправился по банкам, предлагая работникам в выходные дни приводить детей в театр и оставлять их там аж на четыре часа — именно столько времени поначалу длилась развлекательная программа.

Так как танцы назывались *банановыми*, накануне программы приходилось закупать бананы на базе. А в качестве напитка использовали сок «Юпи» — тот, что в начале девяностых продавали в виде порошка и разбавляли водой. Тогда дети не были избалованы натуральными соками, и разноцветная химическая «отрава» проходила на ура.

Среди развлечений особым восторгом у юных посетителей пользовался конкурс с персонажем по имени *Бананана*. Это была смешная фанерная кукла с отверстием для рта, куда дети с удовольствием швыряли банановую кожуру. Дети стояли на определенном расстоянии от куклы и спрашивали: «Миленький, любименький Бананана, хочешь шкурку от банана?» *Бананана* голосом Андрея отвечал, что не отказался бы перекусить сладкой шкуркой, и тогда в рот кукле со смехом швыряли кожуру — если ребенок попадал, ему давали жетон. Бедный Трумба — сколько же тонн банановой шкуры за эти годы прилетело ему в лицо!

Вскоре о «Банановых танцах» знал весь Хабаровск. Образовалась группа из постоянных клиентов, которые приходили на каждое представление — в основном, это были дети богатых родителей. Разумеется, они знали наизусть все конкурсы, и именно ради них приходилось постоянно придумывать все новые игры и задания.

Спустя некоторое время все рестораны и театры города стали проводить подобные дискотеки и не стесняясь заимствовали идеи конкурсов, а некоторые без зазрения совести пользовались и брендовым названием.

Когда эпоха «Банановых танцев» стала мало-помалу уходить, форматы работы с публикой пришлось менять. Начали устраивать мероприятия и для взрослых. Так, для работников «Инкомбанка», который выступил спонсором и сделал в театре ремонт, актеры стали проводить новогодние вечера, поздравлять женщин с Восьмым марта развлекательными программами и устраивать корпоративы.

В то же время не забывали и о выездных представлениях: зарабатывали лишнюю копейку, показывая по садикам сказку «Мумий-Тролль».

Так театр и выживал, а наградой труппе были аплодисменты зрителей на спектаклях — часы, проведенные на сцене, были для актеров истинным счастьем.

А потом в Белом снова наступил творческий застой. Либо действительно было невозможно работать без режиссера, либо не попадалась достойная пьеса на трех человек, но с 1993 по 1998 год не вышло ни одного нового спектакля. Правда, все это время Ольга и Андрей пытались поставить спектакль по пьесе Эжена Ионеско «Бред вдвоем», однако работа так и не была завершена.

На этот раз Кузьмина и Трумба репетировали в присутствии Кати — она не пыталась режиссировать, а просто наблюдала за репетициями. И каждый раз говорила: *все плохо*. Вроде бы следовали васильевской эстетике и разбирали сцены по его школе, но общей стыковки отдельных сцен получить не удавалось.

Каждую репетицию начинали как в первый раз, а если накануне достигали хоть какого-нибудь удачного решения, то его никто не фиксировал, поэтому в работе не было никакого прогресса.

Актеры совершенно не понимали, почему материал не поддавался — на первый взгляд, в нем не было ничего необычного. Существовали, конечно, технические проблемы — никто не знал, как показать на сцене разрушение дома, в котором жили персонажи, — но проблема была не в этом: отсутствовала общая концепция постановки. Уходили в частное, но не видели целого — никто из участников не смог увидеть конфликт между внешним миром и разрушающимся домом, а поиски этого конфликта ни к чему путному не приводили.

Лишь спустя годы, когда давно уже оставили попытку сделать спектакль, Кузьмина высказала догадку, что, возможно, попытка найти конфликт в пьесе была глобальной ошибкой их подхода.

«Наверное, следовало просто идти вслед за Ионеско и помочь персонажам вырваться из ситуации *пьесы абсурда*, — говорит Ольга, — нужно было помочь героям в их борьбе с самой пьесой. И если бы мы построили игру на стремлении персонажей понять друг друга, то, возможно, и отыскали бы правильное сценическое решение, и спектакль бы увидел своего зрителя».

Однако, как известно, в истории нет сослагательного наклонения — «Бреду вдвоем» так и не суждено было появиться на сцене Белого театра.

В тот непростой период, когда крошечная труппа без режиссера боролась за выживание, Андрей Тен придумал изображение «Ангел в костюме Пьеро». Этот персонаж задумывался как оберег, как Ангел-хранитель, который спасет Белый театр от исчезновения и полного забвения. Так получилось, что Ангел-Пьеро стал неизменным символом театра — его можно было видеть на фасаде рядом с названием, на логотипе театральной организации, билетах, программках к спектаклям и прочей продукции, связанной с деятельностью Белого театра.

В то время Тен создал целую серию картин, фигур и рельефных изображений, ставших знаковыми для Белого театра. Самый удивительный арт-объект — *Рыба на ногах*: она представляет собой рыбий скелет, сделанный из проволочного каркаса и покрытый сверху декоративной штукатуркой. А под потолком в фойе до последнего дня висела роскошная люстра, тоже созданная в начале девяностых. Для ее изготовления художник использовал проволоку, шпаклевку, пластик, жидкие обои и набор цветных стеклышек. Встроил же он свой интерьерный шедевр в потолочную плиту, обклеенную зеркалами.

Вот что пишет Наталья Лепетухина о роли Андрея Тена в создании художественного пространства Белого: «Вся эстетика театра внутри и снаружи сделана им. Это как бы театр в театре, только молчащий. Его прочитываешь глазами: всевозможные зверушки с человеческими выражениями на мордочках бегают, ползают, смеются, грустят и даже плачут. А в настоящей клетке сидит деревянная птица — с одной стороны, она воплощает отчаяние, с другой — вызывает улыбку...»*.

Благодаря Тену Белый по праву можно назвать не только актерским театром, но и «театром художника». Недаром Кузьмина и Трумба в один голос уверяют, что без Андрея Белый театр просто не смог бы существовать — они все были созданы друг для друга...

Глава 5. И вновь как с чистого листа

Летом 1998 года, вернувшись с отдыха, Кузьмина и Трумба обнаружили театр пустым. Оказалось, что Тен, больше года снимавший здесь помещение под свою фирму «Детская полиграфия», за время их отсутствия переехал в другое место. А Катя вообще перебралась в Москву — на буфете актеры нашли ее прощальную записку: «Извините. Хочу быть у Васильева хоть кем-нибудь...» Белый театр в очередной раз оказался на грани исчезновения.

Ольга, перечитавшая пьесы английского драматурга Гарольда Пинтера, сказала Андрею: «Выживем или нет, неизвестно, но давай уже бросим «Бред вдвоем» и начнем репетировать «Пейзаж».

* Лепетухина, Н. *Ощущение Белого театра* / Наталья Лепетухина // *Словесница искусств*. — Хабаровск, 2005. — № 16. — С. 130–131.

Эта была пьеса о том, как трудно одному человеку найти путь к другому, пробиться к его сознанию. Герои произведения — супруги Бет и Дафф — живут вместе, но бесконечно далеки друг от друга. Диалог персонажей распадается на два монолога — унылых, как меланхолический пейзаж: Дафф признается жене, что изменил ей, но Бет не слышит, рассказывая ему о цветах, погоде, искусстве, о своей любви к нему и о том, как ей необходимы его забота и внимание.

Нужно было художественными средствами донести до зрителя мысль, что персонажи, живущие в одном доме, настолько разные, что их взаимопонимание и соединение невозможны. Кузьмина, впервые сознательно взяв на себя функцию режиссера, решила, что, раз речь идет о пейзаже, то рисунок спектакля должен быть статичным: актеры (сама Ольга и Андрей Трумба) будут всегда находиться каждый на своем месте, являясь частью неподвижной картины, и поэтому не смогут встать и приблизиться друг к другу. Проникнуть же один в другого герои могут только через диалог.

Однако внутреннюю, невидимую игру решили построить не на конфликте персонажей (он ведь и так уже есть в пьесе), а, наоборот, на идее, что герои остро чувствуют друг друга и всеми силами пытаются преодолеть невозможность физического соединения. Каждый вроде бы говорит о своем, но желание разорвать эту неподвижность приводит к невозможному: они начинают двигаться навстречу друг другу и почти сближаются, но полностью соединиться им не позволяет изначальное условие их мира — отсутствие движения.

Каждый из героев представляет свой жанр изобразительного искусства. Так, Андрей «живет» в бытовой картине, отсюда и набор сценических действий: не вставая с места, он курит, рыбачит, пьет виски. Ольга же олицетворяет неподвижность импрессионистского пейзажа, поэтому ее игра не привязана ни к каким бытовым предметам и связана с минимизмом движений.

Исходная ситуация постановки — статичность персонажей — привела к идее сценографии: декорация должна напоминать натюрморт. Для создания композиции Тен предложил использовать подиум с кубами, драпированными белой тканью, и одеть актеров в белое. Костюм Андрея полностью перешел из «Сценария для трех актеров», а Ольга использовала длинное белое платье из спектакля «Король умирает».

Так как персонажи были практически неподвижны, важно было какими-то средствами создать внутреннее движение спектакля. Такую роль взял на себя свет: статичность героев преодолевалась цветовыми переходами от сцены к сцене, давая постановке необходимую динамику. Свет выступал в роли важного игрового элемента и, по сути, был еще одним действующим лицом спектакля: с его помощью задавалось настроение, а также текстура каждой сцены.

Для создания текстур воспользовались проектором со слайдами, на которых напечатали нужные образцы: дерюжку, водную среду, небо, облака. Фактуры выражали три стихии мироздания — землю, воду и воздух: огня не было, так как отсутствовала страсть.

Слайды с текстурными изображениями проецировали на декорации. Когда «оживала» жанровая картина, представленная персонажем Трумбы, то на белом фоне появлялась дерюжка — она создавала теплую бытовую атмосферу. Если же звучал эстетский текст женского персонажа — возникала холодная фактура водной или воздушной среды: она подчеркивала оторванность героини от повседневной реальности, ее вечное пребывание в мире отвлеченных идей.

Работа художника в этом спектакле действительно впечатляет. Во многом благодаря Андрею Тену «Пейзаж» получился необыкновенно красивым и выразительным.

Пьеса Пинтера отличалась от прочего материала, поставленного в театре, изрядным занудством. Был риск того, что спектакль выйдет тягомотным или вообще окажется провальным. Однако опасения были напрасны. Возможно, актеров подстегивало то, что они создавали «Пейзаж» в состоянии безысходности и нужно было просто выжить после нескольких лет творческого кризиса.

Критика приняла спектакль вполне благосклонно. Хабаровский театровед Л. Васильева, побывавшая на одном из премьерных показов, сказала, что если в постановке и есть ошибки, то на то он и эксперимент, чтобы ошибаться.

Зритель тоже оценил такую неожиданную для Белого театра постановку. Медитативная картинка, великолепный саундтрек вкупе с эмоциональными, богато интонированными голосами актеров — все это привлекало публику, способную воспринять сложную эстетику спектакля. Впоследствии Ольгу и Андрея даже приглашали на радио — озвучивать отдельные места из пьесы.

Кассовым спектаклем «Пейзаж» никогда не был, но зато стал любимой постановкой студентов театрального и культурологического отделений: и тем, и другим было что в нем анализировать, поэтому после показов возобновились обсуждения. Иногда учащиеся хабаровских вузов выкупали в зале все места, поэтому Белый театр в знак благодарности ввел для них специальную десятипроцентную скидку.

Мало-помалу театр выходил из состояния кризиса.

В 1999 году у Ольги в руках оказалась пьеса современного испанского драматурга Жоана Казаса «Раздетые» — ее принесли в театр из общества испано-российской дружбы. Хотя перевод был далеко не блестящий, пьеса заинтересовала Кузьмину. Во-первых, в ней было всего два персонажа — Он и Она. А во-вторых, пьеса привлекла внимание Ольги сюрреалистическими ходами, абсурдистской логикой и необычной композицией: действие ее как бы рвалось и рассыпалось на куски, нарушая одни причинно-следственные связи и порождая другие.

Вот как описывает сюжет «Раздетых» художник Александр Лепетухин: «Два персонажа трижды поднимаются на чердак, чтобы поболтать наедине и, возможно, заняться интимными утехами на тоненьком матрасике, но все кончается раз за разом плохо. А они не помнят, что такое уже было. Да и было ли? Они еще и те же, и уже другие. И только забытые фотографии заставляют их мучительно морщить лоб: *Что это за наваждение? Почему я на этом снимке похожа на мертвую? Почему я снята здесь голым?*»*.

Основная проблема постановки этой пьесы заключалась в том, что, по авторскому замыслу, персонажи полностью раздевались. Для европейца обнаженное тело в театре было вполне обычным делом, а вот русский зритель, да еще в провинции, говорит Кузьмина, все еще оставался целомудренным и неготовым к откровенной наготы на сцене.

Пространство Белого тоже диктовало свои условия: площадка находилась слишком уж близко от зрителя, поэтому актерам пришлось отказаться от идеи полностью воплотить замысел Казаса. Раздевание, правда, присутствовало, но Андрей превратил его в комический номер а-ля стриптиз, появившись перед публикой с шляпой на причинном месте.

Ольга признается, что нашла компромиссное решение, просто обозначив для себя основную тему постановки: если у автора это тема обнажения *души и тела*, то Белый театр сделал акцент на *душе*.

Пьесу разделили на три истории, не связанные между собой (хотя зритель, конечно же, пытался их логически соединить), и в них сделали попытку осмысления разных сторон взаимоотношений мужчины и женщины. Эти истории Ольга назвала «экзерсисы просто так», потому что, ставя подобные вопросы, театр заведомо не может на них ответить: театр — не психотерапевт и не обязан давать готовые ответы, заявляет режиссер.

Тема *душевного раздевания* непосредственно затронута в первой истории — для себя актеры обозначили ее как «Любовь». Она приводит его на чердак и велит снять всю одежду — тем самым, по сути, просит убрать все наносное, что существует между мужчиной и женщиной: она его раздевает, чтобы назвать вещи своими именами. Так как

* Лепетухин, А. Три неудачных попытки любви (при неполном раздевании) / Александр Лепетухин // Тихоокеанская звезда. — 2000. — 20 апреля.

в этой части говорится о физической близости, которая может существовать без помощи слов, то, по словам Ольги, разбивается стереотип о том, что *женщины любят ушами*.

Во второй части (ее обозначили как «Насилие») поднимается проблема собственничества и ревности в качестве его главного атрибута. Здесь персонажи являются насильником (Он) и жертвой (Она): они непрестанно провоцируют друг друга, и в результате он ее убивает.

В третьей части («Ложь») речь идет о предательстве в отношениях и бесконечном вранье, когда одна неправда тянет за собой другую и в конце концов превращается в болезнь. Непрестанная ложь во спасение, в которой запутались персонажи, приводит к возникновению мотива *театра*. Театр здесь присутствует и на сюжетном уровне (Она — актриса, сыгравшая Ирину в «Трех сестрах»), и на реминисцентном: текст насыщен прямыми и скрытыми цитатами из пьес Чехова. Надо отметить, что это самая интересная часть произведения Казаса — она же оказалась и самой удачной в спектакле Кузьминой.

Вторая проблема постановки «Раздетых» состояла в том, что действие разворачивалось на чердаке, где происходили загадочные явления, поэтому само пространство должно было заключать в себе некую тайну. Нужна была особая декорация, внутри которой артисты могли бы между эпизодами переодеваться и появляться в новой части через люк, ведущий на площадку — «чердак». Такое пространство к тому же решило бы проблему с загадочным шумом в конце второй части, когда оба актера находятся перед зрителем, а кто-то изнутри вдруг начинает стучать в люк чердака, словно желая его открыть и войти.

Выслушав все пожелания Кузьминой и Трубмы, Андрей Тен предложил довольно большое кубическое сооружение с люком и невидимыми лестницами — внутри куба можно было спрятать человека, который помогал бы актерам создавать необходимые звуковые эффекты. Конструкция получилась необычайно громоздкая и тяжелая, потому что у нее был железный каркас, а щиты сделаны из ДСП. На ее монтаж и разборку после спектакля уходило огромное количество времени.

Неудачными оказались не только декорации, но и костюмы — их сшили в Доме моды. Во-первых, они были абсолютно не в духе испанской пьесы, какие-то «офисные»: белый верх, черный низ; а во-вторых, в одежде было столько мелких деталей, что самостоятельно переодеться за считанные секунды актеры не могли. В этом им помогал человек, укрытый от глаз зрителей внутри декорации.

Однако, несмотря на все технические промахи, спектакль все же получился отличный и долгое время проходил при переполненном зрительном зале. Возможно, некоторые шли на «клубничку», но, как считает А. Лепетухин, «зрители идут, потому что пьеса про любовь. Вернее, о невозможности любви. О том, что люди разучились чувствовать друг друга и портят все насилием и изменами. [...] Актеры и зал взаимодействуют активно. Причем на разных уровнях: кто-то хохочет почти без перерыва, а с кем-то была истерика. Можно сказать, что спектакль двухэтажный. На первом этаже — что-то похожее на клоунаду. А на втором, одновременно, поближе к автору, — сюрреалистическая драма развала личностей, которым, чтобы доказать себе (себе!) факт своего существования, приходится изменять, мучить и убивать»*.

Заканчивая обзор спектакля, хочется отдельно отметить финальную часть, не запланированную автором пьесы. Когда в конце третьей истории героиня остается одна, она в отчаянии принимает совершать какие-то танцевальные движения. Незаметно этот судорожный «танец» женского персонажа переходит в танец самой Ольги — к ней присоединяется Андрей, и они вдвоем «отрываются» на маленькой площадке под хит *Besame Mucho* в исполнении Далиды.

«Нет больше никаких скандалов и смертей. Актеры просто танцуют, словно сбрасывают с себя в зал лишнюю энергию и освобождаются от тягостных сюрреалистических

* Лепетухин, А. Три неудачных попытки любви (при неполном раздевании) / Александр Лепетухин // Тихоокеанская звезда. — 2000. — 20 апреля.

превращений. Пожалуй, финал дает такой энергетический импульс, который равен по силе воздействия всему ходу пьесы. И именно его уносит с собой зритель»*.

2000-й год отмечен спектаклем по одноактной пьесе Патрика Зюскинда «Контрабас». Саму пьесу в театре отыскивали еще при Аркадии Раскине, в конце восьмидесятых, когда у нас никто не знал имени Зюскинда — ныне же оно всем известно благодаря роману «Парфюмер» и одноименному фильму.

Когда много лет спустя Трумба открыл пьесу и прочитал первую фразу «Это я», он понял, что неспроста взял в руки журнал. И действительно, произошло совпадение с жизнью — взять хотя бы тот факт, что тогда Андрею, как и герою Зюскинда, было тридцать пять лет.

Единственный персонаж «Контрабаса» — тихий, скромный, незаметный и весьма посредственный музыкант: он служит в госоркестре и сидит в самом последнем ряду. Это неудачник, у которого за плечами нереализованные планы, несбывшиеся мечты, неудовлетворенность работой, безответная любовь и беспросветное одиночество. Весь нерастраченный потенциал своей личности он раскрывает, лишь запершись в четырех стенах собственной квартиры.

«Почему пьеса называется *Контрабас*? Все очень просто: этот инструмент — материальное воплощение многочисленных комплексов нашего героя. Он заменяет музыканту абсолютно все: мать и любовницу, близкого друга и ненавистного врага. Но разве дело в этом неказистом деревянном ящике со струнами? Контрабасист сам прекрасно понимает, что все дело в нем самом. Но в том-то вся и штука, что наш герой не способен на поступок. Вернее, в нем благополучно уживается сокровенная мечта переустроить свою жизнь с еще более потаенным желанием ничегошеньки в ней не менять»**.

Однажды во время репетиции нового спектакля в театр случайно зашел немецкий пастор по имени Маркус, участвовавший тогда в строительстве лютеранской церкви в Хабаровске. Он сопровождал группу немцев, которые искали в аренду небольшое помещение. Посетители разговорились с хозяевами театра, и, когда выяснилось, что актеры репетируют «Контрабас», Маркус уговорил их показать кусочек спектакля его группе. Всякий раз, когда Андрей произносил имя Рихарда Вагнера, немцы начинали хохотать и никак не могли остановиться: оказывается, среди них находился человек с фамилией *Вагнер*.

Для театра знакомство с Маркусом было очень своевременным: он помог решить несколько проблем, с которыми Андрей и Ольга не могли справиться самостоятельно — например, с поиском музыкальных произведений. Упомянутую в пьесе популярную классику — Брамса, Моцарта, Вагнера, Шуберта — они, конечно, нашли сами, причем тогда вся музыка была записана на пластинках и ее пришлось переносить на кассеты. Но Зюскинд еще упоминал некий «Концерт для контрабаса с оркестром E-Dur» никому не известного Карла Диттерса фон Диттерсдорфа — в Хабаровске о таком композиторе не слышали даже в музыкальном салоне Краевой библиотеки. Вот тогда на помощь пришел Маркус: он привез запись этого концерта из Германии.

Маркус же принес в театр и смычок для контрабаса, поэтому актерам не нужно было каждый раз перед спектаклем брать напрокат смычок в филармонии.

Будучи по природе перфекционистами, Трумба и Кузьмина пригласили из симфонического оркестра консультанта Виктора Пильгуева, и тот показал, как нужно правильно держать смычок и контрабас, а также научил извлекать на инструменте звуки. Впоследствии все оркестранты, смотревшие спектакль, со смехом говорили, что образ главного героя получился точь-в-точь как в жизни, что контрабасисты именно так себя и ведут.

Помимо технических вопросов нужно было решать и чисто театральные: режиссер Кузьмина и актер Трумба впервые работали с моноспектаклем, и обоим пришлось экспериментальным путем изучать, что это за жанр.

* Там же.

** Южина, Н. *Камерный концерт для контрабаса с человеком* — Н. Южина // газ. «Телевидение и радио». — Хабаровск, 2000. — 13 ноября.

В ходе репетиций пришло осознание, что любой монолог — это на самом деле диалог, только не с другими персонажами, а со зрителем. Пришлось «разомкнуть» пространство, и зритель оказался лицом к лицу с героем. Тогда возникла мысль поставить в зрительном зале столики — Ольга решила создать атмосферу кабаре: люди во время представления могли есть и пить, и, конечно же, их можно было вовлекать в действие.

«Замечу, что в спектакле использован весьма рискованный постановочный ход: контрабасист (Андрей Трумба) непрестанно общается с публикой, — пишет Н. Южина. — Он подсаживается за столики то к одним, то к другим, флиртует с девушкой, приглашая ее танцевать, словом, ведет себя как вполне гостеприимный хозяин. Видимо, очень хочет быть нами услышанным. И, кажется, ему это удастся...»*.

Весь спектакль был задуман Кузьминой как музыкальное произведение, состоявшее из нескольких частей. Именно поэтому текст раскладывали с точки зрения музыкальной динамики, преподнося его как *сонату*. Музыкальную «партитуру» пьесы удалось сделать благодаря классическому переводу Екатерины Том, а вот новый перевод, уверена Ольга, уже трудно было бы переложить на «оркестровку».

Критики хвалили спектакль за то, что в нем звучали большие потоки текста, которые зритель способен был воспринимать без «разжевывания», принятого в психологическом театре. С наработкой спектакля речь зазвучала именно как музыкальное произведение, с нужными акцентами. Главное здесь было — музыкальность, а не пресловутый психологизм.

А вот поиски нужной «ноты» шли со скрипом. Первую сцену репетировали со скандалами, и порой дело доходило до слез. Кузьмина, режиссировавшая спектакль, понимала, что Андрей говорит неправильно, интонация совершенно не та, но объяснить, что именно ей не нравится, не могла. Лишь спустя время, совершив массу ошибок, Ольга наконец осознала, что актеру для роли нужно созреть — и тогда образ родится сам собой.

Что касается декораций, то они, по словам Ольги, «возникли из нищеты» — по финансовым затратам это была самая дешевая постановка. Под сцену использовали подиум из «Сценария для трех актеров». Контрабас и пюпитр, проигрыватель и кресла в театральном имуществе тоже имелись. Тен предложил повесить занавески из мешковины, кто-то принес золотую фольгу — в результате на длинных полосах из дерюги появились золотые ноты. А с потолка на бечевке свисали листы с нотами. В антракте на зрительских столиках появлялись свечи в прозрачных подсвечниках — одним словом, красота «за три копейки», вполне в духе Белого театра.

Одежда тоже вся была из театрального гардероба, из нового купили лишь джемпер, подтяжки и трусы с майкой: точный образ персонажа Ольге виделся через призму ироничной «домашней эротики». А еще герой ей представлялся близоруким, поэтому для Андрея заказали очки со стеклами без диоптрий.

Создатели обозначили жанр спектакля как *концертино для контрабаса с пивом*, потому что герой по ходу действия открывает бутылки с пивом и пьет — каждое такое распитие считалось музыкальной паузой. К счастью, именно в то время начали продавать безалкогольное пиво — по удачному совпадению, это были маленькие бутылки немецкого пива «Бавария». Все удивлялись (а кое-кто и возмущался), что актер на сцене (!) употребляет настоящий алкоголь, и до поры до времени никто даже не подозревал об этой хитрой уловке.

Поначалу «Контрабас» в постановке Кузьминой восприняли далеко не все. Образ персонажа не соответствовал представлению людей о герое рассказа. Они возмущенно говорили, что *Зюскинд такого не писал*. Преподаватели с кафедры немецкого языка педагогического университета после премьеры заявили, что представляли его «сидящим интеллигентным мужчиной».

* Южина, Н. Камерный концерт для контрабаса с человеком / Н. Южина // газ. «Телевидение и радио». — Хабаровск, 2000. — 13 ноября.

Ольга же создала образ маленького человека «по-немецки» — она показала, как в человеке, запертом в крошечном пространстве своей квартиры, постепенно зарождается Гитлер. «Это история одного человека XX века, который не смог состояться в социуме, но при этом «вырос» дома, — рассказывает Кузьмина. — Ведь дома каждый из нас — гений, маленький диктатор, тиран»*.

Герой изолирует себя от общества, все время говорит о творчестве, но при этом даже не занимается поддержанием профессиональной формы, так как якобы в этом не нуждается. В принципе, его все устраивает. И хорошо, что он не смог себя реализовать, полагает режиссер, возможно, это лишь пошло на благо всему человечеству.

Впрочем, благодаря оригинальной режиссуре и выдающейся игре Андрея Трумбы главный персонаж вышел обаятельным, полным сил и страстей молодым человеком, а «спектакль с подозрительной приставкой *моно*» получился не монотонным, а ярким, живым и динамичным**.

«Контрабас» удалось показать на нескольких фестивалях. В 2000 году театр принимал участие в Днях немецко-русской культуры в Хабаровске. В 2001-м с постановкой поехали на фестиваль «Перспектива комнаты» в Комсомольск-на-Амуре, а в 2002-м летали в Красноярск на фестиваль-лабораторию независимых театров «Суб-Альтера».

В поездках, как водится, нередко случались казусы. Когда актеры приехали на междугородном автобусе в Комсомольск, они «прозевали» свою остановку на площади Ленина и вышли на конечной — на безлюдной набережной. Был поздний вечер, перед артистами расстилось бескрайнее заснеженное поле — и лишь узкая тропинка вела куда-то в темную даль. Они целый час шагали по этой дорожке — Андрей шел впереди с тяжеленным инструментом через плечо. В результате в принимающий театр КНАМ добрались уже к часу ночи, когда устроители фестиваля давно отчаялись увидеть хабаровских участников.

На фестиваль в Красноярске нужно было добираться самолетом. Так как Оля до смерти боялась летать, Трумба и Тен в полете периодически наливали ей коньяка и, разумеется, сами охотно поддерживали компанию. В результате оба Андрея так напились, что при выходе уронили контрабас с трапа и, конечно же, разбили его. В театре инструмент отнесли к столяру, и тот, почесав в затылке, вбил в него болт. Отдельные части изуродованного контрабаса кое-как скрепили жидкими гвоздями и отыграли-таки спектакль, но по возвращении домой инструмент пришлось заменять новым.

К чести актеров, надо сказать, показ прошел на ура. Красноярская публика приняла спектакль очень тепло, хотя журналисты удивлялись тому, что режиссер постановки — женщины. И в газетах потом писали, что для танца театр специально привез с собой «подсадную утку».

По мнению Ольги Кузьминой, для Белого театра «Контрабас» — знаковая постановка. В репертуаре труппы этот феерический спектакль — «анатомический театр души контрабасиста»*** — стал хитом номер один.

В 2001 году театр порадовал зрителей новой постановкой: выпустили спектакль по киносценарию Ингмара Бергмана «Сцены из супружеской жизни».

Сюжет «Сцен» до банальности прост. Марианна и Юхан — образцово-показательная семейная пара с прочным достатком, двадцатилетним семейным стажем за плечами и двумя детьми. Между ними давно нет страсти, но кажется, что обоим это устраивает. Когда Марианна признается мужу, что беременна, она не находит у него поддержки и решается на аборт. Чуть позже Юхан объявляет жене, что у него есть любовница Паола,

* Ленская, А. Новый сезон в Белом театре / Анна Ленская // *Новости Хабаровска на DVHab.ru*, 2015.

** СтрИнгер, А. Человек в контрабасе / Алиса СтрИнгер // *Тихоокеанская звезда*. — 2000. — 23 октября.

*** Южина, Н. Камерный концерт для контрабаса с человеком / Н. Южина // *газ. «Телевидение и радио»*. — Хабаровск, 2000. — 13 ноября.

которой всего двадцать три года, и улетает с ней в другой город, оставляя Марианну одну. Спустя несколько лет супруги, встретившись для подписания документов о разводе, выпивают на двоих бутылку коньяка, пытаются заняться любовью, однако вместо этого начинают высказывать друг другу наболевшие обиды и дерутся.

В «Сценах» Бергман обращается к глубокому психологическому реализму, концентрирует внимание на бытовом диалоге, неспешном наблюдении за повседневной жизнью героев, подмечает их мгновенные переживания и эмоции — словом, делает то, что совсем нехарактерно для его фильмов.

Ольга Кузьмина, в своем предыдущем творчестве тоже старавшаяся уйти от реалистического театра с его бытовыми мотивами и выяснением отношений, признается, что для нее «Сцены» стали компромиссом между искусством и коммерцией: Белый театр остро нуждался в кассовой постановке, которая гарантированно приносила бы доход.

Пытаясь хотя бы в собственных глазах «приподнять» материал, Кузьмина в одном из интервью говорит, что «Сцены из супружеской жизни» — постановка *вне времени*: «Это семейные отношения, любовь как ограничение жизни, внутренний кризис и поиск себя, рассуждения о силе спасения любви и ее пагубной силе. Немногие драматурги умеют создавать вещи вне времени — истории, которые были бы актуальны сквозь века. А любовь — это как раз одна из тем, которые не привязаны к временным рамкам»*, — утверждает Ольга.

На самом же деле киносценарий изобилует текстом, привязанным к историческому времени, и Кузьминой пришлось сильно сокращать материал. Но даже тот текст, что вошел в спектакль, иногда удивлял своим несоответствием современным реалиям. Возможно, пространственный монолог Юхана о том, что в школе мы изучаем все что угодно, кроме человеческой души и собственной натуры, был созвучен зрителю семидесятих годов прошлого века, но в начале нового тысячелетия, когда психология стала чуть ли не обязательным предметом школьного образования, эти слова давно потеряли актуальность.

Позже Кузьмина признавалась, что ей и Андрею репетировать было невообразимо скучно: уж очень простой материал. Велосипед в данном случае не изобретали, смеется Ольга, весь разбор происходил в рамках традиционного психологического театра. Единственное, все шесть сцен из жизни супругов соединялись так, будто действие происходит в фотомастерской. Отсюда — образ фотографа (исполнитель: фотограф *Дмитрий Лопатков*), который фиксирует все происходящее на пленку, а в финале демонстрирует отснятые кадры через слайд-проектор. В этом, по мнению Ольги, состоял скрытый абсурдизм откровенно реалистической постановки.

Кузьмина говорит, что, несмотря на все недостатки материала, включая скверный перевод, получился весьма неплохой спектакль — прежде всего с точки зрения актерской игры. Возможно, оттого, что работали с киносценарием, на сцене всякий раз происходила импровизация, каждый спектакль был как новый дубль в кино. Можно было без угрызений совести заменять слова текста и вообще допускать в игре свободу и «необязательность» — словом, хулиганить в свое удовольствие, пользуясь тем, что над ними не стоял Автор, до которого нужно расти и расти.

В карьере Кузьминой-актрисы роль Марианны можно считать этапной: в ее игре появилось некое новое качество, красноречиво говорившее о том, что она стала *мастером* в своей профессии. Впоследствии актерский уровень Ольги непрестанно увеличивался: в ее голосе постепенно появлялись интересные обертоны, обогащалась пластика, становилась впечатляющей нюансировка сценических образов. Так что «свобода от Автора» определенно пошла ей на пользу.

Зритель остался более чем доволен новой постановкой — наконец-то в Белом появился тихий, простой, понятный всем и каждому, щемящий сердце спектакль, на котором можно было посмеяться и поплакать!

* *Ленская, А. Новый сезон в Белом театре / Анна Ленская // Новости Хабаровска на DVHab.ru. — 28.09.2015.*

После премьеры, состоявшейся первого октября 2001 года в рамках фестиваля «Дни немецко-русской культуры», гостя театра Елена, делая впечатлениями от спектакля, написала в театральной книге отзыв: «Каждый эпизод постановки мне показался как будто отдельной историей из жизни каждого человека. Главные герои переживают свои проблемы так ярко и естественно, что забываешь о том, что это спектакль, а не реальная жизнь. И каждая проблема — это реальная история, которую зритель может найти в жизни своей или близких людей».

Впрочем, нашлись и те, кому даже эта постановка показалась непростой для восприятия. Журналист Д. Кошевой, признавая, что «Андрей Трумба и Ольга Кузьмина в образах главных героев вполне убедительны», считает нужным предупредить, что «спектакль сложный и явно предназначен не для широкой публики». Хотя соглашается, что в том и состоит «предназначение искусства, чтобы вызывать спор, в котором, как известно, рождается истина»*.

Подобно «Контрабасу», «Сцены» стали в театральном репертуаре хитом — спектакль неизменно пользовался у зрителей популярностью, его любили и даже заказывали в качестве «торжественной части» на корпоративных вечеринках.

Однако работать с простыми пьесами дальше Кузьмина не собиралась и в 2002 году снова обратилась к абсурду, на этот раз русскому: театр взялся за постановку совершенно безумного произведения Евгения Харитонов «Дзынь».

«Сама судьба пьесы необычна, — пишет журналист Карина Костина. — Ее автор — Евгений Харитонов — был человеком московского андеграунда 70-х годов, занимался пластикой с глухонемыми, вел пантомимные кружки и делал там необычные спектакли. Он умер летом 1981 года, на следующий день после того, как закончил «Дзынь». Может быть, ему уже нечего было сказать после такого чистого звона? Мнение не мое — так думает режиссер Ольга Кузьмина»**.

Что же это за пьеса, ставшая роковой для ее создателя? Сюжет произведения таков: группа актеров собирается поставить знаменитый «Городок в табакерке» Островского и делает это прямо на сцене, отчаянно пытаясь протянуть время и восполняя отсутствие готового текста импровизированными «лирическими отступлениями». Во время этих отступлений персонажи произведения — Колокольчики, Молоточки, Валик, Пружинка и Мальчик — надевают на себя все новые и новые маски (Слесарь, Змея, Ключ), не имеющие уже никакого отношения к «Табакерке».

Харитонов как преподаватель пластики мог писать этот текст в качестве упражнений для студентов (в пьесе явно заложен потенциал для использования тела как инструмента выразительности), поэтому изначально Кузьмина хотела сделать «Дзынь» в стилистике студенческого спектакля — что-то очень простое, веселое, даже без костюмов. Но когда Андрей Тен посмотрел репетицию первой сцены, он сказал, что не хватает «шизы», и вот тут-то Ольга начала работать в совершенно ином направлении.

У нее появилась идея показать в спектакле театр как *механизм*, где стоит лишь тронуть один винтик, и появляются разные истории и персонажи. В воображении режиссера сами собой стали рождаться образы бродячих актеров, выходящих из *колокольчика*: Молоточек-Арлекин, Колокольчик-Пьеро, Пружинка-Коломбина, Мальчик-Акробат, Валик-Звездочет. Эти ребята решают продержаться на сцене целый спектакль, не имея на руках пьесы. Причем все они, по задумке Кузьминой, пребывают в состоянии *коллективного сновидения* — такой способ актерского существования, конечно же, предполагал не бытовое, а сюрреалистическое поведение персонажей: они должны были создавать «живые» картинки, бесконечно перетекающие одна в другую.

Когда родилась идея показать в постановке *театр* как культурное явление, решили, что нужно использовать все сценические жанры вместе взятые: драму, оперу,

* Кошевой, Д. Белые вороны от театра / Д. Кошевой // Тихоокеанская звезда. — 2001. — 11 октября.

** Костина, К. «Жило-было сердце...» / Карина Костина // Молодой дальневосточник. — Хабаровск, 2003. — 26 марта — 3 апреля.

мюзикл, цирк, мистерию, водевиль, стендап; ввести элементы японского и поэтического театра, — словом, создать абсурдистскую пародию на театральное искусство как таковое. Все это требовало архисложной партитуры с пластическими этюдами, танцами, песнями в разных стилях и клоунскими номерами, поэтому труппе пришлось в кратчайшие сроки овладеть навыками танца (под руководством хореографа *Елены Семешко*), разучить массу вокального материала, включая сложнейшие атональные композиции, и выучить тексты на иностранных языках.

Впервые за всю историю Белого театра в спектакле были задействованы люди, не имеющие актерского образования. Прежде всего это связано с тем, что в коллективе работало всего три профессиональных актера (Трумба, Кузьмина и Селезнева, к тому времени вернувшаяся в Хабаровск), а для постановки нужно было еще два-три человека. Вот тогда Ольга и обратилась к «людям театра» — психологу *Маше Коденцевой* и преподавателю *Роману Романову* — с предложением принять участие в проекте. Те согласились, а последний пригласил еще свою бывшую студентку *Марысю Веселовску* — она обладала абсолютным музыкальным слухом и сочиняла музыку.

Разумеется, «связываясь» с непрофессионалами, Кузьмина шла на риск и прекрасно это осознавала, но уже тогда она была готова экспериментировать с артистами-любителями, терпеливо выявляя и направляя в нужное русло их способности. В своей работе с начинающими актерами Ольга исходила из особенностей их тела и психики, давая возможность так построить роль, чтобы как можно ярче высветить их индивидуальность со всеми ее достоинствами и недостатками.

«Белый театр — театр Личности, — подчеркивает Кузьмина, — и у нас только от личности зависит, сумеет ли она раскрыть свой творческий потенциал и стать интересной публике. Задача режиссера — лишь очертить перед актером основную концепцию постановки и сделать игровой разбор мизансцен. Сценическое же воплощение роли целиком лежит на актере, и успех здесь зависит от меры его природной одаренности и собственного видения. Для неопытных исполнителей, ожидающих от режиссера готовых рекомендаций по созданию образа и не получающих желаемого, подобный подход, конечно, настоящее испытание, но уж таков в Белом театре изначальный принцип творчества — воспитание Актера-Личности».

Кузьмина тут же столкнулась с «индивидуальными особенностями» новых артистов: Коденцева, хоть и окончила отделение академического вокала, боялась сцены как огня, а Романов, владевший несколькими иностранными языками, катастрофически не умел говорить на площадке по-русски. Ольге потребовалась вся режиссерская изобретательность, чтобы прикрасить недостатки горе-артистов на сцене, ну а во время подготовки спектакля она дала возможность каждому участнику стать полезным, используя для общего дела их профессиональные навыки. Так, Веселовска написала хоровые партии на стихи Харитонова, Коденцева обучила актеров азам академического вокала и отработала с ними музыкальные номера, а Романов ввел в действие французские стихи на языке оригинала.

Вот что пишет К. Костина об участии в постановке актеров-любителей: «Маша Коденцева, психолог, обладает ангельским голосом, Роман Романов подготовил все песни на корейском, английском языках, да и тот же Превьер — его идея. А Марыся Веселовска, композитор, — девушка, как будто сошедшая с картин эпохи Возрождения, — окружена множеством музыкальных предметов. Спектакль оформлен исключительно живой музыкой — ее исполняет Марыся, «человек-оркестр». Она играет на небольшой арфе, флейте, скрипке, бубне и, конечно, звенит в колокольчик. Этот колокольчиковый «дзынь» тоненькой линией проходит через весь спектакль»*.

Звук колокольчика здесь — это символ созидательной силы. Поэтому каждый раз, когда произносится слово «дзынь», происходит некий мистический акт творения. Персонажи спектакля ежеминутно создают новые формы своего сценического существования и тут же их разрушают, чтобы через минуту сотворить что-то еще. По

* Костина, К. «Жило-было сердце...» / Карина Костина // Молодой дальневосточник. — Хабаровск, 2003. — 26 марта — 3 апреля.

сути, для них звук «дзынь» — единственная существующая реальность, единственный момент истинного бытия.

Образ колокольчика — главный в спектакле. Он появляется в разных видах, и один из них — огромный колокол из блестящей ткани — единственный предмет декорации (декоратор — *Ирина Дегтярева*). Внутри него скрыта от глаз зрителей «Музыкальная Табакерка» — все участники действия. Скорее всего, этот колокол символизирует изначальный Хаос, основу мироздания, из которого возникает Космос упорядоченных форм — Табакерка и все ее последующие трансформации.

«Живая» Музыкальная Табакерка — это основной пластический образ спектакля: ее хореографически выстроила Елена Семешко, задействовав всю труппу (А. Трумба, О. Кузьмина, Л. Селезнева, М. Коденцева, Р. Романов: они соответственно исполняют роль *Мальчика, Пружинки, Валика, Молоточка, Колокольчика*). Во время действия Табакерка непрестанно видоизменяется: она превращается то в Часы, то в Паука, то в Подземный Ход, то в Поезд, то в Телефон. А поскольку это не обычная табакерка, а музыкальная, то персонажи постоянно напевают мелодию песенки «Ах, мой милый Августин» — лейтмотив всего спектакля. Характер мелодии тоже непрерывно изменяется — от нежного и еле слышного «динь-динь-динь» до громоподобного, «революционного» «бум-дзынь-дзынь»*.

Конечно же, Кузьмина отдавала себе отчет в том, что действие получилось в высшей степени странным, поэтому в программке было написано, что это — *как бы спектакль*, где играют *как бы актеры*, а поставил все это *как бы режиссер*. «Возможно, — говорит Ольга спустя годы, — «Дзынь» появился раньше времени, до того, когда тотальное смешение жанров вошло в элитное и массовое искусство и стало само собой разумеющимся явлением. Тогда же, в 2002-м, была опасность, что даже подготовленный зритель не примет постановку».

Чтобы хоть как-то настроить людей на спектакль, Ольга перед показом давала зрителям «ключ» к его пониманию: в зал выходила хореограф Е. Семешко и объясняла, что стилистика «Дзынь» восходит корнями к эстетике театра А. Я. Таирова**, где слово, музыка, движение подчинены не развитию *сюжета*, а раскрытию тонкого, неуловимого, постоянно меняющегося *образа*. Она предупреждала, что не нужно искать в постановке глубокого смысла и высших откровений, нужно просто существовать вместе с актерами в каждой «картинке», в каждый момент их сценического бытия, и наслаждаться красотой зрелища.

Несмотря на все объяснения и «рекомендации к просмотру», некоторые зрители прямо посреди действия выбегали из зала от бесконечного «дзынь», но были и такие, кто готов был прийти чуть ли не на каждый показ.

К. Костина пишет: «Говорят, реакция на спектакль — два противоположных полюса человеческих эмоций. От полного восторга до «просто чушь!». Причем самым участникам представления довелось услышать, как «Дзынь» хвалили пенсионеры, а продвинутые студенты убежали с первого действия»***.

В целом, зрители принимали постановку довольно благодушно. Если они и не понимали до конца, что творится на сцене, то все равно ощущали настроение происходящего. Люди поддавались обаянию самого авторского текста, который, несмотря на отдельные места с трагической интонацией, оставался веселым и солнечным, и выходили из зала просветленные, с блестящими глазами.

* Романов, Р. Р. *Феномен провинциального театра: экспериментальные площадки Хабаровского края: дисс... канд. культурологии* / Романов Роман Романович. — Хабаровск, 2006. — С. 117–122.

** Таиров, Александр Яковлевич (1885–1950) — российский режиссер, один из реформаторов театральной сцены. Стремился к «синтетическому театру» преимущественно романтического и трагедийного репертуара, воспитанию виртуозного драматического актера, равно владеющего приемами музыкального и пантомимического искусства, и созданию новой сценической среды — пластической.

*** Костина, К. «Жило-было сердце...» / Карина Костина // Молодой дальневосточник. — Хабаровск, 2003. — 26 марта — 3 апреля.

Для тех же, кто так и не понял, в чем была суть этой постановки, хочется сделать *как бы заключение*, процитировав слова Людмилы Гавриловой: «Вопрос, рефреном проходивший через дни немецко-российской культуры: *Зачем я здесь?* Ответ звучал на языке фотографии, музыки, кино, но отчетливее всего — в спектакле «Дзынь» Белого театра — казалось бы, что может быть проще? Звук, издаваемый «колокольчиком, по которому бьет молоточек». А зачем? Если ответа нет, звук становится бессмысленным, скучным, нелепым и умирает. Так же и человеческая жизнь»*. Кажется, все предельно ясно.

В 2003 году Ольга (под ироничным псевдонимом *Марк Аноним*) поставила спектакль «Счастливые дни» по пьесе Сэмюэля Беккета — одной из ключевых фигур театра абсурда и одного из последних модернистских писателей XX века. Это было второе возвращение Кузьминой к абсурду.

Содержание пьесы можно пересказать в нескольких словах. Женщина лет пятидесяти Винни погребена по пояс в песках; каждый день жизни она проводит одинаково: молится, чистит зубы, пьет чай, вспоминает прошлое и ведет беседы со своим необщительным мужем Вилли — человеком лет шестидесяти.

Несмотря на скупой сюжет пьесы, ее текстовый объем огромен — спектакль же необходимо было сделать в минимальные сроки, чтобы успеть к заявленной дате премьеры: проект финансировали организаторы фестиваля «Дни немецко-русской культуры», и театр был обязан отработать полученные на постановку деньги. Работу приходилось форсировать и все делать предельно быстро.

Вся ответственность, по большому счету, лежала на Кузьминой — это был ее моноспектакль. Все зависело только от Ольги, от ее умения максимально концентрироваться и выдавать результат.

Для Кузьминой это был очередной сложный эксперимент — работать одновременно режиссером и актером: сначала она должна была все самой себе объяснить, а потом попытаться выполнить. Так как у Ольги объективно не было возможности наблюдать за собой со стороны, каждую репетицию стали записывать на видеокамеру — с помощью записей они с Андреем выявляли все ошибки и тут же пытались их исправить.

Ольга называет работу над «Счастливыми днями» *странным способом самоунижения*: не видя общей картинке, она была обязана сама «вести корабль», и при этом ей было некому и не на кого пожаловаться. «Спасение было в том, что репетировать приходилось с невероятной скоростью, — вспоминает Ольга. — Тебе некогда себя уничтожать, ты обязана просто работать — и все. Каждый день говоришь себе: двигай дальше; не знаешь, как сделать сцену — двигай дальше. Хотя бы выучи текст. Читка, разбор и игра шли рука об руку».

Кузьмина говорит, что этот спектакль — о возможности счастья. Несмотря на печальную интонацию пьесы, ей хотелось идти, отталкиваясь от названия. «Меня поражает то, что на протяжении всей пьесы женщина все глубже уходит под землю, но пытается оставаться счастливой, — говорит Ольга. — Каждый день повторяется, он всегда одинаков, и предметы одинаковые, но она пытается в этой одинаковости быть счастливой. Такая пронзительная жажда счастья, что Винни, от которой к концу остается одна голова, говорит: *Какой счастливый день!*»

Ольга полагает, что женщина всегда связана с землей, поэтому в пьесе Беккета она все больше и больше погружается ногами в эту землю. Мужчина же стоит на поверхности, и его вечно сдувает ветром — в спектакле эта идея выражена метафорически: Вилли (*Андрей Трумба*) раскачивается на подвесной лестнице, а его лицо попеременно появляется то в одном отверстии черного задника, то в другом. Из-за того, что мужчина и женщина принадлежат разным стихиям, они не могут соединиться, говорит Кузьмина, но, в отличие от героев «Пейзажа», Винни и Вилли очень близки внутренне, и в конце концов их соединение все же происходит.

* Гаврилова, Л. Театр КнАМ. Зачем они нам? / Людмила Гаврилова // Телевидение и радио. — Хабаровск, 2002.

Пространство, в котором обитают персонажи — черное, мрачное, но оно отделяется от всего остального мира белым занавесом. Четыре раза появляется в зале безмолвная пара (*Л. Селезнева и Р. Романов*), чтобы открыть и закрыть занавес — в начале и в конце каждого акта (по словам Ольги — это своеобразные виньетки к действию). Трижды они выходят в черной одежде, а в последний раз — в белоснежном одеянии.

Музыку для этих «виньеток» написала *Марыся Веселовска*, положив одно стихотворение из текста пьесы на мелодии различного характера: от траурного марша до залихватской песни в стиле кантри. Она сама сделала фонограммы и записала в студии собственное пение.

Все остальное музыкальное сопровождение состояло из пятидесяти одного произведения, включавшего музыку Яна Тирсена к фильму «Гудбай, Ленин» и саундтрек композитора Клинта Мэнселла к кинокартине «Реквием по мечте». «Музыка двигала спектакль и не позволяла терять темпоритм действия, — говорит Кузьмина. — Так как музыкальные паузы отсутствовали, нужно было всегда находиться в тунусе, чтобы текстом попадать в нужные звуки».

Недостаток своего разбора пьесы и собственной игры Ольга видит в том, что не могла тогда полностью понять свою героиню, бывшую гораздо старше ее. Например, не сумела распознать особый смысл сумки, в которой была куча вещей и которая всегда стояла рядом с ней. Ольга тогда не понимала, что в этой сумке находится вся жизнь пожилой героини и она цепляется за эту сумку, как цеплялась за жизнь. «Женская сумка со всем ее скарбом — это всегда готовность к дороге, — уверяет Кузьмина. — Беккет это увидел и очень точно оценил».

Ольга никогда не была до конца довольна сценографией постановки с ее неудобными, громоздкими декорациями и мрачной гаммой: картинка пропадала, не прочитывалась, потому что черный свет все поглощал. В большом театре эту проблему удалось бы решить с помощью освещения, используя более мощные фонари. Но в крошечном зале Белого театра при таких фонарях было бы просто невозможно находиться из-за жары.

Спустя несколько лет у Ольги появилась идея «переписать» пространство спектакля. Делясь своими мыслями с телезрителями, она пообещала, что «это будет балаган, цирк, некая такая карусель, аттракцион. Жизнь как аттракцион. Как один счастливый день»*. К сожалению, ее замыслу так и не суждено было воплотиться в жизнь и спектакль в один день просто убрали из репертуара.

Осенью 2004 года Кузьмина выпустила сразу две постановки. Двадцать третьего октября состоялась премьера спектакля «Short Stories» (Короткие истории). Это было свободное прочтение рассказов Владимира Набокова «Пассажир», «Знаки и символы» и «Рождество» — Белый театр впервые обратился к прозе.

«В спектакле хотелось показать разного Набокова, — рассказывает Ольга, — поэтому мы взяли и американский, и русский его рассказы. Для нашего театра литературный жанр, можно сказать, еще неизведан. «Short Stories» — не инсценировка произведений потерянного Россией Набокова, в постановке соединены приемы литературного и драматического театра»**. Режиссерской задачей Ольги было сделать чтецкий материал драматическим, чтобы это был полноценный спектакль.

Все началось с того, что Трубча прочитал рассказ «Рождество» на арт-перформансе под названием «О печальном» — он проходил в театре в 2002 году. С этим материалом Белый подал заявку на участие в фестивале самостоятельных работ от СТД, который в 2004 году проводили в театре «Триада». По какой-то причине организаторы фестиваля забыли про Белый театр, однако выступить позволили, а в конце даже наградили трехтомником произведений Сергея Довлатова: книги случайно оказались в портфеле у ректора Института культуры — и вот пригодились.

* Васильева, К. Интервью для программы «5 минут театральных. Белый театр» / Катерина Васильева // ГТРК «Дальневосточная». — 2014. — 18 декабря.

** Дмитрикова, Т. Перевод с Набокова / Татьяна Дмитрикова. — Хабаровск, 2004.

К фестивалю театр приготовил не просто прочтение рассказа, а готовый мини-спектакль с реквизитом — бабочками, тетрадками и т. д. Материал был настолько хорош, что просто так его терять Ольге не хотелось — тогда и возникла у нее идея целого спектакля по произведениям Владимира Набокова.

«После всех мытарств театра с некачественными переводами работать с набоковским языком было просто наслаждение, — говорит Кузьмина. — Важно было, чтобы каждое предложение в тексте, каждое слово откликлось в зрителе. Именно после этого я начала слышать каждый звук».

Следуя законам построения спектаклей в театре модерн, Ольга задумала создать трехчастную постановку, где каждая часть выполняет определенную функцию. Первая часть по традиции должна была стать игровой. Вторая — нести на себе основную философскую нагрузку произведения. Третья — просто стать эмоциональным финалом, легким и «вкусным» по восприятию.

Кузьмина говорит, что достаточно быстро нашла оригинальный способ существования персонажей в каждой части: она решила, что каждому рассказу должен соответствовать определенный танец, в характере которого и будут проживать сценическую жизнь герои спектакля. Так, персонажи «Пассажира» существуют в пространстве комической русской пляски, герои «Знаков и символов» подчиняются ритмическим законам танго, а единственный персонаж «Рождества» живет в мире рождественского хоровода и песенок у елки.

Найденная режиссером яркая музыка играет в спектакле важную роль. В «Пассажира» звучат характерные псевдорусские сочинения французского композитора Жан-Марка Зельвера — под его музыку актеры исполняют комические стилизованные танцы в постановке *Елены Семешко*. Для «Знаков и символов» Кузьмина подобрала музыку аргентинского композитора Астора Пьяццоллы (его сочинения идеально поддерживают тему бушующих внутри, но сдерживаемых страстей) и танго Владимира Косма — как мощнейший прорыв вовне отчаяния и безумия. В «Рождестве» же звучат сказочно прекрасные минималистические композиции Яна Тирсена из саундтрека к фильму «Амели».

Ольга признается, что труднее всего было найти верный ключ к началу спектакля и поставить «Пассажира». Персонажи этого рассказа — *писатель* (А. Трумба) и *литературный критик* (О. Кузьмина) — спорят о том, что находится выше — жизнь или искусство. Во время диалога писатель рассказывает о случайном попутчике, который ночью зашел в его купе и попытался взгромоздиться на верхнюю полку, зависнув у самого его лица ногами «в грубом пестром носке, продырявленном ногтем большого пальца». Рассказчик так и не увидел ни лица, ни фигуры этого человека, но досконально разглядел и описал эту «недобрую», «препротивную» ногу*.

Рассказ был сложен тем, что в нем отсутствовал выраженный драматизм, а споры интеллектуалов не содержали в себе конфликта. Ольга поняла, что стержень игры нужно искать не в беседе писателя и критика, а за ее пределами.

Тогда Кузьмина обратилась к истории, современной самому Набокову, и заложила в фундамент игры тему *эмиграции и скитаний за границей* — лейтмотив всего творчества писателя. В качестве игрового конфликта она использовала реальное столкновение между интеллигенцией и пролетариатом, который, придя к власти в стране, все перевернул с ног на голову и извратил все человеческие ценности.

Ухватившись за эту идею, Кузьмина решила сделать писателя и критика представителями интеллигенции, которая в спешке покидала «обновленную» Россию, а пассажира с «недоброй» ногой — типичным гегемоном. При таком прочтении «волосатая нога», нависшая над головой писателя, перестает быть просто выразительной деталью, характеризующей ее обладателя: она становится символом, олицетворяя собой «всепобеждающее быдло», весь пролетарский люд, под грубой и неопрятной пятой которого вдруг оказалась интеллектуальная российская элита.

* Набоков, Владимир. *Пассажир* / В. Набоков. Сочинения в 4 томах. — М., 1990. — Т. 1. — С. 364.

Развивая тему, Кузьмина решила, что попутчики должны беседовать на вокзале в ожидании поезда, который навсегда унесет их вдаль от родной земли. Только такое событие, как прощание с родиной, говорит Ольга, может оправдать то, что женщина (критик) прямо на асфальте пьет водку наравне с мужчиной.

Мотив *вечных странствий* поддерживается удачно найденным предметным образом старинных дорожных чемоданов — неизменным атрибутом горьких скитаний человека без родины. Если в рассказе Набокова пассажиром назван человек в дырявом носке, то в спектакле, замечает Кузьмина, именно писатель и критик являются вечными пассажирами, обреченными на бесконечные странствия.

Тема скитаний и эмиграции, «тайно» введенная Кузьминой в «Пассажира», стала связующим звеном между первой и второй частью спектакля. Во второй части, «*Signs and Symbols*»*, мотив неприкаянного блуждания по загранице выходит на сюжетный уровень и проговаривается актерами — они читают текст Набокова на русском и английском языках.

В «Знаках и символах» пожилая чета еврейских эмигрантов навещает в лечебнице своего психически больного сына — ему кажется, что все в мире надлежит воспринимать как тайные знаки, указывающие на истинную природу его собственного жизненного опыта. К сыну их не пустила медсестра, подарок ко дню его рождения пришлось везти обратно, а дома ночью начались странные телефонные звонки: спрашивали какого-то Чарли. Рассказ заканчивается, когда в очередной раз звонит телефон, внушающий старикам чувство ужаса.

Кузьмина говорит, что во второй части нет персонажей, нет лиц, — есть только фигуры на «шахматной доске», и они в каждый определенный момент выполняют некую ролевую функцию: *отца, матери, сына, медсестры*. Один и тот же исполнитель в разных сценах появляется в роли различных фигур и произносит заданный текст в том или ином ритме, в той или иной мелодике. Двигаться фигуры могут только по определенной траектории, согласно правилам перемещения на шахматной доске — только так, а не иначе. Исполнители с их скупыми жестами даже внешне напоминают шахматные фигуры: черные одежды *престарелой четы* (актеры А. Трумба и О. Кузьмина), белоснежный костюм *медсестры* и черное платье *рассказчицы* (обе в исполнении Л. Селезневой, а позже — А. Бирулиной), черный фрак *больного сына* и белая манишка *врача* (исполнитель — Р. Романов).

В «Знаках и символах» Кузьмина вступает с публикой в особую игру: зритель, не подозревающий, что на сцене разыгрывается партия в шахматы, попадает в ловушку собственных умозаключений. Он начинает отождествлять фигуры, произносящие текст о героях набоковского рассказа, с самими героями, и это приводит его к интеллектуальному замешательству: все фигуры путаются в его сознании, и в результате он совершенно перестает понимать, кто есть кто.

Тема смерти ребенка становится «мостиком» между второй и третьей частью спектакля. Если в «Знаках и символах» финал остается открытым и мы можем только догадываться о том, остался ли сын в живых или нет, то в «Рождестве» именно смерть сына является, по мнению режиссера, переломным моментом в жизни главного героя *Слепцова* (А. Трумба) и ведет к его прозрению, обретению себя как человека. Поэтому, несмотря на трагизм внешней ситуации, эта часть постановки — светлая и чистая, полная тихой радости и гармонии.

В конце спектакля появляется образ бабочки, он усиливает эффект свершившегося чуда — человеческого перерождения. Если у Набокова бабочка появляется благодаря *теплу*, в которое попадает кокон, то у Кузьминой, напротив, она залетает в распахнутое *Слепцовым* окно из *холода*, из морозной предрождественской ночи. Сказка заканчивается тем, что в дом одинокого человека одна за другой влетают десятки больших бабочек, и Слепцов, счастливый, кружится вместе с ними в неуклюжем, добродушном танце.

В ходе работы над спектаклем Ольга Кузьмина пришла к пониманию, что лейтмотивом всей постановки должен стать мотив *скитаний души*. Ее горькие странствия

* Набоков, Владимир. *Знаки и символы* (перевод С. Ильина) / В. В. Набоков. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. III. — СПб.: Симпозиум, 1997.

начинаются в момент утраты родины («Пассажир»), когда для человека умирает прошлое. Неприкаянные блуждания продолжаются за границей, где душа проходит сквозь круги ада и у человека наступает духовная смерть — в момент пожелания смерти собственному ребенку («Знаки и символы»). Заканчиваются же скитания прозрением («Рождество»): в результате долгих блужданий слепой души по дорогам страдания происходит ее рождение на новом качественном уровне*.

С точки зрения сценографии «Short Stories» можно считать постановкой, завершающей период «бедного театра» и предвосхищающей новый этап в оформлении спектаклей. Пространство было обозначено панелями из серой ткани; в центре находилось большое черное окно, взятое из «Раздетых» и выполняющее здесь роль и окна, и двери (вполне в духе театра модерн, обожающего условность). Впервые на полу расстелили квадрат из ткани, чтобы с помощью него обозначить игровую площадку. Впоследствии эту «фишку» будут применять почти во всех спектаклях театра, и она станет отличительной чертой сценографии нового периода.

Двадцать седьмого ноября 2004 года в театре состоялась премьера спектакля «Концерт по заявкам» по одноименной пьесе немецкого драматурга Франца Ксавера Креца.

Пьесы Креца времен ГДР носили откровенно социалистический характер и отличали существующий строй, и «Концерт по заявкам» не был исключением. К тому же в этом произведении не произносится ни одного слова. Чем же пьеса привлекла Кузьмину как режиссера, если до этого звучащая речь была важнейшей составляющей эстетики Белого театра?

Ольга говорит, что зацепка произошла за форму: героиня произведения *фройляйн Раш* приходит домой, молча существует в своем пространстве под звуки песен из радиоприемника, а потом также молча совершает самоубийство — неразгаданная и непонятая другими людьми. В пьесе, конечно, были социальные мотивы, но на первом месте стояла проблема одиночества — она-то и заинтересовала Кузьмину. Если Крец акцентирует внимание на тяготах существования героини в социуме, на ее неспособности изменить свою жизнь, больше напоминавшую жизнь вьючного скота, то Ольга решила показать в спектакле иллюзорную реальность, которую с помощью музыки создает у себя дома эта одинокая женщина. «Мы оставили бытовую сторону за сценой, — говорит Ольга, — и постарались показать, что за искусство могло войти в жизнь фройляйн Раш вместе с музыкой».

Свою режиссерскую концепцию спектакля Кузьмина объясняет так: «День человека заканчивается сном, который напоминает маленькую смерть, а назавтра ты встаешь, и начинается новая жизнь. Поэтому вся деятельность героини на сцене — это подготовка к уходу. И обычный концерт становится ритуальным действием: все, что делает женщина (готовит ужин, пьет кофе, курит, танцует, накладывает маску, шьет, принимает душ) — это обязательные элементы ритуала. Она преобразается и в своем «бенефисе» показывает все качества, которые обычно не может проявить вовне: в этом концерте она должна быть «звездой». Поэтому так важна была эстетическая сторона постановки, в каждом действии героини должна была присутствовать возвышенность до уровня искусства».

Эстетика спектакля проявляется уже в сценографии. Если Крец предлагает обставить жилище фройляйн Раш в типично мещанском духе, наполнив его скромной мебелью и дешевыми украшениями, то Кузьмина отказывается от реалистической трактовки интерьера. Передний и задний планы сцены условно обозначены двумя подвесными полками (идея А. Тена) — на них разместились множественные предметы быта фройляйн Раш — газовая плита, кухонная утварь, продукты питания, радиоприемник. Из реальной мебели здесь присутствуют только кровать и стул рядом с передней полкой, выполняющей функцию кухонного и обеденного стола. Весь интерьер решен Кузьминой в белом цвете, который сам по себе несет печать эстетства.

* Романов, Р. Р. Феномен провинциального театра: экспериментальные площадки Хабаровского края: дисс. ... канд. культурологии / Романов Роман Романович. — Хабаровск, 2006. — С. 109–117.

Несмотря на то что сценическое пространство заполнено повседневными предметами и актриса на протяжении спектакля все делает «по-настоящему», ощущения реальности происходящего на сцене не возникает. Кажется, что квартира фройляйн Раш — это особый мир, в котором она живет по особым, только ей понятным законам. Чувство это появляется почти сразу благодаря уже упомянутым подвесным полкам: едва героиня к ним прикасается, они приходят в движение и потом долго чуть заметно покачиваются, образуя собственный, контрапунктный ритм действия. И тогда приходит мысль, что непрерывное движение в личном пространстве фройляйн Раш — это внешнее проявление ее внутреннего полутрансового состояния. Идея эта подтверждается в самом конце: приняв смертельную дозу снотворного, героиня сильно раскачивает полки с зажженными свечами и зеркало на стене, делая видимым свое эйфорическое состояние — вокруг нее все начинает двигаться и расплываться*.

Необходимо было найти актрису, которая отвечала бы общей эстетической идее спектакля и вписывалась в его стилистику. На эту роль как нельзя лучше подходила хореограф Елена Семешко. Героиня, созданная ею, ничуть не похожа на внешне непривлекательную, с полноватыми ногами фройляйн Раш из пьесы Креца. Профессиональная танцовщица, обладательница изысканной фигуры с удлиненными пропорциями, Елена в совершенстве владела своим грациозным и пластичным телом и словно олицетворяла собой женственную красоту.

Самой актрисе тоже была знакома проблема одиночества, поэтому она интуитивно чувствовала и понимала фройляйн Раш. Однако здесь присутствовал и отрицательный момент: Семешко не хотела показывать одиночество героини через себя — вероятно, не желала, чтобы зритель увидел ее собственное, реальное одиночество. «Разрыв души» на сцене Елену не устраивал, поэтому при выборе музыки она сначала была категорически против хита *Summertime* в безумном исполнении Дженис Джоплин и сверхэмоциональной композиции Фредди Меркьюри — Ольге с трудом удалось уговорить Семешко взять их в спектакль. Однако убедить Елену раскрыться в роли до конца у нее не получилось — от этого спектакль вышел отстраненный и холодноватый, без особых эмоций.

Недостающую эмоциональность и человеческую теплоту спектакль приобрел в 2010 году, когда вместо Семешко, переехавшей в Москву, его стала исполнять новая актриса — Олеся Синько. Игра Олеси обогатила постановку совершенно иными нотами — например, в ней появился юмор, напрочь отсутствовавший в предыдущей версии. По своей природе комедийная актриса, Синько сделала несколько сцен — ужин, шитье — смешными и запоминающимися. Благодаря ей спектакль действительно получил вторую жизнь.

«Концерт по заявкам» стал завершающей постановкой этого насыщенного периода (1998–2004), когда театр ежегодно выпускал новые спектакли — разные по содержанию и характеру. Это было время интенсивных творческих поисков: Кузьмина-режиссер бралась за все жанры, пробовала различные направления, чтобы выяснить, что же на самом деле было *ее*. Сознание Ольги, пока еще влюбленной в абсурд, обрабатывало все возможные ходы постановок и жаждало сложной текстуры сценического действия. И даже если спектакль получался не очень удачным, это было не важно — главное, шел непрерывный *эксперимент*: Белый театр пытался обрести свое лицо и стать действительно неповторимым.

Что же в это время происходило за кулисами? Каким образом Белый, где теперь было всего два человека, умудрялся выживать? Вспомним, что Трумба и Кузьмина остались в театре одни летом 1998 года — как раз в тот период, когда неожиданно рухнула российская валюта и доллар после пяти рублей стал стоить двадцать восемь.

* Романов, Р. Р. *Игровое пространство спектакля О. Кузьминой «Концерт по заявкам»* / Романов Роман Романович // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. — 2005. — № 3. — С. 38–42.

Кроме того, актеры стали жертвами «сгоревшего» банка и потеряли деньги, на которые тогда можно было приобрести квартиру.

Нестабильность заставляла хозяев театра постоянно искать новые способы выживания, не позволяя расслабиться хотя бы на день.

«В проведении праздников ушли в закрытый режим, когда театр выкупал один закатчик, — рассказывает Кузьмина. — Но кланы богатых людей были не так уж многочисленны, и клиентов нужно было каждый раз удивлять новыми играми, конкурсами и оформлением. Вскоре и средний класс стал позволять себе развлечения. Необходимо было думать, как избежать однообразия и быть интересными для нескольких поколений детей. Каждый раз приходилось придумывать новую тему — костюмы, оформление и т. д. Это было затратно, но это стало и прибылью, потому что подростки с четвертого по одиннадцатый класс точно приходили».

Прежде всего театр держался на плаву благодаря массовым Новогодним вечерам и развлекательным программам для выпускников начальной школы. Денег, вырученных за праздники, хозяевам хватало на оплату аренды и коммунальных услуг, периодические ремонтные работы, на вознаграждение для «приходящих» участников спектаклей и мероприятий, ну и себе на зарплату.

Однако подготовка и проведение детских праздников были делом дорогостоящим и требовали немалых вложений из собственного кармана. Каждый год создавали свежие программы с разными персонажами — среди них были герои «Двенадцати стульев», байкеры, звезды шоу-бизнеса, сыщики и т. п., — поэтому для ведущих приходилось шить новые костюмы, и они раз от разу становились все роскошнее и дороже. Кроме того, закупали призы для конкурсов, спецпризы для победителей и еще подарки, которые вручали в конце вечеринки каждому ребенку — все это приобреталось в огромном количестве и обходилось в копейчку.

Чтобы сэкономить на всей этой подарочной «мелочи», Ольга и Андрей стали ездить «челноками» в Китай — благо, тогда поездки в близлежащие города Фуюань и Суйфэньхэ по цене были доступны всем и каждому: хабаровчане с удовольствием ездили туда, просто чтобы провести выходные.

У Ольги на таможне сдавали нервы: еще бы, у них с Трумбой на двоих было, например, восемьсот светящихся звездочек и сорок плюшевых страусов на главный приз — попробуй-ка докажи, что это везли не на продажу! Все, что могли, рассказывали по карманам, а остальное упихивали в рюкзаки, небрежно брошенные на плечо.

К счастью, всегда удавалось пройти таможню без проблем: актеров спасали их наивные лица. У опытных «челночников», говорит Ольга, особый тип лица: обычно это люди напряженные, хмурые, с тяжелым взглядом, — а по ним с Андреем сразу было видно, что едут два лоха-непрофессионала. Да еще с фотоаппаратом на груди и налегке — ну что за детский сад! Понятно, что к этой парочке у таможенников вопросов не возникало.

Из Китая привозили и технику для театра: новые проекторы в зрительный зал, видеопроектор, проигрыватель мини-дисков, усилитель, — у «соседей» все стоило в разы дешевле, чем у нас, и для театра это было настоящим спасением.

Для дискотек закупили лазеры, стробоскоп и зеркальный дискошар: новое поколение подростков, уже наевшееся фруктов, сладостей и опившееся соком, стало более прагматичным и требовательным к техническому оснащению зала — приходилось попутно изучать запросы современных тинейджеров и, насколько позволяли средства, идти в ногу со временем.

В Китай актеры ездили приблизительно до 2010 года, пока было выгодно делать оптовые закупки. А потом все сильно подорожало, и смысл «челночных» поездок исчез — стало удобнее и дешевле покупать все на местной барахолке.

Окончание в следующем номере.

Светлана ФУРСОВА

Пушкинский бал

*По Пушкинской площади плещут страсти,
Трамвайные жаворонки, грех и смех...
Да не суетитесь вы! Не в этом счастье...
Александр Сергеевич помнит про всех.*

Булат Окуджава

Приступая к осуществлению своей давней мечты — постановке пушкинских «Маленьких трагедий», — режиссер Хабаровского камерного театра «Триада» Вадим Гогольков не мог предположить, что вполне реальная чума XXI века, коронавирус, раскинет над миром свои сети, отрезав путь к общению, исполнению желаний, надеждам, планам.

В новых предлагаемых обстоятельствах премьера состоялась спустя год. И удивительное дело: спектакль, вобрав в себя опыт, переживаемый человечеством во время пандемии — раздумья, страхи, растерянность, — слившись с текстом Пушкина, явил удивительно слаженное гармоничное зрелище, очень яркое и театральное. При этом никаких «современных прочтений классики», никаких «новаций», все традиционно, по Пушкину, как в школе учили.

Замечу, что эта постановка — не первая встреча Гоголькова с Пушкиным. В репертуарной афише «Триады» значатся и «Евгений Онегин», и фантазия на тему «Пиковой дамы» под названием «Страсть», которая тридцать лет не сходит со сцены. Да и «Маленькие трагедии» в разное время ставились режиссером. Театралы хорошо помнят спектакль, который играли в два вечера: плащи героев, расписанные пушкинским почерком, летящим, словно не успевающим за рифмами, создающие иллюзию, что персонажи возникают прямо со страниц рукописи; Моцарт, из кружевных манжет которого вылетали ноты, записанные только что, рожденные на ходу, на бегу...

Вадим Гогольков, режиссер, заслуженный артист России, художественный руководитель камерного театра «Триада». Первая постановка «Маленьких трагедий» была предпринята мною задолго до этого спектакля, с неопытными еще артистами самодеятельного театра пантомимы. То была попытка прочесть пьесу в жанре пластической драмы. Мечтая о своем театре, мне казалось, что чем сложнее я поставлю перед исполнителями задачи, тем реальнее мы приблизимся к статусу профессионального театра, но тогда к выполнению этих сложных задач мы не были готовы. Второй раз я обратился к «трагедиям» в 1999 году, когда мы обрели свое помещение и статус муниципального театра, это был совсем другой спектакль, но и тогда нам не удалось разгадать

того главного, что было заложено в пьесе. А именно — ее простоты, той гениальной пушкинской простоты, которая есть суть мудрости. Поскольку успокаиваться, пока что-то остается для меня неразгаданным, не в моем характере, я не оставлял попыток понять Пушкина. Наверное, сейчас пришло его время, хотя Пушкин — вечная загадка, к которой можно идти всю жизнь.

Может быть, стремление глубже проникнуть в поэтический текст, а также предыдущий опыт помогли режиссеру и актерам создать на сцене атмосферу полной погруженности в предлагаемые обстоятельства, когда текст, музыка, хореография, костюмы, сценография слитны и неразделимы. Когда одно вытекает из другого и стихи звучат, говоря словами одной из пушкинских героинь, «как будто их рождала не память рабская, но сердце». Кажется, стихи вызревают из глубины сердец и захватывают зал с первых минут. При этом никакой «иконы» из поэта в «Триаде» не делают, на сцене Пушкин живой, простой, наш, — при всем глубочайшем к нему уважении. Пришли легкость и свобода, когда актеры сошли с «котурн», и персонажи приблизились к нам сегодняшним.

Какие там «рукава в кружевах» и воздушно порхающий Моцарт в пудренном парике, каким его привыкли изображать! Павел Данилкин в сегодняшнем спектакле «триадовцев» («Моцарт и Сальери») будничней, немногословней молодой человек, больше похожий на преподавателя вуза, который зашел в студенческую аудиторию прочесть очередную лекцию. Данилкин — актер «с тайной», которую все время хочется разгадывать. Его Моцарт то и дело прислушивается к тому, что происходит внутри него, и ему нет никакого дела до переустройства мироздания и чужих комплексов. Он легко сочиняет, смеясь, называет «безделицей» то, что останется на века, и это приводит в ярость его коллегу Сальери (Илья Ли). Снедаемый болезненной, бесконечной и всепоглощающей завистью, которая как из кипящего котла вот-вот вырвется наружу, Сальери порой страшноват в непонимании, почему ему, упорному работяге, «жрецу, служителю музыки», который «усильным, напряженным постоянством ... достигнул степени высокой», так непросто даются моцартовские высота и легкость! Актер показывает природу и динамику развития этого чувства — от первых уколов самолюбия до последнего шага. Кстати, в сохранившейся обложке рукописи Пушкина, дошедшей до нас, первоначальный заголовок пьесы, написанный рукой поэта, значится: «Зависть».

«Ты, Моцарт, недостойн сам себя», — обреченно произносит злодей, и, восстанавливая попорченную справедливость, преподносит Моцарту бокал с ядом.

А может, с точки зрения сегодняшнего дня и прав был Сальери? Если такие Моцарты начнут то и дело «высовываться», что станут делать посредственности, терзающие инструмент или рифмы и выдающие «серого козлика» за новаторство в искусстве!

В. Гогольков. *Считается, что «Маленькие трагедии» — пьесы для чтения, они были написаны поэтом как четыре самостоятельных и не связанных друг с другом сюжета. Так и ставятся на сцене, довольно редко. Но мне показалось интересным включить «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря», «Каменного гостя» в сцены «Пира во время чумы», чтобы в спектакле на фоне общего веселья острее ощущалась атмосфера нависшей над всеми гибели.*

Пушкин дает возможность такого прочтения, ибо действие каждой трагедии происходит в другой стране, действующие лица — люди разных национальностей и сословий, среди которых священник, актриса, герцог, ростовщик, уличный музыкант, слуга и так далее... А значит, эти исто-

рии на все времена. Примеряя на себя различные маски и личины, актеры по ходу действия разыгрывают каждый свой спектакль, вынося на суд зрителей историю из собственной жизни — своеобразное исследование на тему, что происходит с людьми в преддверии возможной гибели.

Вроде бы просто, но мне сознательно хотелось этой ясности и простоты, которые приближают нас к Пушкину, я всю жизнь его разгадываю.

Думаю, не случайно из всех трагедий пьеса «Пир во время чумы» явилась той отправной точкой, в атмосферу которой Гогольков решил погрузить действие спектакля. Ибо «Пир» является переводом одной сцены из драматической поэмы Джона Вильсона «Город Чумы»*, в которой автор описывает лондонскую чуму 1665 года (в пьесе только песни Мери и Председателя принадлежат перу Пушкина). Очевидно, что выбор Пушкиным перевода именно этой сцены был обусловлен тем, что в России осенью 1830 года свирепствовала эпидемия холеры, названная чумой.

Знаменитая Болдинская осень, когда отрезанный карантинном от невесты, от друзей, от жизни, поэт застрял в своем имении, где им были написаны и завершены лучшие произведения, в том числе «Маленькие трагедии».

Соединить разрозненные самостоятельные истории в единое целое, превратить массовку в ансамбль («массовка» в данном случае — понятие условное, строго говоря, в спектакле она отсутствует) призван был абсолютно условный придуманный персонаж (или человек от театра, называйте, как хотите) — Шут в исполнении актрисы и хореографа театра Юлии Новиковой. Яркий карнавальный образ, «триадовский» Шут не только воплощает идею уличного балагана, но и без единого слова руководит, соединяет, предостерегает, провоцирует, помогает. Задача, как для хореографа, так и для труппы, сложная, работа была проделана трудоемкая, но теперь можно сказать, что задуманное получилось, считает Гогольков.

Из всех историй самая печальная — «Скупой рыцарь». Впрочем, как и сценическая судьба самой пьесы. Написанная в Болдино, она была напечатана Пушкиным только в 1831 году в первом номере его журнала «Современник». Наконец через семь лет пьеса была принята к постановке на сцене Александринки. И вот уже на первое февраля 1837 года объявили премьеру, но в связи со смертью Пушкина ее перенесли сначала на второе февраля, затем по распоряжению властей спектакль вообще был снят с постановки во избежание политической демонстрации со стороны публики. Хорошо, что этого так и не узнал Александр Сергеевич.

«Скупой рыцарь» — пьеса о несвободе. Мы все рабы своих привычек, говорит театр, зависимы от скупости, от власти, от богатства, от догм и правил, от самих себя. Так в чем же смысл, в чем счастье, которого мы все ищем и так и не находим? Ответ открываем в эпиграфе из послания Державина, который в рукописном варианте предпослал «Скупому рыцарю» поэт:

*«Перестань и ты жить в погребях,
Как крот в ущельях подземельных».*

Да это же про нас, думаешь ты и понимаешь, что нет среди пушкинских персонажей хороших или плохих. Как и в зрительном зале. Театр как бы предостерегает, без назидания, без указания перстом: остановись, пока не поздно, оглянись вокруг, прислушайся к голосу разума, не то проживешь в сыром подвале, охраняя не бог весть какую ценность — грудку металла — и умрешь на нем, не насладившись жизнью, чуждый сыновней любви, не познав радостей и веселья.

* Вильсон Дж. «The city of the Plague» («Город Чумы»).

«Ужасный век! Ужасные сердца!»

Не против ли такой жизни восстает Дон Гуан в «Каменном госте»? Актер Юрий Шарымов в роли Дон Гуана как всегда убедителен. Его герой бросает вызов всему косному, лицемерному, воплощенному в огромной нелепой статуе. Да он и сам, бунтующий, безрассудный, жестокий, лицемерный, влюбленный, — как вызов судьбе. Пусть гибель, смерть, только бы действовать, любить, добиваться. Жить!

Чего не скажешь о Лауре (Олеся Маркина), хотя на первый взгляд эти двое чем-то и похожи. Одержимая страстью брать, стяжать, наслаждаться, ибо время уходит, утекает, надо торопиться, эта дивная красавица в буквальном смысле идет по трупам (блестящая работа актрисы, которую можно охарактеризовать словами одного из ее гостей: «Клянусь тебе, Лаура, никогда с таким ты совершенством не играла»). В нее точно бес вселился, и щекочет ее, и раздражает, и дергает. Вся ее пластика — вечное движение, перетекание из одного положения в другое, лишь бы не пропустить момент и успеть ухватить от жизни как можно больше радостей и удовольствий. Ведь жизнь быстротечна, красота проходит.

Но и ее сметает ветер времени, без следа, без жалости...

Донна Анна — еще одно перевоплощение Юлии Новиковой (обязанности Шута на это время взял на себя Илья Ли). Изысканная, расчетливая, любующаяся собой в своей скорби по убиенному мужу, холодная, но вдруг ощутившая живое движение сердца... И все они, бунтующие, жаждущие удовольствий, счастья, любви, воплощают лишь страх смерти, небытия, конечности, это очень по-пушкински, и в то же время в духе сегодняшнего дня.

Вот ведь как бывает. Актеры на сцене разыгрывают свои истории как бы в шутку (сказал же Шекспир, что весь мир — театр), а ты вдруг чувствуешь, как чужая история незаметно становится твоей собственной, шутка оборачивается подлинной трагедией, а трагедия тут же превращается в фарс.

А может, это просто музыка Дмитрия Голланда ворожит, колдует и заволакивает. Признаюсь, что для меня спектакль начался с той минуты, как запела Мери (Александра Черненко). Голос ее так чисто и трогательно прозвучал во всеобщей вакханалии («Пир во время чумы»), что тотчас исчезли зал, зрители и остался только этот напев, «унылый и протяжный».

Сценография, в которую главный художник театра Сергей Ким поместил спектакль, как всегда лаконична и выразительна. Сундуки, уложенные в центре сцены в форме креста, трансформируются то в келью, то в улицу, то в театральные подмостки, а для кого-то (барона в исполнении Вадима Гончарова) становятся Голгофой. Художник, продолжая традиции «Триады», всегда привносит в замысел что-то свое, и его почерк легко узнать по какой-нибудь стильной и необычной детали. Сергей Ким нежный художник, но, по словам Гоголькова, умеет отстаивать свое видение, упорно внедряя его в общее решение. А главное, как и композитор Голланд, Сергей Ким умеет чувствовать и слышать пьесу, время, пространство.

В. Гогольков. *На сегодняшний день задачи, которые ставил перед собой, приступаю к работе, я выполнил, впервые воплотил на сцене то, что хотел. Актеры выросли, с ними по плечу решать трудные задачи, пришли опыт, мастерство... Я считаю, что прежние мои «пушкинские» опыты («Онегин», «Страсть») были лишь подступами к поэту.*

страницы истории

Константин ГАПОНЕНКО

Шторм

Эта драма чисто нашенская. Ее могло не случиться, более того, организаторы производства отдали необходимые приказы и распоряжения, составили толковые инструкции, основанные на многолетнем опыте, на своих и чужих ошибках, чтобы ее предотвратить. Для этого не требовалось ни героических поступков, ни гениальной прозорливости, ни молниеносных действий. Стоило лишь должностным лицам употребить свои начальнические права, а подчиненным — исполнить свои обязанности.

Но маленькие человеческие слабости незаметно подточили механизм могучей производственной машины, и она дала сбой. Права не употребились, обязанности не исполнились. Драма поражает своей предопределенностью: в тех обстоятельствах и с теми людьми она ДОЛЖНА БЫЛА ПРОИЗОЙТИ.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Путина 1952 года началась. Все западное побережье Южного Сахалина кишит людьми. В море у выставленных неводов колышутся кунгасы. Весело тарахтят катера, волокут в ковши ваку-мешки, наполненные сельдью.

Рыба пошла! Это известие волнует и радует и сезонника, приехавшего из «тридешатого царства» за длинным рублем, и мастера, для которого эта путина уже двадцатая.

Круглосуточно работают в управлении Западно-Сахалинского госрыбтреста, не спят на девяти подчиненных рыбокомбинатах — от Томаринского на севере до Горнозаводского на юге; ждут рыбы на двадцати рыбозаводах и трех консервных заводах. Отсюда сводки идут в Главсахалинрыбпром, как фронтовые донесения. Принимает их дежурный, так как сам Валерий Александрович Джапаридзе и его замы выехали к месту «сражения», на самые сложные участки. Опустили отделы рыбной промышленности обкома и облисполкома. Все на путине!

К путинному пику добираются столичные газетчики, чтобы запечатлеть для истории энтузиазм рыбаков и ударить свысока по стратегическим просчетам руководства да по разгильдяйству сизоносных снабженцев. По их вине всегда чего-нибудь не хватает: то соли, то тары, лаврового листа или горюче-смазочных материалов, вёсел, сапог, палаточных каркасов, а если они есть, то нет самих палаток; фонарей, керосина, печных колен, канатов, троса...

В путинном пекле возникают тысячи прорех, куда, как в преисподнюю, проваливаются материальные ресурсы, даже живые люди. По итогам сезона докладывали двадцать пятого января 1948 года на пленуме обкома партии: «Было допущено 95 крупных аварий самоходного и несамоходного флота с большим количеством человеческих жертв. Во время аварий погиб 31 человек... Убыток по предприятиям

рыбной промышленности Сахалинской области выражается в 82 млн рублей против прибыли в 46 млн».

Накал путинных страстей выплескивается мощными протуберанцами. На том же пленуме секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) Колесников докладывал: «Была такая чехарда, что в течение одного дня сняли семь директоров. Кто только не снимал! Полтавский снимал, Джапаридзе снимал. Четырнадцатого апреля пошла рыба, а пятнадцатого апреля снимают руководителей комбинатов, директоров рыбозаводов».

Ко времени описываемых событий положение в рыбной промышленности выправилось, экономические показатели стали иными, но достигались они высочайшим напряжением физических и моральных сил.

Пятнадцатого апреля 1952 года было вторым днем массового подхода к берегам нерестовой сельди. Работы шли успешно, и первые сводки, поступающие в управление Западно-Сахалинского треста, были многообещающими. В прошлом году трест впервые перевыполнил показатели, и теперь важно было закрепить достигнутые успехи. Многое от них зависело, в том числе судьба управляющего трестом Михаила Семеновича Альперина, над которым давно клубились тучи.

В десятом часу утра Альперину позвонил начальник бюро погоды Абибулаев:

— Синоптики передают ухудшение погоды.

— Вот уж некстати. Но на море безветренно, не снимать же людей. Рыба только пошла!

Тем не менее Альперин вызвал начальника отдела добычи Павла Леонова, единственного в тресте человека, имевшего высшее специальное образование. Коротко посоветовались и решили: сообщение Абибулаева держать на уме, но тревогу не поднимать.

В 16 часов 38 минут Абибулаев позвонил вторично:

— Передаю, Михаил Семенович, не только дежурному, но и вам штормовое предупреждение. Ожидается ветер с усилением до шести-семи баллов.

— Ты уверен в прогнозе?

— Уверен или нет, а сообщаю, что ночью возможны порывы до девяти баллов.

Целый час Альперин и его специалисты были в нерешительности: синоптики в прогнозах часто ошибались, а мыслимо ли терять драгоценные часы, каждый из которых в буквальном смысле кормит страну?

Пока они взвешивают ситуацию, замолвим слово о Михаиле Семеновиче Альперине. Он заслужил доброй памяти. Ровесник века, уроженец Одессы, выходец из рабочих. Образования никакого не получил, урывками посещал народную школу, позже занимался в кружках, но больше — самостоятельно.

В ВКП(б) вступил в 1920 году, в разгар Гражданской войны на юге, участвуя в ней рядовым бойцом. В 1920–1921 годах находился на оперативной работе в ВЧК. На фронте получил ранение правого глаза и правой ступни.

Далее дадим место документу:

«Служебная характеристика на управляющего

Западно-Сахалинским госрыбтрестом Альперина М. С.

Общий стаж работы — с 1912 года.

В рыбной промышленности — с 1929 года.

В занимаемой должности — с 1945 года.

Награды: орден Трудового Красного Знамени, медали «За трудовое отличие», «За поединок над Японией», знак «Отличник рыбной промышленности СССР».

Звание — директор административной службы рыбной промышленности I ранга.

Тов. Альперин... специальных знаний и образования не имеет, но накопил большой опыт в руководстве хозяйственной деятельностью рыбопромышленных предприятий. В период работы в Западно-Сахалинском госрыбтресте многое сделал для укрепления и развития предприятий треста, добился восстановления разрушенных японцами

предприятий по западному побережью Сахалина, реконструкции и механизации большинства из них, что создало условия для подъема добычи рыбы и улучшения качества ее обработки. По сравнению с 1946 годом добыча рыбы увеличилась на 384700 ц, посольные емкости — на 364600 ц.

Однако на протяжении своей работы в Западно-Сахалинском госрыбтресте, несмотря на систематически увеличивающиеся ресурсы и возможности, хотя из года в год и добивался улучшения показателей, но до 1951 года выполнение плана не обеспечивал. В 1951 году с помощью министерства и главка впервые перевыполнил план, добившись следующих показателей: по заготовке рыбы-сырца — 104,2 процента, по выпуску рыбопродукции — 106,9 процента, по выработке консервов — 313,4 процента.

В работе энергичен, хорошо знает экономику предприятий, но излишне самоуверен и упрям, не всегда своевременно и точно выполняет распоряжения главка.

В общественной и партийной жизни участие принимает, был избран членом Холмского ГК ВКП(б) и Холмского горсовета депутатов трудящихся. Над повышением делового и политического уровня работает недостаточно. Из-за недостаточного общего образовательного уровня и отсутствия специальных знаний, а также по личным качествам обеспечивать в дальнейшем руководство Западно-Сахалинским госрыбтрестом не в состоянии. Может быть использован в тресте с меньшим объемом хозяйственной деятельности».

Читатель без подсказки заметит назойливый субъективизм заместителя начальника Главсахалинрыбпрома В. Дедкова, подписавшего документ в феврале 1952 года. Завалили план — это Альперин, выполнили — это главк. Иного мнения был В. Джапаридзе, представлявший аттестационный лист на Альперина министру рыбной промышленности полутора годами раньше: «Занимаемой должности соответствует». Впрочем, известно, что характеристики у нас писали, исходя из потребностей текущего момента...

Добавим лишь, что Альперин был человек битый. Тогда награждали редко, а тычки и удары раздавали на каждом шагу. Еще летом 1948 года секретарь Холмского горкома Березняк на пленуме Сахалинского обкома партии говорил: «Единственные отстающие предприятия у нас в городе — это предприятия рыбной промышленности. Выполнение плана составляет только сорок процентов... У Альперина план жилищного строительства составлял один миллион сто шестнадцать тысяч рублей. Это очень мизерный план, а выполнен он так: за четыре месяца освоено лишь двадцать тысяч, то есть план жилищного строительства выполнен на одну целую восемь десятых процента». Так или иначе, но в рыбную промышленность шли дипломированные специалисты, теснили стариков. Без сомнения, описываемая нами трагедия ускорила решение — седьмого мая 1952 года Альперин от занимаемой должности был освобожден. Солдат партии, он уехал руководить Северо-Курильским госрыбтрестом, где и погиб геройской смертью на своем посту пятого ноября 1952 года.

С высоты своей должности Альперин многое предвидел и принимал меры, чтобы предотвратить любую беду.

Еще седьмого февраля 1952 года всем предприятиям треста был направлен приказ № 44 «О нарушении правил технической эксплуатации самоходного и несамоходного флота на предприятиях Западно-Сахалинского госрыбтреста» — семь страниц убогистого машинописного текста. В нем анализировались драматические факты.

«Линейный суд железнодорожного и водного транспорта Сахалинской области, — говорилось в приказе, — 6 января 1952 года в Невельске и 10 января 1952 года в Холмске рассмотрел в открытом судебном заседании дело об аварии катера ЗН-14 Северо-Невельского рыбокомбината (погибло 5 человек команды) и об аварии 60-тонного кунгаса Яблочного рыбокомбината в ночь с 4-го на 5 ноября 1951 года (погибло еще 5 человек).

...2 ноября катер ЗН-14 в числе других промысловых катеров Северо-Невельского рыбокомбината был отправлен в район Чехова для добычи рыбы. Вышеуказанные катера не были освидетельствованы инспекцией Регистра. Бывший капитан флота Северо-Невельского рыбокомбината т. Иванов, руководствуясь правилами технической эксплуатации флота рыбной промышленности, категорически запретил выход указанных судов в море. Главный инженер рыбокомбината Дудко дал письменное распоряжение портнадзирателю выпустить суда в море без удостоверения на годность к плаванию.

В пути следования из Чехова в Невельск катер ЗН-14 был настигнут штормом силой ветра до 10 баллов. При заходе в ковш катер был опрокинут, экипаж погиб, корпус судна выброшен на берег.

30 октября 1951 года катер Ж-98 под управлением капитана малого плавания Курбанова принял на буксир в ковше Яблочного рыбокомбината кунгас № 363 грузоподъемностью 60 тонн и снялся в Орлово за грузом картофеля, закупленного Яблочным рыбокомбинатом для своих рабочих.

При отходе судов из Яблочного бывший капитан катера Курбанов, бывший капитан флота рыбокомбината Тресцов и портнадзиратель Лядов не проверили документов на годность плавания кунгаса № 363. В пути следования кунгас получил водотечность корпуса. По прибытии в Орлово команда катера совместно с командой кунгаса подняли кунгас на берег, наложили пластырь и без освидетельствования Регистра поставили кунгас под погрузку. 4 ноября 1951 года катер принял на борт 4-х представителей рыбокомбината, закупавших картофель, взял на буксир кунгас с картофелем и снялся по назначению в Яблочный.

Около 22 часов шкипер кунгаса потребовал приостановить буксировку. Катер подошел к кунгасу. Шкипер сообщил, что заболел матрос, и попросил Курбанова выделить одного человека из команды катера. Курбанов пересадил на кунгас трех пассажиров. Рейс продолжили. На кунгасе отличительных огней не было, поэтому наблюдение вели по натяжению троса. Около полуночи погода резко ухудшилась, усилился ветер, пошел снег. Курбанов дважды подходил к кунгасу, требуя, чтобы люди перешли на катер. Они отказались.

5 ноября в 8 часов 50 минут видимость улучшилась. Команда катера обнаружила, что кунгас следует в опрокинутом состоянии. Тут произошел обрыв троса. В Яблочное катер прибыл без кунгаса и без людей...».

«Авария кунгаса № 363, — заключал Альперин, — произошла по причине грубого нарушения правил судовождения и технической эксплуатации со стороны бывшего капитана катера Курбанова, бывшего капитана флота Яблочного рыбокомбината Тресцова и портнадзирателя Лядова».

Далее управляющий трестом, раздавая всем сестрам по серьгам, строжайше потребовал выполнения правил эксплуатации флота. Восемнадцатого марта того же года, изучив готовность предприятий к путине и в порядке профилактики, Альперин издает приказ № 87 «Об организации аварийно-спасательной службы по предприятиям Западно-Сахалинского госрыбтреста на период весенней путины».

Директорам рыбокомбинатов и рыбозаводов предписывалось назначить из числа технически исправных судов аварийно-спасательный катер, снабдив его дополнительно спасательными кругами, нагрудниками, запасным пластырем, якорем, тросом, радиостанцией «Урожай»:

«...§ 3. Подчинить аварийно-спасательный катер капитану флота или начальнику цеха лова.

§ 6. Все кунгасы, эксплуатируемые на буксировке ваку-мешков, а также находящиеся на неводах, снабдить спасательными нагрудниками по количеству людей, находящихся на кунгасе, керосиновыми фонарями «летучая мышь», факелами.

§ 7. Имеющиеся на рыбокомбинате и рыбозаводах штормо-сигнальные мачты для оповещения о погоде ввести в действие с 15 марта с. г. и проинструктировать всех

работников флота, бригадиров ловецких бригад и ловцов о значении поднимаемых дневных и ночных сигналов.

§ 8. Предупредить всех директоров рыбокомбинатов и рыбозаводов об их персональной ответственности за безаварийную и безопасную работу самоходного и несамоходного флота».

Трагические события, затем следствие и суд показали, что управляющий трестом как в воду глядел... Однако вернемся к нему в кабинет.

В 17 часов 30 минут было принято решение передать по всем видам связи штормовое предупреждение.

ВСЕ РЕШАЛИ КАДРЫ

Из поездки на рыбозавод «Светлый» вернулся Олейников. Едва он вошел в кабинет, как ему тут же передали телефонограмму за № 22327: «Вручить немедленно. Северо-Холмск, Олейникову. В связи с усилением ветра восточных направлений до 8 баллов предлагаю вам обеспечить снятие неводов, сохранность сетевых садков с рыбой, самоходного и несамоходного флота. Исполнение доложите сегодня не позже 24 часов. Альперин, 18 ч. 30 мин. Передал Сосновский. Принял Самосватов».

В кабинете Олейникова был его заместитель Новиков. Друг к другу они обращались по отчеству.

— Бери, Иванович, любой катер, который поймаешь в ковше, езжай к бригадам и передай распоряжение Альперина. Погода сейчас вроде нормальная, но на ночь людей в море оставлять нельзя.

Павел Иванович Новиков пошел в ковш. Как раз в это время катер № 01 Владимира Попова доставил очередной ваку-мешок с рыбой.

— Поехали к неводам, — велел Новиков.

На небольшой акватории в два — два с половиной километра было установлено двадцать ставных неводов, обслуживаемых бригадами Цыбульника, Кулаева, Нефедова, Ю Де Нок и Бондаренко.

Сначала подошли к Цыбульнику. Новиков передал содержание телефонограммы и распоряжение Олейникова: снимать невода.

Иван Семенович Цыбульник к постоянно сменяемому начальству относился без почтения. Они были командирами на час, а он был настоящим рыбаком, слава о котором гремела по всему Сахалину, его имя не сходило со страниц областных газет. «Опыт бригады Цыбульника — всем рыбакам и рыбачкам!» — призывал «Советский Сахалин» летом 1949 года, публикуя серию материалов. Бригадир о себе говорил кратко: «Уехав из деревни, я добывал уголь в Донбассе, строил дороги на Памире, разводил хлопок в Средней Азии. Однажды в 1931 году на озере Балхаш сходил с рыбаками на лов — и решилась моя судьба. Рыбачил на Аральском море, а с 1934 года переселился с семьей на Камчатку. В 1948 году прибыл на Сахалин».

В лучшем своем бригадире начальник отдела добычи В. Судаков подчеркивал те черты, за которые особенно почитали Цыбульника руководители всех рангов: «Мастеру богатых уловов т. Цыбульнику и его бригаде присуще не только повседневное искание нового, но и упорство, настойчивость, отвага и смелость в достижении намеченной цели. Сейчас, в горячие дни путины, когда решается судьба плана всего года, бригада отбросила всякую штормобоязнь и выходит в море при любой погоде, даже при пятибалльном шторме».

На той же странице Николай Нефедов, рядовой ловец бригады Цыбульника, представлялся достойным его учеником: «Татарский пролив часто бушует, и если ждать от него милости — хорошей погоды, — то придется сутками просиживать на берегу. Мы решили покорить стихию и покорили ее!» Роковые слова! Восемнад-

цатого июля 1949 года бюро Сахалинского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление: «Об инициативе и успехах комплексной рыболовческой бригады И. С. Цыбульника Северо-Холмского рыбокомбината». В нем говорилось: «Сквозная бригада т. И. С. Цыбульника Северо-Холмского рыбокомбината, имея план добычи рыбы 6500 центнеров, выловила фактически 9087 центнеров, выполнив задание на 140 процентов и заработав 292970 рублей.

В июне и июле бригада в составе 20 человек на один большой и один малый ставные невода при плане 1500 центнеров добыла 8300 центнеров рыбы, выполнив план на 541 процент и заработав 1 миллион 250 тысяч рублей. Лично бригадир т. Цыбульник заработал 86 тысяч рублей, а ловцы по 52 тысячи рублей каждый. Всего бригада в первом полугодии выловила 17387 центнеров рыбы и заработала 1 миллион 542 тысячи 970 рублей».

В адрес И. С. Цыбульника была направлена телеграмма: «Сахалинский областной комитет партии, облисполком и Главсахалинрыбпром горячо поздравляют коллектив Вашей бригады и Вас лично с большим успехом в борьбе за досрочное выполнение государственного плана добычи рыбы.

Желаем Вам новых трудовых подвигов в социалистическом соревновании за досрочное завершение плана послевоенной сталинской пятилетки. Ваш труд является примером для всех рыбаков Сахалина и Курильских островов.

Секретарь обкома ВКП(б) Голуб.

Председатель облисполкома Емельянов.

Начальник Главсахалинрыбпрома Джапаридзе».

Постановление бюро обкома и телеграмма имели такую весомость, которой теперь нет аналога. И бригадир имел все основания отвечать заместителю директора:

— Невода снимать не буду, пока не возьму из них рыбу.

В это время сюда же подошел «Ястреб», привезший обед. Рыбаки на кунгасах работали уже вторые сутки, харчились тем, что взяли с собой в узелках. Желудки требовали горячей пищи. Начальник цеха лова рыбокомбината Едемский доложил об этом Олейникову:

— Надо бы на море доставить обед. Люди намерзлись, жрать хотят. В столовой все готово, но у рыбаков денег нет.

Олейников распорядился выдать в качестве аванса по пятьдесят рублей, спешно были составлены ведомости. К делу живо подключился парторг Платыгин, к которому прилипли два корреспондента, жаждавших запечатлеть рыбацкий труд на фотопленку. Платыгин был человеком на рыбокомбинате новым, рыбацкого дела не знал и с трудом находил свое место в хозяйственной суете. А тут как раз подвернулось хоть мелкое, но конкретное дело. Он проявил энергию, и в 15 часов 30 минут на «Ястреб» вошли кассир и две буфетчицы с термосами, в которых были щи, каша, котлеты и небольшая емкость со спиртом.

«Вопрос продажи спирта был согласован с секретарем горкома т. Колосовым», — покажет позже на следствии Платыгин.

В самый последний момент на судно заскочил начальник цеха лова Едемский, дружески покровительственно приветствовал корреспондентов:

— Выпьем?

Те отказались. Едемский кивнул буфетчице, она отмерила мензуркой полусоточку, подала котлету. Начальник, не разводя спирт, опорожнил посудину, закусил. Был он уже выпивши, и пятьдесят граммов лишь взбодрили его.

Рыбачил Александр Ильич с пятнадцати лет, тогда же впервые «принял» после первой рыбацкой удачи. Потом была война, которую он прошел с начала и до конца, где не брезговал сталинскими ста граммами. Не раз валялся в госпиталях, утоляя боль ненормированными дозами. В Холмске, куда приехал в 1946 году, спирту было — хоть топись в нем. Должность же Едемского отличалась тем, что без выпивки и матерной ругани исполняться не могла.

Поначалу «Ястреб» подошел к звену Плешакова из бригады Нефедова.

— Больше пятидесяти граммов никому не давать! — приказал Едемский.

Звеньевой пить не стал, обратился к начальнику:

— Рыба идет хорошо. Надо побыстрее доставить пустой ваку.

Рыбаки заправлялись обедом, к мензурке со спиртом некоторые делали по два, а то и по три захода.

Едемский и Новиков столкнулись в бригаде Цыбульника. На распоряжение Новикова Едемский взорвался руганью:

— Иди ты со своей телефонограммой... Слушай, Попов, что я говорю! Немедленно иди в ковш, возьми кунгасы с ваку и доставь к Нефедову, там с рыбой завал.

— Никуда Попов не пойдет, пока я не передам предупреждение всем бригадам!

— На море я хозяин! — матерно доказывал Едемский.

Этот экспрессивный диалог потом не раз будет всплывать в ходе следствия. Его начисто будет отрицать Едемский, но подтвердят все свидетели. Если бы Едемский принял распоряжение к исполнению, трагедии не случилось бы. Почему же он так среагировал?

Протоколы следствия и суда не дают полной картины производственно-личностных отношений, но в документах можно уловить одно немаловажное обстоятельство.

Едемский на рыбокомбинате работал шесть лет, и у него были все основания считать, что именно он добывает рыбу, на нем держится самая важная часть производственного процесса. Начальники меняются чаще рыбацких штанов, а он, Едемский, ловит и ловит.

Это же подтверждал начальник отдела добычи Западно-Сахалинского госрыбтреста Леонов, выдавший характеристику Едемскому двенадцатого мая 1952 года, когда уже шло следствие и на подчиненного можно было валить все грехи.

«За период своей работы на Северо-Холмском рыбокомбинате т. Едемский показал себя как лучший организатор по обеспечению своевременной подготовки и проведения путины. Несмотря на большой объем работы, т. Едемский с работой вполне справлялся, к порученной работе относился добросовестно, был требователен к себе и своим подчиненным.

За хорошую организацию работы промыслового флота и неводных бригад на лову и перевыполнение установленных планов по добыче рыбы т. Едемский неоднократно премировался. Дисциплинарных взысканий не имел».

Олейников за своим недавним подчиненным признал и некоторые недостатки: «Отрицательные стороны в работе т. Едемского были: излишняя грубость с рыбаками и даже с вышестоящими по службе товарищами, а также факты некоторой изрядной выпивки в рабочее время».

Кто такой был Олейников для Едемского? Очередной проходной начальник, директорствующий всего полтора месяца, пришедший на все готовое. Новиков и вовсе ноль без палочки, десять дней как в должности, с которой не знает, что делать. Капитан флота Мельников — пацан, получивший корочки в Невельском учкомбинате в конце января, где всего год учился на курсах штурманов малого плавания. Синоптики их постращали, вот они и заматались...

Едемский решил: даже если шторм и нагрянет, то улов взять успеют.

Между семью и восемью часами погода присмирела, что дезориентировало Новикова. У следующих ловцов он был уже не так категоричен:

— Как рыба?

— Идет хорошо.

— Есть распоряжение Альперина снимать невода и людей, но вы смотрите по обстановке.

Около 19 часов Олейникову позвонил начальник отдела добычи Судakov:

— Павел Николаевич, что тут Новиков дезорганизует работу? Погода хорошая, рыба идет. Будем держать катера наготове. Если ветер усилится, людей снимем.

Через полчаса позвонил Едемский:

— Что вы там паникуете? Надо рыбу ловить!

Олейников и Судакову, и Едемскому повторил штормовое предупреждение.

Владимир Ермолаевич Судаков был, пожалуй, самой весомой фигурой на рыбокомбинате. Эту весомость определял диплом рыбного техникума, полученный еще в 1934 году, и одиннадцать лет нелегкой практики на Камчатке.

Альперин так характеризовал своего специалиста: «В процессе работы тов. Судаков проявил большое упорство и умение в деле обеспечения плана добычи, рекомендовал себя как специалист с большим опытом работы в рыбодобывающей отрасли, как инициатор по внедрению на практике рыболовства усовершенствованных орудий лова, как передовой начальник по внедрению штормоустойчивых неводов...

В своей повседневной работе т. Судаков постоянно проявлял заботу в деле обеспечения неводных бригад и экипажей промысловых катеров... орудиями лова, проявлял заботу о рыбаках. В практике т. Судакова на рыбокомбинате не было ни одного случая гибели людей...»

За месяц до случившейся беды Судаков со страниц холмской городской газеты «Сталинец» бил рабкоровской статьей в набат: «И по сей день рыбокомбинат не снабжен целым рядом остро необходимых материалов. Главный их поставщик — отдел снабжения ЗСГРТ (нач. т. Шеремет), который совершенно не считается с фактором времени... Для полной оснастки неводов не хватает около 26 тонн растительного каната, 13 тонн металлического троса. Нет якорей для неводных кунгасов, палаток для рыбаков, которые сутками будут находиться в море, переносных печей и труб, колен к ним. Нет должного количества спецодежды... Из 9 принадлежащих комбинату катеров в рабочем состоянии находится только один. Остальные стоят на приколе из-за отсутствия аккумуляторов».

Заметим, что именно в силу последнего обстоятельства рыболовецкие катера не смогли выйти в море той трагической ночью.

В эпицентре драмы оказался еще один человек — тридцатитрехлетний бригадир Николай Демьянович Нефедов. Влепили ему вот какую характеристику: «В Северо-Холмском рыбокомбинате работает с 1948 года в качестве звеньевых, в путину 1952 года назначен бригадиром комплексной бригады. За время работы в качестве ловца тов. Нефедов работал добросовестно, но занимался пьянкой. Тов. Нефедов на протяжении всей работы в качестве звеньевых и бригадира был недисциплинированным, занимался пьянкой. Организаторских способностей не имеет, на бригаду действовал разлагающе».

Не спешите укорять начальство, которое назначило такого человека на бригадирскую должность. Он имел опыт, а другие не видели моря вообще. К тому же имеется на Нефедова характеристика другая, положительная, составленная теми же людьми. Какой верить? Да и той, и другой. Был Нефедов не ангелом и не чертом, выдвинулся по случаю, а дальше не он повел дело, а дело повело его. Из шестидесяти пяти рыбаков его бригады только звеньевые и их помощники имели рыбацкий опыт, ну, возможно, еще пяток человек. Остальные приехали по оргнабору за месяц или за несколько недель до путины.

Альперин приказом № 64 от двадцать пятого февраля 1952 года обязывал «охватить всех руководящих и инженерно-технических работников, специалистов среднего звена, мастеров учебой по повышению деловой квалификации и политического уровня... Непосредственно на местах работы организовать производственный инструктаж всех прибывающих рабочих. Укомплектовать звенья и бригады из числа кадровых рабочих с расчетом пополнения их сезонными рабочими на периоды наибольшего напряжения в работе».

Судакова, посаженного на скамью подсудимых, спрашивали, почему не был выполнен приказ Альперина. Он отвечал: «Техминимум с новыми рыбаками проведен

не был, не имелось времени. Люди прибыли перед самым началом путины». А что касается кадровых рабочих, возражал он далее, то их на рыбокомбинате осталось к началу путины менее двадцати процентов, остальные разбежались из-за отсутствия жилья.

Теперь вспомним, как его строил Альперин — на 1,8 % от плана! — да прикинем, что специалисты всех звеньев всегда относились к «охвату учебой» как к болтовне и безделью, и дальнейшее развитие событий нам покажется закономерным.

АВРАЛ

Документы только в определенной мере помогают восстановить хронику той ночи.

Из показаний Н. З. Ремезова — ловца бригады Нефедова: «Около 7 часов вечера к месту, где мы подсушивали ваку-мешки, подошел пьяный Едемский, показал пальцем на четверых: «Ты, ты, ты и ты. Погоним в море кунгасы». «Погода плохая», — возразил Венгренюк. «Будем бороться со штормом», — сказал Едемский. По его указанию мы взяли весла и пошли на кунгасы».

Когда катер № 01 прибыл в ковш, Новиков позвонил Олейникову, доложил о выполнении его распоряжения и попросил разрешения отдохнуть до 22 часов. К старшине катера подошли Едемский и Нефедов. Нефедов, в чьем распоряжении находился Попов, приказал:

- Бери два кунгаса и веди в звено Плешакова.
- Так ведь велено снимать невода и людей!
- Тебе сказано ехать за рыбой — езжай!
- А как же телефонограмма? — пытался все-таки возразить Попов.

Полупьяный Нефедов показал на полупьяного Едемского:

- Рыбу ловить приказывает Едемский.

Парторг Платыгин, находившийся тут же, подтвердил, переступив с ноги на ногу:

- Раз Едемский говорит, то надо выполнять.

Попов отбуксировал кунгас с ваку-мешком. Нефедов переместился с катера на кунгас и стал помогать рыбакам переливать рыбу в мешок.

Попов спросил у Нефедова:

- Людей снимать?
- Подожди, пока нальем мешки рыбой.

Позднее Попов свидетельствовал: «Я отошел в сторону и встал у буйка, где ждал сигнала от Нефедова. Сигнала не поступило. В это время (около 20 часов 40 минут) я увидел факела: люди из другой бригады просили о помощи. Пришлось вести их в ковш. Кунгас был залит водой. Я оставил его в ковше и снова пошел в море, нашел два кунгаса из бригады Нефедова, с одного снял всех, на другом остался один, его чем-то придавило. Снять я его не мог, катер отбросило. Вторая попытка не удалась, было темно, кунгас куда-то исчез, факела гасли на ветру. Что-то намоталось на винт, мотор стал перегреваться. Я вынужден был уйти в ковш, где пересел на катер ТСК № 187. Мы вновь вышли в море».

Несколько свидетелей рассказали, как их вместе с бригадиром унесло в море.

Кунгас, на котором находился бригадир Нефедов, стали жестоко трепать волны. И все же бригадир упорно продолжал доливать ваку-мешок. Однако погода так ухудшилась, что мешок пришлось наскоро завязывать. Стали они звать свой катер, но Попова уже на месте не было, он помогал другим. Нефедов дал задание снимать ловушку, но увидел, что и эта работа бесполезна. Из кунгаса, который был внутри невода, рыбаки стали прыгать в кунгас к бригадиру. Сделать это смогли не все. Кунгас стало заливать, его никак не удавалось поставить против волны. Тогда бригадир

обрезал конец, и кунгас понесло. Те, кто остался на кунгасе внутри невода, кричали, безнадежно звали на помощь. Нефедов велел сесть на весла, грести к берегу, однако ветер гнал их. Стали жечь факелы, потом рвали и жгли фуфайки. Кунгас оторвался часов в девять вечера, а сняли их возле Яблочного лишь в два часа ночи.

Бригада Нефедова оказалась брошенной на произвол стихии.

Ловец Иван Васильевич Чернов: «Нефедов был пьян. Вообще он трезвым не бывал. Никаких указаний он не давал. Считаю, что люди нашей бригады не погибли бы, если бы Нефедов не сошел с катера на кунгас, а остался на катере и руководил спасением людей, как это сделали Цыбульник и Кулаев».

Да, Николай Кулаев снял своих рыбаков вовремя. «На катере я отвез три пустых кунгаса в ковш. Вернулся к звену Иванюты, где снимали невод. Однако из-за большого волнения и сильного ветра сделать это было трудно, мы провозились часа два. Видя, что шторм усиливается, я дал указание бросить невод и всем рыбакам идти на катер. Было уже половина десятого вечера. После этого я снял людей из звена Хан Тхя Дюн, взял на буксир кунгас, пошел в ковш. Высадив рыбаков, мы снова пошли в море. Было темно. Увидев сигналы о помощи, мы пошли на огни и спасли звено Степанова из бригады Нефедова».

Павел Алексеевич Леонов, начальник отдела добычи Западно-Сахалинского госрыбтреста, вернулся с ужина после двадцати часов. Его помощники сообщили, что не на всех предприятиях приступили к снятию неводов, в том числе в районе Холмска, Антоново, Яблочного.

— Почему?

— Невода хорошо рыбу берут.

Леонов пошел к Альперину. Тот вызвал Бугу, Григорьева, Сосновского, Богомолова и потребовал, чтобы немедленно снимали людей. Были вызваны все рыбокомбинаты. Директор Красноярского рыбозавода Пак снимать людей отказался.

— У нас хорошая погода! — кричал он в трубку.

Только решительный окрик Альперина послужил для него веским доводом.

В это время позвонил Олейников. Говорил с ним Альперин недолго, потом, удовлетворенный, положил трубку:

— У Олейникова тоже хорошо рыба идет.

Буквально через полчаса Олейников снова вышел на связь.

— Прошу оказать помощь, нечем снять бригаду Нефедова. Как бы беды не было!

Альперин связался с пароходством, попросил два катера. Оттуда ответили, что высылают «Дружинника» и «Норд-ост». Позже выяснится, что к полуночи прибыл один, второго так и не дождались. Олейникову приказано было мобилизовать свой флот на спасение людей. Он тут же позвонил в ковш:

— Где Едемский?

— В столовой сидит, спирт глушит.

— К телефону его сейчас же!

Едемский позвонил около девяти. По речи было заметно: пьян.

— Я не ел целый день. Могу я поесть или нет?

— Немедленно выходи в море! — разъярился Олейников и тут же передал распоряжение капитану флота Мельникову, чтобы тот предупредил старшин промысловых катеров о готовности выйти в море.

В это же время Олейникову позвонил директор рыбозавода «Светлый» Марк Тимофеевич Барановский:

— Павел Николаевич, дайте катер. Только что пришел с моря Бондаренко, надо снимать людей. Судакова нет, куда-то ушел на «Петушке». Логутко отправлен с рыбой в Холмск-Южный.

Накануне у директора рыбозавода Барановского и начальника отдела добычи Судакова вышел спор. Судаков решил отправить катер Логутко, закрепленный за бригадой

Бондаренко, с рыбой на Южно-Холмский рыбокомбинат. Там простаивали цеха переработки. Барановский возражал: в такую погоду нельзя оставлять рыбозавод без катера.

— Дадим другой! — заверил Судаков и выписал Логутко рейс.

Логутко все равно не дошел по назначению, запутался в сетях и вынужден был вернуться. Попутно он спас двух человек из бригады Югая. Они находились в кунгасе, залитом водой. С других кунгасов Логутко снял еще шестнадцать человек и доставил в ковш.

Словом, беда приходит не одна и рвет там, где тонко...

В. Поляков, портнадзиратель рыбокомбината: «Около восьми позвонил Судаков и сказал, чтоб людей с кунгасов пока не снимали. Одновременно он предложил старшинам рыболовецких катеров, чтобы они не уходили по домам. В это время в ковше находились девять самоходных плавединиц. Старшинам катеров я передал распоряжение Судакова, но в диспетчерскую пришли только два человека, остальные разошлись по домам. Потом прибыл Судаков, стал предлагать Иночкину, Гаврилову, а после и Епанешникову, за которым сбегал Едемский, чтобы они вышли в море снимать людей с кунгасов. Епанешников заявил, что у него на катере нет ходовых огней и не освещено машинное отделение. Гаврилов заявил, что у него нет света. Иночкин заявил, что у него нет не только света, но и заднего хода. Именно к этому времени с катеров были сняты аккумуляторы и поставлены на 76-часовую зарядку».

Мария Журавлева, техник отдела добычи: «Когда уже стемнело, я зашла в диспетчерскую. Там было полно народу, все ругались между собой. Судаков предлагал старшинам катеров выйти в море. Старшины отказывались: света нет, машина не работает. Судаков был трезв, Едемский — пьян».

Катера, находившиеся в ковше, согласно удостоверениям на годность к плаванию могли использоваться лишь в прибрежной зоне и в дневное время суток, при волнении не свыше четырех баллов.

А тут ночь, шторм.

В. С. Шевченко, старшина катера 3х-08: «В течение всего 15 апреля находился на лове рыбы, вернулся около 20 часов. В это время пришел Едемский и сказал, что пойдет в море со мной. В шторм с нетрезвым Едемским без света я идти отказался».

Некоторые рыболовные катера все же вышли, но главные спасательные работы вели катера буксирные.

Н. П. Белошапкин, старшина катера ДД-101: «Часов в девять шторм бушевал уже вовсю. Мы сняли свою бригаду (Бондаренко) к 23 часам. Потом сняли из бригады Югая 24 человека и двух из бригады Нефедова. В ноль часов Судаков пересел на наш катер, и мы вновь вышли в море, где пробыли до четырех утра, но людей больше не нашли».

В. М. Веселов, старшина катера Ж-187 Холмской транспортно-складской конторы: «В 9 часов бригада Кулаева продолжала выбирать ловушки. В это время ветер усилился до штормового. Кулаев распорядился: «Всем перейти на катер!» Перешло человек тридцать. Потом я подошел ко второму морскому неводу, где звеньевым был кореец, оттуда забрал всех людей, взял на буксир пустой кунгас, и мы ушли в ковш. Я высадив людей около 12 ночи. Подошел Едемский и сказал, что надо помочь каким-то людям из колхоза имени Суворова. Тут же меня вызвали в диспетчерскую, где капитан флота Мельников вручил мне письменное распоряжение немедленно выйти в рейс для спасения людей. Вместе со мной послали Попова, капитана катера № 01, который знал расположение неводов. Мы взяли 16 ракет и вышли. Обойдя все невода, людей мы не обнаружили. Вернулись в ковш около четырех утра. Мельников послал нас снова в море — разыскивать катер № 13, который ничего о себе не сообщал. Катер мы не нашли и вернулись. Нас снова послали искать людей».

Наиболее предусмотрительным в тот вечер оказался Иван Семенович Цыбульник. «Начал снимать невода по своей инициативе. Чтобы снять один невод, требуется

1,5–2 часа. Сняли два невода. Тут шторм разыгрался сильнее. Я приказал снимать людей. В моей бригаде 58 человек, в одиннадцатом часу вечера сняли всех. На катере № 217 пошли снимать рыбаков из других бригад. Поиски вели до четырех утра...

Если бы мне сказали не сниматься, я все равно бы снялся, так как на море отвечаю за судьбу людей. На море я хозяин!»

В ту ночь проявил самоотверженность капитан катера Ж-155 Южно-Холмского рыбокомбината Александр Канидиевич Соляков. «В 20 часов я вышел из ковша ТСК и повел катер в Калининский рыбозавод. На море уже крепко штормило. Ни о каком предупреждении Альперина я не знал, так как мне ничего не передали, хотя я имел 2 радиостанции. В Калинин я не дошел. На траверзе рыбозавода «Светлый» я увидел зажженные факелы на кунгасах. Я взял на буксир два кунгаса, на которых было 14 человек. Однако вести кунгасы было рискованно, поэтому пришлось людей взять на борт катера. Шел малым ходом. В 21 час получил указание начальника отдела флота треста т. Буга снять людей с невода. Сначала доставил уже снятых рыбаков, высадил в ковше ТСК, потом снова вышел в море. В районе Северного Холмска никого не обнаружил. Возвращаясь, увидел кунгас, на нем было 15 рыбаков из колхоза им. Суворова, в 2 часа 45 мин. доставил их в ковш. При подходе к ковшу снял еще одного человека с кунгаса Красногорской экспедиции. Тут же получил указание идти в район Поляково и снять людей с неводов. При следовании обнаружил катер ДД-129 Южно-Холмского рыбокомбината. Катер намотал сеть на винт. Я снял с борта катера 56 человек и еще трех человек с кунгаса. Доставил всех в ковш. Было 4 часа 20 минут 16 апреля. По указанию диспетчера треста еще раз вышел в море обследовать все невода от северных рыбозаводов до рыбобазы. В районе рыбобазы снял с двух кунгасов по два человека и доставил в ковш бумкомбината. По пути взял на буксир катер ДД-129, который доставил в ковш».

О том, что пережили в ту ночь люди на море, в малой степени может передать сухой протокол допроса свидетеля Владимира Лебедева, сорокалетнего рыбака: «Приблизительно в семь часов вечера к нашему звену подошел катер № 01, на котором находился Новиков. Он спросил: «Полный у вас ваку-мешок?» Мы ответили: «Полный. Мы голодные, ничего не ели со вчерашнего дня». Новиков пообещал, что кушать нам привезут. Катер ушел, больше мы его не видели. Стемнело, мы жгли факела, потом одежду. Никаких спасательных средств не было. Вскоре нас стало затапливать водой, мы вычерпывали ее ковшами, кричали, но наши крики тонули в бушующем ветре. Когда мы вымокли до нитки и обессилели, к нам подошел катер № 187. Сняли нас около 12 ночи. Больше мы бы не выдержали».

Точно не установить, в котором часу в ковш Северо-Холмского рыбокомбината привезли первые жертвы. Видимо, было одиннадцать вечера. Из кунгасов вынимали окоченевших рыбаков. Мельников вызвал скорую помощь, доложил Олейникову, тот — Альперину. До утра никто не сомкнул глаз. Едемский и Судаков на катерах бороздили бушующее море.

СУД

Девятого июня в Холмске начался суд. Обвиняемые Олейников и Нефедов сами явились к назначенному сроку. Едемского и Судакова доставили в зал заседания под стражей.

В зале находилось много народу: работники треста, рыбокомбината, капитаны катеров, бригадиры, рыбаки из бригады Нефедова.

Явку свидетелей проверили по списку и велели им удалиться в специальную комнату. Еще весной рыбаки, бригадиры, капитаны спорили, ругались с начальством, а теперь смотрели на подсудимых с сочувствием...

Суд стал перепахивать производственную ниву рыбокомбината, выворачивая на поверхность все скрытые организационные огрехи. Конечно, недостатки и до суда были видны невооруженным глазом, но тут о них заговорили зло и беспощадно.

Например, про тот же аварийно-спасательный катер. На рыбокомбинате он есть, это катер № 81, но к плаванию он был непригоден, так как имел пробойну. Руководители комбината долгое время добивались, чтобы его поставили на ремонт. Добились, катер спустили на воду двадцать шестого апреля.

Еще девятнадцатого февраля предшественник Олейникова Бутаков вынужден был издать приказ «О неудовлетворительной подготовке к путине 1952 года цеха лова». В нем приводились факты вопиющей халатности: вёсел гребных по плану надо было иметь триста, а изготовили вполтину меньше; черпаков для отливки воды надо было сто двадцать, а приобрели лишь сорок восемь; факелов не было ни одного из планируемых двухсот пятидесяти. И так по многим пунктам.

Цыбульник, знаток своего дела, утверждал: флот годен лишь на тридцать процентов, кунгасы клепали всяким железом, от первой качки они приходили в негодность. Епанешников: «Все знали, что промысловые катера в штормовую погоду в ночное время в море выйти не могут. На катерах нет освещения и до сих пор, керосиновые фонари задувает, нет снаряжения противопожарного и водоотливного, корпуса плохие, по-нашему сказать — липовые».

Суд вычертил снабженческую кривую: если трест обеспечивал рыбокомбинат на тридцать — сорок процентов, то главк и министерство — лишь на пятнадцать процентов.

Поэтому спасательных средств на кунгасах не было, и трест рекомендовал в этом качестве использовать стеклянные шары и бочата, обтянутые сетью.

— Чепуха это! — возмущались рыбаки. — Бочата текут, как раз с ними пойдешь на дно. Шары пригодны лишь для минутной поддержки. А как же на них продержаться при снежном ветре в ледяной воде?

Спасательная мачта, которую Едемский после указаний установил лишь тринадцатого апреля, имела чисто декоративное значение. Во-первых, никто никого не обучал знакам распознавания подаваемых сигналов, а во-вторых, зачем нужна мачта, если есть начальник цеха лова, бригадир, звеньевые, которые и должны дать необходимые команды!

И вообще по всем производственным вертикалям и горизонталям обнаружилась масса прорех, на которые можно было смотреть сквозь пальцы. Мельников объяснял: «Я знаю, что есть приказ министерства о создании на кунгасах и катерах НЗ пищи, воды, горючего, но никто ничего не создавал, так как не было возможности. Я пытался не выпускать в море необеспеченные кунгасы, но меня обвиняли в срыве путины. Уже после шторма я запретил выход в море неоснащенного флота, двое суток стояли суда. Новый директор рыбокомбината сказал, что я занимаюсь вредительством. Я перешел на другую работу...»

К погодным прогнозам на всех предприятиях треста относились как к карточным гаданиям. Сколько раз бывало так: дают штормовое предупреждение, а никакого шторма нет. И тогда начальство требовало: плевать на прогнозы, иначе не будет ни плана, ни денег! Даже такую болезнь прилепили — «штормобязнь».

Еще десятого марта 1949 года всем директорам предприятий Западно-Сахалинского госрыбтреста было направлено письмо за подписью одного из заместителей Альперина (фамилия отпечатана неразборчиво). Документ требовал, чтобы руководители, капитаны и шкиперы не боялись штормовых предупреждений, принимали их с поправкой на обстановку: «Руководители предприятий, капитаны флота, начальники отделов, цехов лова... болеют штормобязнью и получаемые прогнозы погоды, штормовые предупреждения принимают как закон. Во многих случаях даже ветер в 4–5 баллов считается штормовым, однако многие шкипера-стахановцы в

такую погоду выходят на добычу и имеют хорошие уловы. Поэтому при получении штормового предупреждения директора рыбокомбинатов, рыбозаводов, начальники добычи должны штормовое предупреждение принимать как сигнал для принятия мер предосторожности. При отправке флота в море необходимо в каждом отдельном случае анализировать фактическое состояние погоды. Предлагаю... не допускать штормобоязни. Необходимо изучать и передавать опыт шкиперов-стахановцев, которые с успехом работают при неблагоприятной промысловой обстановке, однако аварий не имеют и с успехом организуют лов.

Всех нарушителей трудовой дисциплины, не выполняющих распоряжений руководителей предприятий, привлекать к строгой ответственности. Только такие меры могут обеспечить... безусловное выполнение установленного государственного плана».

Вот так по-сталински командовал ретивый администратор. Копию письма он направил заместителю начальника Главсахалинрыбпрома Полтавскому и прокурору Сахалинского бассейна Алексееву. От них никакого протеста не последовало. Тем самым разрешалось пренебречь всякими приказами, требованиями Регистра, «формальными» правилами ради выполнения плана. Требовалось работать на грани риска, проявлять героизм. Ориентир держали на сталинскую оценку: «Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства». На фронте все списывала война, в мирное время все списывал план. Семьям погибших так и сообщили: «Трагически погиб при выполнении государственного плана по добыче рыбы».

В августе на 5-й Холмской городской партконференции представитель Северо-Холмского рыбокомбината Юферов отчитался достойно: «Госплан по добыче рыбы мы выполнили за 1951 год на 134 %, по обработке — на 150 %, по выработке консервов — на 250 %. Мы дали прибыли государству 9 миллионов рублей».

О погибших не было сказано ни слова.

Четырнадцатого июня 1952 года линейный суд железнодорожного и водного транспорта Сахалинской области приговорил:

«Олейникову П. Н. определить окончательную меру наказания — три года лишения свободы в общих местах заключения без поражения в правах;

Едемскому А. И. — три года лишения свободы в общих местах заключения без последующего поражения в правах;

Нефедова Н. Д. подвергнуть исправительно-трудовым работам сроком на один год с вычетом 25 % по месту работы в пользу государства;

Судакова В. Е. подвергнуть исправительно-трудовым работам сроком на один год с вычетом 25 %... Время, проведенное в местах заключения с 24 апреля по 14 июня, засчитать из расчета один день заключения за три дня исправительно-трудовых работ. Из-под стражи Судакова освободить в зале суда».

Второго октября того же года линейный суд в ином составе рассмотрел дело повторно. Изменили меру наказания Олейникову (год исправительно-трудовых работ) и Едемскому — пять лет в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

ПЕЧАЛЬНОЕ ЭХО

Отголоском тех событий осталась переписка должностных лиц с семьями погибших и несколькими потерпевшими, оставшимися в живых. Семьям погибших было выплачено единовременное пособие по пять тысяч рублей.

Насчет пострадавших в Западно-Сахалинском госрыбтресте направили бумагу следующего содержания: «На основании устного распоряжения начальника Главсахалинрыбпрома т. Джапаридзе из выделенных вам средств по оказанию помощи семьям погибших рыбаков тт. Кучмеева и Колесникова, кроме выданных бесплатных путевок,

выплатить единовременное пособие по 2 тысячи рублей каждому, оплатить проезд до места курортного лечения и обратно стоимостью жесткого плацкартного билета; пострадавшему рыбаку Галкину М. С. выдать единовременное пособие в сумме 2 тысячи рублей, а также бесплатный проезд до места курортного лечения из расчета жесткого плацкартного билета;

Ковалев, рыбак цеха добычи, во время стихийного бедствия получил полное помешательство и находится в психиатрической больнице г. Южно-Сахалинска. Оказать единовременную помощь в сумме 500 рублей для лечения, указанную сумму выдать его жене Агриппине Михайловне».

Долго еще жены погибших писали в контору рыбокомбината, городским властям, прокурору, добываясь различных справок для получения пенсии...

Девятого октября 1952 года помощник холмского прокурора Емелина теребила директора рыбокомбината Тарасенко: «В прокуратуру города обратилась с жалобой гражданка Петровская Анна Лукьяновна о том, что она неоднократно обращалась к вам с просьбой о высылке ей документов о гибели мужа. Однако документы до сих пор не высланы, гр. Петровская лишена возможности получать пенсию на детей...»

По поводу справок для семьи Кравченко секретарь Ленинского райкома КПСС Тамбовской области дважды писал в Холмский горком: Тамбовский облбoces требует справку о зарплате за март-апрель с указанием количества рабочих дней по месяцам, акт о несчастном случае в двух экземплярах... Потребуйте своей властью от руководителей рыбокомбината, чтобы выслали необходимые документы!

Такую же переписку вели семьи погибших Шишкина, Южанина, Торгашина, Гасенко... Набралась целая папка, которая хранится в Сахалинском областном архиве. Сюда же чья-то заботливая рука приобщила частное письмо, написанное Ивану Малыгину престарелыми родителями за полтора года до его гибели. Вроде не имеет это письмо никакого отношения к рассказанной выше истории, но именно им я решил закончить повествование.

«Добрый день, веселый час, пишу письмо — жду от вас!

Здравствуйте, дорогой наш Ваня! С родительским приветом до вас твой отец и мама, тетя Тася. Желаем всего хорошего в жизни, успеха в работе и сердечно благодарим за твое письмо, которое получили 17.10, а в нем были деньги — 25 руб.

Ваня, мы опишем свою жизнь. Живем очень плохо, можно сказать, на одной пенсии. Сапожники работы очень мало. Здоровье очень плохое. Занимались деньги на посадку картошки — около 200 рублей, а копка картошки была с найму. Бывает, не на что взять хлеба. Ваня, мы совершенно разделись и разулись, печка валится, крыша истрепела и съезжает... Мы тебя потеряли, писали два письма. Ваня, все же нам очень тяжело и горько, как мы получили от тебя письмо и узнали о твоей жизни. Ваня, брось эти карты и вино. Ты знаешь, что мы старики, инвалиды, нам нужна помощь. Ты один на дальней стороне, поддержать тебя некому. Мы знаем, что у тебя пролетают тысячи, а мы наги и босы. Ваня, ты пиешь, что освободился, то подрабатывай денег и приезжай домой, женись, занимайся домом и хозяйством...

Ваня, послушай меня. Если ты считаешь меня своей матерью, то брось картежную игру и вино. Правда, выпить немного можно для здоровья. Я очень слаба от непитания, если можно, то вышли немного денег...»

Это как раз тот случай, когда письмо малограмотной крестьянки расскажет о жизни послевоенного поколения больше, чем объемистые научные труды, однако закончим это печальное повествование оптимистическими фактами. В сентябре 1963 года объединение «Главсахалинрыбпром» преодолел рубеж убыточности и стал приносить прибыль государству. Прибыль эта возрастала с каждым годом, пока объединение не напоролось на скалу под названием «рыночная экономика», но это уже совсем другая история.

*Список рыбаков Северо-Холмского рыбокомбината,
погибших в ночь с 15 на 16 апреля 1952 года:*

1. Венгренюк Степан Иванович, 1925 года рождения, из рядов СА. Захоронен в Холмске. Остались жена, сын, мать.
2. Маркин Александр Фадеевич, 1907 г., захоронен в Холмске. Жена, две дочери.
3. Галговский Виктор Григорьевич, 1926 г., из Владивостока. Умер 17 апреля, захоронен в Холмске. Одинокий.
4. Шишкин Александр Васильевич, 1919 г., из Краснодара. Труп не найден. Жена.
5. Малыгин Иван Иванович, 1928 г., из завода Чухвая Холуница Кировской области. Труп не найден. Одинокий.
6. Богомолов Михаил Андреевич, 1925 г., из Ростова. Захоронен в Холмске. Одинокий.
7. Торгашин Вениамин Константинович, 1923 г., из ст. Основа Харьковской области. Труп не найден. Жена.
8. Федоров (в др. документах Федир) Ян Климентьевич, 1895 г. Захоронен в Холмске. Жена.
9. Кравченко Василий Григорьевич, 1907 г., из Тамбова. Захоронен в Холмске. Жена, двое детей.
10. Петровский Константин Титович, 1921 г., из с. Новая Покровка Красноярского края. Труп не найден.
11. Кашин Иван Егорович, 1920 г., из дер. Ильинская Удмуртской АССР. Захоронен в Холмске. Жена, ребенок.
12. Горчаков Василий Александрович, 1925 г., из дер. Блудново Вологодской области. Захоронен в Холмске. Одинокий.
13. Сушков Григорий Григорьевич. Захоронен в Холмске. Других данных нет.
14. Гасенко Алексей Ильич, 1919 г., из Майкопа. Захоронен в Холмске. Жена, дочь.
15. Южанин Андрей Акимович, 1904 г., из г. Кропоткин Краснодарского края. Захоронен в Холмске. Жена, сын.
- 16-17. Чен Ен Сен, Ким Хо На — одинокие рыбаки из Северной Кореи. Трупы не найдены.

критика и библиография

Татьяна ГЛАДКИХ

В согласии с сердцем

К 160-летию М. В. Нестерова и 130-летию К. Г. Паустовского

«Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я — художник. Я остро чувствую краски и настроения дней... И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст...» — такую запись оставил в своем дневнике за 1920 год Константин Паустовский.

Его проза, и верно, похожа на живопись в слове. Она напоминает мне чем-то картины Михаила Васильевича Нестерова. Интересно, что они и родились в один последний весенний день — 31 мая (19 мая по старому стилю): художник в 1862 году в Уфе в старинной купеческой семье, а писатель в 1892 году в Москве в семье железнодорожника. Так что в 2022 году мы отмечаем 160-летие М. В. Нестерова и 130-летие К. Г. Паустовского.

Когда Паустовский появился на свет, Михаил Нестеров уже был автором знаменитой картины «Видение отроку Варфоломею». Живописное сказание о Сергии Радонежском возвращает нас в известный эпизод его детства, в ту пору, когда он носил еще имя Варфоломей. Отрок Варфоломей, которому с трудом давалась грамота, встретил в окрестных полях «старца черноризца», и тот благословил его просфорой со словами: «Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания». Об этой картине, признанной одной из лучших в русской живописи, написаны десятки книг и статей, но, пожалуй, самые проникновенные, простые и точные слова сказал о ней Константин Паустовский:

«Все знают картину Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Для многих этот отрок, этот деревенский пастушок с глубочайшей чистоты синими глазами — белоголовый, худенький, в онучах — кажется олицетворением стародавней России — ее сокровавленной тихой красоты, ее неярких небес, нежаркого солнца, сияния ее неоглядных далей, ее пажитей и тихих лесов, ее легенд и сказок.

Картина эта — как хрустальный светильник, зажженный художником во славу своей страны, своей России. Самое замечательное в этой картине — пейзаж. В чистом, как ключевая вода, воздухе виден каждый листок, каждый скромный венчик полевого цветка, каждая травинка и крошечная девочка-березка. Все это кажется драгоценным. Да так оно и есть. Это зрелище трав, синеглазых рек, взгорий и темных лесов, что как бы прислушиваются к долетающему вполголоса звону, открывает в нас самих такие глубины любви к своей родимой земле, что стоит большого труда даже самому спокойному человеку сдержать невольные слезы. Этот нестеровский пейзаж ударяет по сердцу каждого, у кого есть сердце».

Эти слова можно отнести и к самому Константину Георгиевичу Паустовскому. Его произведения так же входят в наше сердце своей нежностью, задушевностью,

светом. «Чем прозрачнее проза, тем совершеннее ее красота и тем сильнее она отзывается в человеческом сердце», — считал Паустовский и сам писал именно такую — прозрачную, как легкий весенний воздух, — прозу.

Человеку, который полюбил его творчество, можно сказать, повезло: мир никогда не утратит для него своей красоты. Каждая повесть или рассказ писателя — «Романтики», «Блистающие облака», «Черное море», «Повесть о жизни», «Мещерская сторона» и другие — учат нас видеть, слышать, чувствовать мир так же светло и поэтично, как в детстве. Не случайно одна из статей Паустовского в его книге о писательском мастерстве «Золотая роза» так и называется: «Искусство видеть мир».

Сам он в высшей степени обладал этим искусством. В его прозе нет внешнего блеска: как всякое подлинно рожденное искусство, она не блестит, а мерцает — светом и красками, тонкими оттенками тонов и полутонов. «Многие произведения Паустовского — произведения живописи, — писал литературный критик А. Роскин. — Их можно было бы вешать на стену, если бы только для подобных картин существовали рамы и гвозди».

Конечно, это прежде всего природный талант (ведь не случайно смолоду он чувствовал: «Бог прислал меня на землю с даром красок»). Но свой замечательный дар писатель всегда бережно развивал и, надо сказать, многому учился у профессиональных художников. «...Я впервые увидел все разнообразие красок русского ненастья после картины Левитана «Над вечным покоем», — рассказывал Паустовский. — До тех пор ненастье было окрашено в моих глазах в один унылый цвет. Но Левитан увидел в этом унынии некий оттенок величия, даже торжественности и нашел в нем много чистых красок».

Знаток и ценитель подлинной живописи, Паустовский написал повести «Исаак Левитан», «Орест Кипренский», рассказы о грузинском художнике Нико Пироманишвили. Свои «Заметки о живописи» он посвятил известному русскому советскому художнику Н. М. Ромадину, с которым его связывала теплая человеческая и творческая дружба. Николай Ромадин был учеником Нестерова, и писатель называл его достойным преемником нестеровского пейзажа.

Нестеровский пейзаж — это тихие поля и перелески, тонкие березы и скромные полевые цветы... Это светлая осень или ранняя весна — та мимолетная пора, когда природа полна прозрачности и тишины. «Люблю я русский пейзаж, — писал художник, — на его фоне как-то лучше, яснее чувствуешь и смысл русской жизни, и русскую душу». Среди этих пейзажей встречаем мы любимых героев художника — праведников и подвижников. «Я избегал изображать сильные страсти, предпочитая им скромный пейзаж, человека, живущего внутренней духовной жизнью в объятиях нашей матушки-природы», — рассказывал о себе Нестеров.

Константин Паустовский, любивший бродить по глухим проселочным дорогам или по мелколесью, так говорил о своем ощущении таких мест: «Там всегда светло и чисто, как в прибранной к празднику крестьянской горнице. Каждый раз, когда я попадаю в мелколесье, мне кажется, что именно в этих местах художник Нестеров нашел черты своего пейзажа».

И Нестеров, и Паустовский были певцами среднерусского пейзажа. Каждый из них создал свой лирический образ человека, живущего в согласии с сердцем, людьми и природой. У художника это святые, монахи, подвижники и пустынники. У писателя — обычные, как принято говорить, неприметные люди: «...Больше всего я люблю писать о людях простых и безвестных — о ремесленниках, пастухах, лесных объездчиках, бакенщиках, сторожах и деревенских детях — своих закадычных друзьях».

Их обоих отличала какая-то особая, щемящая любовь к далям, просторам. «Какие дали оттуда видны! — вспоминал художник свою детскую поездку в монастырь. — Там начало предгорий Урала, и такая сладкая тоска овладевает, когда глядишь в эти манящие дали». Похожее чувство не раз испытывал Паустовский: «Осенью с этого косогора открывается в затуманенном воздухе такая беспредельная русская даль, что от нее замирает сердце». Но в живописи Нестерова или прозе Паустовского мы можем не просто еще раз полюбоваться этими далями, а и всем сердцем прочувствовать, что своей творческой силой человек во многом обязан природе, тем привычным с детства пейзажам, что вошли в его душу.

«Человек, живущий по сердцу, в согласии со своим внутренним миром, всегда созидатель, обогатитель и художник», — писал Паустовский. Таким был и сам Константин Георгиевич. Люди, близко знакомые с ним, вспоминали его деликатность, совестливость, доброту и застенчивость. Мудрость сочеталась в нем с чутким сердцем, а застенчивость не мешала поднимать голос в защиту правды. Официальная критика не раз писала о «патриархальности» и «отрыве от жизни» Паустовского. Но в 1950–1960-е годы это был самый любимый и читаемый писатель в стране. В те же годы к Паустовскому пришло мировое признание (в 1962 и 1965 годах он был одним из номинантов Нобелевской премии в области литературы).

Последние годы жизни (а умер он в 1968 году) Паустовский провел в небольшом старинном городке Таруса Калужской области. Такие живописные провинциальные города он называл «глубинными». Издавна этот городок на Оке привлекал к себе художников, писателей, поэтов; в разные годы здесь (или в окрестностях Тарусы) жили Василий Поленов, Виктор Борисов-Мусатов, Марина Цветаева, Белла Ахмадулина, Николай Заболоцкий, Борис Пильняк и многие другие.

«...Таруса сделалась своего рода творческой лабораторией и приютом для людей искусства и науки», — писал Паустовский, проживший в ней более десяти лет. Жил он в небольшом бревенчатом доме, где было много света, воздуха и цветов. Дом писателя называли бревенчатой духовной крепостью. Сюда часто любили приезжать его друзья, близкие по духу люди. Здесь Константин Георгиевич написал повести «Бросок на юг», «Время больших ожиданий», несколько глав «Золотой розы», новеллы «Наедине с осенью», «Уснувший мальчик», «Городок на реке» и другие.

«Городок на реке» (конечно, о Тарусе) открывает знаменитый литературно-художественный альманах «Тарусские страницы». Издан он в 1961 году (на волне «оттепели») Калужским книжным издательством, но подготовил альманах в основном Константин Паустовский. В него вошли стихи М. Цветаевой, Н. Коржавина, Н. Заболоцкого Д. Самойлова, проза Ю. Казакова, Б. Окуджавы, Б. Балтера и других талантливых авторов. Никакой критики советской жизни в «Тарусских страницах» не было, но их издание признали ошибкой, дальнейший выпуск тиража остановили, а уже отпечатанные книги изъяли из библиотек.

Именно в этом сборнике К. Г. Паустовский впервые опубликовал главу из своей книги «Золотая роза» об Иване Бунине, прозу которого полюбил с юности. И здесь он вновь вспомнил живопись Михаила Нестерова. Одну из его картин — по глубине замысла, выразительной силе, духовной наполненности — писатель сравнил с самым пронзительным произведением Бунина.

«“Жизнь Арсеньева” в каких-то своих частях напоминает картину художника Нестерова «Святая Русь», — писал Паустовский. — Эта картина — наилучшее выражение своей страны и народа в понимании художника. По широкой дороге среди перелесков и взгорий, мимо чистых речек и почернелых бревенчатых церквей... идет под светлым северным небом большая толпа. Кого только нет в этой толпе! Идет вся Русь! Что-то общее у этой картины с книгами Бунина».

Константин Паустовский и Михаил Нестеров жили почти в одно время (художник умер в 1942 году), но, видимо, никогда не встречались, не были лично знакомы. Хотя, на мой взгляд, они счастливо «встретились» в своем творчестве.

Интересно отметить: Паустовский иногда сожалел о том, что он не художник («Если бы был художником, написал бы картину «Снега», — писал он в своем дневнике). А Нестеров был не только замечательным живописцем, но и обладал несомненным талантом писателя. В этом легко убедиться, прочитав его книгу воспоминаний «Давние дни», которая вышла уже в конце жизни художника. Написана она легко, изящно, прекрасным литературным слогом. «Кто не знает, что воспоминания, мемуары — удел старости: она живет прошедшим, подернутым дымкой времен минувших, — писал М. В. Нестеров в предисловии к своей книге. — И это придает им особый аромат цветов, забытых в давно прочитанной книге жизни».

Можно найти немало созвучий, параллелей в творчестве художника и писателя, каждый из которых создал свой неповторимый мир. Нестеров с детства был глубоко религиозным, большая часть его картин — это живописная повесть о Святой Руси; в отличие от него, духовный путь Паустовского отмечен тем, что можно назвать одухотворенной романтикой. Но они созвучны между собой своей теплой любовью к людям и тем добрым взглядом, которым смотрели на мир. А главное — проза и живопись двух этих мастеров, говоря словами Паустовского, «ударяет по сердцу каждого, у кого есть сердце».

АВТОРЫ НОМЕРА

Дмитрий Сергеевич БЛИЗНЮК родился в 1979 году в г. Харькове. Окончил Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды. Предприниматель. Публиковался в журналах «Знамя», «Нева», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Крещатик», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Зарубежные Задворки» и др. Автор сборников стихов «Сад брошенных женщин» (2013), «Огнем, мечом и нежностью» (2014), «Утро глухонемых» (2018), «Снегопад в стиле модерн» и др. Автор сборника стихов на английском языке «The Red Forest» (2018, Canada). Лауреат Кубка Мира по Русской поэзии (2013, 2015). Лауреат Чемпионата Мира по Русской поэзии (2014, 2015). Лауреат конкурса «Согласование Времен – 2012».

Живет в г. Харькове (Украина).

Дмитрий Витальевич ВИНОГРАДОВ родился в 1967 году в г. Кронштадте Ленинградской области. В 1989 году окончил ТОВВМУ им. С. О. Макарова. Работал корреспондентом газеты «Комсомольская правда», директором радиостанции «О`кей». Сейчас работает исполнительным продюсером проекта «ШОУ ИКРА». За выпуск двух книг в 2006 году награжден грамотой губернатора Приморского края. За постановку пьесы «Дуплет с крыши» в театре Молодежи удостоен грамоты Законодательного собрания Приморского края. Участник Второго форума молодых писателей России в Москве (2002). Автор более двадцати книг и двадцати пьес. На настоящий момент издано четыре книги. Издательством РИА «Комсомольская правда» изданы три книги: «Операция МРГ», «Центурион Македонского», «Нашел? Беги!». Детская книга «История о маленькой девочке Алисе и ее удивительных друзьях» выпущена издательством «Рубеж» в 2019 году. В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые. С 2019 года член Гильдии драматургов России.

Живет г. Владивостоке.

Константин Ерофеевич ГАПОНЕНКО (1933–2019) родился в украинском селе Трушки Белоцерковского района Киевской области. С 1951 года жил на Сахалине, окончил Южно-Сахалинский учительский институт, затем — педагогический институт. Работал в школах Холмского района. Преподавал русский язык и литературу, а в последние годы историю. Долгие годы работал в Пятиреченской восьмилетней школе учителем, завучем, директором. Является автором следующих книг: «Болят старые раны», «Жернова» (1995), «Вслед за ушедшим днем: очерки о сахалинских переселенцах 1946–1952 годов» (1998), «Чтобы быльем не поросло» (2005), «Возвысимся душой» (2006), «Женские судьбы», (2007), «С войной не кончили мы счёты» (2010), «Озерское лукоморье» (2012), «Точка опоры» (2013), «Надёжные люди» (2014), «Тугие паруса былого» (2015), «Далекая Армения близко» (2016). Автор-составитель «Рыбацкой летописи Сахалина и Курил» (2011). Печатался во многих сахалинских газетах и журналах, а также в центральных: «Литературной газете», «Учительской газете», журналах «Знамя», «Дальний Восток». В 2007 году стал лауреатом премии Сахалинского фонда культуры. В 2010 году был удостоен звания «Почетный гражданин Сахалинской области». Книги «Как жили мы на Сахалине» и «Надежные люди» были удостоены премии губернатора Сахалинской области за 2011 и 2015 годы.

Жил в г. Южно-Сахалинске.

Татьяна Иннокентьевна ГЛАДКИХ родилась на прииске Белая Гора Николаевского района Хабаровского края. Окончила факультет журналистики Дальневосточного государственного университета, работала в газетах, издательствах Хабаровска, в журнале «Дальний Восток». Пишет художественную и документальную прозу. Печаталась в журналах «Смена», «Наш современник», «Дальний Восток» и других. Автор книг «Странники», «Иннокентий (Вениаминов). Ученый, педагог, просветитель». Лауреат премии губернатора Хабаровского края в области литературы (2016), премии фестиваля «Святой России край», литературной премии имени Петра Комарова (2018). Член Союза писателей России.

Живет в г. Хабаровске.

Сергей Фёдорович ЗОЛОТУХИН родился в 1952 году в г. Владивостоке. Окончил Дальрыбвтуз по специальности «Ихтиология и рыбоводство». Работал техником, затем младшим научным сотрудником в Тихоокеанском институте рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), участвовал в научно-исследовательских рейсах по Тихому океану: в водах Охотского, Японского, Восточно-Китайского морей, около Новой Зеландии, Антарктики. Позднее работал в Институте биологии моря Российской Академии наук. С 1998 года работает в Хабаровском филиале ТИНРО-центра заведующим лабораторией запасов тихоокеанских лососей. Кандидат биологических наук, почетный работник рыбного хозяйства РФ. Участник многих российских и международных совещаний и научных конференций по рыбному хозяйству. Автор и соавтор более семидесяти научных публикаций в России и за рубежом, а также научных и научно-популярных книг: «Экосистемы реки Бикин: среда, человек, управление» (1997); «Таймени и ленки Дальнего Востока России» (2000); «Amur Fish: Wealth and Crisis» (2004); «Рыбы Амура: богатство и кризис» (2004); «Кета реки Усури» (2007); «Древнее рыболовство в районе Хабаровска» (2013). Публиковался в журнале «Дальний Восток».

Живет в г. Хабаровске.

Лора КАТАЕВА (Лариса Владимировна Катаева) родилась в Амурской области. По образованию музыкант, режиссёр театра, работает в сфере биоэкономики. Печаталась в коллективных сборниках «Наследие», «Поэт года», «200 поэтов», в сборниках проекта «Библиотека современной поэзии», в журнале «Фабрика литературы» и других. Финалист премии «Поэт года – 2020» в двух номинациях. Член Российского союза писателей. В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Владивостоке.

Екатерина Владимировна КОНДРАТЬЕВА родилась в Комсомольске-на-Амуре. Окончила Комсомольский государственный педагогический университет по специальности «учитель географии и биологии». Работает начальником отдела экологического просвещения ФГБУ «Заповедное Приамурье», филиал «Комсомольский заповедник». Автор серии краеведческих и заповедных уроков о природе Приамурья. Автор около пятнадцати научных и научно-популярных статей. Награждена почетным знаком «За заслуги в Заповедном деле» Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Член Русского географического общества (РГО) и Русского ботанического общества (РБО). В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Комсомольске-на-Амуре.

Александр Евгеньевич КОСТЕРЕВ родился в 1958 году в Ленинграде. Автор стихов, эссе, коротких рассказов, пародий, опубликованных в российской периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «День литературы», а также в зарубежных изданиях Латвии и Чехии. Участник нескольких петербургских ЛИТО. Сочинять стихи начал в 1975 году в качестве автора и исполнителя Ленинградского городского клуба песни, работал в различных ВИА и рок-группах Ленинграда. В творческой биографии не только стихи, но и тексты более ста песен на музыку А. Зацепина, С. Березина, В. Малежика и др. В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Санкт-Петербурге.

Юрий Иванович КРАВЦОВ родился в 1956 году в с. Чернацком Середино-Будского района Сумской области. По окончании средней школы работал механизатором в местном колхозе, токарем и маляром на Севастопольском судоремонтном заводе. Служил сигнальщиком на сторожевом корабле Балтийского флота. Там же в 1977 году опубликовал первые стихи в матросской газете «Балтиец». После увольнения в запас работал журналистом районных газет. В 1985 году окончил Брянский педагогический институт, двадцать четыре года возглавляет Зерновскую сельскую школу на Брянщине. Автор десяти поэтических книг: «Первая смена», «Зов света» (издательство «Современник», 1991), «Медуница», «Стихотворения», «Алешкино солнце», «Я шагаю к тебе, любимая», «Живи, пока живёт».

ся», «У калиновых огней», «Бушует май на Куликовке», «Одуванчиков желтые полосы». Его произведения опубликованы в «Литературной газете», «Литературной России», в литературных журналах «Москва», «Воин России», «Российский колокол», «Смена», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Огонек», «Южная звезда», «Медный всадник», «Учитель года», «Молодая гвардия», «Север», «Артбухта». Лауреат литературной премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира» и имени Н. И. Рыленкова. Победитель международного конкурса поэтических миниатюр хайку «На кончике вишневого лепестка» (2020), финалист Международного литературного фестиваля «Центр Европы» в номинации «Поэзия», ЛИФФТ-2020, лауреат Международного конкурса «От Москвы до самых до окраин», победитель всероссийского поэтического турнира «Стихоборье» (г. Оренбург). Член союза писателей России.

Живет в с. Зерново Брянской области.

Александр Игоревич КУЛИКОВ родился в 1958 году во Владивостоке. Окончил филологический факультет Дальневосточного государственного университета. С 1987 по 1999 год преподавал в школе русский язык и литературу. В последние годы — журналист «Комсомольской правды». Автор поэтических книг «Баркас» (1987), «Рэгтайм» (1996). Стихи и переводы публиковались в журналах и альманахах «Дальний Восток», «Юность», «Октябрь», «Серая лошадь», «Сихотэ-Алинь», «Рубеж».

Живет в г. Владивостоке.

Евгений Валентинович МОСОЛОВ родился в городе Новосибирске в 1964 году. Окончил Свердловский институт народного хозяйства (1990); Институт профессиональной оценки (1999, Москва); Санкт-Петербургский государственный технический университет (2001). С 1982 по 1984 год — служба в Вооруженных силах Советской армии. Работал в газете «Вечерний Екатеринбург», экономистом. Публиковался в интернет-изданиях и журнале «Дальний Восток».

Живет в г. Екатеринбург.

Виктория Владимировна МУХОПАД родилась в селе Пospelиха Алтайского края. Окончила РАНХиГС и Алтайский государственный университет по специальности «юриспруденция». С 2011 года работает внештатным корреспондентом в Издательском доме «7 удач» (г. Белгород), где пишет для детей и подростков. Работала в издательстве «Северная неделя», стажировалась в издательском доме «Регион», в настоящее время — копирайтер, редактор в Агентстве продвижения «Just up» (г. Барнаул). Ранее работала по специальности в органах власти Алтайского края. Лауреат премии президента РФ в рамках поддержки талантливой молодежи по нац. проекту «Образование» (2014). Соавтор научных монографий в области права: «Консервативная правовая идеология в Западной Европе» (2015); «Феномен научного права» (2021). В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Барнауле.

Артём Васильевич ПОПОВ родился в 1980 году в г. Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работал журналистом в городской газете. Печатался в таких изданиях, как: «Роман-газета», «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературная Россия», «Бельские просторы», «Север», «Дон» и др. Автор двух книг прозы: «Счастье прошедшего времени», «Избачиха». Член Союза писателей России. В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Северодвинске Архангельской области.

Лариса Анатольевна РАТИЧ родилась в г. Порхове Псковской области. Окончила Николаевский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского (Украинская ССР) в 1981 году (филологический факультет, русское отделение). До ноября 2011 года жила в г. Николаеве (Украина), работала в Мешково-Погореловской средней школе учителем русского языка и зарубежной литературы. В настоящее время работает в ГБОУ

СОШ № 333 Санкт-Петербурга учителем русского языка и литературы. Печаталась в журналах «Педагогическая мастерская» (Москва), «Сфинкс» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток», альманахах: «Невский альманах», «Гармония», «Невская перспектива», а также в коллективных сборниках. В изданиях Украины: «Позашкільна освіта», «Пані Вчителька», «Непоседа», «Всесвітня література та культура» и др. Автор девяти книг: «Трава по поясу», «Мы пришли из Ниоткуда», «Оставаясь жить», «А сердце сказало...», «Солнечная улыбка» и др. Лауреат Международного Пушкинского конкурса стран СНГ и Балтии (Москва, 2006), обладатель титула «Лучший автор журнала «Пані Вчителька» Харьков, 2007), лауреат Всеукраинского поэтического фестиваля «Слово Победы» (Киев, 2010), Лауреат Международного фестиваля «Славянские традиции – 2011» (Крым), Призёр Международного конкурса «Десятая планета» (2012), лауреат Международного конкурса «Гоголь-фэнтези» (приз читательских симпатий; 2013) и др. Член Союза писателей России, член Конгресса литераторов Украины.

Живет в г. Санкт-Петербурге.

Роман Романович РОМАНОВ родился в 1972 году в г. Хабаровске. Окончил Хабаровский государственный педагогический университет, факультет иностранных языков; Хабаровский колледж искусств, отделение эстрадного вокала. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экспериментальные театры Хабаровского края», кандидат культурологии, доцент. Преподавал английский язык в Дальневосточном государственном гуманитарном университете, в настоящее время работает актером в «Белом театре». Публиковался в журналах «Дальний Восток», «ТурАзия», «Just Seo» (Хабаровск), «Страстной бульвар, 10» (Москва), имеет ряд научных публикаций в региональных и столичных изданиях. Издал две книги «Портреты, рассказы, эссе» (2002) и «Литературные портреты» (2010). Победитель регионального конкурса литераторов в рамках Всероссийского фестиваля «Культурные герои XXI века» (1999), лауреат творческого конкурса имени П. С. Комарова за 2011–2012 годы, победитель конкурса имени П. С. Комарова за 2016 год. В 2021 году на кинофестивале «Точка возврата» (Хабаровск) назван лучшим сценаристом за сценарий к фильму «Виды на озеро». Член Союза писателей России.

Живет в г. Хабаровске.

Татьяна Валерьевна ТРОЦЕНКО родилась в г. Хабаровске. Окончила Дальневосточный государственный университет путей сообщения, работает консультантом Хабаровского отдела главного управления регионального государственного контроля и лицензирования Правительства Хабаровского края. Печаталась в журналах «Cosmopolitan» (2012), «Дальний Восток». Автор сборника прозы «Мамба и Ёнка». Член Союза писателей России.

Живет в г. Хабаровске.

Светлана Ивановна ФУРСОВА родилась в г. Хабаровске. Окончила театрально-режиссерское отделение Хабаровского государственного института искусств и культуры. Много лет работала в краевом театре драмы помощником режиссера. С 1995 года ее второй профессией становится журналистика. Работала театральным обозревателем в местных и региональных СМИ, сотрудничала с радио, где была автором и ведущим нескольких программ, среди которых «Зеленая карета», «Театральный разезд», «Любви старинные туманы» и т. д. Публиковалась в журналах «Дальний Восток», «Наш семейный очаг», «Образование в Хабаровском крае», «Экумена», «Словесница искусств», «Страстной бульвар, 10» (Москва), «Иные берега» (Москва). Лауреат творческой премии имени Петра Комарова (2016) по разделу «Очерк и публицистика».

Живет в г. Хабаровске.

Инна ЧАСЕВИЧ (Инесса Адольфовна Шевцова) родилась в г. Арзамас-16 Горьковской области (ныне г. Саров). Окончила Нижегородское театральное училище имени Е. Евстигнеева и Литературный институт имени А. М. Горького). Работает в газете «Новый город» и в Саровском драматическом театре. Восемь лет руководила студией «Глаголь» при саровской православной гимназии. Печаталась в антологиях «Достоверно: биография» (издательство «Перископ»), сборниках «Восторг души»,

«Вдохновение» (г. Саров), «Вдохновение» (г. Москва), в журналах «Искорка» (Санкт-Петербург), «Российский колокол», «Великороссь» и др. Автор книги «Две повести» (Супериздательство, 2018) и сборника повестей и рассказов «Школа в кольце» (издательство YAM Publishing, 2019). Лауреат I и II фестивалей для детей и юношества имени Е. Евстигнеева в номинации «Лучшая пьеса», победитель конкурса драматургов на I фестивале театрального искусства для детей «Что за прелесть эти сказки» (2011). Победитель городского литературного конкурса «Вдохновение» в номинации «Детская литература» (2016), вошла в лонг-лист IX конкурса имени В. Г. Короленко (2021). Призер IV международного литературного конкурса «Лохматый друг» (2019), дипломант I Международного литературного конкурса «Линия фронта» (2020). Финалист и обладатель приза зрительских симпатий в конкурсе «Есть только музыка одна» (2021). В журнале «Дальний Восток» публикуется впервые.

Живет в г. Сарове Нижегородской области.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации
№ 620 от 01.11.2021 года

**в 2022 году в России будет праздноваться 150-летие со дня
рождения русского этнографа, географа, исследователя
и писателя В. К. АРСЕНЬЕВА.**

В связи с этим журнал «Дальний Восток» объявляет о приёме произведений (очерки, публицистика, рассказы, воспоминания и т. д.) о В. К. Арсеньеве для публикации в тематической рубрике, посвященной этому событию.

Лучшие работы будут рассматриваться в рамках проведения творческого конкурса имени Петра Комарова литературных произведений, опубликованных в изданиях, выпускаемых краевыми государственными учреждениями культуры Хабаровского края в 2022 году.

**Работы принимаются по электронному адресу:
dvjournal@mail.ru**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»

**оказывает услуги по полной предпечатной подготовке авторских рукописей
к изданию, включающие редактуру, корректуру, дизайн, верстку.**

**Предоставляем готовый макет в электронном виде, в формате,
соответствующем требованиям заказчика.**

ИТОГИ
творческого конкурса литературных произведений,
опубликованных в журнале «Дальний Восток»,
за 2021 год

Места

по разделу прозы:

- 1. Эльза Гильдина.** «Нехорошая почта», *повесть, № 2*
- 2. Камиль Зиганшин.** «Хождение к студеному морю», *главы из романа, № 6*
- 3. Жозе Дале.** «На пороге», *повесть, № 4*

по разделу поэзии:

- 1. Вадим Жук.** «Белый парус», *№ 2*
- 2. Елена Добровенская.** «Неотправленное письмо к Тео», *№ 4*
- 3. Эд Побужанский.** «Небесный барабан», *№ 1*

по разделу очерка и публицистики:

- 1. Ростислав Ищенко.** Экономика России, *№ 6*
- 2. Юрий Салин.** Живой как смерть, *№ 3*
- 3. Геннадий Константинов.** И Шань — подписавший Айгунский договор, *№ 2*

по разделу критики и библиографии:

- 1. Вургун Мехтиев.** «Герои Ф. М. Достоевского и мы», *№ 6*
- 2. Анна Сафонова.** Лицом к лицу, «Владивосток — Япония: два часа до встречи»: После прочтения, *№ 5*
- 3. Анатолий Статейнов.** «Бесконечная беспечность», *№ 4*

За лучший дебют

в прозе:

Анатолий Валевский. «Мой друг Жабыч», *повесть, № 4-5*

в поэзии:

Юлия Самородова. «Цветам поклонитесь в корни», *№ 1*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА!

Редакция принимает к рассмотрению рукописи, присланные на электронных носителях (CD- и DVD-дисках, флэш-картах, по электронной почте) и **на бумажном носителе одновременно**. Нежелательно предоставление рукописей в виде книжно-журнальной верстки. Рукописи, выполненные от руки и на печатной машинке, отклоняются сразу.

Произведения прозы объемом более 10 авторских листов (400 000 знаков или 150 стр.) и поэзии более 5 авторских листов **не рассматриваются**.

Рукописи не рецензируются, а носители не возвращаются. Сроки рассмотрения рукописей редакция определяет по мере их поступления. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку с авторами, а только извещает авторов о своем решении.

В конце года редколлегия журнала определяет победителей в номинациях «проза», «поэзия», «очерк и публицистика», «критика и библиография».

Просим авторов сообщать о себе следующие сведения:

- фамилию, имя, отчество;
- краткие биографические сведения (*где и когда родились, образование, какое учебное заведение окончили, где и кем работали и работаете в настоящее время, звания, награды, членство в СП*), в каких изданиях печатались; автором каких книг, сборников являетесь; где живете;
- домашний адрес, индекс, контактный телефон; e-mail.

Эти сведения Вы можете выслать по почте, по факсу или на электронный адрес редакции.

МНЕНИЯ, ВЫСКАЗАННЫЕ АВТОРАМИ В ПУБЛИКАЦИЯХ, МОГУТ НЕ СОВПАДАТЬ С МНЕНИЕМ РЕДАКЦИИ.

ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Российский литературный журнал

Генеральный директор — Т. Ю. Якуба; директор РИЦ — О. Н. Волкотрубова;
главный редактор — А. В. Николашина; редактор прозы — Т. Н. Савельева;
редактор поэзии — Е. Р. Добровенская; редактор очерка и публицистики — Л. И. Гарднер;
корректор — З. М. Бугрова; набор и верстка — Н. М. Соболев;
секретарь — Н. Е. Черникова; менеджер — Е. Б. Карпеза

Учредитель — Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

При поддержке Союза писателей Российской Федерации

**Издание осуществляется при финансовой поддержке
Министерства культуры Хабаровского края**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-81451 от 27 июля 2021 года

ISSN 0130-3023

Сдано в набор 07.09.2021. Подписано к печати 12.01.2022.

Выпуск журнала 30.01.2022.

Формат 70х108/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21. Заказ № 1. Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Подписной индекс журнала в каталоге АО «Почта России» — ПР803.

Электронную версию журнала можно приобрести по подписке или купить единичный номер на сайте **rucont.ru** (<https://rucont.ru/efd/737464?year=2021>)

Мы в инстаграме <https://www.instagram.com/dvjournal1933>

Адрес редакции и издателя: 680000, Хабаровск, пер. Капитана Дьяченко, 7а.

Телефон/факс: приемная — (4212) 32-59-68; e-mail: dvjournal@mail.ru

ОАО «Хабаровская краевая типография»: 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31.

**Фрагменты из спектаклей Белого театра
в постановке Ольги КУЗЬМИНОЙ**

Андрей Трумба и Ольга Кузьмина в спектакле «Пейзаж». Фото Алисы Бирулиной

Олеся Синько, Дмитрий Колбин, Ольга Кузьмина, Валентина Плотникова, Роман Романов, Андрей Трумба, Евгения Еменка, Алиса Бирулина в спектакле «Провинциальные беседы». Фото Полины Трумбы

ПРОДОЛЖАЕТСЯ **ПОДПИСКА** на журнал «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»

Подписной индекс журнала
в каталоге АО «Почта России» — ПР803.

Наш электронный адрес dvjournal@mail.ru

Электронную версию журнала можно приобрести
по подписке или купить единичный номер на сайте
[rucont.ru \(https://rucont.ru/efd/737464?year=2021\)](https://rucont.ru/efd/737464?year=2021)

Мы в инстаграме <https://www.instagram.com/dvjournal1933>

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
МОЖНО
в любом почтовом
отделении
«Почта России»

ПРИГЛАШАЕМ К АКТИВНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ
книжные магазины и распространителей
во всех субъектах Дальневосточного
федерального округа.

Периодичность журнала — 6 номеров в год.

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В ХАБАРОВСКЕ:

в Дальневосточной государственной научной библиотеке
(ул. Муравьева-Амурского, д. 1);
в редакции журнала «Дальний Восток»
(пер. Капитана Дьяченко, 7а)

